

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
пфальцграф

Ричард Длинные Руки —
пфальцграф

Тролли, орки, гоблины, драконы, банши, огры, грифы, горгоны, горгульи, демоны, деревья-людоеды, живые виллы, русалки, Монстры Глубин, подземники...

Ну разве эти картонные чудища остановят отважного паладина сэра Ричарда?

Колдуны, маги, волшебники, чародеи —
противники

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ризард Длинные Руки

Ризард Длинные Руки — воин Господа

Ризард Длинные Руки — паладин Господа

Ризард Длинные Руки — сеньор

Ризард де Амальфи

Ризард Длинные Руки —
властелин трех замков

Ризард Длинные Руки — виконт

Ризард Длинные Руки — барон

Ризард Длинные Руки — ярл

Ризард Длинные Руки — граф

Ризард Длинные Руки — бурграф

Ризард Длинные Руки — ландлорд

Ризард Длинные Руки —
ифальцграф

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
пфальцграф

ЭКСМО
Москва, 2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — пфальцграф: Фантастический роман. — М.: Эксмо, 2007. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-19952-7

Тролли, орки, гоблины, драконы, банши, огры, грифы, горгоны, горгульи, демоны, деревья-людоеды, живые вихри, русалки, Монстры Глубин, подземники... ну разве эти картонные чудища остановят отважного паладина сэра Ричарда?

Колдуны, маги, волшебники, чародеи — противники посерьезнее, но доблестный рыцарь Ричард не прост и тоже кое-что умеет.

Но когда на пути женщина... здесь не пройти и отважному сэру Ричарду. Возможно, не пройти...

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-19952-7

© Орловский Г. Ю., 2007
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2007

Часть I

Глава I

Багровый свет факелов метался по стенам крепости, отбрасывая угольно-черные тени. Щиты и доспехи отсвечивали зловещими огнями. Пятро стражей торопливо оттаскивали павшую лошадь, Барбаросса смотрел на измученную леди Беатриссу исподлобья. Великое изумление на лице медленно уступало место монаршему гневу. Быстро взглянул на меня, на обалдевший народ, прорычал низким глухим голосом рассерженного льва:

— Да уж... Стефэн, Килпатрик, отведите леди в северную башню. И обеспечьте надежную охрану.

Стражники круто развернулись и повели-потащили пленницу через двор. Барбаросса с гневом и все с тем же изумлением смотрел ей вслед.

— Это же сколько коней загнала, чтобы успеть?

— Хозяйственный вы человек, Ваше Величество, — сказал я зло. — Лошадок пожалели.

— А тебе их не жалко?

— А вам — леди Беатриссу?

Он хмуро хмыкнул:

— Сэр Ричард, я в первую очередь — государь. Хороший государь и собак бездомных жалует. Если все остальное у него цветет.

— У вас пока далеко не все цветет и пахнет, — напомнил я. — А леди Беатрисса... по меньшей мере — человек.

Он буркнул:

— Ну да, а паладины в первую очередь защищают дураков и женщин, а потом уже всяких там людей.

— Детей и женщин, — поправил я. — Дети и женщины — будущее любого вида. И то, что себя едва не загнала, могли бы заметить и чуть раньше.

Подошел запыхавшийся Уильям Маршалл. По лицу советника короля я понял, что он все видел и все понял. Барбаросса бросил ему коротко:

— Проследи, чтобы было все... как у знатной леди. Но охрану поставь, сам знаешь, ребят понадежнее.

Маршалл спросил с интересом:

— Вы думаете то же, что и я?

— Это же очевидно, — отозвался Барбаросса раздраженно. — Она спасла шею этого... гм, этого от петли, теперь уже ничто не мешает ей ускользнуть. Сейчас, правда, едва жива, но отоспится — будет готова на любые выходки. Когда-то я был знаком с одной такой... до сих пор заноза в сердце. И не вытащить.

Маршалл посмотрел на меня со странным выражением в глазах, но ответил королю:

— Понимаю. Но об этом не стоит вслух, а то если Алевтина узнает...

— Это было давно, — буркнул Барбаросса.

— К прошлому нас тоже ревнуют, — сказал Маршалл, повернулся ко мне: — А на вас, сэр Ричард, и не взглянула!

— Ну и что? — ответил я с раздражением.

— Странно как-то.

— Ерунда, — возразил я, потому что оба смотрели на меня и ждали хоть какой-то реакции.

— Да, — согласился Маршалл, — такая ерунда, что я

даже не знаю... И не понимаю. Она мчалась через такие опасности, чтобы спасти вас от петли, взамен подставив под петлю свою нежную шею... но на вас даже не посмотрела!

Я пожал плечами:

— Здесь много красавцев. Куда мне.

Мои губы что-то говорили еще, глаза вроде бы улыбаются, хотя и сомневаюсь, что улыбаются, я разводил руками, кланялся в нужных местах, но настоящий я мечусь в великом смятении внутри черепа и не понимаю, что теперь. Сейчас, по мнению леди Беатриссы, король не станет меня вешать: мое задание так или иначе выполнено. Она в руках короля, а доставлена хоть и не лично мной, но благодаря мне. Так что я от петли спасен. А вот она...

Барбаросса взглянул на меня, толкнул в бок.

— Что, в ступоре?.. Я тоже. Такой позор.

— В чем? — спросил я тупо.

Он скривился.

— Доблесть и самопожертвование всегда были нашей привилегией. Привилегией мужчин. Нет, даже рыцарей!.. А тут вдруг женщина.

Маршалл сочувствующе хмыкнул:

— Да, она в дерьмо всех нас втоптала. Отойти мне, что ли, от вас подальше, Ваше Величество?

— Отходи, — хмуро разрешил Барбаросса. — Вообще-то унизила своим благородством только нас с сэром Ричардом. Да еще так, на виду у всех, зараза... Теперь о ней пойдут восторженные рассказы, менестрели состроят баллады... где она вся в белом, как говорит сэр Ричард, а мы... соответственно, в коричневом.

Маршалл добавил ехидно:

— ...а еще король будет горбатым карликом с окровавленными когтями после поедания младенцев.

Я смолчал, мне как-то плевать, что менестрели мало

обращают внимания на правду жизни. Искусство правдивее, чем какая-то там жизнь. А народ учится истории не по летописям, а по всяким там операм типа «Князя Игоря» да «Ивана Сусанина».

Через четверть часа меня настойчиво пригласили в королевские покои. Сэр Стефэн сопровождал, весь из себя почтительность, но глаза горят любопытством, поглядывает искательно, самому спросить неловко, но вдруг я да восхожу что-то прояснить.

Я не восхотел и даже не изволил. Дверь в покои запахнула уже без задержек, я вошел быстро, король стоит лицом ко мне, наклонившись и упершись в стол обеими руками. Во всю столешницу расцветченная карта, я успел увидеть зелень лесов и синие вены рек.

Барбаросса поднял голову, поморщился:

— Что-то ты сник, братец... Всегда свеженький, аки корнишон, а сейчас как в воду опущенный...

— Злорадство — грех, — сообщил я. — Смертный.

— Ну так уж и смертный...

— Или почти смертный, — уточнил я, так как никак не запомню, что входит в этот достаточно короткий перечень. — Во всяком случае, недостойный государя, который у карты мира бдит и мыслит о человечестве.

— Чего-чего? — переспросил он с недоумением. — Это о каком таком человечестве? Я что, совсем дурак? Мне бы свое королевство сделать богатым, а человечество мне...

— Не продолжайте, Ваше Величество, — прервал я. — Государственные деятели такого масштаба не должны произносить такие слова.

— Какие?

— Которые вы хотели изречь, — сказал я злорадно.

Он отмахнулся, подошел к креслу. Меня кольнуло острой жалостью: король, усаживаясь, оперся о спинку

рукой, как бы не доверяя ногам. И тут же я вспомнил, что Барбаросса и встает так же: либо обопрется обеими руками о край стола, помогая мышцам ног поднять грузное тело, либо придержится за спинку кресла.

— Карты смешаны, — проговорил он, — я не этого ожидал. Да и ты, думаю.

— Точно, — признался я. — Не ожидал.

— Что делать будешь?

— Юг, — напомнил я. — Меня ждет Юг.

— Знаю, — ответил он глухо, голос звучал надтреснуто и безнадежно. — Тогда посоветуй хоть на прощанье...

Я удивился:

— Советовать? Королю? Я не такой дурак!

Он нахмурился:

— А при чем тут король? Уильям же советует мне.

— То Уильям. Он даже старше вас, Ваше Величество. А мои советы будут отвергнуты уже на том основании, что я — сопляк желторотый.

Он покачал головой:

— Ты не желторотый. Кто бы из желторотых смог бы такое... Но что с леди Беатриссой? Впрочем, с нею все ясно. Брошу в темницу, а там либо сама помрет, либо тюремщики ее... скажем так, прикончат. Но она, сволочь, бросившись спасать тебя... уж и не пойму зачем, там наверняка оставила достойную замену. Мне было бы даже лучше, если бы оставалась в замке. Думаю, стратег из нее не такой блестящий, как ее внешность, обычно как раз наоборот... но если оставила замок на графа Росчертского или графа Глицина? Я даже не представляю, как подчинить те области. А если, упаси Господи, на самого Ричарда де Бюэя? Это же лучший полководец! У него под началом рыцари, что недавно отличились, с малым гарнизоном защищая замки Донтерс и Лакстер, когда к ним подступили войска короля Гиллеберда.

Лицо его осунулось, глаза запали, а сухой блеск подсказал, что король либо далек от выздоровления, либо его сжигают государственные заботы.

— Ричард, — сказал он неожиданно, — ты едешь на Юг. Едешь через владения Сворве и Коце. Они, кстати, твои, если ты еще не забыл.

Я кивнул и ответил язвительно:

— Вы мастер делить шкуры неубитых медведей, Ваше Величество.

Он понял, нахмурился:

— Сам виноват. Ты был уже там. Мог бы как-то... взять власть в свои руки. Но все бросил, как раздуваемый благородством юнец... что, не угадал? Прости, ты в самом деле очень юн, но когда вижу твою статью, а особенно — твои поступки, то иногда считаю тебя взрослым и умудренным больше, чем все мои советники. А потом снова вижу дурного юнца.

— Я скромный, — ответил я, — и крайне деликатный. Потому не скажу, каким вижу вас, Ваше Величество. Даже не намекну. Я понял только, вам не хочется, чтобы я попал на Юг. Вам почему-то жадется, чтобы мои косточки остались белеть под стенами замка леди Беатриссы.

— Почему же белеть? — удивился он. — Благородных противников хоронят обычно весьма достойно. Я уверен, что вас закопают даже с пением священников.

— А что будут петь? — поинтересовался я.

— А что вы хотели бы послушать? — уточнил с готовностью Барбаросса.

Я поймал себя на том, что мы смотрим друг на друга, как сквозь щели опущенных забрал.

Ночь с вечера не по-осеннему теплая. Глаза долго не хотели привыкать к темноте, я чувствовал себя слишком опустошенным, чтобы настоять на добавочном

зрении, и тупо пялился в черноту. Над головой мелькали, часто-часто проскакивая в щели между быстро движущимися облаками, тусклые звезды. Ветер подул уже холодный, осенний, но в замке такая напряженная тишина, что я отчетливо слышал, как на дальнем озере то квакают, то заходятся длинными трелями всегда бодрые лягушки.

В коридоре навстречу попалась служанка, молоденькая, но суровая. Алевтина ревниво не позволяет держать поблизости от короля хихикающих и строящих глазки. Я перехватил ее оценивающий взгляд, удивился, с чего бы, но протянул руку к двери в свою комнату, лишь потом спросил:

— Что-то случилось?

Она слегка присела в поклоне:

— Пока для госпожи Беатриссы готовят северную башню, Его Величество милостиво распорядилось поместить ее на одну ночь в ваши покои.

— С какой стати? — вырвалось у меня гневное.

— Это ненадолго, — сказала она торопливо. — Только на эту ночь. Если бы леди изволила прибыть утром или хотя бы днем, все бы успели прибрать...

Я стиснул челюсти, толкнул дверь. Если подспудно и ожидал увидеть вызывающий взгляд фиолетовых глаз, то жестоко ошибся. Беатрисса лежит на постели, свернувшись в комок. Я тихонько подошел ближе, тут же сообразил, что, если бы я въехал даже на Зайчике, вряд ли заметила бы. Даже если бы по комнате носился табун диких коней.

Лицо сильно осунулось, высокие скулы заострились, это же сколько суток она неслась по тайным тропам, меняла коней, не спала и не ела, спеша успеть, успеть спасти мою шею от виселицы... Но и сильно исхудавшее лицо во сне выглядит прекрасным и таким по-детски беспомощным, что сердце защемило. Я неволь-

но убрал с ее лица прядь волос, чтобы не щекотала нос, укрыл одеялом.

Вообще-то могу несколько суток обходиться без сна, есть у меня и такой дар, но потом за это приходится расплачиваться, так что я тихонько разделся и влез под одеяло. Натруженные мышцы гудят, я с наслаждением вытянул ноги. Беатрисса пробормотала что-то во сне, я прислушался, но не разобрал.

Пока я лежал, уставившись в потолочную балку, Беатрисса проворчала что-то совсем сердито, повернулась ко мне и уткнулась коленями. Я задержал дыхание, она некоторое время лежала, тихо посапывая, но коленям неудобно, закинула одну ногу на меня и, пробормотав что-то удовлетворенно, заснула еще крепче.

Я прислушивался к странному покою, что охватил меня от кончиков ушей до пальцев ног. Ее тело разогрелось, от заброшенной на меня ноги идет жар и проникает в мои внутренности, однако скабрезные мысли мелькают, мелькают и... уступают другому чувству, более мощному, что для меня вообще-то вроде не свойственно. Я чувствую себя защитником слабой спящей женщины, а это едва ли не более важная задача мужчины: охранять женщину.

Нога ее на мне мелко-мелко задержалась, то ли во сне все еще скачет, то ли бежит от чего-то злого и страшного. Я услышал тихий стон, полный ужаса, невольно протянул руку и тихонько погладил по голове. Стон сразу оборвался, нога перестала дергаться, а Беатрисса пробормотала что-то довольно, словно злая тварь в испуге убежала, вздохнула и, вскинув руку, обняла меня за шею.

Я застыл, страшась сделать лишнее движение. Если эта надменная дурочка проснется, она тут же обвинит меня в попытке изнасилования — как же, пленниц всегда насилюют! — но она посопела довольно, ко всему

еще и голову положила сперва мне на руку, а потом и вовсе на плечо, заснула уже без подергивания лапок и жалобного повизгивания.

От ее тела пахнет просто волшеббно, посапывает тихо-тихо, но прямо в ухо, а рукой держится за меня, как за дерево, с которого боится свалится. пышной грудью прижалась к моей груди, мне всегда казалось, что ее грудь буквально вырезана из бука и покрыта лаком, но сейчас, разогревшись, она стала мягкой и податливой, как и все ее горячее тело.

Лежать становилось все труднее. Я решил встать и уйти к Стефэну или Килпатрику, но, едва шевельнулся, она придержала меня за шею и пробормотала что-то в ухо сердито и требовательно. Я выждал, сделал еще пару попыток, но всякий раз она вцеплялась в меня, словно это не я вверг ее в цепь несчастий; а, наоборот, я от них защищаю.

«Ладно, — сказал я, — спи. Я принес тебе беду, я постараюсь как-то и загладить ее».

Глава 2

Под утро я заснул, сны посетили легкие и волшебные. Парил в небесах, чувство восторга не оставляло ни на минуту. Даже проснулся с глупой улыбкой и пару минут лежал, не веря своему счастью: прелестная головка леди Беатриссы по-прежнему на моем плече, обняла рукой и так высоко забросила на меня согнутую в колене ногу, что, если вытяну губы трубочкой, смогу поцеловать.

Кольнул страх, что если пробудится, то ощутит вину, хотя во сне трудно себя контролировать, начал выползать из-под нее. Она недовольно бурчала и цеплялась, не желая отпускать такую теплую и удобную подушку.

Оделся я уже в коридоре, двое стражей насмешливо поглядывали от лестницы, но, едва я сделал свирепое лицо, поспешно отвернулись.

У лестницы, как чертик из коробки, выскочил сэр Стефэн. Я сразу увидел, что он поджидает, хотя простодушный рыцарь сделал вид, что просто мимо проходил и остановился поговорить со стражами. Я поприветствовал и хотел топать мимо, как сэр Стефэн вскрикнул поспешно:

— Да, сэр Ричард! Только сейчас вспомнил... Его Величество изволили повелеть, что, как только увижу вас, чтобы со всей любезностью пригласил к нему.

— Ого, — сказал я. — Что это с Его Величеством? Нет чтобы разбудить пинком, поставить по стойке «смирно» и повелеть... изречь свою монаршую волю...

Он вскрикнул шокированно:

— Сэр Ричард, как вы можете?.. Вы же гость, Его Величество так и сказали даже вслух.

— Ух ты, наконец-то...

— Так вы идете, сэр Ричард?

— Прямо щас?

— Да, Его Величество сказали, чтобы вас не тревожить, когда освободитесь... гм... Его Величество хотели бы вас видеть.

Я буркнул:

— А что на меня смотреть? Я такой же, как и вчера.

Он развел руками:

— Наверное, что-то и сказать хочут. Важное.

— Как же, — сказал я саркастически, — короли всегда говорят только важное. Пойдем-пойдем.

Барбаросса выглядит усталым, я покрутил головой, раньше он и поздно вечером оставался свежим и бодрым. Похоже, благополучное королевство тоже достигает какого-то периода развития, когда должны проис-

ходить какие-то гадости, вежливо именуемые болезнями роста.

— Доброе утро, Ваше Величество, — сказал я, кланясь преувеличенно почтительно, даже как бы в ужасе перед его устрашающим королевским величием. — Все в заботах о судьбах мира?

Он зло огрызнулся:

— Я же сказал тебе, что мне до твоего мира... Ты сидишь, тут никто не увидит, какая ты свинья. И что не чтишь старших. Вот ты считаешь, что я не прав. Но посмотри, что получилось из твоей правоты. Ты не захотел принять те владения под свою руку, так? Теперь и леди Беатрисса потеряла их, никто ей не простит такой сумасбродной выходки. Ишь, вздумали благородством мериться! Ее владения сейчас станут ареной жестоких схваток...

Я сказал с неудовольствием:

— Наверняка она оставила свой замок на Саксона. Он из верных служак. Старый солдат, не предаст, будет стоять насмерть. А как охранять замок, знает. Солдаты ему преданы.

— Он не из знатного рода? — спросил Барбаросса. — Вот видишь. На ее владения будут претендовать все, кто имеет хоть малейшее родство с родом Бражеленов! А их будут поддерживать те, кому это выгодно. Разгорится кровопролитная война всех против всех...

— Что Вашему Величеству на руку, — сказал я ядовито.

— В какой-то мере, — признал он. — Противник ослабеет, ему будет не до меня. А мне потом, когда соберусь с силами, проще будет добить остатки истекающих кровью и установить там свою власть.

— Дважды два — четыре, — согласился я.

Он посмотрел с неудовольствием:

— Тебе, конечно, в голову не может прийти, что мне вовсе не безразлично, льется там кровь или нет.

Все-таки это мои люди, а государя недаром именуют отцом королевства. Как отцу, мне предпочтительнее видеть не сожженные села и заваленные трупами поля, а цветущий край, сытых крестьян... Я — настоящий король!

Я полюбопытствовал:

— А что есть настоящий?

Он сказал раздраженно:

— Правитель, который благополучно миновал детский драчливый возраст. Теперь мне куда важнее, не сколько народа я извел в битвах, а сколько накормил.

Я помолчал, Барбаросса в чем-то настоящий Аттила, в чем-то Ричард Львиное Сердце, но иногда говорит так здраво, словно в нем просыпается дальновидный и расчетливый политик. Любой политик старается накормить подданных, это залог его благополучия, залог притока гастарбайтеров из других королевств, а среди этих перемещенных лиц будут не только купцы и крестьяне. Многие знатные рыцари предпочтут принести вассальную присягу именно такому государю. То есть быть хорошим королем еще и экономически выгодно.

Он наблюдал за мной из-под приопущенных век. Я злился молча, наконец он сказал решительно:

— Сэр Ричард, вы просто обязаны отправиться туда и принять те земли под свою руку. Только вы сможете... гм, может быть, остановить кровопролитие, а оно вот-вот вспыхнет.

Я сжал челюсти так, что выступили желваки.

— Ваше Величество, вам важным кажется одно, мне — другое. Я понимаю, точка зрения короля — как в той песне: сначала думай о Родине, а потом — о себе, но от того королевства остались только песни, а люди думают все-таки прежде всего о себе, своем желудке и своих гениталиях.

Он сказал веско:

— Я что, не даю тебе отправиться на Юг? Но ты можешь отправиться туда, будучи полновластным властителем земель от Хребта и до владений самого графа Глицина!.. С них поступают такие доходы, что тебе и на Юге не покажется мало. К тому же на Юге весьма чувствительны к титулам.

Я насторожился:

— К титулам?

Он кивнул:

— Несмотря на все тайны, которые так сохраняет Юг, мы хорошо знаем, что и там сервы — это сервы, а дворяне — дворяне. И чем человек знатнее — тем больше ему позволено.

— Я граф, — напомнил я.

Он чуть помрачнел:

— Упрекаете, что я дал лишь виконта?.. А потом барона?

Я покачал головой:

— И в мыслях того не было. Но графский титул — разве мало?

— Нет, — ответил он все еще недовольно. — Для Юга важнее, подтвержден ли ваш титул обширными землями. Это у нас граф всегда выше виконта, а на Юге выше все-таки тот, у кого больше земель, городов, сел...

Он говорил со знанием дела, я подумал, что так и должно быть, все-таки Юг более продвинут по части прогресса. Значит, именно там быстрее наступит время, когда богатство будет решать все даже без привлечения титулов. И простолюдин, если он несметно богат, станет выше герцогов и всяких графов, как простолюдин Билл Гейтс богаче и влиятельнее принца Монако, короля Швеции и королев Испании и Англии, вместе взятых.

В зал заглянул Уильям Маршалл, Барбаросса сделал нетерпеливый жест, Уильям покачал головой и отступил, плотно закрыв дверь.

Барбаросса вздохнул:

— Уильям — прекрасный канцлер. Хорошо понимает людей, мудрый человек... но его одного мне мало. Еще бы таких десятков! Мы бы...

Глаза его загорелись, я посмотрел на стиснутые кулаки и спросил тихо:

— Что?

Он выдохнул, сказал уже другим голосом:

— Не то, что ты подумал. Он тоже миновал возраст турнирных побед. Нам обоим хочется, чтобы мы стали самыми богатыми. Чтобы у нас цвела торговля, чтобы открывались школы, строились дворцы... Тебе этого не понять, тебе еще подраться хочется!

— Да уж, — буркнул я, — так хочется, так хочется, что прямо по ночам не ем.

Он поднялся из-за стола:

— Раз заговорил про еду, пойдем. Там уже накрыли столы. Перекусим, подумаем, послушаем народ.

— Да, — согласился я. — Очень мудро советоваться с простым народом: всякими там графами, баронами, маркизами, виконтами...

Он важно кивнул, и моя шпилька, жалобно звякнув, упала на пол, так и не пробив толстую королевскую шкуру. Мы вышли из покоев, которые я упорно называл кабинетом. Часовые бодро грохнули тупыми концами копий в пол, вытянулись. Морды сытые, лица преданные.

— Благодарю за службу, — сказал я громко.

Они проревели дружно:

— Рады стараться... Ва... Ва...

Голоса их в растерянности оборвались, Барбаросса зло зыркнул, для него это глумление над священными ритуалами, но смолчал. Мы пошли навстречу шуму и гвалту из распахнутых дверей большого зала. За двумя длинными столами все едят и пьют, не дожидаясь коро-

ля, это нововведение Барбароссы. То ли хочет понравиться «простому народу», то ли наплевать на сложный церемониал, упрощает, где может.

Алевтина, высокая и величественная, как валькирия, сидит рядом с пустым королевским тронном в таком же кресле с высокой спинкой, с мягкой улыбкой выслушивает комплименты от двух представителей простого, даже совсем простого народа. Такой же заученной улыбкой встретила и супруга, что Барбаросса, как государственный деятель, вряд ли оценил.

Я сел на оставленное мне место, не среди близких к королю людей, а как бы даже в оппозиции: по ту сторону стола. Мясо подали, как ни странно, мягкое и хорошо прожаренное, словно и не для свирепых мужчин, а для слюнтяев с расшатанными зубами, затем рыбу без костей, похожую на кистеперую, которая латимерия. За столом шум не меньший, чем при взятии ворот замка, а ножи, расчлняя зажаренных целиком оленей, звякают так же, как во время битвы. Но в какой-то момент все стихло, я видел, как мужчины застывают, замирают ножи, нижние челюсти опускаются так же, как и ослабевшие руки. Я проследил за их взглядами: по лестнице в обеденный зал спускается леди Беатрисса.

На мужских мордах, что стали почти человеческими, проступило некое мечтательное выражение, одинаковое как для молодых рыцарей, так и для старых. Смотрят зачарованные, а леди Беатрисса ступает со ступеньки на ступеньку царственно, совсем не пленница, а королева этого дворца. Даже Алевтина засмотрелась на нее сперва с любопытством, потом с откровенной симпатией и восторгом.

Голубое платье ниспадает до пола, узкий золотой пояс перехватывает тонкую талию, золотые волосы крупными локонами падают на плечи и на спину. Рядом со мной у рыцаря открыт рот и на лице такое выражение, словно увидел ангела.

— Волшебная принцесса, — прошептал кто-то за спиной.

— Хозяйка фей, — ответил другой голос, такой же восторженный. — Господи, ну почему я женат!

— А вот я нет, — сообщил кто-то злорадно.

— У нее отобраны все земли, — предостерег некто.

— Плевать, — ответил грубый голос. — У меня своих хватает! А вот такого сокровища...

Леди Беатрисса сошла с последней ступеньки и остановилась, спина прямая, взгляд устремлен на короля, но и на него она ухитряется смотреть, как на пустое место. Я подумал, как же ей страшно, каких усилий стоит сохранять осанку, не дрогнуть ни одним мускулом на лице, выдавая панику. Поистине ее гордость родилась раньше ее самой, что значит двенадцать поколений знатных предков.

Рыцари бросали на короля нетерпеливые взгляды. Какой-то осанистый граф даже приподнимался дважды, готовый броситься навстречу бегом и привести ее к столу, однако у нас не простолюдины пируют, каждое слово и каждый жест весомы. Барбаросса все медлил, оглядывал всех с угрюмой подозрительностью, наконец прорычал, как лев, пожирающий антилопу:

— Сэр Ричард!

— Я здесь, Ваше Величество, — ответил я смиренно.

— Вы, как упустивший леди Беатриссу в своих владениях... возможно, сумеете поймать ее здесь? И даже приведете за наш королевский стол?

За столом захохотали. Если для них привести эту волшебную женщину кажется честью, то для меня — унижением. Я стиснул челюсти, поднялся, злой и нахмуренный, но, пока обходил стол, мелькнула неожиданная мысль, что король таким образом защитил меня от завистников.

Я подошел к леди Беатриссе, она вскинула голову и

посмотрела мне в глаза. «Это ты виноват, — сказал ее взгляд. — Это ты виноват...» — «Да, — ответил я взглядом, — это я виноват».

Она замедленным движением подала мне руку, словно не уверенная, что я приму, я так же строго и чинно, не делая поспешных движений, принял, и мы пошли к столу, глядя только перед собой. За столом затихли, я тоже выгляжу странно, мы остановились перед королем, он прорычал зло:

— Сэр Ричард, надеетесь свалить свои неудачи на меня? Нет уж, ведите и сажайте рядом с собой.

Рыцари заулыбались, задвигались, да, в самом деле, это выглядит не как честь, а как наказание, стоит только посмотреть на мой вид. Я повел леди Беатриссу дальше, ее место, таким образом, оказалось совсем близко от короля, только стол и разделяет нас, леди Беатрисса дождалась, когда я выдвину кресло, подошла, я усадил ее и сел рядом.

Все это мы проделывали как куклы, что разыгрывают сложную пантомиму. Я видел восторженные взгляды, меня уже не замечают, я со счетов сброшен. Все рассматривают леди Беатриссу так, что я только за эти взгляды всех их бил бы простой дубиной до тех пор, пока весь зал не заполнился бы плоским подрагивающим мясом толщиной с блин.

Она смотрела прямо перед собой, такая хрупкая и беззащитная, но взгляд прямой, спина ровная, только смертельно бледные щеки выдают ее сильнейшее волнение. Сердце мое разрывалось от тоски и желания сказать, сообщить, уверить, что никто ее не обидит, здесь рыцари и мужчины, никто не посмеет промолвить грубое слово...

В зал начали входить слуги с широкими подносами в руках, в ноздри шибанули пряные ароматы. За столом

началось вялое оживление, большинство взглядов все равно приковано к лицу прекрасной пленницы.

Барбаросса острым взглядом окинул собравшихся рыцарей из-под насупленных бровей. Он выглядел грозным и беспощадным даже больше, чем есть на самом деле. Аксиома, что люди низкие любое проявление великодушия расценивают как слабость, потому король должен в первую очередь выглядеть именно беспощадным, чьи приказы не обсуждаются.

— Я изволил напомнить, — проговорил он свирепо, — что мои решения — закон. Я в свое время отдал владения изменника барона де Бражеллена своему верному... да, верному рыцарю Ричарду Длинные Руки. И от того, что леди Беатрисса явилась в наш королевский замок, ничего не изменилось... как бы некоторым этого ни хотелось. Сэр Ричард отправится в свои владения и объявит их своими.

Я чувствовал, как леди Беатрисса едва заметно вздрогнула. Сердце снова кольнула жалость, я произнес тихо:

— Вам положить кусок вон того удивительного карпа?

— Нет, — ответила она сквозь зубы.

— Тогда немного оленины?

— Нет.

— Зайчатины?

— Нет, — ответила она холодно.

— Вы устали и проголодались, леди Беатрисса. — Я ощутил с ужасом, что произношу глупые никчемные слова, я сейчас действительно... в коричневом и ничем не отличаюсь от простых людей, у которых слова и поступки такие же, как у близкого им по уровню домашнего скота. — Леди Беатрисса, вам нужно есть...

Что-то в моем голосе изменилось, она чуть-чуть скосила глаза в мою сторону.

— Зачем?

— Чтобы бороться, — сказал я с убеждением. — Вы же сильный человек, леди Беатрисса!..

Она прошептала:

— Я не сильная. Я — тряпка...

— Вы сильная, — произнес я с нажимом. — Просто было минутное затмение.

— Да... — ответила она шепотом. — Но это погубило всю жизнь.

— Нет, — возразил я тихо. — Нет!

За столом переговаривались, виночерпий почти-тельно наполнял Барбароссе кубок, наконец тот же осанистый граф поинтересовался осторожно:

— Ваше Величество, а осмелюсь ли я спросить...

Он замялся, Барбаросса буркнул:

— Откуда я знаю, осмелишься или нет?

Кое-кто улыбнулся, граф заговорил уже решительнее:

— Ваше Величество, а что будет с леди Беатриссой?

Барбаросса взглянул на него с угрюмой подозрительностью:

— А что вас интересует?

— Ну, — ответил граф уклончиво, — все-таки жена изменника...

— Жена, — прорычал король, — не обязательно сама изменница. Жена в любом случае должна выполнять волю мужа. И за ним... это... хвостиком, хвостиком!

Леди Беатрисса посмотрела на него, как мне показалось, с удивлением. Граф осмелился возразить:

— Ваше Величество, но если выбирать между верностью трону и верностью мужу... то не лучше ли быть верной трону?

За столом зашушукались, Барбаросса сказал задумчиво:

— Я знал одну даму в молодости... гордилась тем,

что постоянно изменяет мужу, но королю — никогда. Вот такое у нее было благородство. Высшей пробы! Пожалуй, слишком высокое для понимания простого человека и даже... простого рыцаря. Верность королевству, понимаете? Я тогда не мог понять такой странной верности, хотя и не я был ее мужем. Правда, я тогда и королем не был... Гм, так о чем мы?.. Словом, леди Беатрисса тоже возвращается в замок Сворве, но уже не в качестве хозяйки, а как моя пленница, охрану которой я вручаю сэру Ричарду.

Леди Беатрисса вздрогнула, ложка выпала из ее ослабевших пальцев. Барбаросса метнул на нее быстрый взгляд и тут же перевел его на вельмож.

Граф ахнул:

— Ваше Величество! Да она сразу поднимет мятеж! И вашему вассалу не дадут даже хрюкнуть, как всадят со всех сторон ножи.

Король поморщился, но я увидел, как беспокойство мелькнуло в его запавших глазах.

— Я верю в сэра Ричарда, — проворчал он.

Архиепископ наклонился к уху и сказал шепотом:

— Верить надо только в Господа!

— Вы правы, святой отец, — сказал Барбаросса таким же шепотом, — все свиньи, верить никому нельзя. Даже вам.

— А почему мне нельзя? — спросил архиепископ обиженно.

— Вы же не Господь, — ответил Барбаросса чуточку злорадно.

Глава 3

Я видел, как Уильям Маршалл посматривает на леди Беатриссу и меня с улыбкой. Старый воин уже понял очень многое из того, что мы скрываем очень тщательно. В его глазах я читал и сочувствие, и живейший

интерес, словно смотрит на равных по силе борцов и прикидывает, на кого поставить. Судя по тому, как она держится гордо и несломленно, это настоящее сокровище даже среди мужчин, а уж среди женщин, которых Маршалл ценит очень-очень низко, это и вовсе что-то неслыханное.

Она коротко взглянула мне в лицо:

— Сэр Ричард, вы в самом деле намерены вернуться в мой замок...

В ее глазах мелькнуло что-то, но я сделал каменное лицо, взгляд устремлен поверх сидящих напротив вельмож, ответить постарался так, чтобы мои слова выглядели как блоки, из которых сложены стены замка:

— По распоряжению Его Величества это теперь мои владения. Как земли, так и замок.

В ее глазах зажглись искорки, но вовремя опустила взгляд.

— И на что вы надеетесь?

— Что постараюсь восстановить мир, — ответил я честно. — Я вообще-то пофигист... тьфу, пацифист. Не люблю, когда дерутся, а я далеко, и мне ни черта не видно.

Она проследила за моей рукой, но я не перекрестился, упомянув черта, что значит — тоже ниспровергающий. Взглядом старалась не встречаться, чтобы я не увидел в ее глазах вопрос: но ты уже был в этом своем замке, почему сбежал? Почему предпочел вернуться на виселицу?

Я упорно смотрел в стену напротив, чтобы она не прочла ответ в моих глазах.

— Сэр Ричард, — произнесла она медленно, — как бы и что бы ни сказал король, это мой замок. Во всяком случае, так считают мои слуги, мои крестьяне. А также, что немаловажно, мои вассалы, у которых свои замки и

очень хорошие дружины. Боюсь, вам будет очень трудно убедить их в своих притязаниях.

— Буду стараться, — ответил я. — Его Величество правы, страна потонет в крови, если снова начнется междоусобица. И тролли в который раз выйдут из Зачарованного Леса и превратят деревни ваших подданных в руины.

— Междоусобицы не будет, — возразила она нерешительно.

— Почему?

— Мне так кажется...

— Ну, — сказал я, — это довод, признаю.

Она посмотрела искоса, словно что-то проверяя, снова уткнула взгляд в тарелку. Я чувствовал, что в самом деле нечто изменилось очень быстро и круто. Только что твердил себе, что не нужен мне и нуль-проход на Юг, могу и на корабле, как уже собирался, ничего со мной не случится, а вот через то зеркало как раз и может: кто знает, когда батарейки кончатся? Или кабель рухнет, изгрызенный ржавчиной?.. Но вот сейчас уже я мысленно там, в замке, всю хозяйничаю, как здоровенный кабан в оранжерее. Даже не потому, что там этот проход, что там дефы, а просто потому, что... ах, черт, ну признайся же хоть сейчас, что очень хочешь заботиться о леди Беатриссе!

Заиграла, приближаясь со стороны открытых дверей, музыка. Между столами и кухней засновала целая рать слуг, разнося еду и питье. Уже и служанки, похотливо изгибаясь, носились между столами, игриво взвизгивали от шлепков по задницам. Разговоры все громче и беспорядочнее, вошли в зал музыканты и сели на специальном помосте, все в кричаще ярких нарядах, еще орущей, чем сами лорды за столами, но одежда того кроя, что сразу отличает простолюдинов.

Музыканты разом затрубили, забренчали, застучали, вперед вышел молодой парень с брюхом через ремень и, заложив руки за спину, запел, закричал, застоял, глядя поверх голов пустыми глазами. Мне стало противно как смотреть на его скотскую морду, так и слушать что-то глупейшее, выдаваемое за песнь о неразделенной любви, как же могут с такими рылами петь о неразделенной, потихоньку поднялся, пока интерес к этому народному творчеству еще не угас, не все же здесь идиоты, за спинами гостей так же потихоньку вышел из зала.

Меня раскачивает так, что весь дом пару раз качнуло, подумал насчет землетрясения, потом заторможенно сообразил, что это буря внутри меня швыряет меня так, что скоро буду головой стучаться о стены. Выругался тихонько, но все равно на меня оглядываются удивленно, выбрал место поединеннее, сел, обхватив голову обеими руками.

Что я творю? Я поеду взад с леди Беатриссой потому, что не могу без нее, или же из экономического расчета, что там окно на Юг? Понятно, понятно, ни о чем таком не говорю и даже не думаю, но не сидит ли это глубоко в подсознании, которое вообще-то и рулит всегда нашими деяниями и поступками? Все-таки я свинья, выросшая при свинском мировоззрении, что нет зазорного быть свиньей, что свинья — это тоже общечеловек, и чем больше ты свинья, тем больше демократ и тем ближе к чаяниям простого народа.

Я простонал сквозь зубы, ну что это копаюсь в себе, как интеллигент сраный, нас же всегда учили, что нужно музыку погромче и девочек без комплексов... ну да, эти вот целомудренность и стыдливость — комплексы, которые надо изживать, даешь траханье всех со всеми, не разбирая ни пола, ни возраста... ага, музыку и девочек, чтобы ни о чем не думать, ну да, чтобы весело и ни

о чем не думать... ни в коем случае ни о чем не думать... даже о траханье не думать, а просто хватать и трахать, тебя ведь тоже схватят и трахнут, только успевай расслабляться...

По коридору в мою сторону медленно идут двое хорошо одетых вельмож, немолодые, породистые, что значит хоть и раздобревшие, но без отвисающих животов. То ли не раскормили, то ли затягивают в тугие кольчуги за неимением корсетов.

Я услышал негромкий серьезный голос, в котором было больше надежды, чем уверенности:

— Нет, Шарлегайл не убит!.. Карл не мог его убить...

Второй спросил в удивлении:

— Почему? Он всегда был ему серьезнейшим противником...

Первый вельможа развел руками:

— Благородный Жоффруа, вы меня удивляете. Вам не знакомо понятие мести? Сладкой мести закланному врагу?.. Если врага взять и убить, то этим не насытишься. Если долго пытаться, а потом убить — то и тогда враг, считай, ускользнул... и теперь смеется из-за облаков!.. Нет, Карл слишком ненавидит Шарлегайла, чтобы вот так позволить ему избежать... Жаль, с нами нет Кейра, тот бы рассказал про короля Феникса, что держал в плену своего закланного врага, короля Журфинга! Он так страшился, что Журфинг умрет, что держал при нем в темнице лучших лекарей, а когда Журфинг заболел, то послал половину своего войска на поиски лекарства!.. Он страшился, что если Журфинг умрет, то его жизнь лишится половины радостей: видеть своего врага поверженным, униженным, видеть в цепях, приходить и рассказывать ему, что вот сейчас захватил его страну, казнил его родню, отыскал даже дальних родственников и посадил на кол... Так он продержал его в застенках лет пятнадцать, каждый день наслаждаясь своей по-

бедой! А когда заболел, то и тогда не решался казнить Журфинга, надеясь, что вот-вот выздоровеет, но Журфинга уже не будет... И только в последний миг, когда понял, что умирает, прохрипел, чтобы пленника немедленно казнили...

Они медленно прошли мимо, не обращая на меня внимания. Вельможа умолк, второй кивнул, сказал иронически:

— Тогда уж заканчивайте, благородный Доминик. Начальник королевской стражи повел солдат убивать Журфинга, а тут сзади начался плач и стоны по умершему королю. Стражи сообразили, что надежнее освободить Журфинга и возвести на опустевший трон, чем выдерживать долгую войну дальних наследников за право наследования. Вот такие дела... я знаю эту удивительную историю второго правления великого Журфинга, но какой вывод вы сделали?

Они удалялись так же неспешно, я успел услышать затихающий голос первого:

— Это говорит о том, что Карл, скорее всего, не убьет Шарлегайла! Но мы не можем позволить, чтобы он подвергал Его Величество пыткам или унижениям. Я постараюсь собрать своих людей...

Я стиснул челюсти и замотал головой. Нет уж, Шарлегайла спасать не поеду. Мне самому хреновее, чем Шарлегайлу, но меня что-то никто не спасает. Хоть презерватив натягивай на голову, чтобы все видели, как мне... плохо.

Мимо начали все чаще проходить придворные, все поглядывают с удивлением, но пока помалкивают. Я наконец встал, ноги как чугунные, потащился заполненным запахом горящего масла коридором, но едва повернул за угол, как почти столкнулся с леди Беатрисой. Она дернулась, невольно отступила на шаг, но дальше стена, Беатриса лишь вскинула голову, чтобы

смотреть мне в лицо. Мои ноздри затрепетали, от нее пахнет просто волшебю, глаза расширены от ужаса, дыхание задержала, а кулачки прижаты к груди.

Я стоял неподвижно, стараясь не пугать лишним движением, даже забыл следить, чтобы не ускользнула в сторону, но Беатрисса, и так полуживая от страха, лишь смотрит на меня затравленно, как кролик на удава, громадного и ужасающего. Я смотрел неотрывно в ее фиалковые глаза, испуганные, но такие волшебные, но замечал и полураскрытые в испуге губы, полные и чувственные, в голове ни одной мысли, только смутное желание как-то успокоить. И вдруг она еще сильнее задрала голову, я наконец сообразил, что не рассматривает меня, а так же, как и я, когда чувствую себя неуверенно, выпячивает подбородок.

Внезапно я так отчетливо ощутил на своих губах вкус ее чистого полудетского рта, что вздрогнул. Устрашающий вид, который я умею напускать, что-то не в состоянии сломить ее волю, она смотрит с вызовом, да, с вызовом...

— Леди Беатрисса, — произнес я с тоской. — Мы все здорово попали... Вы, я, даже король... Давайте подумаем, как выпутаться...

А я не хочу выпутываться, сказала во мне отчетливо. Я хочу томиться мукой сладкой, хочу длить эти мгновения, потому что вне этой муки — пустота, обыденная жизнь, что покажется серой, пресной и ненужной.

Она глубоко вздохнула, помолчала, снова вздохнула еще глубже. Я видел, с каким усилием она берет контроль над собой в свои руки.

— Вы приняли мои владения, — сказала она медленно, — и мой замок из рук короля... неважно, что это никто из моих вассалов не признает, а среди них такие грозные воители, как граф Хоффман или граф Росчерт-

ский... Ладно, оставим это, а пока что у нас получается? Вы отправляетесь в замок, увозя меня с собой как пленницу...

Я поморщился:

— Леди Беатрисса, вы же понимаете, что Его Величество брякнуло это иносказательно. Мол, сними этот тяжелый груз с моей шеи и пересади на свою.

Я невольно поднял руку и потрогал шею, представив воочию, как она сидит там, свесив голые ноги мне на грудь, сидит тоже голенькая, а то в этих платьях накроет мне голову...

По щекам леди Беатриссы растекся румянец, что-то и она представила, сказала поспешно:

— Неважно, он передал меня вам как пленницу!

— Вы не пленница, — заверил я и уловил, как гримаска неудовольствия мелькнула и тут же пропала на ее лице. — Вы... останетесь королевой в нашем понимании... в смысле, как понимают в наших срединных королевствах: королева царствует, но не управляет. Управлять, леди Беатрисса, буду я.

Ее щеки заалели, ноздри красиво вылепленного носа затрепетали, а сама она посмотрела мне в лицо бешеными глазами.

— Но слуги и вся челядь слушаются только меня!

— Теперь придется слушаться меня, — обронил я.

Она поинтересовалась ядовито:

— И сколько войска ваш король отправляет с вами?

— Это и ваш король, — напомнил я в очередной раз. — А войска со мной будет... достаточно.

— Сколько? — спросила она недоверчиво.

— Достаточно, — ответил я уклончиво. — Утром вы все увидите.

Она надменно вздернула подбородок, в фиолетовых глазах мелькнул гнев.

— Хорошо, сэр Ричард, спокойной ночи. Оставляю

вас готовиться к схватке с лучшими воинами Армландии... и всеми их войсками!

Гордо повернувшись, она удалилась мимо группки вельмож, искоса наблюдавших за нами. Двое тут же оторвались от приятелей и поспешно потащились следом. Я стиснул кулаки и заставил себя думать о том, что она меня ненавидит, ненавидит! Вон с каким злорадством сказала, что меня ждет в ее землях...

Но ведь и я ненавижу ее за то, что изломала все мои планы, разбила вдрезг все мои цели, заставила метаться не только между ее замком и дворцом Барбароссы, но и внутри меня, а там такие колдобины, вообще черт ноги сломит!

Намучившись и выгорев на самом страшном из огней, который внутри всех нас обычно едва тлеет, я поплелся к отведенной мне комнате. По дороге увидел старшую служанку, которая готовила комнату для знатной пленницы, кивком подозвал.

Она подбежала и с готовностью присела в поклоне.

— Надеюсь, — спросил я строго, — комната для леди Беатриссы наконец-то готова?

Она еще раз присела в поклоне, прошебетала:

— Его Величество изволили велеть не возиться. Вы все равно с утра выезжаете.

— Это Барбаросса так решил? — спросил я.

— Его Величество, — поправила она.

Я молча выругался, служанка поспешно снова присела в поклоне, больно лицо у меня злое. Я сердито зашагал по коридору, затем развернулся и пошел обратно. Когда спускался по лестнице, снизу весело крикнул сэр Стефэн:

— Благородный сэр Ричард, вас поставили патрулировать лестницу?

— Что? — переспросил я, не поняв.

— Вы уже третий раз, — сказал он, — то вверх, то вниз...

Я остановился, с ужасом чувствуя, что в самом деле колыхаюсь, как то самое в проруби, никак не прибьюсь ни к одному берегу.

— Да, — ответил я растерянно, — похоже.

Насмешливое выражение на его мужественном лице сменилось сочувствующим, что вообще как гвоздь в гроб моему достоинству. Я зарычал, как Барбаросса, но, правда, про себя, повернулся и решительно повел себя наверх. Несмотря на трусливое сопротивление. Несмотря на оправдания, что вот прямо немедленно надо спуститься и осмотреть Зайчику копыта: не повредил ли за долгую скачку?

Однако наверху перед дверью ноги снова отказались двигаться. Я же не святой Антоний, что мужественно шел навстречу соблазнам и ломал им хребты, хотя и ему, судя по его воспоминаниям, доставалось так, что никому мало не покажется.

Тяжелая, как чугунная балка, рука кое-как поднялась, я постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь. Комната сперва показалась пустой, но я сделал шаг и увидел леди Беатриссу. Бледная и поникшая, она сидит на лавке, опустив бессильно руки. На стук двери подняла голову, огромные фиолетовые глаза на исхудавшем лице доминируют настолько, что я вообще ничего не видел, кроме этих страдающих глаз.

Сердце мое дрогнуло, острая жалость пронзила грудь. Сейчас, сбросив каблуки, она выглядит маленькой и трепещущей. Сверкающая красота как бы поблекла, однако волна нежности нахлынула и накрыла меня с головой с еще большей силой. Сейчас она напоминает маленького жалобного воробышка, выпавшего из гнезда, который еще не то что летать, даже бегать не умеет.

Уже не контролируя себя, не борясь, я сел рядом. Беатрисса взглянула исподлобья, попыталась отвернуться, но я обнял за плечи, изо всех сил стараясь, чтобы это было дружеским жестом. Или хотя бы выглядело.

— Что случилось?

— Ничего, — буркнула она.

— А все-таки?

— Я же сказала, ничего не случилось, — отрезала она. Добавила язвительно: — Если не считать, конечно, того... ну, вы знаете, сэр Ричард.

— Догадываюсь, — ответил я со щемом в сердце. — Что вас тревожит еще?

Она зябко повела плечами:

— Не знаю. Но я не хочу оставаться здесь ни минуты. Мы можем выехать сейчас?

Я внимательно посмотрел ей в глаза, прислушиваясь к голосу, всматриваясь в движения лицевых мускулов.

— Скоро ночь. Завтра утром и выедем.

— Нет. Я хочу выехать прямо сейчас. Ну пожалуйста! Я умоляю вас!

— Леди, — сказал я пораженно, — правильно ли я расслышал? Вы... умоляете?

— Да! Я не хочу, не хочу здесь оставаться ни минуты!

Я подумал, кивнул:

— Хорошо, это обсудим чуть позже.

— Я тебя ненавижу, — прошептала она. — Как я тебя ненавижу!

Я прижал ее к себе, она уткнулась лицом мне в грудь и затихла. Я осторожно гладил по голове, наслаждаясь прикосновением к дивным золотым волосам, Беатрисса молчала, я боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть очарование. Тело ее в моих руках мягкое и теплое, от кожи исходит чистый целомудренный запах, я боюсь выпустить ее из рук...

Она вздрогнула, тело напряглось. Я прижал крепче и зашептал на ухо, что все позади, все страшное кончилось, теперь будет все хорошо, но она уперлась мне в грудь кулачками.

Я вздохнул и выпустил ее из объятий.

— Хорошо. Кто здесь был?

Она взглянула с испугом.

— Здесь?

— Да, — ответил я. — Что за двое с очень дурно пахнущими ногами и еще хуже — шеями? Черт бы побрал этих щеголей, что не моются годами, но ароматными настоями могут облиться так, будто выскочили из-под ливня.

Она вздрогнула:

— Откуда... откуда вы знаете, сэр Ричард?

Я постарался улыбнуться позагадочнее:

— Ах, леди Беатрисса! Вы же сами сказали, что я не совсем деревенский чурбан.

— Но все-таки...

— Говорите, леди Беатрисса, — сказал я с мягкой настойчивостью. — Я уже знаю, но хочу услышать, как это прозвучит от вас. Из ваших прелестных и... э-э... коралловых уст.

Глава 4

Она смотрела с ужасом и непонятным облегчением, а я старался делать вид, что в самом деле все знаю, хотя запаховое зрение всего лишь видит три широких распылчатых струи: одна принадлежит леди Беатриссе, она и в запаховом зрении светится чистотой и свежестью, и две другие, где явно присутствуют мужские гормоны, что вызвали в глубине моего нутра приглушенное рычание. Верх обеих струй знакомо светится фиолетово-сладким запахом сирени, а низ смердит навозом,

будто ноги не просто в дерьме, а дерьмо поднялось до пояса.

— Когда вы утром ушли, — наконец заговорила она, — сюда явились двое.

— Кто?

— Двое мужчин...

— Ну, — пробормотал я, — не женщины, ясно. Те начнут являться потом, на пике эмансипэ. Вы их знаете?

— Нет...

— Хотя бы лица разглядели?

— Нет, они закрывали их платками. Дали мне вот это... и велели положить в вашу постель.

Она повернулась к шкафу и медленно потащила на себя ящик. На миг у меня мелькнула мысль, что сейчас в ее руке окажется пистолет, она повернется и сразу выстрелит... нет, сперва начнет патетически обвинять... однако, когда леди Беатрисса повернулась, на ее ладони лежал небольшой мешочек из черной кожи.

— Что там?

Она прошептала:

— Я боюсь даже держать это в руке...

— Разумно, — согласился я. — Вдруг там внутри птичий грипп? Вы сделали правильно, моя нежная птичка, что не стали отказываться.

Она взглянула со злостью:

— А чего бы я стала отказываться? Мне предложили уничтожить моего лютого врага!

— Противника, — поправил я.

— Пусть противника, — согласилась она, — но это все равно почти враг. Я не стала отказываться, потому что они говорили все правильно и очень убедительно. Я и сейчас считаю, что они правы. И что...

— Ну-ну?

— И что вас нужно уничтожить, — договорила она.

В ее прекрасных глазах заблестели слезы. — И вас просто необходимо уничтожить!

Я в сильнейшей неловкости развел руками:

— Мы не всегда делаем то, что нужно. Напротив, чаще делаем ненужное. Но почему-то так уж получается, что это самое ненужное порой оказывается нужнее, чем самое нужное... Жаль, не всегда.

Она всхлипнула, я прижал ее к груди, стараясь загородить от всех бед и несчастий.

Когда она заснула, все еще измученная как многодневной скачкой, так и нервным истощением, я осторожно укрыл ее одеялом и на цыпочках вышел из комнаты. Стражи в коридоре посмотрели с удивлением, я сделал зверское лицо. Оба поспешно отвернулись, а я двинулся вниз по лестнице, в черепе кипит мозг, кровь раскаленным металлом струится по жилам, а кулаки мои сжимаются с таким неистовством, словно уже держу за глотки тех сволочей.

Взгляд мой по дороге зацепился за рослого рыцаря в доспехах, явно выдавших виды, часто бывавших в кузнице, где молотобойцы заново приводят в прежний вид, выравнивая вмятины в панцире, ремонтируя мелкие пластины, заменяя пробитые кольца кольчуги. Даже шлем блистает неровно, отдельными искрами, что говорит о мелких погнутостях.

Будакер, подсказала память. Один из рыцарей маркиза Плачида. Мой противник, который, однако, не смог солгать или промолчать на допросе.

— Сэр Будакер, — сказал я дружелюбно, — я просто удивлен, видя вас живым и даже... целым!

Он смерил меня неприязненным взглядом:

— На что вы намекаете?

— Родня маркиза, — объяснил я, — с которым я по-

ступил недостаточно учтиво, должна бы рассердиться на вас.

— За что?

— Вы подтвердили, что он стрелял мне в спину.

Он пожал плечами:

— Но он в самом деле стрелял.

— Остальные рыцари промолчали, — напомнил я. — Не солгали, а просто отказались отвечать. Мне почему-то кажется, что сейчас им живется легче.

Он нахмурился:

— Это ваши выдумки. Замок и владения маркиза Плачиды унаследовал его родной брат маркиз Порталле. Нам вполне хорошо в его свете.

Я развел руками.

— Тогда я рад за вас. Значит, я был не прав. Но на всякий случай... Я завтра на рассвете отбываю в те земли, которые мне изволил пожаловать Его Величество. Это опасное дело, скажу сразу. К тому же я планирую взять с собой всего десять человек, а противостоит мне вся Армландия! Это тысячи и тысячи рыцарей и десятки тысяч хорошо вооруженных воинов.

Я сделал паузу, он спросил с тем же недружелюбием:

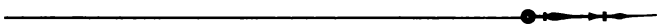
— Зачем вы рассказываете это мне?

— Предлагаю присоединиться, — ответил я. — Вы показали себя честным противником. Значит, сможете быть и честным вассалом. А здесь... как бы ни было вам хорошо, что-то подсказывает, что продвижения у вас уже не будет. Родня Плачиды все равно не простит вам откровенного признания.

Он взглянул со всей надменностью высокородного дворянина на плебея.

— Почему это?

— Они такие же, как и сам маркиз. Яблоки от яблони недалеко ябнутся. Для родни маркиза выстрел из-за угла, выстрел в спину — норма. Где-то же он получил

такое воспитание? Вы должны были соврать. Мол, не видел, как происходило, или вообще сказать, что я сам застрелился... Зато я вам обещаю, что в моем окружении все достойные рыцари. А кто не рыцарь — тоже достойный. И получит от меня намного больше, чем получил бы здесь...

Он поинтересовался насмешливо:

— А что получу я?

Голос был саркастический, однако я уловил тоскливую нотку безземельного рыцаря, который уже не мальчик, а все еще без крыши над головой, а из имущества только конь, доспехи и оружие.

— Тоже намного больше, — ответил я со всей серьезностью. — Просто я всех предупреждаю, что еду в очень опасное место. Там мои права никто признавать не станет. Борьба будет острая. Но если я одержу верх... учтите это «если», то и опираться предпочту, как любой человек, на тех, кто приехал со мной, кого я сам отбирал в свой отряд.

Он помолчал, я видел, как борются в нем гордость и желание получить наконец-то что-то за безупречную службу, наконец он вскинул голову и ответил надменно:

— Ваше предложение мне кажется непристойным и затрагивающим мою рыцарскую честь. Прошу вас, сэр Ричард, если хотите избежать поединка, больше не обращайтесь ко мне с такими оскорбительными... предложениями.

Я вежливо поклонился, отступил:

— Сэр Будакер, ваш ответ говорит о вашей честности и щепетильности. Мы выезжаем на рассвете. Вы можете присоединиться до того момента, как копыта наших коней простучат под аркой ворот.

Он холодно промолчал, я развел руками и двинулся дальше. В главном зале полно народу, слоняются без дела, присматриваются друг к другу, завязывают полез-

ные знакомства, стараются понравиться могущественным лордам. При каждом выходе короля эти лизоблюды всегда в первых рядах, кланяются и улыбаются во все лживые пасти: как же, Его Величество само изволило появиться, какое счастье, как мы вас любим, Ваше Величество, добавьте еще какой-нибудь лен да деревенек подкиньте на протянутую лапу...

Я прошелся среди них, прикидываясь скучающим, заглянул в нижний зал, там не прекращается пир, король должен быть щедрым хотя бы на угощение, собрался выбраться во двор, как наконец-то в цветных струях мелькнул кисловато-шероховатый запах того оттенка, какой я видел в своей комнате.

У входа беседуют двое, высокий, щеголевато одетый дворянин, бледнолицый и томный, и человек средних лет, неприметный, в неприметной же одежде, словно стремится быть тем человеком-невидимкой, которого в упор не видят из-за его стандартности.

Запах, однако, исходит от яркого щеголя, я еще раз принялся, подошел вроде невзначай ближе, запах усилился настолько, что пришлось приглушить. Наконец я отрубил запаховое зрение полностью, сразу ощутив себя намного легче, и, проходя мимо, задел плечом щеголя.

Тот недовольно поморщился, но смолчал, пришлось самому остановиться, развернуться. На лице щеголя мелькнуло беспокойство, а я воскликнул неприятным голосом:

— Виконт, вы меня толкнули!.. Я считаю это наглым и неспровоцированным вмешательством в мои дела!

Он возразил нервно:

— Вы сами меня задели...

— Ах, — возмутился я, — так вы еще и нагло клеветаете!

жете на мой курс? У вас двойные стандарты?... Я требую незамедлительных санкций!

Он сказал обеспокоенно:

— Каких? Вы толкнули меня, а еще и обвинили, но я не требую извинений...

— Ах, вы назвали меня простолюдином? Что значит земляным червяком?... Люди, вы слышали, он меня членистоногим обозвал!... Виконт, доставайте меч, мы наш спор решим сразу же по ту сторону двери.

Он воскликнул с возмущением:

— Вот еще! Я вовсе не собираюсь с вами драться!

— Почему? — осведомился я. — Сэр Стефэн, подите-ка сюда...

Сэр Стефэн приблизился, в глазах удивление, никогда не видел меня в роли задиры, я сказал капризно:

— У вас достаточно власти, чтобы его арестовать и отвести в королю?

Он ответил с осторожностью:

— Сэр Ричард, другому бы я ответил сразу...

— А мне?

— Ну, все помнят, как вы поступили с маркизом. Я не хотел бы оказаться замешанным во что-то крайне резкое...

Я сказал с нажимом:

— А если этот вот тип по ночам превращается в летучую мышь и сосет кровь у короля?

Виконт отшатнулся, а глаза сэра Стефэна полезли из орбит:

— Неужели...

— Арестуйте, — велел я. — Сейчас все выясним.

Сэр Стефэн повернулся к виконту, тот без пререканий отдал меч, король все выяснит, это же чушь, подумать только — летучая мышь, да такая огромная мышь и не взлетит... Мы вышли на задний двор, я быстро огляделся, схватил виконта за грудь, он только пискнул, и

толкнул в кузницу. Двое молотобойцев в удивлении опустили молоты, я велел им быстро:

— Эй вы! Быстро связать этого красавца!

Они все еще тарасили в удивлении глаза, но сэр Стефэн первым сообразил, что дело не в простом поединке, быстро выдернул кинжал шеголя из ножен, отшвырнул, а острие своего меча приставил ему к горлу. Тот замер, страхась шевельнуться.

Молотобойцы наконец опомнились, сыромятными ремнями с огромным удовольствием скрутили виконту руки и ноги. Я вытащил длинный раскаленный прут из горна, конец вишневый, сыплет искрами, приблизил к лицу виконта.

— У меня один вопрос, — сказал я. — Кто во дворце замышляет отравить короля?

Он прошептал, морщась от жара:

— Не знаю...

Сэр Стефэн ахнул, глаза полезли на лоб, молотобойцы замерли. Я вздохнул.

— Ладно, тогда вопрос проще: что вы делали в моей комнате?

— Мы не заходили...

Я прижал конец раскаленного прута к его животу. Одежда сразу загорелась, виконт истошно завопил. Молотобоец по знаку Стефэна плеснул водой, пламя погасло, но теперь в воздухе витал запах горелой плоти.

— А что в мешочке, — сказал я зловеще, — который ты, тварь, велел леди Беатриссе положить мне в постель?

Он всхлипывал, я без всякой жалости ткнул горячим концом в то же место.

— Глаза и язык, — предупредил я люто, — выжгу напоследок. Чтобы ты успел накричаться... и насмотреться на свое тело без рук, без ног... и без чего-то еще.

Он вскрикнул:

— Я скажу!.. Я все скажу... Это все Теддер, он велел так сделать...

— Зачем?

— Он сказал... он сказал...

— Что он сказал? Говори быстро!

— Он сказал, что на пути только этот Ричард. Если его убрать, с королем справимся легко.

Сэр Стефэн переспросил неверяще:

— Барон Теддер? Не может быть!

— Он, — прошептал виконт. — Никто не знает, что он могучий чернокнижник. Он умеет многое... Поднимать из могил мертвых, призывать говорящих птиц, повелевать жуками... Его не трогает ни один зверь.

— Где он? — прервал я.

— Он здесь...

— Во дворце?

— Да...

Стефэн уже открыл было рот для мощного крика, явно позвал бы стражу, но я опередил:

— Всем тихо! Я что-то во дворце его не видел вообще!

Виконт отшатнулся от темно-вишневого конца прута, тот уже чуть остыл, но только чуть.

— Он может сделать так, что его не видят...

Молотобойцы начали испуганно оглядываться, один перекрестился и поплевал через левое плечо. Стефэн смотрел на меня с испугом и ожиданием.

Я повернулся к виконту.

— Кто был с тобой, когда приходили к леди Беатрисе?

Он прошептал тихо:

— Мой дядя... барон Блэкторн.

— Скоро с ним увидишься, — пообещал я.

Он вздрогнул и выгнулся, когда я с силой засадил прут ему в бок, проткнув печень, но не заорал, тут же

умер от болевого шока. Стефэн смотрел на меня ошале-
ло, я сказал отрывисто:

— Сэр Стефэн, ваша задача — быстро отыскать этого дядю и, не поднимая шума, прикончить. Лучше всего прикончить, понимаете? Никаких арестов. А я пока постараюсь отыскать этого чернокнижника.

Он смотрел с испугом и некоторым отвращением. Я заговорил зло:

— Страшитесь ручки запачкать? Ну и хрен с вами. Утром я уеду, расхлебывайте сами.

Он вздрогнул, сказал колеблющимся голосом:

— Сэр Ричард, я все сделаю.

Я отшвырнул прут и быстро вышел из кузницы. На встречу спешил, вытирая жирные губы, кузнец, в бороде застряли хлебные крошки.

— Сэр Ричард, — крикнул он еще издали, — у вас заказ? Что изволите?

— Уже изволил, — ответил я и, кивнув на кузницу, пошел в здание.

Глава 5

Голова трещит, устал так, как будто мчался на костлявой лошади, не покидая седла, день, ночь и снова день. Барона Теддера так и не увидел, наконец додумался позвать Бобика, но и ему не объяснишь, кого именно искать, а гербы ему показывать бесполезно, в геральдике он так же силен, как я сам.

Наконец я додумался зайти в восточную башню, где расположился барон со своими людьми, поговорил с его слугами и оруженосцами, отпустил пару комплиментов богатым одеждам барона. Старший слуга, явно отвечающий за костюмы, расцвел, словно хвалю его самого, сообщил гордо:

— Шелка для его милости привозят с Юга!.. Дорого, но у его милости денег хватает.

— И покрой дивный, — сказал я. — Неужели на Юге знают его фигуру?

Он засиял от удовольствия:

— Нет, все шьем здесь. Я сам снимал мерку с его милости!

— Дивное искусство, — похвалил я. — Все на бароне сидит как влитое. Вы настоящий мастер!.. А этот вот камзол тоже принадлежит барону?

Он всплеснул руками:

— Как можно! Да разве его милость такое наденет?

— Гм, — сказал я, — а мне показалось, что прекрасный камзол. Самому королю в таком впору щеголять.

Он довольно рассмеялся:

— Сейчас я вам покажу камзол его милости, вот тогда и скажете...

Он повернулся, крикнул, двое слуг опрометью сорвались с места, через пару минут принесли нечто завернутое в шелк, а когда развернули, я в самом деле ахнул без всякого притворства. Камзол в самом деле сказочно богат, будучи расшит золотом, украшен драгоценными камнями, но меня поразила покрой, словно умелый дизайнер кроил костюм средневекового феодала, учитывая более современные мотивы и веяния моды.

— Здорово, — сказал я пораженно. Почтительно потрогал ткань, пропуская ее между пальцами, покачал в великом изумлении головой. Пес сунулся ближе, я наставительно дал ему понюхать, приговаривая: — Ты, морда, где-нибудь такую красоту видел?.. Вот и я не видел! Эх, живут же люди... Ладно, спасибо, нам нужно еще зайти проверить копыта моего коня...

Мы ушли, провожаемые ехидными улыбками: что за лорд, который сам проверяет копыта своей лошади, а я за дверьми сказал Бобику негромко:

— А теперь ищи, дурилка!.. Ищи!..

Он поднял голову, принюхался, отыскивая нужную

струю. Я пытался уловить тоже что-то похожее на тот запах, который остался на моих пальцах, но где там, а Бобик сорвался с места, он был уже на другом конце зала, когда я заорал:

— Стой!.. Стой, дурак толстожопый!

Бобик остановился, в глазах недоумение и обида, я догнал, стараясь не привлекать внимания, наклонился к его мохнатому уху и сказал с укором:

— Ну а найдешь, что делать будешь? Вот то-то, не знаешь! А он все поймет и примет какие-то меры... Так что иди рядом... ладно, на шаг впереди. Но не больше... И не беги, понял?

Он понял, что бежать не надо, хоть и не понял почему, я видел безмолвный протест на мою дурь в каждом движении, но подчинился и шел на полшага впереди; даже не вынюхивая воздух, а просто шел, а я топал рядом, делая вид, что это я иду, а пес просто угадывает, куда мне сворачивать.

Обошли две трети дворца, придворные даже не удивлялись, видя меня с собакой: таким Псом каждый будет хвастаться и брать его с собой всюду, куда допустят, наконец Пес незримо подтянулся, я ощутил, что цель близка.

Еще один зал, Пес впервые направился не к дверям у противоположной стороны, а пошел в сторону окна, возле которого мирно беседуют двое придворных. Я напрыгался изо всех сил, глаза вот-вот лопнут, в ушах звон, зрение заволочло красным, а Пес уже подходит к беседующим... нет, на шаг левее, морда направлена в пустоту...

Я уже хотел пригасить добавочное зрение, как вдруг увидел нечто... нет, ничего не увидел, но как будто в солнечном луче, что падает из окна, образовалась некая ниша: луч солнечного света видим только потому, что блестят плавающие в воздухе пылинки, так вот как буд-

то в этом луче стоит что-то, куда пылинки не попадают...

Это нечто шевельнулось, я понял, что именно насторожило Пса, торопливо выхватил меч и как можно быстрее ударил наискось. Лезвие меча ощутило сопротивление, я поскорее выдернул меч и ударил снова, уже изо всех сил.

Оба беседующих вскрикнули, когда на них из ниоткуда плеснуло горячей кровью. Нечто опустилось на пол, Пес оскалил зубы и смотрел, облизываясь. Глаза начали наливаться зловещим багровым огнем.

— Нет! — сказал я резко. — Нет!.. Ты моя тихая собачка, ты мой друг для игр!

Придворные в ужасе отступили, стряхивали с себя кровь. В нашу сторону начали оглядываться, самые смелые опасливо подходили, на лицах страх и недоумение, но ладони уже на рукоятях мечей. Я предостерегающе вскинул меч, с лезвия на пол часто-часто закапали крупные красные капли.

— Не спешите!.. Оставайтесь там. Имеет место гнусное черное колдовство с целью умерщвления Его Величества.

Один вскрикнул в панике:

— Господи, снова?

— Кто-то не желает менять профессию, — сообщил я.

— Но кто? — вскрикнули придворные в один голос.

Я указал мечом на пол, где начала быстро растекаться широкая лужа крови, однако видно, что в ней лежит нечто, словно плита сверхчистого льда, которую не сразу и заметишь.

— Если это сдохло, то... подождем.

На всякий случай я ткнул, как копьем, пару раз в неподвижное тело, но оно не дернулось, хотя меч явно погружался в тугое мясо.

К нам, привлеченные криками, сбегались люди, по-

явились стражи, с готовностью выставили копья. Очень медленно в воздухе обрисовалось человеческое тело, словно сотканное из легкого пара, потом из плотного тумана, затем появилась вещественность, будто тело колдуна слеplено из снега, и только теперь стали заметны страшные раны. Лезвие моего меча буквально перерубило колдуна наискось справа налево и слева направо.

Один из придворных воскликнул с возмущением:

— Так он, значит, стоял рядом и подслушивал?

— Подлец, — посочувствовал я. — Но он же не дворянин, ему можно.

— Таких вешать нужно!

— Я добрый, — ответил я. — Он умер, как благородный.

Они смотрели, как я тщательно вытер о его труп клинок, лица все еще шокированные, я отсалютовал им и вложил меч в ножны.

— Думаю, Его Величеству изволится будет узнать, что последний колдун, замышлявший на его жизнь и здоровье, уничтожен. А я пойду малость сосну перед рассветом.

Меня догнали в коридоре перед моей комнаткой, когда я уже опустил ладонь на ручку двери. За стражами, что запыхались и тяжело отдувались, подбежал сэр Стефэн.

— Как хорошо, — сказал он с великим облегчением, — что я вас... успел...

— Что именно? — спросил я подозрительно. — Выразайтесь яснее, сэр Стефэн.

— Да я только, — пробормотал он непонимающе, — рад, что догнал...

— Дальше не продолжайте, — прервал я. — А то я из таких королевств, где на ваше «догнал» тридцать два

крайне непристойных продолжения и восемнадцать истолкований. Че надо?

Он отвесил изящный поклон:

— Его Величество... фу... крутая лестница, а я вторую ночь не сплю... с той, как вы приехали... В смысле, с той ночи, не хватайтесь за меч... Его Величество изволило позволить повелеть, дабы я со всей куртуазностью и любезностью сумел успеть пригласить вас...

Я перебил:

— Для этого с вами двое мордоворотов с копьями?

Он сказал укоризненно:

— Сэр Ричард, что для вас двое, даже мы трое?.. Это для титула. Не могу же ходить один, не роняя достоинства? Как какой-нибудь вообще безлошадный?

— Ладно, — прервал я с тоской. — Что ему не спится? Тоже мне, еще один отец народов... Пошли.

Король не спал, а еще он что-то ощупывал на карте, будто ловил там крохотных мятежников. Рядом Уильям Маршалл, усталый и невыспанный, следил красными от бессонницы глазами за королевскими пальцами. Карту на стену вешать не додумались, расстелена во всю длину стола, но Барбаросса знакомо хмурится, крутит головой, а на меня посмотрел привычно пронизывающе, потом спохватился и взмахнул королевской дланью:

— Сэр Ричард, прошу вас!

— Ну что у вас еще? — сказал я тоскливо. — Приличные люди спят. Здравствуйте еще раз, сэр Уильям.

Барбаросса поморщился:

— Да, сейчас не спит разве что ворье, короли да тайные любовники. Правда, не знаю, к какой категории вас отнести, но за раскрытие заговора не знаю, как и благодарить. Правда, вы слишком круто его загасили...

— А что было делать? — ответил я. — Нужно было действовать быстро. Иначе скрылся бы. А второй удар

по королю и королевству мог бы оказаться посерьезнее. Правда, работали дилетанты. С возможностями барона Теддера проще было бы войти незамеченным в спальню и просто прирезать вас, Ваше Величество, как свинью.

— Спасибо, сэр Ричард, — сказал Барбаросса, морщась.

— Простите, Ваше Величество, — поправил себя я. — Я хотел сказать, как кабана. Вот что значит рассориться со священниками! Одними острыми мечами дворец не защитить, как видите...

Маршалл проговорил раздумчиво:

— Убить короля кинжалом в спину — сделать его мучеником. Народ сочувствует убитым. Да и не только народ... Многие знатные лорды не захотят поддерживать убийцу, даже если они сами вас недолюбливают. Да и те сами могут не успеть изготавиться к захвату власти. А так, когда король медленно чахнет и примерно можно сказать, когда благородно преставится, то можно незаметно стянуть в столицу верных людей, обеспечить себе преимущество в борьбе за трон...

— Тогда это граф Кенгарвей, — сказал Барбаросса. — Или барон Гэйлб.

— Почему? — спросил я.

За короля ответил сэр Уильям:

— Только у них почти нет здесь людей. Им нужно время, чтобы вызвать сюда отряды. А у барона Теддера здесь почти пятьсот копий!.. Ваше Величество, с вашего разрешения я пойду подготовлю пару крайне важных бумаг. И — срочных!

Барбаросса отмахнулся:

— Иди. Ты лучше меня знаешь, что нужно делать.

Сэр Уильям удалился, Барбаросса посмотрел на меня хмуро и подозрительно, словно это я задумал такой грандиозный заговор.

— Ваше Величество, — напомнил я, — я убрал всего лишь непосредственных исполнителей. А тот, кому выгодна ваша смерть и кто все это затеял, сейчас ищет новых... И вас все равно удавят, отравят или придушат подушкой.

— Умеете вы говорить приятные вещи, — сказал Барбаросса язвительно.

— Я ж галантный, — согласился я. — Словом, утром меня уже не будет, но угроза остается. Мой совет: поскорее дайте место во дворце священникам, миссионерам, проповедникам... Да, это неудобные люди, сам знаю, но защитят вас от черной магии. Да и сами могут в ответ ударить так, что мало не покажется!

Я сосредоточился, шепотом произнес заклинание. В моих руках уже привычно возникла простая глиняная чашка. Густой бодрящий запах горячего кофе потек по комнате. Король выпучил глаза, крылья широких волосатых ноздрей задергались.

Я протянул ему чашку.

— Выпейте.

Он взял с великой осторожностью.

— А что это?

Не отвечая, я создал другую, с жадностью начал отхлебывать, наслаждаясь каждой каплей. Барбаросса посмотрел на меня с подозрительностью, профессия короля — самая опасная, осторожно пригубил, потом выпил в три глотка, вот уж глотка луженая, у меня бы все ошпарило.

Широкая рожа расплылась в блаженной улыбке.

— Ух ты, как будто заново на свет народился! Что за штука?.. Да, сэр Ричард, и вы еще советуете наводнить дворец священниками? Да вас за такое чернокнижие тут же на костер! Я сам дров подброшу!.. Или не подброшу, гм...

— На рассвете меня здесь не будет, — ответил я су-

мрачно. — Уж не говорю, что это не чернокнижность. Это мне за особые заслуги, как паладину.

— Какие особые?

— Наши масонские, — отпарировал я. — У королей одни тайны, у женщин другие, у паладинов — третьи. Вам, Ваше Величество, легче понять женщин, чем нас...

Я сотворил еще по чашке, Барбаросса едва и чашку не съел, вылавливая последние капли. Дверь приоткрылась, Уильям Маршалл сразу повел носом, принюхиваясь, но мы сделали вид, что ничего не слышим. У Маршалла лицо строгое, значительное, но тревогу в глазах спрятать не сумел. Такому нельзя поручать пост министра финансов, рухнет вся финансовая система, если появится на публике с таким обеспокоенным лицом.

Барбаросса оглянулся, явно хотел вспылить, но всмотрелся в лицо первого советника, вздохнул и сказал гробовым голосом:

— Дабы пресечь слухи, а они уже начинают расползаться, объявите, что сэр Ричард отправился в свои владения. Кто будет перечить ему... я имею в виду там, в Армландии, тот враг короля и королевства. Сэр Ричард волен поступать с такими как заблагорассудится.

— Ага, — сказал я едко, — так мне и позволят.

— А вы того, настаивайте, — посоветовал Маршалл.

— Может, — спросил я, — лучше от вашего имени? Чемпиона всех турниров Уильяма Маршалла помнят и чтут.

Барбаросса рыкнул:

— На кого удобнее, на того и ссылайтесь! Руки у вас развязаны.

Маршалл кивнул, лицо сразу просветлело.

— Ваше Величество, он отправится туда в качестве барона?

Барбаросса едва не закрипел зубами, лицо налилось кровью, прорычал гневно:

— Что вы, сэр Уильям... по больному месту?... Видите же, как быстро растет этот молодчик!.. Приготовьте указ о пожаловании ему титула... гм.. титула...

— Графа?

— Какого графа, он уже и так граф. И даже бургграф, подумать только, куда мир катится. Представляете его бургграфом?

Маршалл посмотрел на меня с сомнением.

— Ну, в определенном свете...

— А я вот никак, — сказал Барбаросса. — Воображение пасует. Нет, в Армландию надо что-то объемнее. На этот раз он получает не земли, а целую провинцию...

Барбаросса умолк, только зло стучал кулаком по столу, брови с костяным стуком сшибаются над переносицей, высекая искры, глаза мечут огонь. Маршалл выждал чуть, сказал осторожно:

— А если... пфальцграф?

— Что? — спросил Барбаросса отстраненно.

Я объяснил с самым серьезным видом:

— Пфальцграф — это устройство для пальцегнута.

Маршалл посмотрел на меня с укором, мы же все серьезные люди, я сделал постное лицо. Барбаросса призадумался, а я порылся в памяти, но так ничего и не мог вспомнить, кроме того, что пфальцграф, то есть дворцовый граф, во Франкском государстве председательствовал в дворцовом суде, потом стал графом округа, считался королевским должностным лицом... понятненько, Маршалл, как умело и преданно проводящий политику Барбароссы, старается привязать меня к их колеснице. Вот только я в отличие от них знаю, что позже пфальцграф превратился во владетельного князя... К примеру, пфальцграф Рейнский начал именоваться также и князем Рейна и почти не подчинялся королю...

После долгой паузы Барбаросса прорычал:

— Вообще-то самое подходящее... В Армландии целая куча графов. У всех земли, замки, родословные. Туда надо с соответствующим титулом, чтобы не запинали.

— Я подготовлю королевский указ?

— Да, — рыкнул Барбаросса. — Подготовьте.

— Но есть одна тонкость...

Маршалл не уходил, взгляд вопросительный. Барбаросса нахмурился:

— Какая? Говори прямо, как раньше, когда в твоей руке было копье!

— Ах, Ваше Величество, мне бы ваши юные годы... Тонкость в том, что титул пфальцграфа обязывает к большему...

Он умолк, Барбаросса нахмурился еще сильнее, взглянул на меня косо, потом на Уильяма.

— Мог бы и промолчать. А до сэра Ричарда дошло бы только в пути, а то и там, на месте.

Я спросил настороженно:

— А в чем тонкость? Я человек простой, мне надо все на пальцах. И чтоб без среднего.

Уильям взглянул на Барбароссу, тот кивнул, и Уильям сказал сильным, но уже не рыкающим голосом воина, а как должен объяснять царедворец:

— Его Величество изволили облечь вас гораздо большими полномочиями, чем владельца земель барона де Бражеллена. Под вашей рукой оказываются земли и тех лордов, которые находятся в Армландии. То есть вы явитесь туда уже как пфальцграф... всей Армландии!

Я подумал, осведомился:

— Ваше Величество, а землю на Луне вы продавать не пробовали?

— Продавать?

— Жаловать, — поправился я поспешно. — Изволить жаловать своих верных людей обширными участ-

ками на Луне! С лесами, горами, озерами и всеми подданными, что там окажутся. Тоже нехило.

Уильям улыбнулся, Барбаросса посмотрел на него зло и сказал раздраженным голосом:

— Ладно, раз уж раскрываем все карты, то скажу прямо: тебе чуть больше работы, но зато и мощи еще как прибавится!.. Те земли, как спелый плод, только и ждут, чтобы попасть в крепкие руки. А я, как очень неглупый король, предпочитаю, чтобы это были руки честного и преданного мне рыцаря...

— Ваше Величество, — прервал я, — извините за напоминание, но я не состою у вас на службе.

Он отмахнулся:

— Ты сделал больше, чем мои самые преданные люди. Вот и хочу, чтобы те земли достались тебе. Я буду уверен, что ты проследишь и за королем Гиллебердом, это мой сосед с той стороны, и не позволишь оттяпать хотя бы клочок...

— А что, местные лорды... сепаратисты?

— Король Гиллеберд, — прорычал Барбаросса, — хорош на посулы. Он многое может пообещать, только бы они отложились от меня и признали суверенитет его, умного и всеблагостного. Потому и хочу, чтобы туда поехал честный и преданный...

Я поморщился:

— Ваше Величество, расчет на то, что я как-то забуду возразить и тем самым как бы признаю, что я у вас на службе?

Он отмахнулся:

— Да это оборот речи, не обращай внимания.

— Вам бы юристом быть, — сказал я. — Повписывали бы в договоры такие вот мелкие, вроде бы незначущие пунктики, а потом разводили лохов.

— Да, ты стреляный воробей, — буркнул он. — Но это в самом деле оборот речи. Я понимаю, что заставить

тебя не смогу никакими договорами. А чем заставить, даже не представляю...

Маршалл кашлянул, привлекая внимание.

— Вы отвлеклись, Ваше Величество, — напомнил он. — Слухи мы таким образом пресечем. А дальше?

Барбаросса прорычал утомленно:

— А дальше сэра Ричард отправится и примет владения Сворве и Коце. А также попробует себя на посту пфальцграфа. Сэр Ричард, если все еще колеблетесь, посоветуйтесь сперва, а потом решайте.

Он поднялся, показывая, что аудиенция закончена. Я тоже вскочил, поинтересовался очень-очень вежливо:

— С кем посоветоваться?

— С совестью, — буркнул он.

Я поклонился и вышел. Если бы он сказал что-нибудь насчет рыцарского кодекса, я бы нашел, что ответить, из меня еще тот рыцарь, у меня свои понятия, но остатки зачатков совести вроде сохранились и в моем времени.

Увы, совесть и человек взаимозависимы: нет человека — нет совести, нет совести — нет человека. Но даже когда совесть есть, она все равно не оберегает от греха. Зато, проклятая, мешает получать удовольствие.

Говорят, что, находя богатство, теряете совесть. Находя женщину, теряете рассудок. Находя истину, теряете веру. Находя власть, теряете честь. И только потеряв все — находите свободу. Но я же не буддист, на фиг мне такая свобода?

Глава 6

На рассвете решетка ворот поднялась, выпуская конный отряд в составе двадцати рыцарей. Я сам отобрал воинов, никто так и не понял, по каким признакам я отбираю: не по росту и силе, не по доспехам, не

по знатности. Да я и сам не знал, почему предпочитаю этого, а не рядом стоящего, но каких бы силачей ни отобрал, все равно эти двадцать человек не устоят перед тысячей, которых может двинуть в схватку граф Росчертский или барон Хоффман. Так что я попросту отобрал тех, кто выглядел смысленнее и послушнее остальных.

Леди Беатрисса посматривала на меня, как на идущего голым в стаю львов. Я чувствовал себя тоже так, но бодрился и выпячивал нижнюю челюсть, глядя перед собой бараньим взглядом человека, рожденного повелевать и не умеющего выслушивать возражений.

Она сама выбрала из всех предложенных ей лошадей легконогую и очень нервную, конюх даже беспокоился, совладает ли прекрасная леди с норовистой тварью, однако та, на удивление, повела себя тихо и мирно. Если некоторые графы ожидали, что пленную леди повезут в карете, их ждало глубокое разочарование: мятежница восседала в седле так, словно и родилась в нем.

В рассветной тиши копыта простучали по дощатому мосту звонко и гулко. Мы миновали мост, однако он не поднялся тут же за нашими спинами: раздался крики, снова стук копыт, уже частый. Из-под каменной арки ворот выметнулся рослый рыцарь на крупном боевом жеребце, за ним едва поспевал молоденький оруженосец.

Я остановил Зайчика, рыцарь подъехал ближе, медленно и с явной неохотой отдал салют. Я кивнул, повернулся к своему отряду.

— Рад случаю представить вам нового члена нашей команды! Сэр Будакер, доблестный рыцарь, в благородстве и честности которого я не только не сомневаюсь, но сам вызову на поединок всякого, кто позволит в них усомниться!.. Сэр Будакер, займите место в отряде, мы за сегодня должны пройти как можно больше.

Он поклонился, в переднем ряду расступились, и он

молча, но явно польщенный моей речью поставил своего коня рядом с конем Килпатрика, то есть в первом ряду.

В самом хвосте отряда едет на муле отец Бонидерий, иссохший от ночных бдений и истязаний плоти, но быстрый и с умным цепким взглядом, в серой потрепанной рясе. С неременной дубинкой в руках, ибо монахам запрещено брать в руки любое рубяще-колющее оружие, на неременном муле — тот же непонятный запрет монахам ездить верхом на конях, с короткой белой-белой бородой, что остается белой в любой дождь, грязь. Про него рассказывали, что, если он вылезает из болота весь в грязи и ряске, борода остается чистой, как серебро.

Я оглянулся, тут же наткнулся на его острый взгляд из-под густых угольно-черных бровей. У аристократов это считается признаком элитной породы: когда сам седой, а брови черные. Взгляд буквально пронзил меня, про такой говорят, что видит насквозь. У меня только одно утешение, что если отец Бонидерий и увидит мою душу, как раскрытую книгу, то ему легче научиться читать на ассемблере. Или хотя бы бейсике.

Едва выехали за ворота столицы, как некоторое время видели села и распаханые поля, но затем дорожка повела через лес. По обе стороны тропки навстречу быстро мчались старые дубы, ясени, клены, иногда отодвигались от тропки, и тогда на нее падала ажурная тень листвы, но обычно ехали в такой густой тени, словно солнце давно опустилось за край земли.

Поляны захвачены папоротником, сапоги в стремених скользят по узорчатым листьям. Часто приподнимались длинные уши зайцев и молодых оленей, а хищники наблюдали из густых кустов. В небольших лесных озерах громко пели лягушки, но умолкали, когда мы проезжали рядом, однако не прыгали в воду, а надува-

лись и смотрели с прямой и недвусмысленной угрозой, как маленькие томы кленси.

Я все посматривал на леди Беатриссу, беспокоясь, достаточно ли ей было двух дней для отдыха, не свалится ли даже со своей на диво послушной лошадки, и едва время подошло к полудню, скомандовал большой привал.

— Сэр Макс, — сказал я, соскакивая с коня, — подойдите на минутку.

Молодой рыцарь прыгнул с коня и не пошел ко мне, а подбежал, что не просто понравилось, а даже очень. В день отъезда, когда отбирал с собой добровольцев, я узнал, что его зовут Максимилианом фон Брандесгертом, ничем вроде бы не примечательный, перед глазами не маячит, не старается выслужиться, но это он со Стефэном во время Каталаунского турнира берег мою спину, принимая на себя все удары, не отвлекался на богатую добычу, понимая, что падет во-жак — падут все.

Он подбежал и замер, глядя на меня чуточку снизу вверх. Очень узкое, удлиненное лицо с внимательными синими глазами, длинный нос и красиво очерченные губы. Я невольно посмотрел на уши: если удлиненные и заостренные, то в нашу компанию как-то затесался эльф.

Уши у Макса удлиненные и заостренные, но не слишком, это он весь удлиненный и заостренный, а уши соответствуют общему дизайну.

— Сэр Макс, — сказал я, — простите, что сокращаю ваше благородное имя, но в наших краях тоже есть Максимилианы, однако если к ним кто из королей или сюзеренов сильно расположен и жаждет подчеркнуть их достоинства и несомненные заслуги, то зовет их Максами... А теперь о главном. Я заметил, что вы все время присматриваете за отрядом, подгоняете отстающих, не позволяете сильно отдаляться в стороны, что

опасно для самих слишком уж увлекающихся... Словом, вы прирожденный вожак. Так что я назначаю вас командиром нашего отряда.

Он покраснел от удовольствия, но сказал поспешно:

— Сэр Ричард, как можно!

— А в чем дело?

— Вы наш вожак!

— Я не вожак, — признался я откровенно. — Быть вожаком — это прежде всего заботиться о других, а я из такого края, где все только «дай» и «принеси». Избаловали нас там. А вот вы, сэр Макс, заботиться умеете. А когда прибудем на место, я вообще буду солистом. Нет, не капусту солить, а действовать соло. Натура у меня такая гадостная.

Он подтянулся, лицо посерьезнело, взгляд стал суровым.

— Понял, сэр Ричард. Вожакom вы станете, когда придет беда, так?

Я в неловкости развел руками:

— Вроде бы так. И присвою ваши заслуги, так как половина победы — это подготовка войск в мирное время. А этим заниматься вам. Там, куда прибудем, мне больше доверять некому. Разве еще сэру Будакеру, как ни странно.

Он сказал четким, даже прерывистым от усердия голосом:

— На меня и моих людей можете полагаться всегда и во всем!

Я улыбнулся, сэр Макс уже не отделяет себя от вверенного ему отряда.

Сэр Килпатрик и сэр Будакер вызвались пройти по леску и подстрелить чего-нить на обед, чтобы поберечь сыр и мясо, но я велел строго:

— Собрать хвороста и — отдыхать!.. Бобик, принеси что-нибудь попроще.

Пес подпрыгнул весело и вломился в кусты, как бронированный носорог. Рыцари проводили его обеспокоенными взглядами. Будакер промолчал, он все еще чувствует себя не совсем среди своих, а Килпатрик поинтересовался осторожно:

— Попроще... это что?

— Да зайцев каких-нибудь, — ответил я рассеянно. — Или оленя...

Пес отсутствовал буквально пару минут, в самом деле приволок оленя, тут же исчез, принес еще одного, потом — кабана, еще минут через десять принес, к изумлению всех, пару жирнющих молодых гусей, а затем приволок огромного сома, больше похожего на бревно.

Макс подскочил, глаза как блюдца.

— А рыбу... рыбу как?

— Я разве за ним бегаю? — спросил я. — Как-то поймал. Он когда в азарт войдет... Вроде бы и не охотничий, а поди ты...

Пес лизнул меня в руку, выпрашивая ласку, я почесал за ухом, он радостно взбрыкнул и, не получая запрета, снова унесся в чашу.

— Все мы не охотники, — сказал Макс, он все еще оторопело смотрел вслед Псу, — но, когда трубит рог, душа устремляется впереди тела по следу гончих псов...

— Да, — согласился с ним Будакер, он задумчиво смотрел вслед исчезнувшему Псу, — в каждом из нас есть нечто... эдакое...

Он пошевелил пальцами, изображая это эдакое, ибо настоящие мужчины обходятся скуными словами, вообще в умении живописать есть что-то стыдное, будто актер какой или поэт.

— Есть, — признал и Килпатрик, — сам не понимаю

почему, но подстреленный на охоте гусь куда вкуснее откормленного дома.

— Это точно!

— И вообще любая дичь вкуснее...

Я снял с седла бурдюк с молодым вином, одновременно сделал, загораживая своей широкой спиной, еще один и оставил на Зайчике. Пусть видят, что бурдюки не берутся из ниоткуда. А до того, чтобы пересчитывать оставшиеся бурдюки, благородные рыцари не опустятся.

Обед удался на славу, даже леди Беатрисса повеселела и откушала как оленины, как и сомятины. Впрочем, мясо сома мне показалось жестким и невкусным, предпочитаю рыбу помельче, но жевал машинально, оба мы стараемся не встречаться взглядами, слишком много между нами недоговоренностей...

...к тому же ни она, ни я не хотим, чтобы они прояснились.

Сэр Макс и другие рыцари старались ей услужить и преуспевали как могли, у меня это даже вызывало глухие приступы ревности. Боюсь, леди Беатрисса это замечала, но все с той же милой улыбкой принимала знаки внимания и только в конце обеда мягко поинтересовалась:

— Это король велел вам сопровождать меня?

Рыцари переглянулись и, пряча улыбки, поклонились. Макс ответил почтительно:

— Да, это нам оказана такая честь.

Она не поняла, в чем допустила ошибку, почему посмеиваются, это видно по глазам, спросила едко:

— Чем-то провинились?

Макс развел руками:

— Почему?

— Вас отсылают от двора!

Макс покачал головой:

— Осмелюсь возразить, моя леди. Просто у Его Ве-

личества все поставлено с ног на голову. Он держит возле себя тех, за кем нужен глаз да глаз, а верным людям позволяет отлучаться.

Второй рыцарь прогудел басом:

— А особо верным поручает важные дела.

Она фыркнула:

— Вас он послал на смерть.

Рыцарь проворчал:

— Если послал, значит — так надо. Не дело вассала обсуждать приказы самого короля.

Она стиснула кулачки, гнев вспыхнул, как огонь в сухой соломе, я видел, как задержала дыхание, уговаривая себя, что с этими тупыми людьми разговаривать бесполезно. Они верны королю и верны своему сюзерену, который теперь везет ее, как овцу, обратно в его замок. Он полагает, что везет, как свою добычу...

Я понял ее мысли по ее открытому лицу, проговорил с легким вопросом:

— Леди Беатрисса, вы намекнули, что мне, вот такому, в вашем замке не прожить и минуты...

— Намекнула? — удивилась она. — По моему, я сказала как нельзя яснее.

— Объясните, — попросил я, — дорогая моя леди.

Она взглянула с брезгливой жалостью.

— Дорогая, вы правы, но не ваша. А вас так часто били по голове, что вышибли остатки того, что могло бы стать при удачном стечении обстоятельств зачатками мозга?.. Впрочем, это участь всех рыцарей... Особенно плохих. Если вам неясно ваше положение, то как вдолбить, что убьют сразу же, как только вы въедете под арку ворот? Все увидят, что возвращается враг.

— Почему, — пробормотал я, — именно враг?

— Потому что это замок барона де Бражеллена!

— Барон убит за измену, — напомнил я. — За измену законной помазанной власти. К тому же не убит, я

неправильно выразился, извините за умное слово, а пал в бою, что две большие разницы. Даже можно три. Если уж совсем точно, это случилось на турнире, что можно толковать вообще как несчастный случай.

— Замок принадлежит мне, — сказала она твердо.

Я кивнул:

— Знаю. Но вы... дорогая не моя леди, разве тоже изменница?

Она ответила надменно:

— В любом случае жена должна идти за мужем.

— Хорошо, — произнес я холодно, — что мы не в Индии.

Рыцари сидят притихшие, никто даже не двигается, между нами двумя проскакивают молнии, вот-вот грянет такой гром, что расколет небо.

Глава 7

В минуты просветления я говорил себе в великом раздражении, что я абсолютнейший дурак, кретин, даже идиот. Единственное, что меня должно интересовать в том замке, это потайная комната герцога Луганера, и потому я сам заинтересован, чтобы добраться туда побыстрее. В моих интересах только это, все остальное — блажь, затмение, бурление гормонов, что в попытке обмануть сознание принимает одухотворенные и весьма изысканные формы.

Дальше отряд двигался без привалов, хотя у водоемов всякий раз останавливались, давали чуть-чуть отдохнуть людям и коням. Брат Бонидерий, как истинный правозащитник, тщательно следил, чтобы воины получали достаточно хлеба и сыра, а насчет вина и пива мы с ним были согласны: такое счастье подождет до прихода на место.

Прямые лучи накалили доспехи, я чувствовал, как

по спине сползают струйки пота. Рядом едет сэр Килпатрик, массивный и неподвижный, лицо красное, распаренное, но не ропщет, спокойно переносит тяготы похода, что вовсе и не тяготы, а так, обыденность. А доспехи на нем вдвое тяжелее моих. Плюс кольчуга под панцирем. А под кольчугой еще и толстый войлок.

— Не жарко? — спросил я. — Ты просто герой.

— Жарко, — ответил он просто, — но что делать? Солнце не остановишь.

— Зато можно похудеть, — сказал я.

— Ну да, — ответил он обидчиво, — хоть толстяки и живут меньше, зато едят больше! А как от такой радости отказаться?

— Это верно, — согласился я. — Слушай, что это за птицы все время над нами кружат?

Он взглянул коротко, отмахнулся:

— Простые стервятники. Это не глекки, сэр Ричард.

— Глекки?

— Ну да. Стервятники сами по себе, а глекков всегда кто-то посылает. Правда, стервятники бывают опаснее, а глекки никогда не нападают. Но все равно неприятно, когда на тебя кто-то смотрит, а ты ему в морду никак...

Я порылся в памяти:

— А хробойлов кто посылает?

Он посмотрел с великим уважением:

— О, эти куда опаснее глекков!..

— Встречал?

— Слышал... А вы?

— Подстрелил как-то одну, — ответил я небрежно.

— В самом деле? Как?

— Слишком далеко залетела. Но так и не рассмотрел... Жизнь такая, все время торопимся.

Он сказал глубокомысленно:

— Торопимся сами ставить на себе крест, а зачем? Придет время, поставят другие...

Впереди затрещали кусты, высокое дерево содрогнулось и мелко-мелко задрожало, словно от удара летящего с горы огромного валуна размером с быка. Я насторожился, рука привычно потянулась к молоту, но кусты распахнулись, будто камыши, и, оставляя за собой поломанные ветки, выметнулся массивный черный зверь с янтарными глазами, в пасти трепыхается крупная рыбина.

Я покачал головой:

— Никаких остановок, Бобик!..

Он посмотрел с укором, я протянул руку, он вложил в нее рыбину, но не выпустил из пасти, пока я не засадил пальцы как можно глубже под жабры. Конь не оглядывался, только фыркнул, когда я с великими трудностями засунул добычу в мешок и перебросил ему на круп. Бобик весело скакал вокруг и следил, чтобы рыбина не вырвалась и не убежала.

— Ты собака, — напомнил я ему. — Вот и лови всяких там зайчиков, барсуков... ну белочек, если вдруг и по деревьям мастер... но рыб зачем? Ты — благородный пес, а не безродная щука! А щас и вовсе акула какая-то лесная...

Пес сделал круг вокруг нас, веселый и довольный щенок без возраста, снова вломился в чащу леса. Правда, старается далеко не отдаляться, слышу треск и вижу, как колышутся деревца. Рыцари переглядываются, я слышал приглушенные разговоры, но не улавливал слов.

— Отец Бонидерий, — воззвал я. — Вот божий дар как знак приязни к нам Господа нашего! Примите, а на привале вы уж придумаете, как поступить с этой постной пищей.

Священник принял рыбину с великим трудом, она все еще шевелила хвостом и делала попытки вырваться, произнес с похвалой:

— Даже собака знает, что сегодня постный день!.. Постаралась, но отыскала на ужин именно рыбу.

— Значит, собачка от Бога, а не от дьявола, — сказал Макс со значением.

Я мысленно поблагодарил его за поддержку, а Килпатрик заметил рассудительно:

— Но будь даже сотворена Дьяволом, разве Господь в своей милости не может созданное им повелеть служить человеку?

— Такие усердствуют еще больше, — вставил Будакер. — Так что с собачкой все в порядке.

— Почти церковная, — буркнул я. — Друзья мои, Господь в своей милости и даже мудрости разрешил не соблюдать заповеди тем воинам и странникам, кто в дороге, в бою или на чужих землях. Так что те, кто слаб духом, могут полакомиться жареным мясом. Думаю, брат Бонидерий отпустит такой крохотный грех. Даже не грех, а минутную слабость.

Рыцари в дороге со знанием дела рассуждали, как лучше истреблять троллей, орков и огров, я помалкивал, я только в случае, если сами нападут, а так внешность орков и прочих гоблинов для меня не повод к их истреблению. Как и повадки. Я родился в толерантном обществе, где приучают терпимо относиться даже к гомосексам, демократам и цыганам, так что тролли и орки на их фоне выглядят милыми и опрятными существами.

Судя по полям и садам по обе стороны дороги, земли здесь плодородные, прекрасно родит пшеница, гречиха, на склонах холмов расположены виноградники. Вознесенный до небес Хребет заслоняет от ветров и шквального ветра со стороны моря, так что урожаи здесь всегда обильные, засуха никогда не сжигала поля дотла, как в других частях королевства.

Как я понял, бывшие владения барона де Бражелле-

на... никак не привыкну называть их своими, протягивают длинные лапы вплоть до графства Хоффмана, его земли находятся в ленной зависимости от Гиллеберда Фруассара, властелина королевства Турнедо, а с ним граничит не то Ламбертиния, чьего наследника я спас от заговорщиков, не то королевство Фоссано, из которого Алевтина, жена Барбароссы. Вдоль Хребта земли де Бражеллена... тьфу, Ричарда Длинные Руки тянутся, кое-где прерываясь независимыми фьефами, до самого Разлома, а это просто невероятно, чтобы один род сумел сосредоточить в своих руках такие владения. Понятна озабоченность, мягко говоря, короля Барбароссы таким владетельным магнатом, чье богатство уже не уступает королевскому. Не было бы счастья, да несчастье помогло: барона де Бражеллена угораздило ввязаться в заговор против короля, явно намеревался возвыситься еще больше, но облом на этот раз стоил ему головы. А прямых наследников по мужской линии не оказалось...

Да и оказалось бы, подумал я трезво, король обязан назначить опекуна до совершеннолетия наследника. А все мы знаем, что за время опекунства можно растащить все богатство под самыми благовидными предложениями, вроде бы и не нарушая законов.

Мы ехали день за днем, коней не меняли, потому приходилось давать им отдыхать, и с каждым днем видели, что эти земли населены особенно густо: тысячи замков расположены на горных кручах, у перекрестков дорог, у мостов и бродов. Такую землю захватить трудно, ибо все силы всегда направлены на захват замков, без обладания ими ни одно войско не решится двигаться дальше, опасаясь внезапного удара в спину. Взять замок приступом, пробив дыру в воротах или в стене, а то и взобраться по приставным лестницам — это величай-

шая редкость, это можно проделать, если защищать замок почти никому.

Если же гарнизон укомплектован, то останется только надеяться взять измором, одновременно ведя всевозможные подкопы, стараясь издали забросать глубокий ров связками хвороста, тревожить часовых ложными нападениями и вести переговоры о почетной сдаче.

Насколько я помню, почти ни одну крепость не удалось отрезать от мира полностью, так что подкрепление они время от времени получали. Как людьми, так и продовольствием. К примеру, в той знаменитой войне, когда блеснула Жанна д'Арк, вся английская армия окружила Орлеан, но и то не могла заделать все бреши: туда входили и выходили посланцы, а затем без помехи вошли войска блистательной Жанны.

Хуже того, осаждающие сами оказывались в плачевном положении: у них не было таких стен, и приходилось лагерь окапывать глубокими рвами, все проходы на ночь перегораживали цепями, вокруг постов часовых строили ямы-ловушки, везде стояли огромные щиты, чтобы защитить от прашников и лучников с высоких стен.

Так что этот край защищен очень хорошо, сопротивляться будет упорно. А со времен Римской империи уже не собираются большие армии. Малыми же силами эти земли не захватить...

Килпатрик часто выезжал вперед, Пес за это его выделил и часто сопровождал, охраняя, как отбившуюся овцу, но Килпатрик истолковывал это как привязанность огромного Пса к своей особе, чем очень гордился.

Они первыми достигли берега реки. С этой стороны остатки моста, с той — точно такие же, а посреди река несет злые воды быстро и раздраженно, бьет в берега, ревет, по всей длине течения ходит бурунами и водоворотами.

Килпатрик оглянулся на стук копыт наших коней.

— Черная речка, — произнес он почтительно.

— Снова Черная? — произнес я брезгливо. — Ну нет у людей фантазии...

— Что, — удивился сэр Килпатрик, — вы уже где-то встречали еще одну? Она такая же?

Я спросил, игнорируя вопрос:

— Из-за чего она Черная? Вроде вода прозрачная.

— Черная, — объяснил Килпатрик, — потому что еще не один человек не преодолел ее. Да-да, сносит ментально! А течение здесь такое, что с легкостью уносит любые глыбы...

Я попытался вспомнить эту реку, все-таки раза четыре как-то форсировал, но не смог, хотя рылся в памяти старательнее Шлимана в гробнице Тутанхамона. Видимо, Зайчик на скорости ее просто перемахнул. А Бобик мог вообще не заметить, подумаешь, вода течет...

— И что? — спросил я. — Нам вертаться взад?

Килпатрик сказал горделиво:

— Нет, тут совсем близко... Беда, если бы эта река бежала через весь мир! А так вытекает в сорока милях отсюда, это с востока, а впадает всего через милю.

— Куда впадает? — уточнил я.

— К счастью, не в море, — ответил Килпатрик и перекрестился. — Там расщелина, река низвергается с огромной высоты... и никто еще не видел то дно, куда она падает.

— Вот будет номер, — пробормотал я, — когда расщелина наполнится.

Килпатрик посмотрел на меня в удивлении, потом дошло, побледнел и начал торопить всех:

— Вперед, вперед, не останавливаться! Вдоль берега, а там побыстрее от этого места!

Еще издали мы услышали грозный рев, земля нача-

ла вздрагивать под конскими копытами. Ущелье даже не ущелье, а наподобие широкого колодца, пробитого метеоритом из нейтральной материи. Река с грохотом обрушивается с уступа, за все годы ничуть не сгладив и не отодвинув. Я не рискнул подъехать ближе к краю, слишком вздрагивают скалы, да и не настолько я любопытный, чтобы вот сейчас заглядывать во все дыры.

— Вперед, — велел и я. — Мимо и — дальше!

— Хорошо сказано, — молвил Килпатрик уважительно. — Мимо и дальше!

Мы обогнули впадину и снова взяли прежний курс. Килпатрик начал рассказывать, что в этой долине замечены деревья, что перемещаются с места на место. Даже не отдельные деревья, а целые участки леса, чего раньше никто из местных не замечал.

По землям барона Мэгда, здешнего сюзерена, в довершение ко всему передвигаются огромные песчаные ямы. Никто не знает, где они будут завтра, потому в той земле никто не селится, а путешественники избегают даже приближаться к опасным местам. К счастью, с одной стороны земли барона Мэгда упираются в горы, а с другой — в реку, потому песчаные ямы, ударившись о каменную громаду, отправляются обратно и гибнут в реке. С третьей стороны расположен лес Звонящих Листьев, могучие деревья выдерживают удары песчаных ям, более того — медленно и упорно отвоевывают землю, укрепляя ее прочными корнями.

Впереди еще зачарованное место, знаменитое тем, что в нем все заклятия теряют силу, а все амулеты и талисманы перестают действовать. Первые путешественники пугались, когда их могучие талисманы превращались в простые камешки или куски дерева, но когда выходили из странных земель, волшебные свойства постепенно восстанавливались. Ну а нам, благородным

рыцарям, которые уповают на крепость рук и силу духа, это место без магии совсем не страшно...

Судя по лицам рыцарей, все же страшно, но каждый лишь надменно хмурился и выше вскидывал подбородок.

Глава 8

Бобик отсутствовал долго, я втайне начал беспокоиться, но тут показалось стремительно приближающееся черное тело, разрослось, но странно, что Пес несется не прыжками, а чуть ли не рысью, Килпатрик первым понял, что у Пса в пасти, ахнул.

А Бобик положил мне к ногам огромное яйцо, желтое, кожистое, как будто даже расчерченное сеточкой ромбиков, отступил и посмотрел ожидающе. На спине и на боках присохшие стебли болотных растений, тина, клочья мха, на голове большая ссадина, а рядом вздувается шишка.

— Яйцо болотного дракона, — прошептал Килпатрик благоговейно.

— А что с ним делать? — спросил я. — На омлет? Или глазунью?

Рыцари заговорили взволнованно, Килпатрик замахал руками:

— Этому яйцу цены нет! Дракон слушается того, кого увидит первым. Ну как бы считает его мамой... Но такое яйцо не добыть...

Я буркнул:

— Но моя собачка как-то добыла?

— Наверное, — предположил кто-то, — втихую сперла из гнезда, пока драконы отсутствовать изволили.

— Но с кем-то подралась, — заметил другой. — Вид у нее помятый.

— Могла по дороге...

— С яйцом в пасти?

- Гм, кто знает такую собачку.
- Я тоже такую вижу впервые...
- Ха, а не слышаны разве?
- Сплюнь! Это, может быть, и не та вовсе.

Подъехал отец Бонидерий, перекрестил яйцо, но оно не вспыхнуло и не пропало. Да отец Бонидерий, судя по всему, и не ждал, что с яйцом что-то произойдет: в этом мире драконы так же привычны, как медведи или волки.

— Ну и что с ним делать? — повторил я. Огляделся. — Леди Беатрисса! Не желаете ли обрести верного друга и защитника? В смысле, стать мамой вот этому... этому существу?

Она смотрела сверху вниз на кожистое яйцо.

— Вообще-то у меня уже есть дочь, — проговорила она медленно, — хотя... могу для нее...

— Леди, — вскрикнул кто-то шокированно, — этот же сожрет вашего ребенка!

— Мой ребенок сам кого угодно сожрет, — ответила леди Беатрисса. — Сэр Ричард его такому научил...

Я ощутил себя на перекрестье взглядов, развел руками:

— Да ладно вам. Наследница таких обширных земель должна быть опаснее любых драконов! В маму.

Яйцо завернули в несколько слоев ткани, леди Беатрисса приняла его обеими руками, вызвав восторг у Бобика, только красная лошадка под своей хозяйкой пугливо прыгала ушами и нервно косилась большими испуганными глазами.

Не знаю, по каким критериям я включил в свой отряд сэра Ворпеда, массивного и малоподвижного рыцаря, лицо всегда красное, распаренное, он тяжело отдувается, даже когда просто стоит, хотя при долгом беге или после него сопит и вздыхает точно так же тяжело.

Возможно, это моя ошибка: слишком религиозен, в постный день не стал есть мясо, и сейчас, глядя, как рыцари с шуточками жрут жареного кабана, снова перекрестился и отсел в сторону. Я заметил, что он крестится чаще других, у него в это время на лице появляется иступленное выражение, мол, а я все равно заставляю себя каждый день отжиматься от пола, учить в день по три английских слова и перестану нажираться с приятелями. Это вот перекрещивание себя перстами — не что иное, как напоминание себе же, что я в этой вере, я все еще держусь в ней, не поддамся языческому, что тянет вниз, в хаос, в баб и пьянку. Буду возвышать себя, несмотря на все соблазны, буду держаться, живот втянут и плечи расправлены, даже когда никого вблизи, ибо Господь все видит, а я хочу стать лучше, чем я есть, а вот таким, как сейчас, можно только в отрочестве, когда все еще в личинках, но потом дорога только в грузчики да уборщики улиц, если не стану возвышать себя отказами от сладких соблазнов, заменяя их трудной и неприятной учебой, тренировками, семинарами, курсами повышения квалификации...

И отец Бонидерий появляется возле него не случайно: ощутил, что воля Ворпеда шатается... в смысле, вера этого рыцаря недостаточно крепка, чтобы выдерживать давление могучих инстинктов, которые десятки миллионов лет накачивали мускулы и учились ломать все препятствия.

Мы снова мчались, когда рысью, когда галопом, всех сдает нетерпение, а меня еще и тревога: ну не может быть, чтобы не встрялась какая-нибудь пакость. Ведь если под кем лед трещит, то подо мной ломится, а сейчас самое время: вот уже несколько дней ничего не случилось.

Еще одна ошибка, мелькнула мысль, которую Барбаросса мог бы поставить мне в вину, что я не прибыл в

«свои» земли сразу, в разгар лета. Летом, как известно, не воюют. Хотя вроде бы лето как раз и самое удобное время для войны: сутки почти полностью состоят из дня, прерываемого короткой ночью, для конницы всегда есть корм, для войска не надо искать теплых домов: поспят и на голой земле. Реки можно перейти вброд, а крупные легче переплыть, противник урожай еще не собрал, и если сжечь его поля, порубить виноградники — либо околеет с голоду, либо торопливо сдастся. Все-таки здесь не тот климат, чтобы успеть вырастить еще один урожай до зимы.

Однако все остаются беречь и собирать свой урожай, потом молоть, заботливо складывать мешки с мукой, а уже осенью начинаются войны, это после того, как на День святого Мартина крестьяне поставляют оброк, а вассалы привозят ежегодную дань. В честь завершения этих дел устраиваются охоты на скошенных полях... именно на скошенных, а не как ранее подавалось в моих школьных учебниках, описывая тяжелую жизнь крестьян не то при царе, не то при коммунизме.

Сейчас, увы, как раз такое время, когда урожай уже собран, дни не такие жаркие, а войско легко прокормить хоть своим хлебом, хоть захваченным у противника. Насколько помню, самые массовые битвы, начиная со знаменитой при Кресси, происходили с конца августа по конец сентября.

Сейчас уже конец сентября, но дни еще теплые, войско можно провести маршем быстро, но есть риск, что осенние дожди застанут войско в пути, дороги размочет, реки переполнятся и станут непроходимыми. Все отсыреет настолько, что даже костры не разжечь, так что рисковать вряд ли кто станет.

Правда, зимой есть то преимущество, что замерзшие дороги выдержат как тяжелую конницу, так и громоздкие повозки. По льду можно перейти ранее непро-

ходимые болота, озера и даже реки, однако первым, кто после Чингисхана и тевтонских рыцарей попытался вести войну зимой, был Наполеон, но и он, несмотря на свой военный гений, проиграл зиме...

Все равно, большие или малые войны разворачиваются, народ в них гибнет как мухи. Целые провинции пустеют, но, странное дело, проходит всего несколько лет, и все отстраивается, снова везде растут деревни и заполняются города.

Вообще-то при таких темпах рождаемости, когда женщина рождает столько, сколько может рожать, народ плодится, как кролики. Я помню из школы, что когда по Европе, и без того обезлюдевшей от опустошительных войн всех против всех, прокатились еще и две-три ужасающие по силе эпидемии чумы и Европа фактически обезлюдела, папа римский специальным эдиктом не только разрешил, но и настоятельно советовал мужчинам брать в жены столько женщин, сколько может защитить, «дабы снова наполнить землю людьми и тем самым выполнить волю Божию».

Потом, когда Европа стала подниматься из руин, снова вернулись к прежней практике моногамии, хотя мормоны так и остались многоженцами, понравилось, а здесь, как я понимаю, в отдельных областях этот обычай трансформировался в тетравленд, то есть жена убитого брата переходит к младшему, а если некто захватывает замок и убивает хозяина, то женщины переходят к нему в качестве его жен по праву тетравленда, что вообще-то справедливо: женщины всегда должны быть под мужской защитой, и если одна защита рушится, то ее должен предоставить им тот, кто ее разрушил.

Таким образом, у меня есть замок в Срединном королевстве, так я его называю, с тремя женщинами, считающими себя моими женами... ума не приложу, что с ними делать, и сейчас вон проезжаем мимо замка

Крумнивольд, где у барона три жены. Говорят, он крайне враждебно встречает всех, кто проезжает по его землям... Надо сперва выяснить, не придерживаются ли он и его жены этих устаревших обычаев. Не хотелось бы ехать дальше обвешанным новыми женами, как удачливый охотник утками.

Впрочем, их можно оставить на местах, опыт уже есть. Хоть сперва получилось вроде бы случайно, само по себе, но получилось же, так что опыт надо принять на вооружение.

Зайчик ощутил, что я впал в глубокие раздумья, и, чтобы не тревожить, пошел ровным шагом, дабы поверхность мозга даже не пошла рябью. Рыцари постепенно обгоняли, наконец со мной поравнялся отец Бонидерий.

Я не обращал внимания на его взгляды искоса, ну едет и едет нечто рядом крохотное на ишачке, ну пусть на муле, наконец священник кашлянул и заговорил проныковенным голосом:

— Я знаю, вы бросили все важные для вас дела за Перевалом, сэр Ричард! Чтобы примчаться спасать от смерти человека.

Я спросил с интересом:

— Это вы короля обзываете человеком?

— Король тоже человек, — ответил он с мягким укором. — Никого нельзя считать пропавшим или недостойным, пока он жив, пока дышит.

— Интересный взгляд, — признал я. — Король — тоже человек. Обычно я слышу, что простолюдин — тоже человек.

— Простолюдин скорее войдет в Царство Небесное, — произнес он и перекрестился, — чем сильные мира сего. Те слишком подвержены мирским соблазнам и... на беду свою, не могут устоять. Слишком многие не могут устоять!

— Ну, — сказал я, — у простолюдинов свои соблазны. У каждого свой ад и свой рай. Граница между ними постоянно меняется, но всякий раз проходит через нас, человек.

Он долго думал, не сказал ли я крамолу, не стоит ли на меня настучать, дабы вырвать из рядов церкви отступника, а я числюсь в церкви, хоть и как-то боком, наконец перекрестился и сказал со вздохом:

— Потому и бьются в нас светлые силы с темными, чтобы изгнать Врага из души человеческой, сэр Ричард. И я рад, что вы, паладин и вообще добрый человек, на стороне тех сил, которые идут к Богу.

Я покачал головой:

— Ошибаетесь, я совсем не добрый человек.

— Но, сэр Ричард...

— Добрый человек не тот, — сказал я невесело, — кто умеет делать добро... и великие злодеи его иногда делают, а тот, кто не умеет делать зла. Увы, я умею... да еще как умею!

Он некоторое время смотрел только на дорогу перед собой, мимо проплывают спрятавшиеся в золоте листьев деревья, наконец ответил грустно:

— Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы. Это сказал мудрый Соломон, который сам сделал величайшую ошибку...

— Когда набрал много жен?

Он отмахнулся:

— Тогда мир был другим, а Господь не смотрит на такие мелочи. Человек должен выжить — вот главная заповедь Господа. А уже затем — стремиться прийти к Нему. А вот то, что Соломон других богов допустил в свою страну, — это недопустимо.

— Царица Савская, — вспомнил я. — Все из-за нее...

— Да. Она была язычница, и он, презрев свою истинную веру, разрешил ставить языческих идолов и возводить языческие капища.

— Это называется политкорректностью, — объяснил я. — Соломон еще не знал, что это за гадость, но уже ввел ее в употребление... С него все это началось, с дурака. И кто его мудрым назвал? До сих пор ту дурь расхлебать не можем.

Он посмотрел с недоумением, не все понял, однако суть уловил, сказал с неожиданной твердостью:

— Надо держаться, сэр Ричард.

— Держаться, — возразил я, — это мало. Надо наступать! Церковь у нас воинствующая или где?

— Воинствующая, — ответил он и перекрестился, — воинствующая...

Леди Беатрисса время от времени бросала пытливые взгляды на сопровождающих нас воинов. Барбаросса позволил мне самому отобрать людей, но не мог расщедриться на большой отряд, что леди Беатрисса заметила в первую очередь, а сейчас пыталась понять, почему в отряде наряду с ветеранами почти две трети совсем молодых воинов.

За день одолели сорок миль, выдающийся результат, но это за счет хорошей дороги и хорошо отдохнувших коней. Дальше и дороги похуже настолько, что порой исчезают полностью, и кони устанут. Сэр Макс захватил для нас палатку, маленькую, но уютную. Как мне показалось, он захватил ее не ради меня, своего господина, а ради прекрасной леди. Хорошо, свинья такая, я тебе это припомню.

Потом поползли холмы, болота, дремучие леса, но, к счастью, не сплошной стеной, иначе сообщение между баронствами Хребта и королевством Барбароссы давно бы прервалось. Мы огибали эти леса, и всякий раз сэр Макс и Килпатрик с лучшими воинами прикрывали нас.

Частенько натыкались на троллей, гоблинов и лярв,

но обходилось обычно без стычек. Завидев большой отряд, лесные жители обычно убегали. Только однажды молодой орг оказался настолько глуп, что попытался напасть на тяжеловооруженных рыцарей.

Я попытался выезжать вперед, высматривая дорогу, но бурно протестовала не только леди Беатрисса, но и воины. И хотя все беспокоятся, как бы не остаться без главы, я в свою очередь подумал, как бы с моими разведками не остаться без отряда.

Когда вернулся в очередной раз, леди Беатрисса сказала в великом раздражении:

— Почему вы, сэр Ричард, настолько упрямый?

— Это комплимент?

Она вскинула брови:

— Как вы могли подумать? Или вы настолько в себя влюблены?

— Себя надо любить, — объяснил я. — Это единственная верная любовь.

Она фыркнула:

— Ну, знаете ли...

— А вот знать не нужно, — сообщил я. — Отец Бонидерий скажет вам, что нужно верить. Это важнее, чем знать. Чувства обманчивы, а вера... о, вера двигает горами!

Она слушала мою чушь с вымученной улыбкой, понимает женским чутьем, что это мои доспехи, которые поспешно надеваю, дабы не впустить в себя нечто... или не выпустить, кто знает.

— Вера тоже обманчива, — ответила она серьезно. — Веришь во что-то искренне и чисто, а потом оказывается... Вы что, никогда не ошибаетесь?

— Если бы, — вырвалось у меня. — Я весь ошибка природы. Пойду повешусь. Если, конечно, найду дерево, которое согласится меня поддержать на ветке. Мы едем уже по вашим землям?

— Давно, — ответила она с легкой грустью. — Теперь это ваши...

Я покачал головой:

— Ваши.

— Нет, ваши.

Я покрутил головой чаше:

— Нет! Вы же понимаете, я не стремлюсь их заполучить.

Она кивнула:

— Понимаю. Приказ вашего короля.

— Он не мой король!

— Да, я что-то во дворце об этом слышала... Хотя и не поняла, почему тогда выполняете его приказы.

— Это не приказы, — ответил я безнадежным голосом, — неужели не понятно, что и король нуждается в помощи, поддержке и сочувствии? К тому же, укрепив один камешек, можно не дать обрушиться большой лавине. Умные люди... гм, да, люди, подсказали, что король Барбаросса — тот еще камушек. А я, раз уж назвался паладином, должен лезть в кузов. Вот и залез! По самые, да. Уши.

Глава 9

Будакер обращается с леди Беатриссой предельно вежливо, всякий раз старается поцеловать ей руку, она всякий раз улыбается и опускает глаза. Я чувствовал, как горячая злость поднимается к сердцу, и, чтобы чем-то отвлечься, подзывал Пса, и мы мчались вперед, высматривая дорогу.

Погода хорошая, день теплый, по обе стороны дороги колосится пшеница. Крестьяне бросали работу и махали нам руками, а кто узнавал леди Беатриссу, становились на колени и радостно приветствовали ее. Склоны зеленых холмов как снегом усыпаны, столько

там овец, ниже пасутся стада тучных коров с отвисшим выменем, мелкие озера переполнены гусями и утками.

Богатые земли, отметил я. Но это я заметил еще тогда, когда ехали с братом Кадфаэлем и сэром Смитом через эти земли. Знал бы, что это будут мои земли, присмотрелся бы лучше. Или заранее отвертелся бы от слишком близкой дружбы с Барбароссой, что теперь лежит на мне тяжелым бременем.

Я старался держаться либо в авангарде, либо в арьергарде, высматривая возможные опасности, я же могу больше, чем другие, но понимал, трус несчастный, что просто избегаю близкого общения с леди Беатриссой. Между нами столько недоговоренностей... и в то же время оба понимаем, что лучше им так и оставаться недоговоренностями.

Но время от времени наши кони как будто сами, по своей воле, оказывались рядом. И вот мы общаемся на людях, как будто между нами нет этого страшного напряжения, дивной общности душ и всего того, что Фрейд сумел так опошлить, сведя к одухотворенным половым инстинктам.

Сейчас, на удивление, она не отвернула голову, взгляд кроток и печален, а голос звучит очень серьезно и очень невесело:

— Это горько и несправедливо, но в этом мире женщине нельзя одной... Так считается, хотя я не понимаю этого. Мне прекрасно одной, но все настаивают, что я должна как можно быстрее выбрать мужа, который будет бдить и защищать.

— К сожалению, — сказал я, — это мужской мир.

Она бросила на меня быстрый взгляд:

— К сожалению?

— Леди, я же сказал, в моем королевстве женщины равны с мужчинами. Но вся беда в том, что у нас жен-

щины хотят получать как мужчины, а отвечать как женщины... То есть никак не отвечать за свои проступки.

Она покачала головой, голос прозвучал упрямо:

— Не знаю, о чем вы говорите, но Саксон прекрасно мог бы меня защитить, вовсе не становясь моим мужем! Но все твердят о необходимости замужества. Думаете, я не перебирала всех подходящих на эту роль? А когда перебрала... принялась и за неподходящих!

— Увы?

— Увы, — согласилась она. — В конце концов я поняла, что придется выбирать между тремя в самом деле достойными рыцарями: графом Странженом, бароном ля Бержем и бароном Энгельярдом. Все достаточно уважаемые сеньоры, все трое пользуются хорошей репутацией. Правда, граф Странжен схоронил уже трех жен, но все они умирали от болезней, граф ни при чем, он их не убивал... хотя, как все сразу отметили, владения жен переходили к нему. Но все-таки у него репутация честного человека, к тому же он храбр и силен, всегда сражается впереди своих войск...

— А барон, как его, ля... ля... ля-ля-ля?..

— Ля Берж?

— Да, он самый.

— Ля Берж силен, красив и достаточно молод. Этот граф больше чем вдвое старше меня, а ля Берж почти мой ровесник. Он богат, влиятелен, умен, хотя многие уверяют, что это не ум, а хитрость и пронырливость. Я видела его дважды, и, скажу честно, мне он очень не понравился. Что-то в нем есть такое, отталкивающее женщин.

— Может, — предположил я, — не всех?

Она зябко повела плечами:

— Я как-то упомянула его в разговоре с леди Дестинной, это жена сэра Терри, так она, оказывается, такого же мнения... Ну а третий, барон Энгельярд, показался

самым лучшим на роль мужа. Он почти не бывает в своих землях, постоянно в дальних походах...

Я засмеялся:

— Ну да, идеальный муж — это слепоглухонемой капитан дальнего плавания.

— Моряк?

— Да, — подтвердил я. — Выходить замуж надо всегда так же, как умираем. Только тогда, когда невозможно иначе.

Она грустно улыбнулась:

— А про вас говорят, что никогда не рано поздно жениться. Так что мы квиты. В смысле, мужчины и женщины... в своих оценках друг друга.

— Если верить этим оценкам, мужчины и женщины ненавидят друг друга!

Я проглотил вертящееся на языке замечание Ларошфуко, что если судить о любви по обычным ее проявлениям, то она больше похожа на вражду, чем на дружбу. И вообще в голову сразу же лезут шаблонные сентенции вроде того, что глупые женятся, а умные выходят замуж, обручальное кольцо на пальце у мужчины означает — осторожно: женат, а у женщины — смелее, я все равно замужем, и подобная хрень, у нас у всех черепа заполнены такими готовыми мудростями.

Я увидел его издали, память сразу подсказала, что это не простая громадная ящерица размером с толстого крокодила, это же и есть... Из кустов выпорхнула птичка, поспешно замахала крылышками, взлетая, и вдруг рухнула на землю камнем. Упала на ровное место, даже травы нет, и я отчетливо видел, как о землю шлепнулась каменная фигурка.

— Чтоб ты сдох... — прошептал я. — Бобик, сидеть!.. Зайчик, стоять!

Я торопливо соскочил на землю, кто знает, вдруг да

моих петов превратит в камень с такой же легкостью, взял в руки лук и пошел вперед. На большом валуне посидел с минуту, приспособливаясь к переходу на тепловое зрение, добавил еще и запаховое, поднялся и пошел так же осторожно, присматриваясь ко всем багровым, красным и даже оранжевым силуэтам.

Странное дело, трижды видел в тепловом зрении отдельные пучки травы, хотя это нелепо. Правда, может быть, это не простая трава или даже не совсем трава. Либо теплокровная трава, либо какое-то животное микрирует под траву.

Глаза мои все время шарили в поисках крупных источников тепла, а когда перешел через гребень, по глазам как огненной вспышкой стегнуло: нечто похожее на осколок солнца быстро передвигается в мою сторону — ярко-оранжевое, почти белое, кипящее, нагревающее воздух вокруг себя так, что и тот начинает светиться багровым огнем.

Я быстро поднял лук, начал выпускать стрелу за стрелой. Когда смотришь в тепловом излучении, глаз не видишь, стреляешь наугад, по памяти, восстанавливая, где у монстра мозг, где уши, где раскрытая пасть.

Василиск вроде бы замедлил движение, одновременно я ощутил странную слабость, все члены похолодели, кровь заструилась медленнее, мысли начали замерзать. Василиск уже подполз совсем близко, я отбросил лук, выхватил меч и, ориентируясь на этот ком огня, сделал шаг в сторону и, вскинув тяжелый меч, с силой опустил на чудовище.

Лезвие меча Арианта трянуло, словно проходит через вязкий камень, затем от огромного бревна отделился приличный кусок. Я поспешно перешел на обычное зрение. У моих ног шелкает пастью страшная голова, глаза все еще смотрят с ненавистью, но их завлакивает пленка смерти.

Донесся топот, мои рыцари мчатся в мою сторону, вздымая мечи. Еще не поняли, что случилось, но раз я покинул седло и меч вставил в ножны — надо спешить.

Сэр Макс первым доскакал до утыканного стрелами монстра, его меч взлетел над головой... затем упал в ножны. Килпатрик и Будакер остановили коней рядом, те плясали под ними и не хотели успокоиться, василиск даже мертвый нагонял безотчетный ужас.

— Сэр Ричард! — воскликнул Макс. — Я еще не слышал, чтобы кто-то убил василиска.

Будакер поправил:

— Старый Кенкерд убивал, и не одного. Но у него был волшебный плащ...

— ...и это легенды, — закончил Макс задорно. — Как и Угарли — Убийца василисков, что жил тысячу лет назад и летал, подобно птице. Все это бабы сказки, но сейчас я вижу убитого василиска!

Я отмахнулся:

— Вы лучше скажите, он съедобный? Обычно у ящериц мясо неплохое. Главное, нежирное.

— Так что тут хорошего? — не понял Макс. — Жирное мясо — это мясо. А нежирное — вроде и не мясо вовсе... Сэр Ричард, я никогда даже не слышал, чтобы василиска ели!

Килпатрик хохотнул:

— Будем первыми.

Я посмотрел на небо:

— Тогда небольшой привал. Коней распрячь, напоить, пусть отдохнут. А мы посмотрим, что это за деликатес...

Ворпед, вздыхая и часто крестясь, взялся разделять редчайшую добычу. Он считается мастером; может шкуру снять так, что остается цела вся, а тушу любого зверя вытаскивает через пасть, сделав всего пару крохотных надразов.

Отец Бонидерий освятил василиска и прочел над ним очистительную молитву. Все сгрудились и жадно смотрели, как Ворпед ловко расчленяет тушу на части. Нож ни разу не наткнулся на кости, даже между суставами проходил, словно и не касался, куски отваливаются будто сами по себе. Их подхватывали и торопливо нанизывали на прутья.

У костра все спорили о природе василисков, а Ворпед, обычно немногословный, наконец сказал с явным неудовольствием:

— Ну что вы навывдумывали? Василиск вовсе не смотрит на тех, кого хочет сожрать. Он же не камнями питается, понимать надо!..

— А как же ловит? — спросил Килпатрик.

— По слуху.

— Ага, глаза закрывает!

— Ты зубы не скаль, он в самом деле все по слуху, как слепой. Но если добыча не по зубам, василиск может и посмотреть.

Будакер подал голос:

— По-моему, они вообще глаз не открывают. Ну, почти не открывают. Это если на него кто сам нападет, тогда да, посмотрит.

Ворпед продолжал рассудительно:

— Если он будет на всех смотреть, вокруг останутся камни, а сам он с голоду подохнет. Но вы ж видите, какой толстый...

Василиск оказался в самом деле крупный и упитанный, хватило на всех, погрызли даже кости, вдруг именно там внутри вся его сила. Мясо василиска, как говорят, придает мужскому взгляду твердость, мышцам силу, а самое главное — увеличивает главную мужскую силу, что для нас так важно. Во всяком случае, говорят, что увеличивает.

...Дальше двигались на рысях, останавливаться приходилось иногда из-за леди Беатриссы. Она быстро устала везти яйцо дракона, подвешенное на палке, это чтоб не стучало о конскую упряжь, рыцари тут же вызывались помочь, и начиналась неразбериха, когда каждый уверял, что знает, что делает, а леди Беатрисса визжала, что вот-вот уронят дракончика.

Я снова выезжал вперед, но однажды на взмыленных конях догнали Макс и Килпатрик, взволнованные, Макс побелел, да и Килпатрик выглядит не на шутку испуганным.

— Сэр Ричард! — кричал Килпатрик. — Дальше ни шагу!

Я поспешно остановил Зайчика, свистнул Псу. Впереди прекрасная долина, сочная зеленая трава по пояс, вспыхивают искорки на слюдяных крыльях стрекоз. Я сосредоточился и, сфокусировав зрение, рассмотрел на стеблях толстых кузнечиков. К одному медленно-медленно подбирался богомол.

Простучали копыта коня Будакера, он остановился возле меня, Ворпед и остальные рыцари тоже придерживали коней. Лица их стали очень серьезными, а у Ворпеды впервые побледнело и даже вытянулось, что совсем уж дико. К моему удивлению, сэр Макс торопливо перекрестился, Килпатрик потрогал амулеты. Подъехал отец Бонидерий и начал читать молитву.

Я спросил тихонько:

— Что случилось?

Макс ответил шепотом:

— Это долина Молчаливого Стрелка.

Я привстал на стременах, огляделся:

— А где он?

Макс сказал с тоской:

— Если бы знать! Он у нас бы кровью умылся. А потом я, хоть и христианин, с него бы живого шкуру снял и насадил бы на кол.

— Шкуру?

— Из шкуры сделал бы сарацинский барабан. А пока этот гад корчился бы на колу, издыхая медленно, я бы перечислял всех, кого он убил, сволочь...

Будакер откашлялся, лицо мрачное, сказал неприятным голосом:

— Сэр Ричард, никто не знает, кто он. И где прячется. Скорее всего, это не человек. Возможно, какой-то из древних богов. Он живет в этой долине и не терпит человеческой речи. Потому только самые-самые смельчаки отваживаются пересечь ее, а купцы проложили дороги в обход.

Я поинтересовался:

— А как пересекают эти смельчаки?

Он буркнул еще мрачнее:

— Нельзя вымолвить даже единого слова. Даже шепотом! Тут же щелчок, и ты падаешь, пронзенный стрелой. А потом стрела исчезает, словно превращается в пар. Но ты все равно мертв...

Я посмотрел на долину, дальний край упирается в гряду холмов, уже не зеленых, а покрытых деревьями с оранжевой и красной листвой. Там Молчаливый Стрелок уже не тронет...

— Ясно, — ответил я. — Но раз уж мы приехали сюда, а не в обход, то, я понимаю, поедem прямо?

Макс вздохнул:

— Зная вас, сэр Ричард, я предполагал, что, если повернем, вы тут же спросите зачем. И все равно с вашим бара... гм... благородным рыцарским упрямством восхотите проехать здесь. Так что распорядитесь, чтобы все закрыли рты... нет, просто напомните, про эту долину все знают, и... да благословит нас Бог!

Будакер покосился на леди Беатриссу.

— Наше счастье, что с нами такая женщина. Другую бы никто не заставил перестать щебетать.

Я кивнул, старался не оглядываться, хотя сердце трепещет именно за нее, женщины непредсказуемы, вдруг да захочет щебетнуть, но взял себя в кулак и первым направил коня вниз, в зеленую чашу.

Трава как трава, а долина как долина. Я сперва предположил, что неведомый стрелок настроен убивать всех млекопитающих, но вскоре из-под копыт выпрыгнула пара зайцев. Наверное, Молчаливый Стрелок убивает только тех, чья живая масса близка к массе человека, однако увидел олениху с олененком, пасутся спокойно. Олениха посматривает настороженно, готовая в любой момент пуститься в бегство. Видимо, в самом деле настройка только на человеческий голос, что вообще-то глупо. Вон как просто даже примитивные люди нашли способ преодолевать опасную долину... Возможно, когда-то настройка была даже на знаки различия, но специалисты погибли, а кто-то малограмотный сумел настроить только на звуки человеческой речи...

Внезапно жутко захотелось сказать хоть слово. Пусть даже шепотом. Самым-самым тихим. А если пройдет — чуть громче. А потом еще громче...

Я стиснул зубы, оглянулся в тревоге. Всадники настигают коней, те чувят общую тревогу и несутся карьером. Я остановил Зайчика, пропуская мимо себя отряд, успел перехватить взгляд расширенных в страхе глаз леди Беатриссы, но не решился даже улыбнуться подбадривающе, а то вдруг у нее в ответ вырвется слово...

Загнанные кони шатались и хрипели, когда зеленая равнина осталась позади, а отряд вскарабкался на холм. Я покидал долину последним, зудит сказать хоть слово нестерпимо, я стискивал челюсти, скрипел зубами, ну что мы за люди, почему обязательно надо потрогать пальцем скамейку с надписью «Окрашено», открыть дверь в трансформаторную будку с устрашающим желтым черепом, переходить улицу в неполюженном месте?

...Мы ехали тесной группой, сломав привычный строй, все наперебой высказывались о долине Молчаливого Стрелка. Сэр Макс оглянулся на меня, обеспокоенное лицо озарилось угрюмой улыбкой.

— Сэр Ричард! Как думаете, войско Его Величества прошло бы здесь?

Я проворчал:

— Наполеон, был такой полководец, потерял половину своей армии на дорогах одного королевства, не встречая противника. У Барбароссы было бы то же самое...

Килпатрик возразил:

— Его Величество не послал бы войско такой дорогой! Он оберегает людей.

Я поморщился.

— Скажи еще, из человеколюбия.

Килпатрик явно не знал, что это за странное слово, посмотрел с вопросом в честных глазах взрослого ребенка, кем были и всегда останутся рыцари, я вельможно отмахнулся.

— Не бери в голову. Власть, собственно, и есть запатентованное насилие. Все лорды стремятся стать королями, считая, что именно их способ ограбления населения наиболее справедливый.

Примчался Пес, в пасти болтается огромная щука с подозрительно длинными перьями, а Пес абсолютно сухой, будто перехватил, когда перелетала в соседнее озеро.

Килпатрик перекрестился:

— Господи, да где он их берет?

— Он уже взрослый, — ответил я, — следить за таким ребенком неприлично. Хотя, конечно, интересно... Бобик, отдай Килпатрику!

Килпатрик взял с опаской, щука начала бешено вырываться, блестя серебряной чешуей, вцепилась остры-

ми зубами в край его кольчуги. Я услышал металлический скрежет, стальная проволока оказалась перекушенной, будто алмазными клещами.

Килпатрик с проклятием бил озверевшую рыбу кулаком в стальной перчатке. Подскакали рыцари и наперебой советовали, что делать, но все хихикали и переглядывались, Килпатрик покраснел, какой позор, дерется с обидевшей его рыбой...

Я искал глазами леди Беатриссу, рядом с нею едет сэр Будакер, между ними палка с подвешенным в одеяле яйцом дракона. Беседуют мирно, в сердце снова шевельнулась ревность. Чтобы не видеть их лиц, я пустил коня вперед.

Далеко впереди над низкими кустами подскочил олень, явно отсыпался, очумело уставился на скачущих в его сторону всадников. Сэр Макс засвистел, заулюлюкал, олень наконец развернулся и бросился прочь. Спросонья все не мог набрать скорость, но наконец начал отрываться все дальше и дальше.

Я прикрикнул на Бобика, тот нацелился догнать и свернуть соне шею, это же готовый обед уходит, мы некоторое время наблюдали за удаляющимся золотым телом, как вдруг сэр Макс вскрикнул:

— Сиреневая Трава!.. Она перебралась!

Разговоры оборвались, все вытянули головы. Я и не обратил бы внимание, что трава дальше сиреневая, даже не такая уж и сиреневая, а зеленая с примесью этой сиреневости: весь лес в оранжевых листьях, пурпурных, багровых, багряных, ярко-красных, желтых — золотая осень в разгаре, так что и трава меняет цвет перед наступлением заморозков... но олень вбежал в эту сиреневость с разбегу, сразу забеспокоился и торопливо свернул, чтобы и не возвращаться к нам, страшным людям, и не пытаться пересечь все поле с этой низкорослой травой...

Потом он подпрыгнул несколько раз, мы видели на его копытах и бабках прилипшие стебли травы, сэр Макс выругался, а Килпатрик пробормотал:

— Ну что же ты, дурак... Еще успеешь вернуться...

— Не тронем! — крикнул Макс и замахал руками. — Возвращайся, дурачина...

Подъехали леди Беатрисса и Будакер, Будакер оценил взглядом расстояние и сказал трезво:

— Не успеет.

— Может успеть, — возразил Макс, — если сразу в нашу сторону. Тут всего шагов двадцать.

— Так олень еще дурнее тебя, — заметил Килпатрик. — И рога больше... А может, и нет...

Макс бросил ладонь на рукоять меча.

— Но-но!

— Нет-нет, — сказал Килпатрик испуганно, — беру свои слова назад. Олень ничуть не умнее тебя!

Макс насупился, чувствуя, что изворотливый Килпатрик снова его уел, но не мог уловить где, а я, не слушая больше, смотрел, как прыжки оленя становятся все слабее и слабее. Наконец он, уже не подпрыгивая, сделал три тяжелых шага, стебли травы прилипали к его коже, другие, как вьюнки, быстро оплетали ноги и поднимались все выше и выше.

Я успел увидеть, как возле оленьих копыт поднялись из земли зеленые травинки, начали подниматься, словно при ускоренной съемке, обрели зловещий синеватый оттенок, роднивший их со сталью, обвинили копыта... а некоторые даже сумели пронзить копыта, словно мягкую глину!

Олень закричал почти человеческим голосом, упал, трава сомкнулась над ним. Макс медленно выругался. Сквозь олений бок, покрытый золотистой шерстью, начали подниматься окровавленные стебли. А тело оленя все опускалось, будто под ним работает бригада кротов,

вскоре осталась только трава, одна трава, а кровь потемнела и осыпалась.

— Объедем, — сказал Будакер. — Хорошо, олень попался первым...

— Да мы бы заметили, — возразил Килпатрик. — Что, про Сиреневую Траву не знаем?

— Знать одно, — буркнул Будакер, — а все равно могли забыть и поскакать напрямик...

Я спросил раздраженно:

— А почему не уничтожат? Это ж не тролли в лесу, которых еще найти надо?

Килпатрик отъехал и уже махал оттуда, указывая, где пройти безопаснее. Трава не так уж и много места заняла, мы все направили коней в его сторону, Будакер начал объяснять недовольно:

— А кому этим заниматься? Если закрепиться на этих землях, вот тогда и... но, думаю, все равно не до травы будет. То бароны бунтуют, то лесные люди выходят грабить целыми племенами, то еще что посерьезнее травки.

— Понятно, — сказал я.

Глава 10

Тропка сузилась, справа и слева огромные камни, еще дальше по левую руку пологий холм с обрывистой стороной там, где проходить отряду. Килпатрик начал тревожиться. Я сам видел, что место просто идеально для засады. Макс велел всем опустить забрала и держать оружие наготове. Я выехал вперед, потом решил, что если и нападут в таком удобном месте, когда отряд вынужден растянуться в длинную цепочку, то нападут сейчас, торопливо вернулся.

Запаховое зрение только заставило ухватиться за конскую гриву, легкий ветерок уносит запахи от нас, я

вижу лишь то, что сзади, тепловое тоже ничего не дает при такой жаре... Я вздрогнул, склон холма усыпан равномерными багровыми пятнами, но слишком расплывчатыми, чтобы сразу определить...

— Тревога! — заорал я. — Оружие — к бою!

Лязгнуло железо, все закрывались щитами, я обнажил меч и пустил коня вперед. Тепловое зрение погасил, склон покрыт обычным зеленым дерном, я уже чуть было не усомнился, как вдруг по всему склону дерн начал взлетать, отброшенный нетерпеливыми руками. Из неглубоких ямок выскакивали полуголые люди, невысокие, но с мощно развитыми фигурами. С дикими криками ринулись вниз по склону, там наши сдвинули ряды, изготавливаясь выдержать удар.

— Всем стоять! — заорал я, меч в моей руке уже рассекал тела справа и слева, Зайчик дико ржал и бил копытами. Примчался Пес, я страшно гаркнул на него: — Тебе что было велено? Охраняй леди Беатриссу!

Он виновато умчался, вокруг меня снова собралась толпа, но Зайчик разбивал копытами больше черепов и грудных клеток, чем я доставал мечом, и противники меня оставили, ринулись вслед за остальными, что уже сражались с нашими.

Я повернул коня, на месте моего отряда дикая свалка. Напавших намного больше, однако Макс и все рыцари с оруженосцами держат боевой порядок, леди Беатрисса за их спинами. Я с облегчением вздохнул и тут же, заорав, ринулся на полуголую толпу, меч превратился в сверкающую полосу, а копыта Зайчика топтали чужаков, как будто это сочные подсолнухи.

Макс, Килпатрик, Будакер рубятся отчаянно, вокруг них уже вал трупов, я пробивался к ним, повергая, опрокидывая, рассекая брызгающие кровью тела. Ко мне обернулись, я услышал дикий вой, двое метнули

топоры, я принял на щит, в ответ коротким взмахом срубил обоим руки.

Вой стал громче и отчаяннее. В сторонке один из нападающих, рослый и в дорогой кольчуге, быстро и ловко стрелял из лука. Трое свирепого вида воинов не позволяли нашим приближаться к нему, а лучник скалил злобно и торжествующе зубы: стрелы находят цель. Он увидел мое приближение, лицо перекосилось, быстро повернулся в мою сторону, но стрела уже слетела с тетивы.

Трое его телохранителей прыгнули на меня, как пантеры. Зайчик успел одного встретить ударом копыта, тот рухнул с проломленной грудью, второго я сразу достал мечом, одновременно укрываясь от топора третьего. Тот ударил с такой силой, что зазвенело в ушах, а рука моя со щитом онемела по локоть.

Вожак быстро наложил новую стрелу на лук, глаза его с ненавистью не отрывались от моего лица. Вдруг я услышал отчаянный крик. Леди Беатрисса выметнулась из-за спины Будакера и послала коня галопом ко мне. Она выкрикивала что-то вроде «Майдэй» или «Маздэй», за шумом я не расслышал. Стрела сорвалась с лука, я пытался поднять щит и чувствовал, что не успеваю с онемевшей рукой. Леди Беатрисса оказалась между мной и стрелком, быстро обхватила меня руками. В этот миг я ощутил страшный удар.

Одновременно вскрикнул вожак нападающих. У меня в глазах потемнело, мелькнула мысль, что вот сейчас и каюк, однако лязг железа и крики начали отдаляться, а потом и вовсе затихли в отдалении. Я слышал только хрипы измученных схваткой бойцов, сдержанные стоны раненых.

Мелькнуло белое оперение стрелы, что торчит из спины прижавшейся ко мне леди Беатриссы. Я попы-

тался передать ее подсказавшему Будакеру, но побоялся выпустить из рук.

Рядом оказался сэр Макс, вскрикнул:
— Эта сволочь... он убил леди Беатриссу!

Я скрипел зубами, Зайчик попятился, холод накаывает волнами, я чувствовал, как силы покидают меня. Леди Беатрисса обмякла в моих руках, глаза на смертельно бледном лице закрыты, дышит тяжело, на губах показалась кровь.

— Не умирай, — попросил я. — Только сейчас вот не умирай...

Я вложил всю жадю, чтобы она жила, пальцы мои, скользкие от крови, ухватились за стрелу. С этой стороны зазубренный наконечник, я торопливо отломил хвостовое оперение и потащил стрелу за острый, еще теплый от крови клюв. Леди Беатрисса вскрикнула тонко и жалобно, как птичка, глаза широко распахнулись, из них брызнули слезы.

— Потерпи, — шепнул я, — потерпи, любимая...

Пальцы мои в крови, словно рылся в ее внутренностях. Стрела наконец вышла вся, зловеще красная, леди Беатрисса бросила на нее взгляд, побледнела как полотно и потеряла сознание. Я изо всех сил старался влить в нее жизнь и заживить рану, слез с коня, держа ее на руках.

Подбежал с чистыми повязками отец Бонидерий, я велел жестко:

— Святой отец, если вы сейчас же не возмолите Господа нашего, чтобы он явил чудо и вылечил леди Беатриссу... как и других моих солдат, то, клянусь небом, я разрушу все церкви, которые встречу на пути!

Он вскрикнул испуганно:

— Сын мой, как можно!
— Молитесь, — велел я грозно.

Он упал на колени и громко вознес молитву о даро-

вании всем сил и здоровья. Молил Господа смиловаться над нами, простить и меня, грешника, который брякнул такое не по злобе, а из желания добра всем...

Леди Беатрисса все еще оставалась без сознания, но рана ее затянулась. Я с великим облегчением перевел дух, с нею остались Будакер и Килпатрик, а я отправился осматривать своих раненых. К счастью, ни одного убитого, что значит превосходные доспехи и отменная выучка, но доспехи помяты почти у всех, а у пятерых кровь вытекает через все трещины.

Я каждого трогал и уверял, что отец Бонидерий сейчас молит Господа заживить нам раны, так как правда на нашей стороне. Мне в ответ слабо улыбались, но когда я кое-как доковылял до последнего раненого и утешил его, меня сотрясал озноб, зубы стучат, как при лихорадке, а желудок начал переваривать сам себя.

Свершилось чудо: страстная молитва отца Бонидерия достигла все-таки небес. Раны у рыцарей затянулись, и пусть не до конца, но легкие раны зажили, а серьезные перестали угрожать жизням. Место опасное, но до вечера не трогались с места, собирали раненых и осматривали убитых. Некоторые из рыцарей с ходу предположили, что это дикие ярпегии, мол, снова вышли из лесов, как бы опять не захватили весь край, пора созывать народ и загонять дикарей обратно, но более знающие высмеяли, дескать, где же дикость, если и доспехи хороши, и оружие в порядке. А что вместо мечей топоры, так ими в бою удобнее. А мечи — это больше для красоты.

— Галлисы, — определил один с видом знатока. — Или родственные им. Вооружение хуже, чем обычно, зато сражались яростно...

— Франки дерутся сомкнутым строем, — добавил

второй. — И хотя мы идем по земле франков, но это не франки...

— Но и не совсем галлисы...

Я все вспоминал вскрик леди Беатриссы насчет майдэя или маздэя, в голове крутится какое-то смутное воспоминание. Такое ощущение, что уже слышал, но явно настолько издавека и самым краешком уха, что в сознании не отложилось вовсе.

Она коротко взглянула в мою сторону и торопливо отвернулась. Я сел рядом, в голове ни одной мысли, только нежность пополам со щемом.

— Вы хоть поняли, — спросил я, — кто это был?

Она отвернулась. Я взял ее за плечи, она противилась, но я повернул к себе:

— Леди Беатрисса, кто это был?

Она потрясла головой, опустив глаза.

— Не знаю.

— Хорошо, — ответил я зло, — кто бы это ни был, я отыщу его очень скоро! И развешу его кишки на десяток деревьев.

Она вздрогнула:

— Что вы такое говорите?

— Он умрет, — пообещал я. — Умрет страшной смертью.

Она затрясла головой:

— Нет-нет, это была ошибка!

— Ошибка?

— Да.

Она старалась уклониться от разговора, я снова ухватил ее за плечи и заставил посмотреть мне в глаза.

— Кто это был? Ваш красавец виконт Франсуа де Сюрьенн?

Слезы брызнули из ее глаз.

— Как вы можете быть таким жестоким...

— Это был он?

— Нет, конечно... Конечно же, нет!

— А кто? Леди Беатрисса, я жажду крови этого мерзавца. Я убью его. И убью жестоко. Если хотите смягчить его участь, скажите мне все. Все!

Она долго отмалчивалась, но я не выпускал ее из рук, наконец она сказала очень тихо:

— Я очень не хочу, чтобы вы думали, что это виконт Франсуа.

— Тогда скажите, кто это был!

Она сказала еще тише:

— Я не хочу, чтобы вы его убивали.

— Как? — переспросил я. — Он чуть не убил вас!

— Он не хотел... Он целил в вас. А когда понял, что попал в меня, он изломал лук и ушел...

— Даже изломал лук? — переспросил я саркастически. — Я такой красивой детали не увидел. Так кто это был?

— Пообещайте, что не убьете его...

— Нет, — отрезал я. — Как я могу?

— Я этого очень хочу... Я настаиваю...

Голос ее стал отчаянным, я ощутил, как на мою ладонь закатали частые слезы. Я удержался от импульса вытереть руку, поднял ее лицо с мокрыми дорожками на щеках, заглянул в потемневшие фиолетовые глаза.

— Кто это был?

— Не скажу...

— Хорошо, — сказал я, — вы можете рассчитывать на мою... рассудительность, что ли. Как бы я ни кипел от ярости, но я не дурак и не сволочь. Я поступлю все-таки так, как нужно, а не как мне хочется.

Она прошептала:

— А нужно... это как?

— Нужно, — ответил я, — по божеским, как говорят, законам. То есть выполнять самые простейшие нормы человеческого общежития. Бог дал нам их самые простенькие, как для червяков, а дальше велел самим развивать, дополнять и совершенствовать.

Она глубоко-глубоко вздохнула, как ребенок после долгого плача.

— Хорошо. Это был Маздэй.

Я переспросил:

— А кто этот Маздэй... Почему о нем такая забота?..
Постой, я что-то слышал. Это не...

Я запнулся, она закончила:

— Мой двоюродный брат. У меня их двое: Маздэй и Люберт. Мы воспитывались в детстве вместе, они меня любят, и я их люблю. Когда они слышали, что мои земли отдали какому-то любимчику Барбароссы, они обещали собрать войско и прийти на помощь. Вот и...

Кулаки мои стиснулись, череп начал нагреваться. И так узел туже некуда, а тут еще эти братья... Что я им скажу?

— Не реви, — проговорил я. — Я не стану их убивать. Я верю, что он попал в тебя случайно...

Она подняла заплаканное лицо, в глазах недоверие.

— А то, что стрелял в тебя?

Я отмахнулся:

— В меня столько стреляло, бросало камни и било мечами, что если их всех убивать... Да и Господь велел прощать. Правда, я обычно отомщу, а потом прошу, но в этом случае, понятно, сделаю исключение...

Она затихла надолго, шепнула наконец:

— Спасибо...

В нашу сторону направился, нарочито громокая железом, сэр Макс. Отдал салют; сказал четким военным голосом:

— Сэр Ричард, уже темнеет. Не хотелось бы оставаться на ночь в таком неудобном месте. Вдруг повторят попытку?

Я бросил косой взгляд на леди Беатриссу.

— Не повторят, это точно. Но место надо поменять, иначе какой сон...

...С утра все рыцари, даже тяжелораненые, чувствовали себя настолько хорошо, что взобрались на коней. Ехать недалеко, леди Беатрисса заверила, что к вечеру доберемся... до ее замка. При последних словах голос дрогнул, пытливо посмотрела на меня, вдруг поправлю ревниво, но я слушал с равнодушным лицом, это же само собой разумеющееся.

Я если и буду претендовать на что-то, то лишь на башню с нехорошей славой. А так мне и башни самой не нужно, а только ее верхний этаж. Даже лишь тот участок стены, где тайная дверь в комнату, которую доблестно охранял герцог Луганер.

Отец Бонидерий ехал на муле горделивый настолько, что я едва не напомнил ему, что гордыня — смертельный грех. Человек не должен впадать в гордыню уже потому, что гордыня останавливает его развитие, совершенствование. Господь это понял и запретил гордиться. Кто гордится, тот перестает качать мускулы. А ему, Господу, зачем-то нужно, чтобы люди качались, стремились, совершенствовались, карабкались выше и выше по лестнице то ли эволюции, то ли еще чего, мне это пока по фигу. Я просто карабкаюсь.

Я первым услышал далекий стук копыт, сразу же послал Зайчика вперед. Кто-то скачет нам навстречу, и, судя по ударам копыт, конь на последнем издыхании.

— Вперед, — сказал я Зайчику, — возможно, спасем хотя бы коня...

Меня бросило на круп, я с трудом преодолел встречный ураган, прижался к конской шее, и тут же Зайчик остановился с такой бесцеремонностью, что я едва не сполз по его шее ему же на голову.

Скачущий навстречу всадник остановился, конь хрипит и шатается, широко расставив ноги. Я свистнул сквозь зубы, поспешно прыгнул на землю и успел подхватить падающего человека. Молодой парень, из спи-

ны торчат три стрелы, рубашка в крови. Синие губы шевелились, он пытался что-то сказать, я перебил:

— Успеешь!.. Сейчас отвезу к нашему лекару. Он же святой отец. Мертвых поднимает!

По бледному лицу скользнула слабая улыбка, но я уже держал его крепко, передавая часть жизни. Потом забросил на своего коня, поспешно вернулся к отряду. Завидев нас скачущими обратно, Макс тут же послал по два человека в стороны разведать обстановку, сам с двумя рыцарями, все с обнаженными мечами, оказался передо мной.

— Это кто?

— Один из челяди леди Беатриссы, — ответил я отрывисто. — Всегда такая тихая мышка...

Пока снимал с седла и укладывал на траву, слышался дробный стук копыт лошадки леди Беатриссы. Я услышал горестный вскрик:

— Это же Патрик!

— Тот самый? — спросил я. — Это в его честь ирландцы устраивают шествия? *

— Это Патрик, — повторила она со слезами на глазах. — Он такой преданный и услужливый.

К нам заспешил отец Бонидерий, возложил руки на чело парня и начал торжественно читать молитву. Я заботливо поддержал свисающую руку парня, холодок от ладони и до самого плеча показал, что в самом деле был при смерти, но теперь все позади, раны начинают быстро затягиваться.

Я быстро отошел, а Патрик открыл глаза и, отыскав взглядом леди Беатриссу, сказал торопливо:

— Леди... вам нельзя возвращаться...

Все насторожились, Макс и Будакер одновременно бросили ладони на рукояти мечей и огляделись, как в синхронном плавании. Леди Беатрисса спросила испуганно:

— Что... что случилось?

— К графу Хоффману подошел большой отряд. Он... самовольно впустил их. И... захватил ваш замок.

Гробовая тишина, леди Беатрисса вскрикнула:

— Он посмел?

— Это не все, — прошептал Патрик.

— Что еще?

— Он объявил вас изменницей...

Она вскрикнула в ужасе и негодовании:

— Он же клялся в вечной дружбе!

Никакие клятвы перед женщиной не обязательны, подумал я, потому что женщина — не человек. Но смолчал, слушая рассказ Патрика, как воины графа неожиданно оказались в замке и сразу учинили жестокую расправу...

— Как неожиданно? — прервала она. — Это не был штурм?

Патрик покачал головой:

— У Саксона было достаточно людей, чтобы отразить любой штурм. Да и справиться с теми, кто остался... а осталось не так уж и много. После вашего внезапного... убийства все постепенно разъехались. Но кто-то предал... иначе как вошли незамеченными среди ночи, когда на стенах только караульные, да и те не дремали?.. Саксон даже в постели не расставался с мечом, из-за чего над ним смеялись. Зато теперь уложил троих, а потом, раненный, куда-то уполз. Остальные же почти все погибли в постелях. Потом замок начали грабить, мне удалось улизнуть...

— Правильно сделал, — похвалил я. — Остаться и погибнуть в схватке — это красиво, кто спорит, но куда важнее было предупредить нас. Иначе мы попали бы в ловушку. Ты спас жизнь своей госпоже, Патрик! Ну, заодно еще и нам, что для тебя не так и важно, но что-то значит для нас.

Он посмотрел на меня со смешанным чувством, еще не зная, ненавидеть за узурпаторство или же поблагодарить за спасение. Ничего не придумав, закрыл глаза и сделал вид, что потерял сознание. А может быть, и в самом деле потерял.

За этим небольшим леском, как я помню, откроется грандиозная панорама ухоженных деревень и замка на холме. Я велел слезть с коней и расположиться на отдых. И запретил строго-настрого приближаться даже к опушке, чтобы из замка не увидели отблески на блестящих доспехах.

Из-за деревьев я наблюдал за притихшим замком, приближая изображение до головокружения и тошноты. Донжон, две башни и обе стены выглядят целыми и неповрежденными, но иначе и быть не могло: не землетрясение же вторглось, а всего лишь ублюдок граф Хоффман, который ограничится тем, что изнасилуется женщинами, сдавшихся мужчин заставит присягнуть себе, а своих верных людей поставит охранять ворота и все подступы к замку.

Хуже то, что подъемный мост опущен, а ворота распахнуты. Прежде всего это говорит о том, что граф готов помериться силами с нападающими. Это не значит, конечно, что всем позволят войти: как только десяток нападающих вбегут в ворота, решетка тут же рухнет, ворвавшихся перестреляют со стен из арбалетов и луков, а оставшихся по ту сторону стены забросают камнями, зальют горячей смолой, попросту перебьют из луков, пользуясь преимуществом в численности.

Замок на каменистом холме подсвечен заходящим солнцем, весь как из червонного золота, торжественный и красивый. И очень тихий, даже стяг графа Хоффмана на верхушке главного здания не шевелится, обвис тряпкой.

— Затих, — сказал за моей спиной сэр Макс. — Ждет.

— Нас? — спросил я.

— Может, и нас. Хотя вряд ли... Здесь такая драчка начнется за кресло верховного лорда...

Я подумал, покачал головой:

— Вряд ли здесь.

— Почему?

— Здесь решалось, — объяснил я, — когда леди Беатрисса была на месте. Все условились, что кого выберет, того и признают хозяином всех ее необъятных земель. А сейчас, вон Патрик рассказал, многие лорды сразу же начали покидать замок.

— Полагаете...

— Да, — сказал я, — все спешат в свои владения. Кто начнет укреплять оборону в ожидании смутного времени, а кто и попробует половить рыбку... Но этот замок нам все равно нужен.

Он посмотрел на меня с уважением:

— У нас мало людей. Полагаете, сумеем захватить?

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Придумать бы как.

За спиной зашелестели легкие шаги, словно приближается танцующим шагом лесная балерина. Я оглянулся на леди Беатриссу.

— Тревожно? Успокойтесь, это дело мужчин. Набейтесь сил. Как там ваш драконыш?

— Это и ваш, — ответила она сухо. — За ним присматривает сэр Будакер. Меня сейчас тревожит моя дочь. Конечно, я не думаю, что граф Хоффман может причинить вред ребенку, но все-таки...

— Да-да, — сказал я торопливо, а Макс часто-часто закивал, — никакого сомнения нет, вашей дочери ничего не грозит. Все-таки граф хоть и сволочь, но рыцарь, хоть и... гм...

Она вздохнула:

— Я понимаю, надо бы думать о замке, но у меня все мысли о дочери. Все-таки тревожно. Не успокоюсь, пока не увижу ее целой и невредимой.

Глава 11

Я до треска черепных костей вспоминал устройство замка, но ничего важного для нас припомнить не мог. Добротные стены, широкий и глубокий ров, заполненный водой до краев, подъемный мост, очень широкая привратная башня, надежные укрытия для стрелков, укрепленные связки бревен наверху стен... Плюс, конечно, сам донжон, похожий на обтесанную скалу.

— Леди Беатрисса, — сказал я тихонько, — что-то мне не верится, что в вашем замке нет подземных ходов.

Она вздрогнула, даже отшатнулась, глядя на меня с испугом.

— Что? Подземные ходы?

— Да, — ответил я ласково, — подземные.

— Кто вам такую чушь сказал?

— Сам придумал, — похвалился я. — По чуши я всегда самый первый. И самый главный. Так как насчет подземных?

Она покачала головой:

— Никаких подземных ходов в моем замке нет.

Голос звучал твердо, чересчур твердо. Я вздохнул, посмотрел на замок, леди Беатрисса тоже смотрела на его высокие башни.

— Жаль, — ответил я. — Очень жаль. Тогда нам придется вернуться. Одно дело въехать в замок, ворота которого откроются перед вами, другое — штурмовать с двадцатью человеками стены, которые защищают двести человек. Ну пусть сто.

Она прошептала потерянно:

— Возвращаться?

Вид у нее был настолько жалобный, что я едва не схватил ее в объятия, однако заставил себя сказать холдно:

— Оставаться здесь нельзя. Во-первых, такими силами замок не взять, даже вам это видно. Во-вторых, нас скоро обнаружат. В-третьих, вы, по сути, на враждебной территории. Ночью придется отбиваться от троллей, а днем ожидать нападения войск графа. А следующей ночью — уже и тролли, и граф...

Она угрюмо молчала, я пожал плечами и направился к костру, откуда вкусно пахнет жареной олениной. Но едва сделал два шага, за спиной послышался голос:

— Сэр Ричард...

Я обернулся, она смотрела мне в лицо умоляющими глазами.

— Да, леди Беатрисса.

— Ход есть, но он не поможет. Слишком узкий, чтобы прошли рыцари в полных доспехах. И кроме того...

Она заколебалась, я спросил:

— Какие-то знаки?

— Вы проницательны, сэр Ричард. Только я могу пройти.... Или любой из нашего рода. Под остальными провалится пол.

Я подумал, спросил:

— Только вы можете пройти или вы можете провести?

Она замолчала, наконец сказала нерешительно:

— Не знаю...

— Просто не пробовали?

— Но ход ведь тайный! Кто бы стал водить чужого?

— Логично, — согласился я, — но нет выбора. Либо мы с вами попробуем пройти...

— Мы? Вдвоем?

— А как иначе? — спросил я. — Если смогу пройти и я, то проведу и отряд. Придется нам с вами прогуляться туда-сюда. Не волнуйтесь, мы только дойдем до конца, и сразу взад. Как только увижу, что дальше двор. Или выход в башню, неважно.

Она вздрагивала, зябко куталась в мой плащ, глаза смотрели умоляюще. Я отводил взгляд. Ничего больше в голову не лезет, хотя, если подумать и рискнуть...

Я поужинал вместе со всеми, вспоминая все, что мог, про оборону и осаду замков. Этот построен правильно, а это значит, что его не взять штурмом. Даже если бы у меня было огромное войско. Да и вообще штурмовать с помощью лестниц — глупо и самоубийственно, это возможно только, если напасть большими силами со всех сторон, на потери наплевать, а в замке чтоб было всего несколько человек, которые устанут бегать по верху стен и отпихивать лестницы.

Но реальность такова, что у штурмующих практически никогда не бывает достаточного войска для штурма, а у защищающихся не бывает достаточно защитников. Я помню из уроков истории, что в 1216 году в замке Одишейм всего три рыцаря и десять простых воинов неделю удерживали непрекращающийся штурм французских войск. Обычный замок Пембрук защищали два конных рыцаря и десять пеших, в замке Конвей было пятнадцать профессионалов и еще пятнадцать удалось привлечь из местных, а в Варкворте, особо важной крепости на шотландской границе, было двенадцать воинов. Кстати, Конвей контролировал только что подчиненный и все еще не смилившийся Северный Уэльс, так что тридцать человек в замке — это сила, способная противостоять целому краю.

Но, как говорят, если не помогает волчья шкура — надевай лисью. Что не берут грубой силой, иногда удается взять хитростью, ловкостью, нестандартным хо-

дом. Еще иногда удается выиграть благодаря магии, хотя обычно равные по силе маги отыскиваются и на другой стороне... К тому же и магам проще обороняться, чем их собратьям нападать.

Закончив с обедом, я поднялся.

— Отдыхайте, — велел я, — ждите!

Похлопав Зайчика по шее и почесав Бобика, я быстрым шагом направился из леса в сторону замка. Сэр Макс испуганно вскрикнул:

— Сэр Ричард! Вас утыкают стрелами...

— Я так близко не подойду, — заверил я.

— Но не стоит, чтобы про нас узнали так сразу...

— Меня не увидят, — сказал я.

Впереди полоса густого и довольно высокого кустарника, я раздвинул зеленые ветки, сделал несколько шагов, вот теперь меня не видят как из замка, так и из леса, сосредоточился и принял личину исчезника. Минута тошноты, потеря ориентации в пространстве, затем проступили перед глазами зеленые ветки, я осторожно прошел в одну сторону, выглянул, это дорога обратно, вернулся и, выйдя из зеленых зарослей, пошел к замку.

Надо еще следить, чтобы не по густой траве. Кто-то может обратить внимание, что она почему-то сминается под невидимыми ступнями. Даже по гальке шел так, чтобы не слишком сдвигать ее с насиженных гнезд.

На краю рва я постоял, темная вода недружелюбно плещется у самых ног. Шагах в десяти через ров перекинут мост, пройдут четверо всадников ряд в ряд. Крепкий и надежный, но, когда я представил себе, что ступаю по этим доскам, по спине пробежали холодные мурашки.

На всякий случай приблизился как можно осторожнее, холод усиливался до тех пор, пока не начал колоть, словно крохотными сосульками. Кто-то сумел нало-

жить на мост сильнейшее заклятие. Не знаю, что произойдет с тем, кто вступит непрошеным, но проверять не хочется. Личина исчезника не спасает от ловушек, как не спасает от нюха собак и пристального взгляда колдунов.

Через поднятую решетку ворот я наконец рассмотрел кусочек внутреннего двора. Дважды прошли закованные в грубое железо люди, один раз пробежал слуга с деревянной бадьей в руках.

Я обошел замок со всех сторон, всматривался в землю и внюхивался, смотрел тепловым зрением и старался почувствовать себя лозоискателем, что чует в земле пустоты. Увы, увидел и вынюхал много разного, но только не подземный ход.

На обратном пути я вышел из опасной личины там же, в кустарнике, к своим подошел уже в привычном для них облике молодого сеньора с задумчивым взглядом и выпяченной вперед нижней челюстью.

Рыцари встретили вопрошающими взглядами. Я покачал головой.

— В замке все так же. Без изменений. Что значит, захватили изнутри и внезапно.

Леди Беатрисса подошла печальная и притихшая. Глаза ее полны страха и тревоги.

— Не рискуйте так, сэр Ричард.

— Я только посмотрел, — сказал я, — издали. Увидел много, но не то, что хотел.

— Тайные ходы?

— Вообще-то, — признался я, — про тайные ходы знаю. Один у вас в спальне, второй в кладовой северной башни, а третий... самый непонятный для меня, в кабинете вашего покойного супруга.

Она ахнула:

— Даже три? Я про третий не знала!

— Три, — подтвердил я. — Но, увы, все либо в большой зал, либо в холл. Нам же нужен за пределы замка. Не сомневаюсь, что такой есть. Если уж сделали эти, менее нужные, то за пределы замка — необходим жизненно.

Она покачала головой.

— К сожалению... Если бы такой ход был, разве мне было бы неизвестно?

— Конечно, — сказал я с убеждением. — Кто же доверит тайну женщине? Пусть и жене?.. Жена может быть чьей-то любовницей. Я не имею в виду вас, леди Беатрисса, какая из вас любовница, но вы понимаете...

Она оборвала:

— Понимаю. Но тем не менее, как я уже говорила, я не знаю про такой ход.

Я развел руками:

— Тогда застрянем здесь надолго. Отдыхайте, леди Беатрисса. Мне надо еще немного пройтись по свежему воздуху.

Запоздало подумал, что с ее обостренной обидчивостью и это истолкует как оскорбление, но возвращаться и объяснять, что я вовсе не имел в виду, что она жутко пердит, она вовсе не пердит, а если и пердит, то совсем неслышно, а вместо вони — аромат, просто такой оборот речи у людей, а я все-таки тоже человек, хоть и лорд, пошел по лагерю, прислушиваясь к разговорам, затем вышел на опушку, долго всматривался в замок и наконец вернулся в лагерь.

Еще когда я был только гостем леди Беатриссы, обратил внимание на заброшенную кладовую рядом с винным погребом. Мне тогда показалось странным, что помещение забито разным хламом, настолько никчемным, что никакой вор не позарится, давно бы пора выбросить. Особо осматриваться там не стал, но заметил, что в одной из стен за камнями ощущается пустота. Ко-

нечно, ее мог уловить только я или хорошо обученный пес, но тогда я обратил на это внимание и забыл, сейчас же вспоминал так и эдак, а вдруг именно там ход, который выводит за пределы замка. Тогда понятно, почему его так хитро замаскировали... Однако все равно неизвестно главное: где выход. Нам не из замка бежать, а туда как-то влезть...

Леди Беатрисса подошла, села рядом и невесело усмехнулась:

— Похоже, я сумела за последние три месяца укрепить замок лучше, чем де Бражеллен сделал за несколько лет. Нет, вовсе не потому, что я лучше, просто он редко бывал дома...

— Весь в нападении, а не в защите?

— Верно, — сказала она с благодарностью. — А я занялась защитой замка.

Я сказал с неудовольствием:

— К сожалению, леди Беатрисса, вы преуспели. Я даже не знаю, каким заклятием защищен мост, но чем-то очень подлым и зловещим. Граф Хоффман, похоже, не очень полагается на силу мечей, за его спиной нехилая магия.

— Это не я, — ответила она быстро. — Я не защищала магией... Да и мой маг, вы же с ним общались, он совсем не чернокнижник...

Я посмотрел на небо, солнце уже закатилось, облака ползут плотные, угрюмые. Если луна и высунется, такую толщу не пробьет, что в моем случае весьма, весьма.

— Ложитесь, — посоветовал я. — Утро вечера мудреней, как говорят мудрецы.

— Такое утро добрым не бывает, — ответила она невесело.

— Будет, — пообещал я как можно увереннее, так обещают детям, что завтра с утра заставят солнышко проснуться и вылезти из норки. — Правда будет.

...Деревья, что загораживают нас от замка, превращаются в темную стену, а та все чернеет, хотя солнце только что опустилось за край земли. В лесу всегда темнеет быстрее, понятно.

Пронеслась бесшумно сова, только воздух колыхнулся у лица. Летучие мыши, как вечерние призраки, косо и страшно мечутся в теплом воздухе, ловят нечто, смачно хрустят, иногда выплевывают изжеванные надкрылья жуков.

Черные тени от деревьев слились там на равнине и затопили мир. Костер освещает только ветки ближайшего дерева: на всякий случай его развели в яме, чтобы отблески не насторожили людей в замке.

— Наблюдайте, — повторил я в который раз Макс. — Мыслитель из меня хреновый, планы строить не умею. А если построю, то это гарантия, что все рухнет и рассыплется. Иногда мне кажется, что лучший на свете стратег — Сатана, а вот Господь Бог — великий импровизатор. Ну а так как мы по образу и подобию...

Они слушали, слегка прибалдев, мне бы очковой змеей работать, но не той, которую выгоняют глистогонным, а опасной боевой змеей, что гипнотизирует.

— Сэр Ричард, — осторожно спросил Макс, — а чего нам ждать?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Вы тоже... будьте готовы к импровизации. Если ничего необычного не заметите, сидите тихо. Если что-то начнет происходить... реагируйте.

— Как?

— По обстановке, — отрезал я. — По обстановке, сэр Макс!

Я отступил в темноту, вошел в кусты и напялил личину исчезника. Дальше пошел быстро и целенаправленно, преодолел пустое пространство между лесом и замком, тот на фоне звездного неба растет огромный и

подавляющий темным величием, на валу остановился, высматривая, затем медленно опустился в холодную, как жидкий лед, воду. Главное — идти очень медленно, чтобы не хлюпнуло. Жуткое по беспомощности чувство, когда молишься всем существом, чтобы луна не вылезала из-за туч, чтобы крошечная тьма здесь, внизу, длилась и длилась...

Удалось так же тихо выбраться на ту сторону рва. Луна выглянула и снова скрылась. Я выбрал момент, когда на стене поблизости никого, все чувства обострены так, что могу порезаться, зашвырнул наверх веревку с привязанной толстой палкой. Палку я на всякий случай заранее обвязал тряпками, чтоб не слышно было стука, и едва ощутил, что зацепилась прочно, торопливо полез наверх, кляня себя за то, что узлы навязал недостаточно толстые.

Не понимаю, как по веревкам взбираются в мгновение ока, я лез, лез, лез, и хотя стена на самом деле совсем не Эверест, мне казалось, что я муха на стене Эмпайр. Наконец ухватился руками за верх, но тут стражник на стене развернулся и пошел обратно.

Я стиснул зубы и остался висеть, зацепившись ногами за веревку, а руками за холодный камень. Стражник шел медленно, надо мной даже остановился чуть, я подумал, что если вздумает помочиться мне на голову, то я же не зеленый берет, который позволит над собой такое надругательство во имя скрытности, я этого гада сброшу со стены, как только развяжет веревку на штабах...

К счастью для обоих, стражник прошел дальше. Я втянул себя на верх стены, быстро переполз чуть левее, где с внутренней стороны ступеньки шли вниз, как можно тише спустился и вздохнул с облегчением в глубокой тени, двор я знаю как свои пять пальцев.

Хорошая охрана на воротах, вверху и внизу, на сте-

нах, и почему-то несколько воинов с оружием наголо сидят у башни, в которой была моя спальня. Я подкрался ближе, треск костра мешает расслышать, я сосредоточился, отсекая лишние слухи, а тут еще из окон и распахнутых дверей в главное здание несется бодрый рев мужских глоток.

У входа в башню четверо могучего сложения стражей. Двое отдыхают, двое на ногах, я видел, как время от времени поднимают головы, прислушиваются.

— У него пять жизней, что ли, — пробормотал один из тех, что на ногах. — Я же сам всадил ему нож в бок!.. А он развернулся и, не отскочи я, убил бы...

— Зато снес голову Корригану, — возразил второй.

— А что, — сказал первый обидчиво, — я должен был подставить свою голову?

— Да лучше бы свою, чем Корригана!..

— А чем он лучше? Пил больше?

— Я у него всегда в кости выигрывал! А ты хитрый жмот...

— Тихо!

Все четверо застыли, мне тоже послышался очень высоко какой-то шорох. Некоторое время стражи прислушивались, наконец один выдохнул с облегчением:

— Почудилось... Скорее бы смена!

Другой сказал саркастически:

— Боишься, что он убежит и всех нас порубит?

— Не боюсь, — ответил второй, — но у этой башни дурная слава. Тут люди то появлялись из ниоткуда, то исчезали...

— Да брось! Этот Саксон уже лежит, подышает от ран. Если уже не подох.

— Так пойдя и проверь, — предложил один из тех, кто сидел на лавке. — Можешь даже сказать хозяину, что это ты его убил. Граф даст обещанную награду.

— Сам проверяй, — огрызнулся первый.

Глаба 12

Я выудил из кармана монету, щелчком отправил в темноту. Она звонко запрыгала по булыжникам. Все четверо насторожились, тут же повернули головы.

Наконец один пробормотал:

— Что это было?

Они переглянулись, наконец самый решительный взял из костра головню и пошел в ту сторону, откуда донесся и затих звук. Вернулся он довольно скоро, морда обалдевая, на ладони золотая монета.

— Здорово, — прошептал кто-то. — Не зря говорят, что тут по ночам Древние развлекаются...

— Древние?

— Ну, тени Древних...

Еще один вытянул голову.

— Дай я попробую на зуб!

— Ну да, — сказал счастливец, — потом отбери у тебя! А на зуб я сразу попробовал. Думаешь, я зря пошел? Я по звяку золото отличу от чего угодно.

Я выждал, еще две монеты отправил щелчком еще дальше. Прислушивались одно мгновение, затем двое разом бросились в темноту. Остальные ждали, вытягивали шеи. Я видел отчетливо, как те двое вслепую шарят, факелами водят по булыжникам, хотя мне отсюда видно, где затаились монетки. Первую нашел снова тот же, что решился на поиск в одиночку, он чуть было не ухватил и вторую, но другой успел чуть раньше.

Вернулись с торжеством, второй громко рассказывал, как этот гад чуть было не заграбастал все три монеты, вот же сволочь пронырливая. Монеты рассматривали жадно, уже прикидывали, как истратят. Я выждал, когда ажиотаж достигнет сарая, или апогея, не помню, бесшумно вытащил остальные, их штук пять-шесть. Размахнулся и с силой отправил над поверхностью вы-

мощенного булыжником двора, чтобы подскакивали, как «блинчики» над водой.

Встрепенулись все четверо и, я даже не ожидал такой мгновенной реакции, сорвались с места разом.

Я на цыпочках торопливо подбежал к выбитой двери. Под ногой предательски скрипнуло, беззащитная спина замерла в смертном страхе. Я вздохнул с великим облегчением, когда ввалился в дверной проем, и, уже чувствуя себя в относительной безопасности, задел приклоненные рядом копыя.

Они обрушились на землю с грохотом, и только тогда все четверо обернулись, застыли. Я слышал, как один прошептал в ужасе:

— Что это было?

Второй прошептал:

— Это Древние... Кто-то споткнулся о копыя...

— Ты дурак? Как тени могут спотыкаться? Кто-то из них для забавы толкнул их, чтоб нас пугнуть!

Еще один буркнул:

— Пусть забавляются, но монета вот она... И еще где-то есть...

Когда все вернулись, я слышал, как договаривались помалкивать, а то и монеты отберут, и вздрючку получат за отлучку. Ведь Саксон мог попытаться ускользнуть.

Я с облегчением убрал руку с рукояти меча. За моей спиной узкая винтовая лестница ведет наверх по часовой стрелке. Чем хороши эти башни, так именно такой хитростью: лестницы везде загибаются по часовой стрелке, а это значит, что защищающийся держит меч в правой руке, а щит в левой, в то время как нападающий вынужден рубиться левой. Конечно, в мирное время хорошо бы лифт или хоть какой-то подъемник, а то пока всползешь на вершину, то чувствуешь себя так, будто в самом деле взял ее с бою.

Но, похоже, именно то, что нападающий щитом терся о стену, как раз и спасало до сих пор жизнь Саксону. Я постоянно переступал через доказательства преимущества винтовой лестницы: трупов столько, что поставить ногу некуда.

Трупы до самого верха, сколько же здесь полегло. Только однажды увидел воина в цветах Бражелленов, а так все люди графа Хоффмана. Люк на верхнюю площадку закрыт, я тихонько постучал, выждал, постучал снова и, оглянувшись, прошептал:

— Саксон, это я... открой!

С той стороны тишина, я испугался, что израненный Саксон уже мог за это время умереть, прошептал громче:

— Саксон, это Ричард Длинные Руки!.. Леди Беатрисса вернулась с войском! Открой мне...

Снова долгая тишина, наконец донесся глухой стон. Я видел сквозь толстые доски, как появилось расплывающееся багровое пятно, медленно приблизилось. Медленно, очень медленно начал выдвигаться засов.

Люк дрогнул, освобождаясь, я быстро поднял и, вскарабкавшись наверх, тут же задвинул засовы. Саксон, весь в коросте засохшей крови, с повязками на плече и обеих руках, стоит на коленях, похоже, уже нет сил даже встать.

Багровые набрякшие веки начали опускаться, я успел подхватить, перелил часть жизни, уложил навзничь. Снизу по-прежнему тихо, стражи все еще шепотом обсуждают случившееся.

Тяжелые веки на измученном лице поднялись. Глаза с полопавшимися сосудиками с трудом обрели осмысленное выражение.

— Вовремя... — прошептал он. — Они уж могли бы войти... трусы... Моя рука не держит меч...

— Уже держит, — заверил я и снова опустил ладонь

на его раненое плечо. Холодок побежал по руке вверх и растаял. Саксон в самом деле близок к смерти, как только и держался, старая закалка. — Помощь близка. Леди Беатрисса уже в лесу. С нею отряд отборных воинов.

Он помолчал, затем губы слегка шевельнулись:

— Люди короля Барбароссы?

Помедлив, я соврал:

— Нет. Мои люди.

Он снова помолчал, пальцы сжались в кулаки, плечи вздулись. Я перевел дыхание, не сразу сообразил, что просто проверяет свое тело, а вовсе не собирается броситься на меня.

— Значит, этот замок отныне ваш?

— Нет, — ответил я торопливо. — Ты сам, если хочешь, поднимешь на башне ее стяг.

— Хочу, — ответил он просто.

— Как только очистим замок от этой дряни, — уточнил я. — Сколько их? Где сам граф?

— Не знаю, — ответил он уже крепнувшим голосом. — Когда началась резня по всему двору и в донжоне, я понял, что нас захватили врасплох. Кликнул Кеста и Мыстаря, они оказались рядом, пробились втроем к башне и тут уже защищались.

— Хорошо защищались, — сказал я. — Те до сих пор страшатся убрать трупы с лестницы.

Он кивнул:

— Да, мы отступали очень медленно. В конце концов граф заорал, что не будет терять людей, а заморит нас голодом. Или заставит самих нас перебить друг друга.

— Но твои люди погибли?

— Да, это граф сказал, чтобы мы успокоились, а сам еще пять раз посылал выбить нас отсюда. Мы для него как заноза в заднице, кроме того — угроза. Он же не знал, что нас в башне всего трое! Последний раз сам

повел отряд. Тогда и погиб Кест, а Мыстаря тяжело ранили, сегодня умер... Графа я трижды поразил так, что, если бы он не рухнул на руки тех, кто внизу, я бы добил... Но успели унести, а я отступил и заперся...

Я снова опустил ладонь ему на плечо, холодок уже едва ощутимый, сказал властно:

— Спи!.. Утром тебе понадобятся силы.

Он спросил устало, но с радостной надеждой:

— Замок... вернем?

— Да, — ответил я. — Спи.

Его набрякшие веки напозли на глазные яблоки, а я подумал, что рыцарь на его месте спросил бы, будет ли бой, славный бой, когда звенят мечи и кричат на- смерть убитые, а этот по-крестьянски поинтересовался, вернем ли замок. Да и вообще рыцарь на его месте уже давно бы погиб, посчитав для себя постыдным отсиживаться, запершись в башне, когда есть возможность выйти одному против ста и красиво умереть.

Так что при всей любви к рыцарству надо будет опираться вот на таких, из простого народа... Гм, что-то у меня все чаще такие вот несвойственные ранее мысли: как строить замок, как наладить оборону, на кого опираться, как распределить налоги, как начинать осторожные реформы... от одного этого слова становится кисло и противно, словно глотнул жабу в уксусе.

Утром Саксон едва раскрыл глаза, сразу спросил с надеждой:

— Что-то придумали, сэр?

Я покачал головой:

— Что-то у меня с головой. Всегда знаю, как спасти мир, как вывести страну из кризиса, даже знаю, как выиграть в Кубке Кубков, но вот такие мелочи, как захватить замок... гм...

Он проговорил с почтительным уважением:

— Это потому, сэр, что вы привыкли повелевать большими войсками, да?

— Да, — ответил я со вздохом. — Я вообще-то генералиссимус, командовал и орками, и эльфами, и даже ленивые гномы у меня еще как воевали... Да что там гномы — дварфы сражались за милую душу! Я даже знаю, как опустить доллар! Эх, как жаль, что я птица такого высокого полета, в мелочи никак не вникну...

Совсем обалделый, он спросил встревоженно:

— Так что делать будем, сэр?

— Не знаю, — ответил я честно. — Там, в лесу, уже тревожатся. Я обещал вернуться к рассвету, а вон уже солнце поднимается... Как бы сдуру не пошли на приступ! Лягут все до единого. Наверное, выйду я наверх да начну отстреливать все, что движется. И что шевелится. А там, глядишь, какая умная мысль придет. Ей надо, чтобы голова чуточку разогрелась.

Глаза у него полезли на лоб, когда я взял лук и направился к лестнице.

— Сэр Ричард... а вы стрелять-то умеете?

— Не рыцарское дело, хочешь сказать? Ладно, Саксон, открою тебе великую тайну... Когда-то я был совсем простым, совсем простым солдатом... как славно быть ни в чем не виноватым... гм, о чем я? Ага, так что умею, увидишь. А ты лучше спустись ниже. Эти гады могут попытаться влезть, все-таки мы переходим в наступление, так ведь?

Он сказал решительно:

— Ни один не войдет!

Поднимаясь наверх, я обернулся.

— Кстати... хоть и глупо у тебя спрашивать, но на всякий случай: не знаешь, что с дочерью леди Беатриссы?

Он покачал головой:

— Я все дни сторожу этот люк. Даже к окну не подхожу, чтобы не поймать стрелу в лицо.

Я поднялся на самый верх, каменный парапет защищает до пояса, головой упираюсь в крышу: простую, дощатую, ее легко разобрать и поставить катапульту. Но сейчас катапульты нет, зато крыша убережет от навесных стрел.

Во дворе почти нет челяди, но появились двое звероватых воинов, поглядывают по сторонам с явным намерением увидеть местных. Так сладко глумиться, издеваться, пользоваться всеми правами победителя...

На воротах пять человек, двое облокотились на барьер и всматриваются в даль, трое сидят под его защитой. Но парапет защищает их от стрел с той стороны, а для меня они все как на ладони...

Гм, вообще башня выстроена так, что с этой площадки можно держать под прицелом все крыши и все открытые места замка. Мудро, конечно. Правда, у спрятавшихся здесь ни единого шанса спастись, но держать-ся могут столько, на сколько хватит еды и питья.

Я снял с плеча лук, сделал несколько частых вдохов, надо взвинтить частоту ударов сердца, понадобится вся скорость, натянул толстые кожаные перчатки с обрезанными пальцами, сам додумался, прицелился в самого внимательного на воротах. Пальцы на тетиве разжались, тотчас же я схватил вторую, третью, четвертую... Только на пятой чуточку промазал: из кузницы вышел огромный воин, поперек себя шире, весь в железе, и стрела ударила стражника в задницу. Он заорал возмущенно, я поспешно выпустил еще одну. Влетела в широко раскрытый рот так, что сомкнувшиеся зубы сжали перо.

Мужик в железе ошалело проводил взглядом рухнувшего со стены соратника. Я поспешно выстрелил, стрела ударила в грудь... и отскочила! Не веря себе, я опешил и потерял несколько драгоценных секунд, а мужик торопливо опустил забрало, стрела звонко звякну-

ла о шлем, отскочила. Третью, четвертую, пятую я выпускал в разные места, но стрелы отскакивают, мужик наконец опомнился, завопил и ринулся к распахнутым дверям большого дома.

Скорость он набирал, как рыцарский боевой конь под грузом турнирных доспехов: очень медленно, но к дому несся уже, как всесокрушающий вихрь. На пороге его настиг молот, я услышал короткий удар металла по металлу, мужика внесло в дом, а молот вернулся в подставленную ладонь.

Я снова ухватил лук, пристрелил троих, что неосторожно выбежали во двор. Минуты через три по крыше шелкнула на излете стрела. Я отыскал стрелка на ближайшей крыше, улыбнулся ему и всадил стрелу в горло.

— Красиво жить не запретишь. Но помешать можно...

Минут десять никто не показывался, затем из башни выскочили трое и, прикрываясь щитами, устремились к воротам. Одного я ранил на середине двора, второго без помех застрелил, пока тот взбегал по каменным ступенькам на верх ворот, а третьего снял уже на самих воротах.

Еще через четверть часа группа в пять человек выбежала из дома и, умело прикрываясь щитами, вытащила из сарая длинную лестницу.

— Ну, держись, Саксон, — сказал я вполголоса. — Покажи еще раз свою воинскую выучку...

Они приставили лестницу, первый начал подниматься, я прицелился, стрела со звоном ударила в верх шлема. Тот свалился, едва не сбив второго, что начал лезть следом. Лицо его на миг открылось, когда он уклонялся от падающего, и прямо между глаз расцвело белое оперение моей стрелы.

— Не лучше ли умереть молодым? — пробормотал я. — Еще не сделал выбор?.. Я хороший консультант...

Третий добрался до середины лестницы, я всадил

одну стрелу в плечо, он продолжал подниматься, но вторая его сбросила.

— Жить будешь плохо, — произнес я вдогонку, — зато недолго.

Оставшиеся двое бросились в разные стороны.

— Будете убегать, — сказал я премудрость, — умрете вспотевшими.

Они упали, не добежав до спасительных укрытий, и теперь уже целых полчаса никто не показывался. Солнце поднялось над лесом, яркие лучи бьют в глаза, но это если смотрю на ворота, однако, что плохо для меня, хорошо для сэра Макса и его рыцарей...

Еще через полчаса я услышал долгожданный рев боевого рога, но, увы, трубили здесь, в замке. Из всех дверей выбежали вооруженные до зубов люди, все прикрываются щитами, блестят обнаженные мечи.

Тетива звонко и страшно щелкает по толстой коже перчатки, целей много, внизу крики, ругань, никто даже не пытается укрыться, все выбегают, как тараканы из горящего дома, и стремятся к воротам.

И только сейчас я поднял взгляд и увидел скачущих от леса блестящих рыцарей. Солнце светит им в спины, тем ярче горят их шлемы, и кажется, что металлические фигуры окружены сиянием.

Трое всадников держат наперевес, словно копья, лестницы. Я умилился: наскоро сколоченные из веток, эти лестницы развалятся под первым же рыцарем, что за самоубийство, а руки мои безостановочно накладывали стрелы, натягивали тетиву и отпускали.

Всадники скрылись из поля зрения за стеной. Несколько минут ничего не происходило, наконец над краем стены поднялся блестящий шлем, и рыцарь быстро запрыгнул на стену. Тут же в его щит вонзилась стрела. Я увидел высунувшегося из восточной башни лучника, торопливо накладывает вторую стрелу. Я поспешно выстрелил и успел на долю секунды раньше.

Рыцарь, приготовившись ловить щитом и вторую стрелу, посмотрел на убитого, затем в мою сторону и вскинул меч. Я узнал сэра Макса. За ним на стену взобрались еще двое, но это все, а судя по тому, как Макс смотрел вниз и ругался, похоже, лестница все-таки рассыпалась.

Я метался по площадке, глядя во все стороны разом, ловил даже намек на движение и мигом посылал туда стрелу. Сэр Макс сбежал по каменным ступеням во двор, оставшиеся на стене помогали взобраться другим, в это время во дворе появился Саксон. Я перегнулся через парапет и увидел свисающую веревку.

— Нет у тебя дисциплины, Саксон! — крикнул я, но меня вряд ли услышали за топотом и криками.

Саксон бросился отворять ворота. Судя по тому, что с наступлением темноты их закрыли, магическая защита работает только при свете дня. Макс помогал как мог, я некоторое время следил, чтобы им не ударили в спину. Ворота распахнулись, ворвались блестящие рыцари моего отряда.

Я опрометью бросился вниз.

Глава 13

Моих стрел избежали только те, кто и не пытался выбежать наружу из главного дома и башен. Они с ужасом смотрели, как падают их соратники, сраженные, словно молниями. Судя по всему, готовились оказать сопротивление уже во внутренних помещениях замка, там нам придется труднее, а лук мой в тесных коридорах не поможет, но Саксон не позволил начинать штурм до моего появления.

Я спустился с башни, закричал:

— Стойте! Я не хочу терять людей! Ни одного. Не хочу даже, чтобы хоть кто-то пальчик прищемил. Вот

такой я хреновый рыцарь... зато хороший лорд. Это в смысле, если сам себя не похвалишь, то от вас хрен дождешься, свиньи грубые... Ждите здесь!

Я пинком отворил двери в дом, отпрыгнул на всякий случай. В зале пусто, но это не значит, что за боковыми стенами не ждут с обнаженными мечами. Посреди зала вниз лицом лежит тот грузный мужик в толстых доспехах, сейчас с земли он показался еще огромнее.

— Слушайте все! — крикнул я в пустой зал. — Сопротивляться бесполезно! Мы перебили половину вашего гарнизона, не потеряв ни одного человека. Сейчас можем перебить остальных... Но я гуманист и не люблю проливать кровь, которая тоже денег стоит. Оставьте в зале оружие, а сами выходите по одному... Обещаю всем жизнь.

После паузы неуверенный голос прокричал:

— А почему мы должны верить?

— Чему? — спросил я.

— Что нас тут же не вздернут!

— Вы только выполняли приказы, — объяснил я. — Вешать надо только тех, кто вас сюда привел.

— А если вздернете?

Я крикнул громче:

— Вздергивать — экономически невыгодно! Я лучше заставлю вас заново дверь вставить в башню... вообще отработать, чтобы возместить убытки. Да и вообще... отпустив вас, я оповещу всех, что такому орлу, как я, выгоднее сдаваться, чем драться до последней капли крови.

Еще пауза, за моей спиной раздраженные голоса, самые молодые рыцари рвутся в схватку, наконец тот же голос из глубины зала прокричал:

— Мы выходим!

— Без оружия, — предупредил я.

За спиной простучали копыта моего Зайчика, я ог-

лянулся быстро: леди Беатрисса, бледная и с решительным лицом, держит повод обеими руками, Пес подбежал и попытался меня облизать, но я цыкнул, и он смиренно застыл, опустившись на задницу.

В темном проеме показался крупный рыжий мужик в кожаных латах поверх длинной кольчуги, руки поднят над головой, пальцы растопырены.

— Сдаемся! — сказал он хрипло.

— Сколько вас? — спросил я.

— В доме шестеро...

— А вообще?

Он ответил уныло:

— Да кто же теперь знает... Вы положили половину отряда. В жизни не видел, чтобы так стреляли... Вы не эльф переодетый?

— Пока нет, — ответил я. — Хотя кто знает, как развлекались родители... Ступай вон туда и сядь под стеной. Не пытайся бежать, понял? Я не пугаю, но ты посмотри на мою собачку...

Он посмотрел, изменился в лице и сказал с дрожью в голосе:

— Дык если приснится, зайкой станешь... Не шелохнусь даже! А шас она не съест?

— Уже пообедала, — ответил я таким тоном, что он побледнел и поспешно отправился к стене, где сел и погрузился в раздумья, как быстро меняется жизнь. Из дома выходили один за другим с поднятыми руками пленные.

Саксон взял на себя размещение их под стеной, потому что забившиеся в углы отыскивались во всех четырех башнях. Всего набрали двадцать три человека, и, не оказавшись я в таком стратегически удачном месте, они легко бы отражали штурм хоть стотысячного войска.

Мои рыцари быстро обыскивали замок в поисках спрятавшихся, я крикнул Саксону:

— А теперь, как я и говорил, можешь сбросить с центральной башни эту дрянь, именуемую прапором графа Хоффмана! Пусть, как и всегда, развевается с гербом... де Бражеллена, ибо такова воля леди Беатриссы. Люди увидят, что власть снова сменилась, начнут потихоньку возвращаться в замок.

Леди Беатрисса произнесла за моей спиной тихо:

— Спасибо, сэр Ричард.

Я пожал плечами.

— Не за что.

— Вообще-то вы должны бы вывесить свое знамя, — ответила она печально. — Почему вы этого не сделали?

Я снова пожал плечами:

— А это важно? Париж стоит обедни. Это знамя привычнее для ваших крестьян. Хотя оно мне и не нравится, как так это знамя, не буду скрывать, человека, пытавшегося меня убить не совсем честно... Но не будем об этом, а то решат, что я клеветшу. Сейчас главное для людей, что все вернулось на свои места. Вы снова хозяйка в своем замке.

Она горько усмехнулась:

— Пусть так думают? Любой обман хорош, если служит миру?

— Это не обман, — буркнул я. — Кстати, мои рыцари ищут девочку во всему замку.

Она побледнела:

— Как? Она исчезла?

Я развел руками:

— Все пленные клянутся, что никакой девочки не было вообще. Говорят, граф Хоффман искал какую-то, но ее не оказалось в замке. Как и за пределами замка.

В помещениях ни трупов, ни крови, зато изломана мебель, изрублены столы и лавки, везде перепачкано, сильно пахнет мочой. Саксон ходил следом. Если с мо-

мента моего появления в башне все еще относился настороженно, то теперь сама преданность, я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Слушай, там, в зале, один рыцарь... или не рыцарь, я так и не понял, но мои стрелы отскакивали от его доспехов! Только молот его достал... Даже не знаю, а вдруг оглушил только?

Саксон покачал головой:

— Нет. Уже остыл.

— Возьми его доспехи, — велел я. — Сними, отмой, а если надо, пусть кузнец или оружейник постучат, где надо... Такой доспех не должен попасть кому попало.

— Спасибо, мой лорд!

— Иди, а то сопрут.

Он умчался, а я злой и расстроенный, хотя надо бы ликовать, все-таки замок захвачен без потерь, бродил по всем залам, комнатам, заглядывал в чуланы и кладовки, спустился даже в подвал.

Из стены высунулся чуть-чуть светящийся шарик, нервы мои встрепелулись.

— Деф!

Он пошел внутри стены, высовываясь наполовину, я услышал слабенький писк:

— Пойдем...

— Куда?

— Иди...

Он не останавливался, я поневоле почти побежал, спустились еще в один подвал, там пусто, только разбитая на щепки старая бочка. Деф вдвинулся в стену, пропищал:

— Ударь здесь...

— И что будет?

— Бей.

Я хотел метнуть молот, но передумал, взял в руку и ударил, как если бы мужчина среднего телосложения замахнулся киркой. Камни затрещали и рассыпались.

В дыру, через которую пролезет крупный кабан, видна еще одна крохотная камора. Тут же в ней показалась испачканная мордочка девчушки в таком же перепачканном платье с длинными лохмотьями паутины.

— Франсуаза, — сказал я счастливо, — там шмели разве живут?

Она вылезла через щель и бросилась мне на шею. Я подхватил худенькое тельце, прижал, чувствуя, как пугливо колотится ее крохотное сердечко.

— Нет, — прошептала она и посмотрела круглыми глазами. — Меня заманил сюда мамин браслет.

— Браслет?

— Да, — прошептала она прямо в ухо и оглянулась пугливо. — Он начал кататься по полу, а когда я хотела его взять, он покатился дальше... Я бежала за ним, а потом вдруг стало темно. Я все-таки успела его схватить, а когда обернулась, эта дырка уже исчезла...

Я поднял голову.

— Спасибо, — сказал я с чувством. — Я у вас в долгу. Вы спасли ребенка.

Деф пропищал:

— Не благодари. Мы у тебя в долгу больше.

Он исчез, Франсуаза спросила с удивлением:

— Ты с кем разговариваешь?

— С тем, кто катил браслет твоей мамы.

Пока леди Беатрисса обливалась слезами, расцеловывая отыскавшуюся Франсуазу, я в сопровождении Макса и Будакера поднялся в ее покои. Кулаки мои сжались, а за спиной раздалось гневные проклятия.

Я остановился посреди комнаты, рыцари с руганью поднимали изрубленные столы, кресла. Ну что это за лорд, если опустил до того, что изорвал все платья леди Беатриссы, а от кучи этого тряпья пахнет крепкой конской мочой? Да и насрано так, что одному графу

столько не навалить... Взрослые ублюдки с мозгами двенадцатилетних пачкунов стен в подъездах и лифтах...

— Быстро найди женщин, — велел я, — пусть как можно быстрее уберут в хозяйских покоях. Постарайтесь успеть до прихода хозяйки!

— Хорошо, сэр... — ответил Макс, голос его осекся.

Я обернулся, в комнату вошла, держа за руку Франсуазу, леди Беатрисса. Лицо ее было смертельно бледно.

— Не надо меня оберегать, — произнесла она тихо, — я не робкий цветок, сэр Ричард. Я не однажды перевязывала раны воинам.

— Так то раны, — буркнул я. — Думаю, слишком большая честь для графа Хоффмана, чтобы его говно убирала леди Беатрисса собственными ручками. Слуги вернутся, леди Беатрисса. Все, кто уцелел, вернутся. Сейчас надо изыскать средства и заплатить семьям погибших. А также выделить средства на восстановление разрушенного. Хоть стены и ворота уцелели, но в свинарнике жить что-то не хочется. Впрочем, я пошел, пошел, пошел...

Она проводила меня тревожным взглядом. Я видел в ее глазах немой вопрос: с моим знанием потаенных уголков ее замка нашел я или нет фамильную сокровищницу де Бражелленов. Понимает, что до меня уже дошли слухи о несметных богатствах, которые накопили поколения Бражелленов. Не говоря уже о том, что богатые женятся на богатых и приумножают богатства, ее прадед, дед и отец ничего не расходовали из своей казны, а только приумножали.

Леди Беатрисса не догадывается, что косвенным свидетельством ее богатства являются ее браслеты, серьги и кольца. Не такие огромные и вызывающе заметные, как у королевы или придворных дам, но у тех просто обрамленные в золото бриллианты, а здесь —

дивное создание древних ювелиров, сумевших в колечке из неизвестного металла создать целую галерею картин, барельефов и все это украсить цветными камешками. Чтобы найти одно серебряное кольцо — сперва нужно найти тысячу медных, чтобы найти одно золотое — сперва нужно собрать тысячу серебряных, чтобы заполучить одно платиновое — сперва собери золотые, а у кого вот такое колечко, то без слов понятно, что сундуки забиты золотыми.

Похоже, леди Беатрисса таится от меня то ли потому, что, когда я исчезну, она на часть этих сокровищ быстро восстановит все разграбленное, то ли опасается, что брошу все деньги на набор войска, дабы идти мстить графу Хоффману.

Рыцари вышли за мной в коридор, я прорычал люто:

— Не понимаю! Если он, захватывая замок, был уверен, что теперь это его замок, то почему даже мебель рубил в щепки?.. Ни одной уцелевшей тарелки, гад...

Макс кивнул:

— Да, мой лорд. Я видел, какие прекрасные гобелены изрезал да испоганил... В таком замке — и голые стены!.. Даже окна выбиты. Просто так, никто в них не влезал...

— Это чтоб вышвыривать во двор было легче, — предположил Будакер деловито.

— Зачем? — спросил я.

Они переглянулись, Будакер ответил почтительно:

— Осмелюсь предположить, сэр Ричард, что они вас оценивают выше, чем вы ставите себя. Кстати, ваш блестящий и рискованный захват замка это подтвердил.

— Ну, это случайность. Если бы не Саксон...

На этот раз сказал Макс:

— А если он чувствовал... что вы вернетесь? И что все равно не сумеет удержать замок, если начнете отбирать? Вот и лютовал... Это объясняет, почему его здесь

нет. Замок должен защищаться, здесь он или нет, но если он здесь и погибнет, то на этом все и закончится! А если он в другом замке, то это только начало долгой войны. Там с ним сладить будет гораздо труднее. Там его люди, его земли, его войска.

Будакер добавил с некоторым даже одобрением:

— Он рассчитал правильно. Вам будет не до него. И это оскорбление придется просто проглотить.

— Я злопамятный, — возразил я. — Веду обидам точный счет, и уж за мной не пропадет. Это что же, я буду лопать, как собака, из деревянной миски? Это ж надо быть таким мелочным скотом, чтобы побить даже посуду!

Часть II

Глава I

С луг и работников замка пришлось собирать по окрестным деревням. Кто-то прибежал сам, как только услышал, что графа Хоффмана изгнали, другие осторожничали, этих я велел пригнать силой. Когда всех собрали во дворе, я объявил, что отныне никто не посмеет торгнуться, мой длинный меч тому порукой. Все должны вернуться к своим обязанностям, а за пережитые страхи и волнения я выплачиваю им добавочную плату.

Нечаянно взглянув вверх, я увидел в окне третьего этажа лицо леди Беатриссы. Бледное и, как показалось мне, очень встревоженное и расстроенное.

— Выплачиваю я, — добавил я, — но это благодаря щедротам леди Беатриссы.

Кто-то повернулся к замку и крикнул:

— Слава нашей хозяйке!

— Слава леди Беатриссе! — прокричали другие.

На крикнувшего славу хозяйке посматривали опасливо и переводили уstraшенные взгляды на меня. Уже понимают, что хозяин замка и владений тот, кто крепче держит меч. Я улыбнулся и вскинул руки.

— А теперь принимайтесь за работу! Вы все знаете, что нужно делать. А кто новенький — об-

ращайтесь к Саксону. Он теперь управляет не только замком.

Кто-то спросил робко:

— А чем еще?

— Как чем? Всеми вами. Он теперь и управляющий... раз уж тому не повезло.

Саксон за неделю, что прошла после возвращения замка под наш контроль, ухитрился исхудать и побледнеть больше, чем за дни, которые провел в башне. Он не успевал поесть днем, а ночью поспать, настолько рьяно старался убрать все следы разгрома. Пленные, переданные в его распоряжение, трудились с утра до вечера, а троих после короткой проверки зачислил в охрану замка и вернул им оружие.

А меня в этом мире все больше раздражало отсутствие карт. Попросил Саксона нарисовать границы наших владений, с кем граничим, где у нас леса, озера, горные кряжи, дороги и мосты через реки, а когда он закончил, отнес к леди Беатриссе и попросил довести черновик до ума.

Как и ожидал, она знает намного точнее как границы, так и владения соседей, где бывала не раз. Таким образом, на карте появились и мои восточные соседи: владения сэра Инкризера и сэра Глицина, графа Хамердинка и Зубея... Это мои непосредственные соседи, владетельные лорды. У Глицина земли поменьше, чем у меня, но замков даже больше. И вассальных рыцарей больше...

За землями Инкризера и Глицина лежит мрачная земля Хоффмана. Он давно уже дал вассальную присягу соседнему королю Гиллеберду, и теперь его земли являются яблоком раздора между королем Барбароссой и Гиллебердом.

Вообще-то, будь у меня сил побольше, я бы сказал, что расположение моих земель как нельзя более удачно:

с юга защищает неприступный Хребет, с севера и запада — земли королевства Барбароссы, да еще отделенные непроходимыми болотами и топями, и только на востоке опасность как от буйных баронов, так и от натиска набирающего силы королевства Гиллеберда.

Но вообще-то там земли тех, кто настроен ко мне весьма и весьма враждебно: сэра Бауэра, барона Яддониса, Маалакса и Хэви Вульфа, виконта Франсуа де Сюрьенна, графа Ансельма — «самого сильного бойца графства», но с которым вообще не пришлось столкнуться, да и в толпе женихов я его не заметил, хотя, по слухам, он был тогда в замке леди Беатриссы, но больше довольствовался служанками... Еще граф Росчертский, как же такого забыть, только еще не вижу, где его владения, барон Варанг...

Пожалуй, не выказали явной вражды только барон Диас да Гамес, у которого под знаменем двести рыцарей и три тысячи пеших воинов, это который волосатый, да еще равнодушно ко мне отнесся граф Ришар де Бюэй, герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Пролива и еще каких-то войн местного значения. Это, конечно, не значит, что они окажутся нейтральными и дальше. Одно дело не принимать меня всерьез как жениха, другое — услышать о моих притязаниях как пфальцграфа всей Армландии!

Еще, помню, был разговор, что леди Беатриссе придется, скорее всего, выбирать между графом Странже-ном, бароном ля Бержем и бароном Энгельярдом. Все трое относятся к классу оверлордов, то есть очень даже владетельных сеньоров, под рукой которых немало «простых» лордов, а у этих простых немало рыцарей-ленников со своими замками и мощными дружинами, а у тех тоже вассалы поменьше с замками попроще и гарнизонами помельче, которые, в свою очередь, раздают клочки земли мелким рыцарям в лен, такие даже замок

поставить не могут, живут в обычных укрепленных домах, но в нужный момент и сами сядут на коней, и народ своей деревеньки вооружат и поведут за собой...

Я водил пальцем по карте, леди Беатрисса давала пояснения, я старательно запоминал. За спиной жутко скрипнула дверь, с грохотом ввалился Будакер. Лишенный ковров пол загремел под его тяжелыми, как у голема, шагами.

Усталый и запыленный, он с досадой снял и отбросил шлем, тот с грохотом укатился в угол. Будакер потер красную полоску на лбу, глаза поблескивают хмуро. За время перехода от замка Барбароссы он показал себя очень неплохо. Как в бою с братом леди Беатриссы, так и при захвате замка. Держится уверенно и с тем чувством достоинства, что не позволяет поклониться чуть ниже обычного даже королю, от которого так много зависит.

Сейчас наблюдал за нами с непонятным раздражением.

— Сэр Ричард, — сказал он наконец и запоздало отвесил церемонный поклон леди Беатриссе, — и наша прекрасная хозяйка. Слух, что мы выбили гарнизон графа Хоффмана, распространится очень быстро. А это принесет добавочные хлопоты.

— Какие?

Он сел, снова поклонился леди Беатриссе, но говорил, устремив взор строго между нами:

— Хотя все знают, что владения барона де Бражелена король подарил сэру Ричарду, но никто не признает сэра Ричарда хозяином этих владений. Ну, я человек здесь новый, а вы это знаете лучше меня. А это означает войну, в которой у нас нет шансов... В то же время леди Беатрисса остается вдовой, то есть слабой женщиной, которая нуждается в сильной мужской руке.

Леди Беатрисса произнесла:

— Но сэр Ричард...

Он отмахнулся в раздражении:

— Я же сказал, здесь он — никто, какая бы у него ни была рука: длинная, короткая, сильная или корявая. Против него здесь несколько тысяч рук. Тоже, кстати, не слабых. Вы не увиливайте, леди Беатрисса, прекрасно понимаете, о чем я крикаю. Не меньше десятка крупных и могущественных сеньоров претендуют на вашу руку. И вы обязаны кого-то выбрать, иначе здесь разгорится такой пожар, что жарко станет и на небесах...

Она выпрямилась, но по ее виду чувствовалось, что загнана в угол. Прерывающимся голосом сказала:

— У них нет других забот?

Будакер покосился в мою сторону, сказал с еще большим раздражением:

— Все эти проблемы и будущие войны легко снять одним движением руки. Или одним словом.

Она не стала спрашивать, каким это словом, все понятно, а Будакер велел служанке принести эля, с наслаждением осушил большую кружку и со стуком опустил на середину стола.

— Как хотите, но вы, леди Беатрисса, обязаны называть вслух того, кого выбираете в мужа. Это необходимо, чтобы успокоить земли от Хребта и до Разлома.

Он встал, церемонно поклонился и вышел, огромный и несгибаемый, привыкший говорить прямо в глаза все, что думает.

Мы остались одни, я неотрывно рассматривал карту, леди Беатрисса, казалось, перестала дышать. Я не смотрел в ее сторону, но чувствовал, как переминается внутри себя с ноги на ногу, не решается сказать то, что нужно сказать. Довольно паршивое состояние, когда и я, все понимая, абсолютно не могу прийти на помощь.

Я поклонился:

— Пожалуй, на сегодня можно закончить. Отдыхайте, леди Беатрисса. День был очень трудный, а я вас утомил просто бессовестно.

Я уже отворял дверь, как услышал позади ее сдавленный голос:

— Погодите, сэра Ричард.

Я повернулся, она слабо улыбнулась и указала мне на кресло. Я выждал, когда она сядет, осторожно опустился, не сводя взгляда, весь внимание. Леди Беатрисса вздохнула и сказала резко, будто бросилась с берега в холодную воду:

— Сэр Ричард, нам нужно обсудить пути... которые помогут всем заткнуть рты.

— Я весь внимание, леди Беатрисса, — ответил я почтительно.

Она старалась не встречаться со мной взглядом.

— В ваших интересах, как и в моих... заключить союз. Вы очень сильны как рыцарь, я — богата. Это взаимовыгодный союз.

— Да, — согласился я.

— Но для пользы дела, — продолжала она так, словно продиралась через колючие заросли, — союз нужно закрепить... Я понимаю, что вам он не нужен так же, как и мне, но это для посторонних важно...

Щеки ее уже пылают, словно алые маки, смотрит в стену мимо меня, пальцы нервно мнут оборку платья.

— Да, — подтвердил я. — Людям нужны понятные знаки.

— Потому нам, — договорила она, — нужно заключить этот союз... брачный союз. Он будет чисто деловым. Мы сразу договоримся, чем занимаетесь вы, а чем — я. Ваша власть распространится на огромные земли, а я... я сохраню свой замок, который очень люблю. И которым буду управлять только я. Я говорю о Сворве, а Коце, как и все остальное, вы вольны взять себе и делать с ним что заблагорассудится.

Она умолкла, подняла взгляд на меня и снова опустила. Я проговорил сдавленным голосом:

— Я весь внимание, леди.

Она продолжила, отчаянно краснея и не глядя на меня:

— Это чисто династический брак, который нас ни к чему не обязывает... Повторяю, я оставляю за собой только этот замок и ближайшие деревни. Мои амбиции не простираются дальше, а вы берете все остальное.

Она умолкла, в глазах страх и неуверенность, я выдержал достойную паузу, иначе нельзя, я же обдумываю, сдержанно поклонился.

— Да, леди Беатрисса, это приемлемый вариант сделки.

— Тогда...

Голос ее прервался, я кивнул:

— Тогда отыщите хотя бы клочок пергамента. Не думаю, что люди графа и его уничтожили. Напишите все условия брачного договора. Думаю, я смогу подписать, не вступая в споры по каллиграфии.

Она посмотрела с некоторым колебанием, слишком легко соглашаюсь, предупредила:

— Но хотя общая власть принадлежит вам, сэр Ричард, в этом мире все принадлежит мужчинам, но замок Сворве остается целиком и полностью под моей властью! И все подчиняются только мне, а не вам!

Я наклонил голову:

— Да-да, можете уточнить это отдельной строкой.

— Я это сделаю, — пообещала она. — Мало ли что вы сейчас обещаете...

Я снова поклонился, пряча улыбку. Слишком напомнило это подслушанное на сеновале между солдатом и служанкой: «Но ты же обещал на мне жениться!» — «Мало ли что я на тебе обещал!»

Она что-то уловила, выпрямилась, в глазах подозрительный блеск.

— Сэр Ричард!

— Да, леди Беатрисса.

— В вашем распоряжении будут замки, — произнесла она, — которые вы сможете поставить под свой контроль... или объявить своими. Но и мой замок, Сворве, будет рад вам, когда вы будете проезжать мимо и захотите заехать по дороге.

Я снова едва сдержал улыбку. Как отчаянно сражается за независимость, как уже без всяких намеков, почти в упор заявляет, что будет не только править, но и жить одна, единственная хозяйка в замке и его владениях, а моя власть будет начинаться только за пределами ее земель!

— Да, леди Беатрисса. Приятно, что хотя бы замок будет рад.

Она снова покраснела, сказала торопливо:

— И обитатели замка — тоже.

Я поклонился:

— Я буду рад бывать у вас. Но заранее предупреждаю: жизнь у меня будет трудная и очень занятая... Поэтому не рискну обещать бывать часто.

В этом месте она должна бы с облегчением перевести дух, и она почти так и сделала, но одновременно тень грусти легла на ее чистое лицо.

Полдня она составляла брачный контракт, а я с рыцарями рассматривал карту и прикидывал, откуда в первую очередь обрушатся неприятности. Конечно, лучшая защита — нападение, но мои силы слишком уж смехотворны, чтобы даже думать о таком.

Леди Беатрисса дважды подходила ко мне проконсультироваться, не возражаю ли против этих и вот этих пунктов контракта. Пока читаю, упорно смотрит в стол, не желая встречаться со мной взглядом, а я поглядывал на ее склоненную голову и видел, что те условия, кото-

рые выторговывает так отчаянно, я сам постарался бы ей навязать. Ведь это значит, что она будет вести хозяйство, надзирать за всеми работами, собирать ренту с ее деревень за «крышу», перераспределять обязанности и вообще делать все то, что мне делать ну уж никак не хотелось бы.

В ее распоряжении будет достаточно воинов, чтобы заставить платить за «крышу» тех, кто вдруг заупрямится, а также защищать тех, кто платит, от разбойников или напавших соседей. Ну а если на горизонте появятся более крупные силы соседнего лорда, то здесь уже вмешаюсь я, как верховный лорд этих необъятных земель, и дам ей защиту.

— Это все приемлемо, — ответил я ровным голосом, морща лоб, я же обдумываю и взвешиваю. — Можете не просто включить этот пункт, но снабдить его всеми необходимыми оговорками и подпунктами.

Но что за урод такой, мелькнула злая мысль в который уже раз, почему выбираю замужних и старше себя? Может быть, просто потому, что сам я в этом мире играю гораздо более взрослую роль, чем играл в прежнем своем «срединном королевстве»? Ладно, я уже и там вышел из стаза пачкателя стен, но все же не дорос до самостоятельности, настоящей самостоятельности, а здесь она сама обрушилась мне на плечи, и я... ее принял, хотя в прошлой жизни старательно перепихивал на кого-нить другого. На кого угодно. Даже на женщин, ведь они тоже люди и равны нам.

Но все равно... почему попадаю в такие ситуации? Я же с пеленок мечтал о прекрасной принцессе, юной и девственной, чистой, как лилия, нежной, как мотылек, верной и преданной, и чтоб куда я, туда и она... Как бы одна душа на двоих. Моя, естественно. На хрен ей своя, моей вполне хватит. Как и моего мировоззрения. Самого лучшего, понятно. А что, не так?

Но вместо этого женюсь на ровеснице, а это для меня уже взрослая бабища, они ж развиваются быстрее нас, так что намного старше, у нее уже и дочка взрослая, лучше бы мне дочку... подождать, понятно.

Она подняла голову, ощутив мой пристальный взгляд, я взглянул в ее бледное страдальческое лицо, все дурные мысли вымело, словно мусор большой метлой. Она прекрасна, она невинна, она девственна, и она чиста, как ангел, как первозданный свет...

— Я все подпишу, — произнес я твердо. — Ах, леди Беатрисса! Даже если напишете, чтобы я с крыши замка на брусчатку.

Шутка повисла в воздухе, прозвучав весьма двусмысленно и даже угрожающе. Как бы намек, что, подписав такое, я с крыши не брошусь. И с контрактом то же самое: мало ли что там написано... Право у тех, у кого сила.

Глава 2

Отец Бонидерий позвал Макса и Килпатрика. Все трое прочли контракт и поставили свои подписи. Макс вслух выразил сожаление, что леди Беатриссе еще почти девять месяцев носить траур по мужу, только тогда нынешнюю помолвку можно объявить законченной и уже объявить о предстоящем бракосочетании. Килпатрик пробормотал, что девять месяцев — не девять лет...

Леди Беатрисса явилась на подписание в сопровождении Будакера, на его руку опиралась так мило, что я едва не заскрежетал зубами.

После возвращения она вымыла голову, и серые волосы снова обрели дивный золотой блеск, крупными волнами падают на грудь и плечи. На лбу перехватила их простой желтой ленточкой, без привычной россыпи рубинов, а голубое платье, на скорую руку сшитое служанками из отстиранных остатков ее прежних нарядов,

показалось мне куда наряднее пышных платьев королевы Алевтины и всех ее придворных дам.

Даже пояс ей пришлось перетянуть простой полоской ткани, явно выкроенной из безнадежно изорванных платьев. Но талия подчеркнута узкая, девичья, грудь крупная, а бедра широкие для такой хрупкой фигурки.

Я поклонился, похвалил себя, что позволил слугам содрать с меня пропотевшую рубаху и облачить в прекрасную тунику из голубого шелка. Браслеты Арианта я оставил, сузив их до нешироких полосок. Выглядят в самом деле как скромные украшения воина, да и пояс, захваченный из замка леди Элинор, смотрится вполне неплохо. С учетом того, что женщина всегда должна выглядеть наряднее мужчины.

Я подумал кисло, что в зале, где собрались гости, сочтут не случайным, что мы оба в одинаковых цветах. Здесь во всем видят символику и предзнаменования, но на попятную не пойдешь. Из раскрытых дверей зала доносятся веселые вопли, шум, громкие голоса, что значит в честь нашей помолвки уже устроили пир, как же иначе без пьянки, как будто мы хоть и Европа, но уж очень Восточная.

Она внимательно смотрела, как ставлю подпись, на этот раз я брякнул что-то более удачное, насчет того, что написано пером, то не вырубишь, и что-то в этом роде. Ее подпись встала рядом с моей, затейливая и ну просто невозможная для подделывателя, даже сама вряд ли сумеет второй раз поставить такую же. Сэр Макс и сэр Килпатрик подписались как свидетели. Отец Бонидерий скрепил наш союз, выразив сожаление, что из-за военного времени невозможно провести церемонию с надлежащей пышностью.

Правда, ее можно было бы опышнить, но мы оба инстинктивно избегали всякой огласки, словно подписали соглашение вместе выходить ночами на дорогу,

грабить незащитных путников и насиловать их в свое полное удовольствие.

Когда вошли в зал, прекрасные глаза леди Беатриссы наполнились слезами. Огромное помещение, где сейчас собирались все, начиная от приехавших со мной рыцарей и заканчивая слугами, их стол на том конце зала, выглядит мрачной заброшенной пещерой — голые стены с плотно пригнанными каменными глыбами, а совсем недавно здесь все было увешано дивными гобеленами... Массивные столы из старого дуба уцелели, но везде следы от мечей и топоров. Скатерти, конечно же, исчезли.

Широкие дубовые доски пола выглядят дико и грубо, как и голые полки вдоль стен, откуда раньше нещадным блеском серебра и золота кололи глаза кубки, чаши, чары, кувшины и золотые блюда. Одно хорошо: Хоффман явно не собирался присваивать замок. Хотелось бы думать, что боялся моего возвращения. Но, скорее всего, среди местных лордов есть более весомые кандидатуры... Надо еще узнать, если ли хоть какой-то вес у ее далеких двоюродных братьев, сволочи, ненавижу обоих.

Леди Беатрисса почти ничего не ела, с вымученной улыбкой отвечала на поздравления и приветствия. Все жалели, что помолвка без надлежащей пышности, а то бы устроили такой пир... В зал ненадолго зашел даже Саксон, в доспехах и при оружии, его заставили сесть и немного перекусить.

Мне показалось, что Саксон, так много отдавший защите замка, переживает разгром больше всех, злится на меня и даже на леди Беатриссу. Во всяком случае, посмотрел на нее довольно хмуро, а на ее утешение, что все наладится, ответил сдержанно:

— Леди Беатрисса... если бы вы не бросились так поспешно из замка... мы сумели бы отстоять его стены.

Она покачала головой:

— Нет. Ты же сам сказал, ворвались изнутри. Защита стен не помогла бы.

— Все равно, — отрезал он упрямо. — Будь вы здесь, мы бы сумели отстоять замок.

Я обронил холодно-вато:

— Или погибла бы и леди Беатрисса.

Он взглянул на меня сумрачно, осушил кубок вина и ушел. Я поглядывал на рыцарей, напоминая себе, что со мной их двадцать человек, а мне противостоит несколько тысяч. Так сказать, элита человеческого рода: наиболее сильные, мужественные, благородные, сражающиеся за справедливость... ту справедливость, которую понимают.

Понятно, что не у всех рыцарей есть замки, не все могут себе позволить даже купить боевого коня, хорошие доспехи и оружие, а уж про замки и говорить не приходится. Вообще рыцари сражаются обычно вдали от дома. Они просто не в силах построить замок или даже простой донжон и оплачивать его охрану. Именно потому у богатых лордов всегда наготове рыцарские отряды: рыцари живут у них, оказывают разные услуги, сопровождают в поездках, что важно как для безопасности, так и для престижа.

С другой стороны, у влиятельных лордов всегда больше замков, чем один: мало кто из них жил в каком-то постоянно или очень долго. Всем проходило-сь либо по долгу пребывать на войне, либо уезжать на далекие турниры, или на охоту, а также необходимо периодически посещать свои отдаленные земли, и не гостить там, а именно жить, напоминая, что именно они здесь хозяева.

Насколько помню, трое детей Эдуарда Третьего родились в Вудстоке, двое в Тауэре в Лондоне, двое в Виндзорском замке, один в Вальтхейхе, один в Хатфильде, один в Лэнгли, один в Антверпене и один в

Генте, что яснее ясного доказывает, что и жены влиятельных особ не имели постоянного жилья.

Это говорит о том, что если удастся захватить земли хотя бы одного из противников, я многим из приехавших со мной могу дать замки с крохотными клочками земли. Это привлечет на мою сторону еще рыцарей, потому что благородство благородством, но у всех рыцарей есть и экономическое мышление. Чем больше у него земли, тем лучше у него конь, меч и доспехи и тем лучше он сможет служить своему господину.

Кто-то затынул песню, но в зал влетел молодой воин.

— Враги!..

Все вскочили, схватились за оружие. Воин крикнул:

— Подходят к замку! Саксон просит всех подняться на стены!

До позднего вечера мы смотрели, как подходит и располагается лагерем многочисленное войско. Столько конных рыцарей и такую массу пеших воинов не собрать вот так просто. Значит, собирали своих вассалов под знамена уже давно, но кто-то выступил, едва леди Беатрисса покинула замок, либо еще раньше, намереваясь вопрек ее замужества решить силой.

Похоже, о захвате замка Хоффманом услышали на полдороге, но это, как вижу, не остановило. Кто-то готов потягаться и с могущественным Хоффманом. Рыцари строили самые разные догадки: по ту сторону стен реет множество знамен, прапоров и баннеров, все принадлежат отважным и очень известным рыцарям, но ни один из них не настолько знатен и могуществен, чтобы возглавить это воинство...

Наконец Саксон вскрикнул:

— Едут! Вот там, смотрите, те, кто все это затеял!

В дальних порядках войск наметилось оживление. Пешие воины вскрикивали и потрясали оружием. До

нас долетели ликующие крики. Вперед выдвинулась группа роскошно одетых всадников, ярких и блестящих, с неимоверно пышными султанами на шлемах, с султанами на конских лбах, в горящих в лучах заходящего солнца красным огнем доспехах.

— Граф Росчертский, — ахнул Саксон.

— Я слышал о нем, — сказал Макс. — Он в самом деле так богат?

— Еще богаче, — прорычал Саксон. — Его сын выгодно женился, и теперь ее земли под их рукой...

— А кто вон те всадники?

Саксон объяснял, а я рассматривал закованных в сталь рыцарей. Некоторых узнал как женихов, хотя не все лезли вперед, другие вообще в женихах не числились, но состояли в группе поддержки, то есть в свите. Еще больше незнакомых лиц, это вассалы женихов, оскорбленные тем, что не их сюзерену отдали предпочтение.

Килпатрик прошелся по всему периметру, я видел, как он инструктирует воинов, к великому неудовольствию Саксона.

Вернувшись, доложил:

— Сегодня на приступ не пойдут.

— Зря, — сказал Макс. — Замок все-таки не слишком... для обороны от большой армии.

— Там серьезные люди, — возразил Килпатрик. — А граф Росчертский явно во главе.

— Ну, если граф...

— А кто еще? Он самый влиятельный лорд в этих краях.

— Он любит побеждать не армией.

— У графа Глицина слишком много противников, — вставил Саксон. — Хотя, как полководец, он, несомненно, лучше.

Ночь опустилась безлунная, оттого еще более злове-

щая, страшная. Из окружающей замок тьмы доносится гул, словно в крутой берег бьют неутомимые волны, слышится ржание коней, слитный скрип сотен телег и повозок, и сам воздух начал дрожать и расслаиваться от движения массы людей и коней.

Я не поленился подняться на вершину так хорошо послужившей башни. В черноте ночи наш замок опоясан тремя рядами костров, и, хуже того, отдельными очагами загораются еще десятки огоньков: там отряды, что не желают смешиваться с другими.

Саксон вскоре присоединился ко мне, добросовестно указывал, где со своим отрядом граф Росчертский, где Глицин, где барон Байэр, где расположилась тяжелая конница барона Энгельярда. Я слушал не очень внимательно, для меня главное то, что соотношение сил один к ста, если не к тысяче. Даже чудо не спасет, а я как раз не из тех, кто рассчитывает на чудо.

— Полагаешь, — спросил я, — все-таки пойдут на штурм?

— Пойдут, — ответил он убежденно. — Им не надо морить нас осадой, хотя могли бы. Они знают, что людей у нас не хватит, чтобы охранять все четыре стены.

Я кивнул, сердце сжалось. Да, людей у них столько, что могут одновременно начать штурм со всех сторон. Я привел двадцать рыцарей плюс их оруженосцы, да трое сдавшихся в замке плюс Саксон. Нет, этого недостаточно. Меня не убеждают исторические примеры, что замки обороняли и меньшим числом...

На рассвете прозвучал сигнал боевой трубы. Я слышал, как загремело железо, наши рыцари даже спали в доспехах, готовые отражать и ночной штурм, прогремел топот подкованных сапог, я тоже ухватил лук, набросил через голову перевязь с мечом, молот уже у пояса, и выбежал во двор.

На стене полно народу. К моему удивлению, среди воинов Саксона почти все пленники, которых мы взяли в главном здании. Как Саксон заставил их встать с нами, ума не приложу, но сейчас ломать голову некогда, я взлетел вверх по каменным ступенькам.

Со стены открылось залитое утренним солнцем необозримое пространство, наполовину заполненное лагерем противника. Будь стена повыше, я бы увидел, что дальше земля вообще-то свободна, но вот с этой точки обзора кажется, что ряды врага тянутся за горизонт и вообще в бесконечность.

Я посмотрел на бледные лица. Рыцари смотрят мужественно, в глазах простолюдинов страх, но руки сжимают оружие, никто не пьтится.

— Готовьтесь! — крикнул я. — Надо успеть дать им бой... пока они все не разбежались!

Неуверенные улыбки были ответом, а Саксон сказал тихо:

— За эту ночь они уже узнали, что здесь не Хоффман, а вы, сэр Ричард.

— Думаешь, — спросил я, — это их остановит?

Он ухмыльнулся:

— Скорее наоборот.

— Вот и хорошо, — сказал я. — А то потом бегай по всей Армландии, ищи их.

Он улыбнулся шире, понимая шутку, а я следил за группой всадников, что направились в нашу сторону. Рыцари в добротных доспехах и на великолепных боевых конях, что могут позволить себе только очень богатые лорды. Кони покрыты дорогими кольчугами, сверху попонами, морды закрыты стальными пластинами с затейливыми рисунками. Упряжь блещет серебром и золотом, а сами рыцари выглядят богами, спустившимися на землю.

— Впереди граф Глицин, — пояснил Саксон, — а второй справа — барон Байэр. Вы их знаете...

— Да не очень-то...

— Вы же с ними даже в поединке сходились!

— Да, но там я видел морды.

— А здесь баннеры, — сказал Саксон и посмотрел на меня с великим удивлением. — Вы как будто баннеры и гербы не узнали!

— Да как-то, — пробормотал я, — не запомнил... Да и зачем?

Саксон смотрел с непониманием, а Килпатрик коротко хохотнул:

— В самом деле, зачем? Сейчас всех разгоним, а там все про такие гербы забудут.

Еще кто-то засмеялся, только Будакер хмыкнул, сказал раздраженно:

— Ну ладно, я к воротам. Если выбьют, надо, чтобы кто-то встретил.

Он опустил забрало и, громыхая, начал спускаться. Для него, опытного воина, уже все ясно, чем закончится эта короткая рекогносцировка. Масса народу бросится со связками хвороста ко рву, забросают, другие пробегут по ним и приставят лестницы к стене, а остальные постараются вскарабкаться как можно быстрее. И пока бой будет кипеть на стенах, другой отряд постарается выбить ворота, чтобы в замок ворвалась тяжелая рыцарская конница.

Я ждал, что граф Глицин вступит с нами в переговоры, предложит сдаться и все такое, но рыцари бесстрастно рассматривали замок, как будто это уже принадлежащий им курятник, поводили руками, переговаривались, явно намечая точки удара.

Я дал им подъехать, пусть рассмотрят поближе, взял у ближайшего лучника его оружие и выстрелил, натянув тетиву до половины. Стрела воткнулась в землю за сотню шагов до всадников. Они захохотали и подъехали еще ближе. Я смотрел, как граф Глицин поворачивает-

ся в седле, указывая другим знатым рыцарям, явно предводителям отрядов, на башни, на ворота, на подъемный мост, подробно объясняя, как они защищены: как же, все видел изнутри. Его слушают внимательно, и никто не обратил внимание, что я ту ерунду сунул обратно хозяину, а из-за спины достал лук Арианта.

Заставив сердце колотиться чаще, я схватил стрелу и, быстро наложив на тетиву, натянул одним движением и разжал пальцы. Моментально ухватил вторую, третью, четвертую... Средний лучник в минуту выпускает десять стрел, хороший — пятнадцать, но я выпускал по одной в секунду, и первая же стрела ударила графа в открытую переносицу, вторая поразила рыцаря справа, третья — слева...

Дождь стрел сыпался, как град с неба. Крики страха и ярости раздались, когда уже половина отряда падала с седел. Лишь трое успели повернуть коней, но я без всякой жалости поразил их в спины и со злой радостью смотрел, как двое сползли с коней, а третий завалился на конскую шею и в предсмертном усилии обхватил ее руками.

Саксон и все на стене смотрели на меня с благоговейным ужасом. Килпатрик перекрестился.

— Никогда не видел, чтобы так стреляли!

— Я же говорил, — ответил я сварливо, — практиковаться надо! А вы все по бабам, все по бабам...

Саксон тоже смотрел с великим почтением в глазах.

— Сэр Ричард, простите...

— За что?

— Помните, вы учили моих стрелков?

— Да, было такое.

— Вы видели, как они слушают. Да я и сам тогда... гм...

Я прервал:

— Ты, спасая меня от позора, заговорил о чем-то другом. Ах да, о бабах. Ну и как тебе бабы?

Он виновато развел руками.

— Сэр Ричард, винюсь! Если бы я мог подумать, что вы такой стрелок, я бы тех гадов заставил землю рогами рыть, но научил бы стрелять лучше. А то все гордые, все умеют...

Я вздохнул:

— Увы, гордиться мы умеем. Хотя гордыня... ну понятно.

— Я видывал немало хороших стрелков, — сказал он все еще потрясенно, — но, сказать по правде, никто из них вам, сэр Ричард, и в подметки не годится. А ведь они не рыцари! Что значит, с луком с детства знакомы.

Я сказал дружески:

— Саксон, я же говорил тебе, я не родился графом. Я из семьи простолюдина. И тоже с луком... Но сильные да настойчивые всегда пробыют себе дорогу. Вот сейчас могу сказать, что Саксон своей верностью, отвагой и доблестью заслужил рыцарское звание. И, обещаю, как только снимем осаду, вы, оболтусы, будете звать Саксона сэром. Да-да, это будет сэр Саксон! Пока еще бесщитовой, но уже благородный рыцарь. А там... посмотрим.

Глава 3

В лагере возникло замешательство, несколько всадников примчались посмотреть, что же случилось. Я хладнокровно сшиб храбрых идиотов с седел, а двух уползающих добил из милосердия, так объяснил Саксону.

После долгой паузы еще пятеро приблизились уже без оружия, издали знаками показывали, что явились забрать трупы. Я выждал, когда слезут с коней, и хладнокровно убил всех. На следующую попытку приехали с белым флагом, герольд прокричал, что заключают с нами короткое перемирие, дабы забрать убиенных и похоронить по-христиански.

Я выслушал молча, а затем стрела ударила его в раскрытый рот и высунула клюв из затылка. Остальные пять человек, что намеревались поднять тело графа Глицина, попадали, корчась и вскрикивая, там же рядом.

Саксон смотрел на меня остановившимися глазами. Я спросил холодно:

— Что-то не так?

Он пробормотал:

— Ну, обычно тела убитых дают друг другу забрать...

— А я не дам, — ответил я зло. — А если это он срал в комнате леди Беатриссы? И подтирал свою вонючую жопу ее платьями?.. Ну пусть не он, зато дружил с этим ублюдком Хоффманом! Нет уж, пусть платят сполна. Я совсем не пряник, они это узнают. Еще расскаются, что со мной связались! И детям своим закажут.

Саксон посмотрел на меня почти с испугом.

— Да, — проговорил он наконец, — я начинаю верить, что мы как-то уцелеем.

— Не просто уцелеем, — возразил я. — Мы разобьем этих гадов. И ты будешь бесщитовым совсем недолго. Немало ленов освободится, один из них отдам тебе.

Он преклонил передо мной колено.

— Сэр Ричард, я не нахожу слов благодарности... Я всегда мечтал стать рыцарем и получить лен. Но...

— Что?

— Как же леди Беатрисса?

— Боишься, что я ее обижу?

Он покачал головой:

— Нет, это нет. Но она для меня как дочь. Я привык ее охранять и защищать. Я просто не вынесу другой жизни. Хотя и очень хочу ее, эту другую жизнь...

Я вытащил меч из ножен, протянул вперед лезвием. Саксон поднял голову и смотрел мне в лицо серьезными глазами.

— Саксон, — сказал я торжественно, — в рыцари принимают очень пышно и торжественно, но для поля боя всегда исключения, что на руку умным людям, мы не любим глупой пышности. Так вот я, Ричард де Амальфи, граф Валленштейн, барон Сворве и виконт... властью, данной мне как паладину, посвящаю тебя, благородный Саксон, в рыцарское звание. Носи его с честью, не запятнай, защищая церковь, короля, сюзерена, женщин и детей, оказывай милость слабым, помогай бедным. Да будет на это воля Господа, аминь!.. Встань, благородный сэра Саксон!

Он не поднялся, а вскочил, словно подброшенный пружиной, глаза сияют счастьем.

— Сэр Ричард!.. Я просто... не знаю, не умею сказать...

— И не надо, — прервал я. — Мы же мужчины, а мужчины, как принято почему-то считать, не болтливы. И еще одно: когда получишь лен, можешь оставить там управляющего, а сам по-прежнему беречь леди Бетатриссу. Думаю, она не откажется, что охраной ее замка будет руководить знатный рыцарь! Так что и овцы будут целы, и волки сыты. Правда, пастух... ну кем-то же надо жертвовать?

В лагере противника началось бурное шевеление, словно в растревоженном муравейнике. Сэр Макс, бегая в нетерпении по верху стены, прокричал, что сейчас пойдут на штурм, что нам на руку. Саксон удивился, что же хорошего, Макс напомнил, что приготовления к штурму еще не окончены: нет ни хвороста в достаточном количестве, ни лестниц, но на штурм идти обязаны уже потому, что под стенами стонут их умирающие соратники, вожаки передового отряда...

— Граф Росчертский будет идиотом, — сказал Килпатрик, — если пойдет на штурм прямо сейчас.

— Никуда не денется, — заявил Макс торжествующе. — Они вынуждены! А если будет противиться, его тут же сместят...

— Сместят, — согласился и Килпатрик. — Да, сэр Ричард рассчитал все верно.

Я скромно смолчал, что ничего не рассчитывал, а просто бездумно стрелял по противнику, благо тот неблагоразумно приблизился на дистанцию. Рыцари вытаскивали из ножен мечи: боевые трубы подали сигнал идти на приступ. Глухо застучали барабаны, я смотрел на приближающиеся отряды, какая-то часть мозга работает в автономном режиме и сообщает деловито, что крестовые походы, похоже, уже состоялись, хотя бы пара первых: барабаны завезли оттуда, на что основная часть мозга огрызнулась ядовито, что лучше бы над обороной замка думало, чем хвасталось эрудицией.

А с обороной хреново: будь людей хотя бы вдвое больше, могли бы держать оборону и от императорской армии. Макс прав, вон выдвигаются люди со связками хвороста, а за ними — воины с лестницами. Да, лестницы всегда можно сколотить в ближайшем лесу, как и нарезать хвороста. Это катапульты и требушеты тащить — себе дороже. Это уже полномасштабная война, когда армия ползет неспешно, с частыми остановками. Да и вообще требушеты — слишком дорогое удовольствие, хотя дальность метания тяжелых камней в пару сотен килограммов — двести метров, это очень даже нехило. А если учесть, что камни весом в центнер, то есть здесь это пятьдесят килограммов, швыряют на полкилометра, то такой требушет сделал бы жизнь в замке очень беспокойной.

Но, к счастью, такие штуки слишком сложные и дорогие, постоянно ломаются и требуют частой замены то ремней, то ложки, то других частей этой поневоле хрупкой машины. Так что только лестницы, только лестницы.

Подкопы тоже отпадают, никто не собирается вести войну годами.

— Ну, — сказал я, — покажем, на что мы годны. Прости, Саксон, но здесь мои стрелы уже не помогут. Как и мой меч... Им можно выиграть бой, но не войну.

Саксон смотрел блестящими глазами.

— Да, мой господин! Это будет славный бой.

Я заменил истрепанные кожаные рукавицы на новенькие, тетива иссечет и эти, натянул лук. Стрелы начали срываться, едва воины с вязанками устремились к валу. Другие успевали добежать и падали в воду вместе с хворостом, я стрелял и стрелял со всей возможной скоростью, по всей стене лучники зло вскрикивали и выпускали стрелы в бегущих к замку.

Когда из войска графа Росчертского выдвинулись лучники, я поспешно перенес огонь на них, и треть пала еще до того, как они добежали на дистанцию выстрела. Взвился рой стрел, одна ударила меня в шлем, еще две отскочили от доспехов, но среди лучников были крики боли, трое выронили оружие.

Я стрелял и стрелял, а когда от отряда вражеских лучников осталось меньше четверти, они повернулись и побежали. Сминая их, выметнулась тяжелая рыцарская конница и без всякой жалости втоптала лучников в землю. Я торопливо прицелился в скачущего во главе: стрелы наших лучников не пробьют с большого расстояния рыцарские доспехи, а вот стрелы Арианта...

Масса пеших постепенно забросала вязанками ров. По ним начали перебираться воины с лестницами. Едва добежали до стен, Саксон рявкнул приказ, защитники торопливо перерубили канаты, поддерживающие бревна. Те сорвались с жутким грохотом и понеслись по склону, сшибая и перемалывая все живое и неживое, что встретилось на пути.

Лестницы тоже оказались перемолотыми в щепки, в живых не осталось ни одного из бегущих. Бревна домчались до рва и застряли там. В лагере поспешно протрубили сигнал к отступлению, на стенах орали и потрясали кулаками.

Рыцарская конница, потеряв военачальников, по широкой дуге повернула к лагерю. Я опустил ноющие руки, ко мне подбежал сияющий Саксон.

— Сэр Ричард! Честно говоря, не ожидал, что переживем даже первый приступ!

— Но ведь отбились же! — крикнул Макс, он изо всех сил старался сдержать ликующую улыбку. — Отбились!

— Да еще с такой легкостью, — сообщил Саксон. — У меня только четверо раненых. Да и то легко.

Но подошел Килпатрик, очень серьезный, сказал трезвым голосом:

— Второй раз подготовятся. Они проиграли потому, что мы их заставили пойти на приступ неготовыми. Сейчас граф Росчертский победно указывает своим оппонентам, что те были не правы.

Макс добавил с хмурой улыбкой:

— Оппонентов у него, думаю, поубавилось.

— Да, — согласился Килпатрик, — одни вообще остались под нашими стенами, другие смотрят на них и помалкивают.

Весь день мы смотрели, как большие группы воинов снуют между лесом и лагерем. В прошлый раз даже вязанок хвороста оказалось недостаточно, ров забросали не по всему периметру, да и лестниц было мало, чтобы забросить на стены много народу одновременно. Мы бы отбились и без потери таких ценных для обороны бревен, но что сделано, то сделано...

Ночью костров, на мой взгляд, поубавилось. Похоже, часть лордов все же рассорилась с графом настоль-

ко, что увела свои отряды. Да это и понятно, любое поражение резко ослабляет воинский дух, а вожак начинает казаться полным идиотом; которому подчиняться — идиотизм еще больший.

Однако рассвет открыл картину просто пугающую: впереди войска выстроились в два ряда воины с лестницами в руках, за ними готовые к карабканью по ним пешие ратники, а рыцарская конница встала тремя клиньями. Один из них нацелился на ворота замка.

Резко и страшно пропела труба сигнал общей атаки. Масса нападающих сдвинулась медленно, мы наблюдали, как они набирают шаг, подчиняясь коротким командам, перешли на бег. Вперед забежали со связками хвороста и бросили в ров, лестничники бегут тяжелее, лестницы держат наперевес, как копья. Когда преодолели расстояние до стен, освободившиеся от вязанок воины помогали им поднимать и удерживать лестницы.

Все это время я стрелял на предельной скорости, прекрасно понимая, что на этот раз не отступят, скоро придется бросить лук и выхватить меч. Лучники справа и слева тоже стреляли, экономя доли секунды, ни одного лишнего движения и ни малейшей задержки.

Рыцари длинными баграми отпихивали лестницы. По моему совету не отталкивали, а пускали их вдоль стены, чтобы те сбивали карабкающихся соседей. В двух местах нападавшим удалось взобраться на стену, но туда бросились трое из приехавших со мной рыцарей и быстро изрубили их на месте.

Везде лязг железа, крики, звон, мне вроде бы почудился звук боевой трубы, но я решил, что померещилось, только в трех шагах Макс воскликнул удивленно:

— Что это?.. Что там происходит?

Я не отвечал, продолжал с той же изматывающей скоростью бить стрелами, вот-вот придется отбрасывать лук и хвататься за меч, надо успеть как можно

больше выпустить стрел... наконец на стене народу стало намного больше, я выхватил меч и сдерживал напор на гребне стены, не позволяя прорваться к каменной лестнице, а кто хочет попасть во внутренний двор, тот пусть прыгает со стены...

Макс и Саксон рубились, встав спина к спине, и Саксон ничуть не уступал в искусстве владения мечом обученному рыцарю. На стене народу стало меньше, мы сбросили последних, вторая волна нападающих почему-то остановилась внизу у стен, хотя лестницы еще есть, уцелевшие лучники бьют их быстро и безжалостно.

В самом лагере возникла суматоха. Я не поверил глазам, когда из леса выметнулась тяжелая рыцарская конница, смяла не ожидавшую нападения пехоту, растоптала и вбила в землю, тут же обрушила удар на центр лагеря.

На стене счастливо орали и подпрыгивали, бросались один другому в объятия, целовались, падали на колени и возносили хвалу Господу.

Я прокричал вниз:

— Будакер, выстраивай рыцарей!

Снизу донесся голос:

— Опоздали, сэр Ричард. Мы уже открыли ворота.

Я свистнул Зайчику и быстро сбежал вниз. Саксон закричал вдогонку:

— У нас всего двадцать рыцарей!

— А ты разве не рыцарь? — крикнул я.

Псу я велел оставаться и бдить, Килпатрик спросил непонимающе:

— Но это же боевой Пес... Он один стоит десяти рыцарей!

— Никто не знает, — ответил я, — сколько он стоит. Но я не хочу, чтобы он пробовал вкус человеческой крови...

— Снова пробовал? — уточнил Килпатрик понимающе.

— Да, вспоминал ее вкус, — поправился я. — Не надо. Пусть остается веселым Псом. Ты бы видел, каким он был, когда я его встретил...

Плечи мои передернулись, я вскочил на подбежавшего на свист Зайчика. Решетка уже поднята, мост опущен, а впереди набирает скорость для таранного удара небольшой отряд сэра Будакера, что заждался настоящей рыцарской схватки. Зайчик взлетел по наклонной плоскости, копыта мощно ударили по краю, и мы пронеслись по воздуху несколько метров.

Я слышал, что за мной оставшиеся поспешно вскакивают на коней, но я, уже не догоняя отряд Будакера, взял левее и врубился в нестройные ряды нападавших. С той стороны, откуда пришла неожиданная помощь, гремел боевой клич:

— Гленовелл!.. Гленовелл!

— Гленовелл!

Я срубил несколько человек, потом там опомнились и попробовали окружить, зайти в спину, однако подоспели сэр Макс и Килпатрик. Рядом с ними яростно сражался огромной секирой Саксон. Мы потеснили противника, сэр Макс прокричал:

— Сэр Ричард, кто такой Гленовелл?

— Не знаю, — ответил я честно.

— Но он пришел вам на выручку!

— Хорошим людям почему бы не помочь?

Он некоторое время рубился молча, потом крикнул:

— Помощь победителю — одно, а помочь попавшим в мышеловку...

— Он явился вовремя, — ответил я, — кто бы это ни был.

Глава 4

Внезапный удар в спину потряс и здорово деморализовал объединенное войско графа Росчертского. До этого они были настолько уверены в полной и легкой

победе, что сперва в жуткое уныние ввергло поражение первого же дня при неудачном штурме, а сейчас неожиданный удар в спину сломил, сокрушил волю. Многотысячное войско разом превратилось в стадо перепуганных баранов, что ринулись врассыпную, бросая палатки, оружие, даже срывая с себя тяжелые доспехи, чтобы быстрее бежать.

Никто не метнулся в спасительный лес, ибо именно оттуда появились таинственные враги, неизвестно, сколько их там еще. Мчались, не видя ничего перед собой, а всадники настигали и рубили, рубили, рубили... Это как раз то преследование, мелькнуло у меня в голове, что заканчивается только с наступлением темноты. Но сейчас еще утро, а дни в сентябре длинные...

Ударная группа тяжелой рыцарской конницы, смяв и втоптав в землю рыцарей, пытавшихся организовать оборону, слаженно промчалась дальше, развернулась по крутой дуге и устремилась на другой отряд конных рыцарей, что быстро выстраивают оборонительную линию.

Мне очень не понравилось, что рыцарей у графа Росчертского осталось почти вдвое больше, чем у таинственного друга, а это значит, могут атаку отразить...

Я пустил Зайчика на большой скорости, так я сумею ударить во фланг, на ходу снял молот, изготовился... метнул с большой силой, и молот снес сразу трех рыцарей, вставших во главе рыцарского клина. Я едва успел поймать рукоять, как Зайчик ударил в закованного в сталь рыцаря, у которого на гербе черный орел.

Мы опрокинули его вместе с конем, а также еще троих или четверых, но дальше забуксовал и сам Зайчик. Я рубил мечом и считал секунды, пока ошеломленные рыцари опомнятся и постараются ударить на меня со всех сторон.

В это время раздался оглушающий лязг, закричали

кони и люди, люди с кличем «Гленовелл!» рубили, теснили, сбрасывали с коней, и в конце концов рыцари графа Росчертского начали перехватывать мечи за острый конец и протягивать вперед рукоятью.

Их заставили спешиться, отобрали мечи, оставив кинжалы. На поле боя воцарилась радостная суматоха, а я высматривал вожака этого отряда, а еще лучше — всего войска, так как все остальные преследуют убегающего противника.

Будакер как-то сам выдвинулся в вожаки конного отряда, за ним послушно следуют те, кто пришел от Барбароссы. Сейчас он, не ввязываясь в преследование, методично набрасывался на одинокие группы, что все еще сопротивлялись, и заставлял сложить оружие.

Наконец я узрел вожака вовремя подоспевших: крупный рыцарь на устрашающе огромном коне. Он взмахом длани отправлял рыцарей, и, что мне очень понравилось, гордые обладатели красивых гербов моментально разворачивали коней и мчались выполнять приказ.

Я ехал к нему шагом, герб с переплетенными лилиями и скрещенными мечами ничего не говорит, вижу впервые, как и самого всадника...

Он повернул коня в мою сторону, правая рука поднялась в воинском салюте. Я ответил тем же привычным жестом, и тут рыцарь поднял забрало. Открылось красное, потное, широкомордое, молодое, белые шрамы на подбородке, один на скуле...

Я ахнул:

— Митчелл!.. А ты какими судьбами?

Он захохотал:

— А я в некотором роде сосед. Правда, за землями Инкризера и Варанга. У меня там небольшое, но не бедное, совсем не бедное владение Гленовелл. Замок, четыре деревни... Я как раз собрал отряд, чтобы повое-

вать с бароном Аденом, редкая скотина, в моем озере рыбу ловит, а платить отказывается... а тут услышал, что граф Хоффман захватил ваш замок. Я тут же развернул свой отряд, чтобы попробовать отбить... Я же помню, кому я обязан землей и замком, так что считайте меня своим вассалом. Но пока шел через земли графа Варанга и сэра Инкризера, вы, оказывается, уже вернулись... и все вернули.

Подъехали Макс и Килпатрик, слушали почтительно, на огромного рыцаря смотрели с уважением.

— Вы подросли вовремя, — сказал я с чувством. — Даже не знаю, как бы дальше...

Он покачал головой:

— Даже и не подумайте что-то сказать подобное при бароне Гуммельсберге. Я уговорил присоединиться к нам, объяснив, что вы никогда не проигрываете. А барон из тех, кто предпочитает быть на стороне победителя... Да вон и он скачет!

В нашу сторону на прекрасном коне, укрытом дорогой попоной кардинальского цвета, неся невысокий рыцарь в блестящих, тщательно сделанных доспехах. На кончике шлема развевается пышный султан, такой же султан, только поменьше, укреплен на конском лбу, а с плеч барона красиво ниспадает ярко-голубой плащ с огромным гербом вздыбленного льва золотистого цвета.

За всадником на таких же великолепных конях свита пышно разодетых рыцарей. Правда, у некоторых султаны уже сбиты, а доспехи помяты, но все равно все выглядят гордыми и надменными.

Всадник остановил коня прямо передо мной, забрало поднял, на меня взглянули серые глаза немолодого человека, очень быстрые, живые, я сразу ощутил в них недюжинный ум и цепкую хватку.

— Приветствую вас, сэр Ричард, — проговорил он с рассчитанной замедленностью. — Мой сосед, сэр Мит-

челл, уговорил меня присоединиться к нему... когда он решился на это безумие. Я — Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля. Мое войско, кстати, втрое больше, чем у нашего общего друга Митчелла...

Килпатрик спросил воинственно:

— Почему безумие? Враг разбит!

Барон Альбрехт ответил невозмутимо, не поворачивая головы:

— Дорогой друг, враг не разбит. Разбито только это небольшое войско. Да и то с наступлением темноты соберутся. Их остатков окажется больше, чем здесь вместе взятого войска. Но в этот раз у нас не будет внезапности. И еще, самое главное...

Он сделал паузу, все смотрели на него в ожидании, как мои рыцари, так и его, и он, насладившись вниманием, продолжил с явным удовольствием:

— Это был лишь отряд, посланный захватить этот замок. А так земли графа Росчертского и Глицина могут выставить пять тысяч конных, двенадцать тысяч пеших. Если будет очень нужно, то наберут и двадцать. Я уже не говорю про остальных противников сэра Ричарда, а их немало... Если точнее, то это практически вся Армландия.

Он смотрел с живейшим интересом, я ответил подчеркнуто мирно:

— И не надейтесь, барон. Пусть пока ваши люди собирают трофеи, а мы пока отметим снятие осады... не так уж и долго она длилась, а там придумаем, что сделать для полной и окончательной.

Его глаза смеялись, в лице полное превосходство.

— Вы правы, граф... наш общий друг Митчелл рассказал, что вы графом стали совсем недавно и довольно внезапно... но ничего, привыкнете... сейчас же вам надо привыкнуть, что спасение пришло так неожиданно.

Я вскинул брови, спросил с недоумением:

— Спасение? Кто говорит о спасении?

Он посмотрел с интересом.

— Вы отрицаете, что мы пришли очень даже вовремя?

— Не отрицаю, — ответил я. — Я хотел повидаться с сэром Митчеллом, раз уж я назначен пфальцграфом Армландии. Да-да, это я пфальцграф. И мне понадобятся люди, на которых смогу опереться. Сэр Митчелл мне показался именно таким человеком. Я рад, что его не пришлось отыскивать, что он пришел сам... а вы от скуки или из простого интереса присоединились к нему. К любому случае мы рады приветствовать вас, Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля!

Он засмеялся уже откровенно, громко, уперев руки в бока и откидываясь всем корпусом.

— Граф... я умру от смеха! Пфальцграф тех земель, которые власть короля не признают вовсе?

— Отвыкайте говорить за всех, — посоветовал я и слегка подпустил в голос металлические нотки. — Вы лично не признаете?

Я смотрел на него в упор, прицельно, как если бы уже натянул тетиву с наложенной стрелой. Барон открыл было рот, чтобы ответить бездумно и уверенно, но вдруг запнулся, его взгляд чуть смешался.

— Знаете, сэр Ричард, — произнес он с отменной вежливостью, — я миновал детский драчливый возраст... Потому я признаю то, что вижу, а воздушные замки в облаках перестал видеть давно. Вы не согласны со мной, что ваше положение... довольно шаткое?

Я пожал плечами:

— Ну и что? Бывали вообще безнадёжные. Но я из них выходил, а мои оппоненты — нет. Ладно, барон, оставим эту тему. Я не буду интересоваться, почему вы вдруг решили присоединиться к Митчеллу в его безнадёжном, как вы полагаете, деле. Приглашаю в замок.

Победу отметим привычным пиром, а там решу, что делать дальше.

Он спросил со странной интонацией:

— Решим?

— Решу, — ответил я властно. — Барон, свои проблемы я решаю сам.

Он провожал меня взглядом, когда я повернул Зайчика и унесся в замок. Судьбы мира подождут, я первым хочу сказать леди Беатриссе, что ее замок остается в ее руках.

Даже не в моих.

Лишь к полудню вернулись конные отряды, что гнали бегущего в панике противника. Похвалялись победами, истреблением, богатой добычей. Многие вели с собой захваченных коней, нагруженных снятыми с рыцарей доспехами и оружием. Некоторые даже приспособили под трофеи телеги, шел торг и обмен, менялись как конями, так и пленниками, тут же обсуждали условия выкупа, некоторых отпускали под честное слово, что договоренную сумму внесут к указанному сроку или вернутся сами.

Мои военачальники: Макс, Килпатрик и самовольно вошедший в их число Будакер — наконец подсчитали потери противника, ужаснулись, не поверили, пересчитали снова, после чего Макс поспешил ко мне с докладом.

— Граф Глицин убит! — сказал он, ликуяще блестя глазами. — Ну это вы знаете, но еще убит граф Эльбинг, граф Балга, граф Бранден, маркиз Диршау... еще погибли восемнадцать знатных сеньоров, сейчас подсчитывают погибших рыцарей, а уж сколько полегло их войска, пока и сказать трудно!

Барон Альбрехт Гуммельсберг прислушивался с нескрываемым вниманием и живейшим интересом. Я мор-

щился, заранее зная, что сейчас всю победу и блестящий разгром припишет себе, что верно только отчасти, прервал Макса:

— Это уже прошлое. Сам граф Росчертский уцелел, как я понимаю? В какой замок он отступит?

Макс развел руками:

— Сомнительно, что он вообще отступит. У него войска значительно больше. Похоже, они расположились лагерем в излучине реки между лесом и болотом. Там собираются разбежавшиеся, туда же подтягиваются отряды баронов Шветца, Шлохау и Рагнита. Правда, там вблизи замок графа Инкризера, сам граф Росчертский со свитой может остановиться там...

— Замок графа Инкризера, — вставил Саксон, — может вместить около сорока знатных рыцарей. Остальные останутся вне стен замка.

Барон Альбрехт что-то посчитал на пальцах, сказал даже с удовольствием:

— Соотношение один к сорока. Гм...

Я проигнорировал, его совета не спрашиваю, повернулся к Максусу:

— Насколько помню, владения графа Инкризера начинаются за тем лесом?

— Абсолютно верно. Его замок почти на границе с вашими владениями. На хорошем месте, надо сказать... И дорогу контролирует, и мост через реку...

— Предупреди всех, с кем я прибыл, что скоро выступаем. Пусть седлают коней.

Митчелл сказал заинтересованно:

— О, что-то затевается... Сэр Ричард, а мне можно поучаствовать?

— Если есть желание, — ответил я любезно.

— Есть!

— Тогда вы приняты, — сказал я. — Но о дворянских вольностях забудьте, мои приказы — закон.

Он сказал оскорбленно:

— Как будто я не знаю, сколько из-за гонора проиграно битв и загублено доблестных рыцарей! Нет, если буду чем недоволен, выскажу потом. Когда закончим.

— Договорились.

Митчелл покачал головой.

— Но не забывайте, в их войске осталось еще тридцать сильных лордов и около сотни мелких.

— Думаю, — напомнил я, — что уже меньше. Полководца, проигрывающего битвы, покидают даже ближайшие сторонники.

Он криво усмехнулся.

— Да, конечно... Но их все еще сотни, а нас?

Я удивился:

— Разве нас не стало больше?.. И станет еще больше. Сэр Саксон, прошу вас подойти!

Саксон прибежал, придерживая болтающийся меч, в лице готовность выполнить любые приказы. Все не может привыкнуть, что он уже сам рыцарь, должен задира́ть нос и ходить вразвалку, окидывая всех простолюдинов презрительным взглядом.

Я посмотрел на его помятые ударами топоров и мечей доспехи, на его открытое честное лицо.

— Сэр Саксон, преклони колено!.. Вот так. Рыцарское звание вам уже даровано, теперь отдаю вам во владение земли изменника барона Диршау со всеми правами и обязанностями. Защищайте их, умножайте богатства, вовремя платите налоги в мою казну, а также будьте готовы по первому же зову прийти ко мне... буде понадобится лично или с вашим отрядом! Который, кстати, наберете из местных, сами же и обучите.

Саксон вскочил, поцеловал мне руку, Митчелл изумленно покрутил головой. В глазах было восхищение.

— А ведь в самом деле, — сказал он, — теперь уже четверо.

Альбрехт наблюдал со стороны, теперь подошел и вылил ушат холодной воды:

— Пока он разберется с хозяйством, не говоря уже о наборе молодых парней и превращении их в умелых бойцов, пройдет... сколько пройдет? А нам нужно большое войско немедленно.

— Не нужно, — ответил я коротко. — Макс, приступайте.

Глава 5

Мы выехали с наступлением темноты, а в полночь уже подъехали к замку Инкризера. Макс прав, замок графа можно считать идеально расположенным и так же идеально построенным: на выступе горного склона, запирая тем самым узкий проход. К самому замку можно подняться только по узкой дороге вдоль стены, держась к ней правым боком, так что щит придется перекидывать в правую, что непривычно для правши. Все это время придется идти под стеной, откуда могут любого поразить хоть стрелой, хоть простым камнем.

Подниматься нужно по крутому склону, где растет низкая трава, листья стелются по земле, и сапоги будут скользить по ним, как по льду. Дальше густой кустарник, затем ров, а перед ним высокий земляной вал. Ров и вал тянутся всего на сотню шагов, а больше не надо, тыл и бока замка защищены скальной грядой.

Ко всему еще на вершине вала установлен частокол. Здесь его называют палисадом, и преодолеть этот забор из глубоко вкопанных и хорошо подогнанных бревен, заостренных сверху, непросто. В том смысле, что в это время придется останавливаться, а по неподвижной цели стрелять легче.

Однако огромным и неприступным выглядит только на взгляд человека, который другого мира не представляет. Я прекрасно знаю, что функциональность в

рыцарском мире на втором, если не на третьем месте, а на первом всегда гордыня и символика.

К примеру, вон те зубцы стоят там, куда вообще нет подхода, ибо зубцы — первый признак независимости замка или города. Зубцы появились даже на печных трубах, шкафах, кубках и светильниках, это красиво и гордо, хотя... да ладно, с этим все ясно. Куда важнее для замка его расположение и обороноспособность, но и здесь этот замок лишь красивая и бесполезная игрушка: слишком высоко, чтобы контролировать долину или хотя бы дорогу из нее. Так что еще один могучий и бесстрашный Джо, который никому не нужен.

А вот нужен, сказал я себе. Как раз теперь и нужен. И, что очень удобно, на замок так давно никто не посягал, что охрана может спать целыми днями.

Лунный свет красиво и страшно высвечивает остроконечные башенки, зубцы, подчеркивает тенями несокрушимость стен. Мои рыцари смотрели с уважением на замок и с непониманием — на меня.

— Ждите, — велел я. — Постараюсь договориться с графом мирно.

Макс спросил с сомнением:

— Откуда такие надежды?

А Митчелл буркнул:

— Это крепкий орешек. Он всегда стоит на своем.

— Его не было среди женихов, — объяснил я. — Так что он не чувствует себя оскорбленным, что леди Беатрисса предпочла меня.

Макс смолчал, но Митчелл вставил ехидно:

— Инкризер везде рассказывает, как он любит свою жену и своих детей. Две предыдущие жены были бесплодны, а эта под старость подарила ему четверых именно в том порядке, как он и хотел: троих сыновей и одну дочь. Граф безумно счастлив. Ему ваша леди Беатрисса не нужна, будь у нее в приданом целое королевство!

— Хороший человек, — согласился я. — Итак, ждите. Если увидите, что мост опускается, постарайтесь сперва понять, что происходит. Во всяком случае, не сразу начинайте рубить всех направо и налево.

В самом деле, граф Инкризер — хороший человек: полагается именно на воинское умение, а не на всяких там магов, которые сегодня работают на тебя, а завтра — против. Я пробрался через все ловушки и одолел все стены, ни разу не напоровшись на магические капканы.

В главном здании пришлось, несмотря на личину исчезника, затаиваться и замирать, когда совсем рядом громыкает железом стража. Еще почти час ушел, чтобы суметь проскользнуть, используя все трюки, к спальным апартаментам графа. В первой же спальне я обнаружил на роскошном ложе спящую миловидную женщину, в соседней комнате — четверо детей возрастом от семи лет до годика, а опочивальня самого Инкризера оказалась ближе к выходу на лестницу. Граф, как и полагается, спит от жены отдельно, дабы слишком уж не предаваться сладострастию, что позорит мужчину.

Я тихонько закрыл за собой дверь, граф раскинулся на спине, уже очень немолодой мужчина с сильно поредевшими волосами, худощавый и мелкий в кости, интеллигентного сложения. Даже лицо весьма утонченное, такими бывают поэты и маньяки-мучители.

Я вышел из личины исчезника, холодное острие меча коснулось его щеки. Граф открыл затуманенные сном глаза, я быстро коснулся острием переносицы и остановил там. Тонкая струйка крови побежала в глазную впадину.

— Тихо, — сказал я.

Но граф и так застыл, глаза выпучены, нижняя челюсть отвисла. Медленно пролепетал:

— Кто... Что вы хотите?

— Правильный вопрос, — ответил я. — Отвечаю, сейчас вы велите опустить мост и открыть ворота. Никто из ваших людей не оказывает сопротивления.

Он начал бледнеть, прошептал:

— Можете убить меня. Я никогда этого не сделаю.

— Вы мужественный человек, граф, — сказал я. — Мой респект! Но в соседней комнате спят четверо ваших детей. Вы сделали ошибку, рассказывая всем, как их безумно любите... Я сейчас пойду и убью их всех.

Он сказал тем же шепотом:

— Детей? Вы этого не сделаете...

— Я повесил маркиза Плачида, — напомнил я. — Хотя это и вопиющее нарушение всех законов. Почему не убить ваших детей, если это послужит делу?

— К-как?

— Ужасная слава помогает одерживать победы, — напомнил я. — Такому человеку сдаются, чтобы не вызвать его гнев даже попыткой сопротивления. Когда узнают, что я вырезал весь ваш замок, включая женщин и детей, то перед моим войском все будут бежать в панике... Так всегда было, я хорошо знаю историю.

Острые мечи уперлись в кость, но я все равно держу на весу, своей тяжестью меч способен проломить черепную кость и пронзить мозг. Граф это понимает, побелел уже как полотно.

— А вы способны...

Он не договорил, я ответил очень твердо:

— Да, граф. Я ведь... нездешний. Я — варвар, если хотите знать.

— Варвар?

— Можете поверить на слово.

— Я... верю...

— Не стесняйтесь, граф, — сказал я любезно, — я не чувствую себя оскорбленным. В моем королевстве муж-

чины так обабились, что назвать кого-то варваром — это польстить...

Я неспешно убрал меч, но держал наготове. Граф медленно одевался. Я видел, как он мучительно старается найти выход из положения, я молча сочувствовал, наконец он спросил глухо:

— Но что будет... если я не стану отдавать такого приказа, а вернусь с десятком рыцарей?

— Я убью вашу жену и ваших детей, — пообещал я.

— А мы убьем вас.

— Это вряд ли, — сказал я. — Я ведь могу уйти так же, как и пришел.

Он сказал хмуро:

— Я расставлю сто человек вокруг донжона.

— Дети все равно будут мертвы, — сказал я. — А второе, вы не все знаете...

Я щелкнул пальцами. Граф отшатнулся, красный демон возник моментально: багровый, пышущий скрытым огнем, жуткий, слегка покачиваясь на коротких, но толстых и жилистых лапах, с полураскрытой пастью, что выглядит как вход в ад.

— Послушай, — велел я, — а потом стань незримым и отправляйся в соседние комнаты. Там дети графа и его жена. Убьешь всех... нет, сожри их живьем...

— Нет! — вскрикнул граф. Его трясло, он прошептал: — Я сделаю все, что скажете... Я сдам замок. Я велю всем сложить оружие.

Я ответил с холодной вежливостью:

— Со всеми поступим по рыцарскому кодексу. Никто из ваших людей не будет убит, в этом клянусь честью.

Он поднялся, в глазах отчаяние, но прошептал:

— Хоть о рыцарской чести не говорите...

Красный демон исчез, граф вздрогнул и посмотрел на меня умоляюще. Я сказал быстро:

— Не волнуйтесь, он войдет в их комнату незримым и... будет ждать приказа.

Он направился к двери, там остановился.

— Вы пойдете со мной?

Я заколебался, затем помотал головой:

— Нет, лучше вы сами. А то ваши люди сдуру решат, что я оказываю на вас какое-то давление... Пусть все видят, что вы действуете свободно, по своей воле, значит. Без принуждения. Тогда вопросов будет меньше.

Рассвет за это время подобрался незаметно, и, когда я подошел к окну, чтобы проследить за графом внизу, во дворе, небо на востоке уже нежно-голубое, чистое. Пурпурный край солнца поднялся тоже радостно сверкающий, словно истосковался там, в темноте подземного мира, по нашей зеленой земле с ее лесами, полями, озерами.

Граф из здания вышел не скоро, я начал дергаться, за ним двое из его рыцарей. Вместе подошли к воротам, я видел по жестикуляции, что граф велит поднять решетку, открыть ворота и опустить мост.

Рыцари по взмаху его руки остались, а он вышел из замка. Потом я видел, как из леса выехали мои рыцари. Граф махнул им, они остановились. Коротко переговорив, граф повернулся, указал на опущенный мост и распахнутые врата. Макс, как мне показалось, сильно колеблется, я запоздало пожалел, что не договорился о системе кодовых слов, чтобы верный рыцарь знал, где ловушка, а где все чисто.

Наконец Макс взмахом длани согнал на землю одного из рыцарей, тот подвел коня графу. Граф, не чинясь, поднялся в седло, теперь он заложник, а для наблюдающих из замка — хозяин, которому гости предложили коня. С бьющимся сердцем я смотрел, как во двор въехали сэр Макс, Митчелл и все наши рыцари,

которых я отобрал еще в замке Барбароссы. Сэр Макс не подал виду, что потрясен такой быстрой сдачей, держится с благородной надменностью знающего себе цену военачальника. Митчелл откровенно скалит зубы и явно старается понять, как это все у меня получилось.

Я понаблюдал, как наши берут под контроль ключевые места в замке, спустился вниз. В дверях столкнулся с графом Инкризером. Я знаком показал ему, что здесь говорить не будем, он кивнул, зашел в одну из пустых комнат и, придерживая дверь, подождал меня.

На лице графа мука и немой вопрос, я закрыл поплотнее дверь, отошел на середину комнаты и только там сказал почти шепотом:

— Нет, граф. Ваши жена и дети в полной безопасности. Им ничего не грозит, но им лучше оставаться под охраной моих людей и...

— ...вашего демона, — прошептал он.

— Да, — согласился я. — У нас слишком мало людей, чтобы удержать замок. Потому нам лучше договориться, граф. Если станет достоянием гласности, что я вас заставил сдать замок на таких условиях, вы станете изгоем в рыцарском мире. К сожалению, жизни людские, даже близких, значат очень мало, граф... Всякий скажет с презрением, что замок нельзя было сдавать. Ведь жену можно взять другую, да и детей еще можно нарожать кучу!.. Но вы поступили очень по-человечески, чем я, подлая скотина, и воспользовался.

Он смотрел с непониманием:

— Что вы еще хотите?

— Сохранить ваше имя, — сказал я.

— Как?..

— Не видите?

— Нет. Я сдал замок врагу.

— Не врагу, — поправил я педантично, — а против-

нику. Да и не противники мы, граф, просто так легла карта. Вы просто встали на ту сторону, где ваши друзья.

Он буркнул:

— Как будто вы не так делаете.

— Все так делаем, — согласился я. — Хоть свинья, но свой... Я предлагаю вам нигде не упоминать, что сдали замок, поддавшись шантажу. Лучше, если это будет продуманное и мудрое решение перейти на сторону более благородной партии.

Он покачал головой:

— Более благородной?

— Граф, — сказал я с укоризной, — вы в самом деле верите, что я зарезал бы ваших детей?.. Не тревожься вы так за них сильно, что не могли здраво рассуждать, вы бы поняли, что это чистейшей воды блеф. Но вы были так взволнованы, что... будучи обманутым, приняли правильное решение. Теперь нас уже четверо: вы, дорогой граф, сэр Митчелл Кассель с его войском, барон Альбрехт... кажется, он еще и Гуммельсберг...

Он прервал:

— Простите, мне слышалось... барон Альбрехт?

— Вам не слышалось, — ответил я любезно. — С нами в самом деле Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля. Он пришел в самый драматический момент, когда граф Росчертский пошел на приступ замка Сворве, и барон Альбрехт ударил ему в спину.

На лице графа я видел уже не просто озадаченное выражение, а глубокое недоумение.

— Насколько я слышал...

— Да-да, я весь внимание, граф.

— Насколько я слышал, барон Альбрехт не по-рыцарски расчетлив. Он всегда знает, на какую сторону забора упасть.

Я улыбнулся:

— Вот видите. Барон уже понял, что наше дело правое, мы победим. Теперь, когда и вы с нами, он уверит-

ся еще больше. Думаю, что скоро нас будет значительно больше. Я рад, что вы, граф, приняли мудрое решение принести мне вассальную присягу.

Он смотрел исподлбья, колебался. Я улыбался дружелюбно, но в глазах оставил холодный огонек. Наконец он проговорил хмуро:

— Я никогда не покорюсь королю Барбароссе.

Я развел руками:

— Граф, вы приносите присягу мне, а не королю.

— Но вы-то принесли присягу ему?

Я улыбнулся шире, покачал головой.

— Граф, вы же знаете формулу: вассал моего вассала — не мой вассал. То есть в любом случае вы не вассал Барбароссы. А второе, самое главное: я не подданный Барбароссы! Я вообще странствующий рыцарь из другого королевства. Заехал в королевство Барбароссы на Каталаунский турнир, там оказал королю пару важных услуг, за что он и дал мне титул пфальцграфа всей Армландии. Только и всего.

На его лице проступило мучительное колебание.

— Мне нужно подумать, — проронил он наконец.

Я поднялся, учтиво поклонился.

— Разумеется, разумеется! Такие решения не принимаются сразу. Оставляю вас, граф. Мне еще нужно со своими людьми разработать план быстрого захвата всей Армландии. Желательно вот так же, без кровопролития.

До самых дверей я чувствовал на спине его недоумевающий взгляд: этот Ричард — самоуверенный дурак или просто сумасшедший?

Глава 6

Митчелл откровенно наслаждался блестящим захватом замка. Он так и не поверил, что граф добровольно принес мне присягу, хотя вслух не сказал ни слова, но в

его глазах я видел мрачное восхищение. Сам не слишком щепетильный в выборе средств, казалось дурное влияние родителя, он восторгался сюзереном, который, оставаясь благородным рыцарем, мог перешеголять самого дьявола в нехороших выдумках.

Не дожидаясь приказа, он послал одного из своих людей к нашему основному войску, чтобы поторопились сюда до подхода графа Росчертского. Я поблагодарил, добавил, что всегда восхищаюсь людьми, которые не ждут приказа, а делают то, что делать надо.

Во главе нашего войска скакал Альбрехт Гуммельсберг, который барон Цоллерна и Ротвайля, еще более пышный и нарядный, словно возит за собой целый гардероб. Граф Инкризер, стоявший на стене рядом со мной, вздохнул.

— Невероятно.

— Да, — согласился я. — Он мог бы явиться ко мне еще в первый день! Если такой дальновидный, чего тянул?.. Прибыл, когда нам осталось только дожать противника.

Я говорил с очень серьезным лицом, граф Инкризер смотрел то на меня, то на вливающееся в раскрытые ворота войско, наконец развел руками.

— Стар я становлюсь. Не успеваю за военными новшествами. Я полагаю, вы хотите, чтобы я знатных рыцарей пригласил в замок?

— Да, конечно, — ответил я, со стен видно, что войско начало было располагаться у замка. — Но... вы не будете против, если я на время воспользуюсь вашим гостеприимством и приглашу в замок все наше небольшое войско?

Он вздохнул:

— А я могу быть против?

— Вот и хорошо, — сказал я обрадованно. — Не думаю, что будем долго им злоупотреблять, но сейчас нам лучше укрыться за стенами...

Он развел руками:

— Делайте что хотите. Я все больше склоняюсь к мысли, что сильно сглупил.

— Вы поступили правильно, — возразил я. — В самом деле правильно, благородный сэр.

Мы со стен наблюдали, как войско втягивается в замок, а когда за последним захлопнулись ворота, я сбежал вниз, двор уже заполнен людьми, конями, звон железа, конское ржание, грубые раздраженные голоса, кое-где во дворе начинают разжигать костры.

Я помогал устраиваться, как вдруг со стены крикнули:

— К замку скачет какой-то рыцарь! Один.

Я крикнул:

— Впустить! Но ворота за ним запереть сразу.

Рыцари насторожились, но помалкивали, пока из-под арки ворот не вылетел на огромном коне тяжело-вооруженный всадник. Металла на нем втрое больше, чем на обычном рыцаре, уже по этому я мог бы узнать его, но я всматривался с недоверием в массивную фигуру, от которой за милю прет звериной мощью.

Забрало поднято, и, когда он повернулся, я увидел вырубленное из гранита лицо, знакомые узкие щели глаз, массивные надбровья и мощные скулы. За это время как-то успел подзабыть, что голова его сидит прямо на плечах, а грудь широка неимоверно, содрогнулся, когда он спрыгнул с коня и заключил меня в мощные объятия.

— Сэр Ричард, как я рад, что вы вернулись!

— А как я рад, — ответил я со смешанным чувством. — Что привело вас, сэр Растер?

Он воскликнул:

— Как что? Когда леди Беатрисса внезапно исчезла, мы все догадались, что помчалась за вами. Но спохватились поздно, а лошадку она выбрала самую что ни на есть, да... Словом, я кое-кому побил доспехи и морду

там, в замке, потом уехал, подрался на дороге, но все такие бедные... Хотел было на Север, но услышал, что вы вернулись! Ну, понятно, тут же повернул своего ушастого: не могу же бросить друга в беде.

Рыцари засмеялись, Макс бросил ревниво:

— Я бы не сказал, что сэр Ричард в беде.

— В беде тот, кто все еще идет против нас, — добавил Килпатрик.

Только Альбрехт молчал и смотрел на всех оценивающе, словно прикидывал, за сколько можно продать сборище таких чистосердечных идиотов.

— Сэр Растер, — сказал я с тем же смешанным чувством, — я ценю вашу рыцарственность... но вы правы, нам предстоит сражение с очень опасным противником. Главное, у него в десятки, если не в сотни раз больше как рыцарей, так и всего-всего... Подумайте.

Он выпрямился, насколько ему удалось при его вырубленной из одного куска скалы фигуре, спросил с подозрением:

— Это оскорбление?

— Что вы, сэр Растер, — ответил я со вздохом, — словом, добро пожаловать в наши ряды.

В замке еще не закончили размещать отряды Митчелла и барона Альбрехта, Макс и Килпатрик выстраивают лучников на стене, Будакер снова предпочел занять позицию у ворот. Если выбьют — первым примет удар, а отступит враг — можно прокатиться на его спине.

Я надеялся, что сэр Растер тоже встанет рядом с Будакером, однако этот, соскучившись, поднялся ко мне на стену. Я всматривался в даль, когда с высокой башенки раздался крик:

— С запада конный отряд! Большой.

Макс задрал голову, часовые наверху навалились

животами на перекладину, стараясь приблизиться к рассматриваемым. Снова прокричал тот же голос:

— За ними еще отряд... нет, целое войско!

Макс крикнул мне:

— Это граф Росчертский!

— Легко на помине, — ответил я.

А Килпатрик проговорил с угрозой:

— Мы вошли вовремя. Надеюсь, этот старый дурак ничего не заметит.

Растер фыркнул, как огромный кит:

— Какой же он старый? Недавно женихался.

— Но что дурак, вы не спорите, доблестный сэр... сэр?

— Растер, сэр Растер к вашим услугам, благородный сэр.

— Рад видеть в наших рядах такого могучего воина, — сказал Килпатрик дипломатично, но на всякий случай отодвинулся. — Уверен, вы себя у нас покажете.

Растер прорычал:

— Надеюсь и я. Граф явно дурак, другой бы повернул и удирал со всех ног.

Они зубоскалили, как понимают люди графа Инкризера, но, возможно, наши в самом деле верят, что отобьемся. С угла стены раздался грозный окрик Макса:

— Лучники! Не спать, не спаа-а-ать!

Вместе с нашими встали и лучники графа Инкризера, хорошо обученные и brave с виду ребята, но, конечно, наших впятеро больше. Правда, благодаря Альбрехту Гуммельсбергу, барону Цоллерна и еще чего-то, он привел удивительно точно сбалансированное войско: в нужных пропорциях таранный клин рыцарей, пешие копейщики, ратники и лучники с большим запасом стрел.

Я смотрел с тревогой, не всегда будет коту масленица, где-то удача да обломится. На стену поднялся Мит-

челл, хмыкал и крутил головой. Мои рыцари смотрят без страха, но когда на стену поднялся сэр Инкризер, лицо его было темнее ночи. Сэр Растер предложил браво распахнуть ворота и ударить навстречу. Будет красивый бой, и многие рыцари смогут выказать доблесть, а также заслужить любовь прекрасных дам.

Я крикнул:

— Не стрелять, пока не подойдут к воротам! Первым стреляю я, это сигнал!

Сэр Инкризер осторожно тронул меня за локоть. Лицо его было страдальческим, глаза запали, под ними темные круги.

— Может быть, сообщить им, что я принял вашу сторону?

— Зачем?

— Это если не остановит их, то... нет, простите, я сам не знаю, что говорю. Я просто с ума схожу от беспокойства за свою семью.

Я покачал головой:

— У графа Росчертского слишком много людей. И потому они настолько уверены в своей мощи, что никаких других доводов не услышат.

— Других...

— Да. Других.

Всадники подъезжали к замку спокойные и уверенные. Впереди сам граф Росчертский, рядом с ним знатные бароны, я узнал их лица, тоже были среди женихов, хотя и не в первом ряду. С ними еще с десятков вельмож, следом с развернутыми знаменами оруженосцы, гордые и надменные еще больше, чем их сеньоры. Чуть отстав, движется основной отряд рыцарей, а само войско подтягивается медленно, уж им-то не светит привольное времяпрепровождение в замке, им ночевать у костров за стенами замка.

Я снял с плеча лук, сэр Растер поглядел обеспокоенно.

— Сэр Ричард, — сказал он с беспокойством, — я видел, как вы стреляете... Но мне кажется, это не совсем благородно...

— Что?

— Стрелять вот так...

— А как можно?

Он развел руками.

— Ну, предупредить хотя бы. А то не по-рыцарски как-то. Нельзя рыцарей убивать, как овец.

Другие вслушивались с напряженным вниманием, не все поняли, из местных вообще никто не видел, как я стреляю, я кивнул и ответил быстро:

— Сэр Растер, ценю вашу рыцарственность! Я как раз сейчас и поступаю весьма по-рыцарски: уравниваю шансы. А то наши противники будут опозорены тем, что напали вдесятеро превосходящими силами. Это не благородно, верно?

Он замялся, а я наложил первую стрелу. Всадники остановились на рву, кто-то вытащил рог и затрубил громко и звонко. Другой рыцарь крикнул весело:

— Заснули? Опускайте мост! А то оборвем уши! Или вообще вытянем, как у коров, чтоб лучше слышали...

К ним подъехали рыцари основного отряда. Я поднялся из-за укрытия, выстрелил, держа взглядом открытое лицо графа Росчертского, тут же выхватил другую стрелу и выпустил ее в грудь барона справа, а третью — в барона слева. Только после моей четвертой стрелы со стены сорвался нестройный ряд стрел, но я уже успел поразить еще двух.

Руки мои мелькали с такой скоростью, что со стороны, наверное, кажется, что у меня их четыре, если не восемь. Я задержал дыхание и стрелял с максимальной скоростью, стремясь поразить как можно больше целей. Эти меднолобые идиоты не сразу даже поняли, что происходит: орали и ругались, грозили кулаками, обе-

шали обрубить нам руки, как только войдут в замок, все еще уверенные, что их с кем-то перепутали. Лучники старались так же, как и я, всякий понимает, что второго такого шанса не будет, и стреляли, стреляли, стреляли...

Внизу был крик, конское ржание, грохот падающих тел. Стрелы бьют часто, как град, и когда рыцари наконец повернули коней, их оставалось меньше трети. Я успел поразить еще четверых в спины до того, как они вышли из зоны поражения.

На стене разразились бурными криками ликования. Правда, на лицах рыцарей я видел еще и шок, что законченных в прекрасную сталь благородных людей перебили простолюдины из безопасного места. Ничего, подумал я мстительно, вы не знаете о знаменитой битве при Креси, когда английские лучники «из простого народа» перебили практически все французское рыцарское войско, аристократ на аристократе... тысячи и тысячи французских рыцарей полегло, а из англичан только один палец в носу сломал.

Я опустил лук, руки горят, на меня смотрят ошарашенно. Я сказал с подъемом:

— Противник немного ослаблен. Наши шансы еще не уравнились, но уже лучше, чем было полчаса назад.

Сэр Растер воскликнул почти враждебно:

— Уравнились?.. Вы убили графа Росчертского и всех его самых близких вассалов!.. Половина лордов лежат под стенами...

— Кстати, — сказал я, — хорошо, что напомнили. Предлагаю добить раненых, чтоб меньше хлопот. Как вы на это смотрите?

Сэр Инкризер побагровел, задышал часто.

— Сэр Ричард... я не позволю! Это мой замок. Пусть лучше мы все умрем, но я не позволю добивать раненых рыцарей.

— Негуманно? — спросил я. — А что предлагаете?

— Мы выйдем и заберем их в замок. Кто умрет, того причастит священник, а кто выживет — это нам зачтется на Страшном суде!

Сэр Растер поддакнул:

— Да, о выкупе тоже нужно думать! А вы такое расчётливость предлагаете! Человеческая жизнь дорого стоит. Можно даже сто тысяч экую взять, если принца, к примеру... Ну а за этих и по тысяче бы получить, тоже богатство. Или хотя бы пятьсот...

Я подумал, покачал головой:

— Сэр Инкризер прав, как можно думать о таких меркантильных вещах, как деньги? Нет, поступим благородно: разрешим разбитому противнику забрать этих рыцарей...

Потом мы смотрели, как приехали с белым флагом и забирали раненых и убитых. Их забирали и забирали, сперва грузили на коней, потом пригнали наспех сколоченную волокушу и погрузили на нее самых тяжело раненных. Когда наконец утащили последних, ко мне на стену поднялся сэр Альбрехт.

Я сделал вид, что не замечаю его присутствия. Он кашлянул, сказал негромко:

— Сэр Ричард, поздравляю с блестяще проведенной операцией. Но можно один вопрос?

— Даже два, — ответил я любезно и еще любезнее сообщил: — Но это не гарантия, что будет и ответ.

Он сказал одобрительно:

— Подобной реакции я и ждал. Сэр Ричард, а на самом деле... зачем вы позволили им забрать раненых?

Я буркнул:

— Дык благородство, рыцарский дух и все такое.

Он покачал головой:

— Нет, вы же еще и умный человек. Я уже не сомневаюсь, что лично я поступил верно. В смысле, не зря пошел с вами. Так развейте мои последние сомнения.

Я ответил тише, чтобы слышал только он:

— Раненые сражаться не могут, зато обузой станут. У противника ни телег, ни повозок, на чем их возить. А стонами, жалобами и проклятиями деморализуют и без того невысокий дух этого воинства. Самые тяжелые умрут на глазах у всех. Это, конечно, тоже бодрости не прибавит.

Он подумал, переваривая, кивнул, на лице отразилось уважение, но тут же поинтересовался:

— А что потом? Другие выздоровеют!

— Не все, — ответил я бесстрастно. — К тому же пока выздоровеют, поздно будет хрюкать что-то в мой адрес.

— Почему?

— Вся Армландия, — ответил я зло, — будет в одном кулаке.

Он помолчал, в глазах странные огоньки, произнес с чувством:

— Да, этот кулак будет кулаком не графа Хоффмана.

Их войско расположилось на расстоянии двух выстрелов из лука. Мы со стен смотрели, как разожгли десятки костров, у каждого сядет по семь человек, можно подсчитать достаточно точно, сколько у них народу, но вряд ли нужно: и так видно, что превосходят нас числом в несколько раз.

У главного шатра постоянно толпятся наиболее знатные и влиятельные, судя по богатым доспехам и одежде, военачальники. Сэр Растер начал с азартом перебирать всех лордов, способных возглавить объединенное войско. С ним азартно спорил Митчелл, он тоже знает всех как облупленных, уже знает. Будакер, Макс, Килпатрик слушали внимательно, уточняли детали.

Помалкивал как раз самый знающий, Альбрехт. В отличие от Митчелла, который прибыл в эти края совсем

недавно, он уроженец этих мест, но, как я заметил, Альбрехт больше интересовался речами моих рыцарей, их реакцией, чем тем, кого поставят во главе войска противника. Потом он и сам вступил в спор, но ограничивался короткими репликами, что, однако, походили на сухие поленья, брошенные в костер.

Я слушал внимательно, в конце концов большинство сошлись на графе Ансельме. Он не столько влиятельный лорд, как уважаемый за турнирные подвиги. К тому же граф никогда не влезал в интриги. В то время, когда другие строили планы, он развлекался со служанками, много пил, а всем ссорам предпочитал добрую охоту.

Еще вспоминали умелых военачальников графа Глицина и Бауэра, но те пали от моих стрел при осаде моего, да, моего замка Сворве, так что только Ансельм, неустрашимый Ансельм.

Я пытался вспомнить этого графа, но так и не мог, не сталкивался. То ли он все на охоте по служанкам, то ли еще где, но среди примелькавшихся женихов не видел.

— А как же граф Странжен? — спросил я наконец. — А еще барон ля Берж и барон Энгельярд? Я слышал, все трое довольно влиятельны...

Пока собирались с мыслями, Альбрехт сказал живо:

— Я все ждал, когда вы спросите, сэр Ричард.

— Ну спросил, — сказал я угрюмо. — А где ответ?

— Ответ: дальше к северо-востоку, — ответил Альбрехт любезно. — Эти лорды настолько могущественны, что сами в походы не ходят. Им достаточно послать одного из вассалов. Уверяю вас, с ним будет столько рыцарей, что даже вам не покажется мало.

— Я не драчливый, — сказал я. — Мне бы вообще их не было.

Сэр Растер вскрикнул негодуя:

— Как это? А славные рыцарские подвиги? А отличаться во имя дамы?

Я отмахнулся:

— Да какие это подвиги — бить всякую мелочь. Вот как-нибудь пойдем с вами на северных големов...

— На големов? — переспросил сэр Растер, загораясь.

— На северных, — уточнил я. — Северные — это да, всем големам големы.

— Здорово, — прошептал он в благоговейном восторге. — Когда пойдем?

— Как только, — ответил я, — так сразу. Осталось только с мелочами закончить. Вы тут думайте, я а, пожалуй, немного прогуляюсь за стенами замка.

На меня смотрели с недоумением, Будакер спросил мрачно:

— На разведку, что ли?

— Да вроде того, — ответил я туманно.

— А оно того стоит? И так все видно.

— Но плохо слышно, — сообщил я.

Он смотрел с тем же мрачным недоверием:

— Собираетесь подобраться так близко? Там три кольца часовых. Да и негоже военачальнику лазутничать, как простому... да, как простому.

— Да я не всерьез, — объяснил я. — Так, малость поразвлекаться восхотелось от рыцарской дури. Благородным людям свойственны причуды, дабы мы отличались от простых, не так ли? Вот я и подурю малость.

Он покачал головой, в глазах недоверие.

— Малость дури никто не заметит, такой дури у всех своей полные мешки. А за большую дурь... гм... да и время вроде бы не совсем то.

— То, — ответил я. — Вам, сэр Будакер, доверю очень важное дело. Видите моего коня?

Он оглянулся:

— Вижу. И все думаю, когда вы научитесь его расседлывать. Он же спину себе сотрет!

— Седло легкое, — заверил я. — Моего коня надо будет выпустить в полночь, хорошо? В смысле, за ворота.

Он спросил недоверчиво:

— А если кто чужой сцапает?

— Не сумеет. А мне он может ой как понадобится...

Глава 7

Задолго до наступления темноты взошел узкий утонченно-исламский месяц, язык не поворачивается называть это изящество луной, и, едва сумерки опустились на землю, засиял нестерпимым золотым огнем. Звезды решились выйти сперва только крупные, способные постоять за себя, потом сыпанула осмелевшая мелочь.

Я вышел через калитку, светильники у ворот на это время велел пригасить, а когда дозорные снова зажгли их, я в личине исчезника уже двигался по направлению к лагерю. Мир мгновенно переменялся, когда добавил тепловое зрение, словно я очутился то ли на Марсе, то ли сам влез в шкуру марсианина.

Двигался без особых планов, просто надеялся подойти ближе и послушать, что замышляют. Ну а там уже действовать по обстановке. Вообще достаточно миновать линию часовых, в лагере можно и шкуру исчезника сбросить. Вряд ли все друг друга знают в лицо. Всегда можно прикинуться воином во-о-он того дальнего отряда.

Холодок пробежал по лицу, я даже не сразу сообразил, в чем дело, отвык, дурак, а здесь, в линии часовых, некто умеющий просматривать свою линию обороны и вот так. То ли колдун, то ли маг, но, скорее всего, — кто-то из счастливых, отыскавших или купивших дешево амулет-детектор.

Я отступил, выждал, прислушиваясь, но никто тревоги не поднимает, на всякий случай попятился и по-

шел вокруг лагеря, проклиная чересчур осторожную сволочь. А может, это еще граф Росчертский, нет чтобы как доблестный христианский рыцарь расставить часовых и тем ограничиться, так он, осторожная и расчетливая скотина, прибег к нечестивой магии! Подло, очень подло...

Увы, если честно, зато эффективно. На войне нет подлых приемов, здесь они именуются военной хитростью, воинской смекалкой и прочими облагороженными терминами.

В лагере сдержанный говор, конское ржание, глухие удары топоров: готовят то ли лестницы для утреннего штурма, то ли целую осадную башню. Над кострами в котлах булькает похлебка, мясные запахи плывут так густо, что в них можно прятать любую вонь.

Брешь между колдунами отыскалась на противоположной стороне, что понятно, обращенная к замку сторона лагеря и должна быть защищена лучше всех. Я проскользнул между кострами, пару раз буквально наступал на ноги рассевшимся часовым, а дальше уже проще: одно время двигался исчезником, через плотную толпу раздраженно спорящих прошел в своей личине, только морду прятал на всякий случай. Хоть никто меня здесь не знает, но береженого Бог бережет, а не береженого конвой стережет.

Спорили, как я уловил, кому быть во главе похода: графу Ансельму или графу Странжену. Наши будут удивлены, но большинство все же за Странжена. Одно дело неустрашимость Ансельма, другое — расчетливость Странжена. Оказывается, Странжен только что присоединился к походу с небольшим отрядом, почуял, что здесь пахнет большой властью и большими возможностями.

Я тихонько продвигался в направлении главного

шатра. Внезапно оттуда раздались громкие ликующие крики. Все в лагере повернулись и смотрели во все глаза. Из шатра выходили военачальники, пламя костров красиво и страшно играет на выпуклых доспехах, один вскинул руки и провозгласил громко:

— Преемником доблестного графа Росчертского, погибшего в бою, избран граф Странжен!.. Ура!

— Ура!

— Ура!!!

Я тоже крикнул, а потом, пользуясь, что все смотрят на военачальников и высматривают среди них Странжена, нового главу похода, многие его не видели ни разу, отступил в тень и быстро вошел в личину исчезника. Рыцари орали и стучали рукоятями мечей и топоров в щиты, поднимали обнаженное оружие над головой. Я торопливо вытащил лук и, отыскав взглядом этого Странжена, быстро натянул тетиву и отпустил стрелу.

Шум, гвалт и суета стояли настолько оглушительные, что я успел сразить пятерых военачальников, прежде чем там начали понимать, что происходит что-то не то.

Я торопливо свистнул, руки мои в автоматическом режиме хватают стрелы, накладывают на тетиву, рывок, и стрела рассекает воздух, стремительно уходя к жертве. Наконец там поднялся крик, рыцари начали закрываться щитами, присели, осматриваясь, откуда идут стрелы. Самые сметливые сразу начали разбегаться в разные стороны с оголенным мечом в одной руке, щитом в другой. И видно, что не убегают, а ищут отчаянного смельчака, посмеявшегося...

В мою сторону бегут сразу пятеро, отступать тоже нельзя, там костры, часовые и колдун. Я торопливо вытащил меч, но в этот момент раздались крики. Из темноты выметнулся, как исчадие ада, огромный конь с красными, как раздуваемые ветром горящие угли, гла-

зами, дохнул огнем, в темноте это заметно, я бросился навстречу, поспешно вскочил в седло.

Ногу ожгла острая боль, арбалетная стрела вонзилась в бедро по самое оперение. Я повернул коня в сторону лагеря барона ля Бержа, прокричал люто:

— Слава ля Бержу!.. Мы вас всех убьем за такое оскорбление...

Две стрелы ударили в спину, а когда Зайчик начал набирать скорость, еще трижды ударило в плечо, шею и снова в спину. Я, выйдя из личины исчезника, изо всех сил боролся с жуткой слабостью, подгонял регенерацию. Зайчик остановился вблизи стен замка, я стонал, плакал, взывал, вытаскивая из тела арбалетные болты, а когда нащупал большую кровоточащую шишку на голове, вообще похолодел. Чуть левее, и стальной болт расколол бы череп, тут никакая регенерация не поможет. Нет, с этими вылазками в стиле Ламура надо заканчивать. Я же общечеловек, а мы, демократы, свои жизни еще как бережем, это чужих не жалко. Так что хватит, буду руководить, как монгольский хан: за спиной войск с вершины холма. Или с крепостной стены.

На стене наконец меня рассмотрели, молодой голос прокричал с великим облегчением:

— Целы?.. Открываем!

И тут же сверху грозный окрик сэра Растера:

— Смотрите, чтоб за ним никто не увязался!..

Предостережение не лишнее, коня через калитку не протащишь, пришлось отворять ворота. Едва я проехал, за спиной захлопнули с великой поспешностью, с облегчением вставили бревно в запоры.

Внизу меня встречали Макс, Килпатрик, Будакер и, конечно же, сэр Растер, не считая всех моих рыцарей, приехавших от Барбароссы. Все с оружием в руках, все готовые к отражению ночного штурма.

Сэр Растер спросил нетерпеливо:

— Ну как?... Не томите, сэр Ричард!

А сэр Будакер проворчал:

— Хоть и были готовы, но едва успели ворота отворить... Думаю, ваш конь способен их проломить.

Судя по голосу, шутит, так что смолчу, что мой Зайчик и в самом деле может... наверное. Я до сих пор не все знаю, что он может.

Я слез, чувствуя сильную усталость и жуткий голод. Появился сэр Альбрехт, тоже смотрит с ожиданием, и, чтобы кольнуть его, я сказал громко и как можно небрежнее:

— А вы все чего не спите? Ночного штурма не будет.

Все приняли это как должное, только сэр Альбрехт поинтересовался:

— Вы его изволили отменить?

— Да, — согласился я. — Изволил. У них теперь другой вопрос на повестке дня.

— Какой?

— Выборы, — ответил я лаконично.

Все слушали внимательно, только сэр Растер туповато уточнил:

— Этого их общего войска?

— Да.

Сэр Килпатрик проговорил с сомнением:

— За ночь не успели?

— Успели, — подтвердил я. — Избрали графа Странжена, как бы вам ни хотелось видеть во главе графа Ансельма. А графа Ансельма и барона Швидерта — помощниками и заместителями.

— Но...

Я развел руками.

— А теперь им придется выбирать заново. Здесь найдется что-то перекусить? Я умираю с голоду.

Сэр Растер радостно завопил, что составит компанию, в самом деле пора червячка заморить. Остальные

рыцари тоже двинулись за мной, только заботливый Килпатрик перехватил моего коня и сам проследил, чтобы конюхи поставили в стойло, где нет соседей.

Митчелл шел рядом ликующий, словно это он учинил погром в лагере. Со стен ясно же слышали и шум, и крики, потом увидели, как взметнулись огни горящих палаток. Сэр Альбрехт изумленно покачивал головой, Митчелл пихал его в бок кулаком, Альбрехт болезненно улыбался.

До утра из лагеря доносился шум, звенело железо. Самые горячие головы ринулись мстить барону ля Бержу за подлое убийство графа Странжена и других знатных рыцарей. Совсем не по-рыцарски поступил ля Берж, нельзя до такой степени терять от обиды голову, теперь он ответит... и его люди ответят...

Понятно, ничего не понимающие люди ля Бержа сперва подались под яростным натиском, затем озверели и дали такой отпор, что ворвались на спинах убегающих в ту часть лагеря, где и устроили кровавое побоище. Утреннее солнце осветило сожженные шатры, разбежавшихся коней, рыцари все в доспехах и при оружии смотрят друг на друга волками. И пусть все уже выяснили, но каждый помнит, как сосед подло напал и занес над ним меч...

Штурма мы ждали до полудня или хотя бы начала осады, но сперва один отряд снялся с места и ушел, затем другой... Сэр Растер и Митчелл, соревнуясь друг с другом в знании геральдики, наперебой сообщали, кто из сеньоров сворачивает знамена и покидает лагерь.

Митчелл радостно проревел:

— Раньше они чуть не дрались, кто же возглавит поход, а сейчас... ха-ха!.. голову даю наотрез, никто не хочет быть предводителем!

Сэр Растер поддакнул:

— Да, что-то их жизнь очень коротка. Граф Странжен побыл главой похода с полчаса, а то и несколько минут? Ха-ха!

Я ел быстро и жадно, желудок переваривает все на лету, силы вливаются в мое тело. Я чувствовал, как пошла горячая кровь, а Растер с одобрением осматривал мое розовеющее лицо.

— Что значит молодость, — сказал он завидующе. — Стоит посидеть за хорошим столом, выпить с друзьями — и вся усталость куда и девается! А теперь мне обязательно нужно выспаться, иначе ни на что не годен...

Граф Инкризер, еще не веря ни в нашу победу, ни в то, что уйдем из его замка, велел открыть все подвалы и достать лучшее вино и окорока для пира. Митчелл и Растер соревновались, кто круче завернет тост, остальные вежливо слушали, иногда добавляли что-то. Граф молчал, рядом с ним его супруга, милая, все еще молодая женщина, поглядывала на буйных гостей с интересом и некоторым испугом.

Я тоже поднялся с кубком в руке, все почтительно умолкли.

— А я поднимаю тост за графа Инкризера, — провозгласил я. — Он выказал себя очень мудрым человеком, встав на нашу сторону как раз в момент, когда мы так нуждались в верных союзниках!.. Заодно хочу напомнить, что первым привел свой большой отряд ко мне Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля!.. Нет, я не хочу умалить ни заслуг благородного Митчелла Касселя, ни моих рыцарей, но всех нас к тому времени уже связывали некие отношения, но барон Альбрехт и граф Инкризер... спасибо вам, друзья, за доверие!

Рыцари ликующе орали, смыкали со звоном чаши над столом, так что вино брызгало на блюда, поздрав-

ляли как графа, так и друг друга: хорошо быть в стане победителей. Альбрехт самодовольно улыбался, комплименты слушать всегда приятно, граф Инкризер улыбался криво, вынужденно.

Наступила ночь, а утром мы уже седлали коней. Граф вышел нас проводить, я сказал громко:

— Спасибо за гостеприимство и помощь, благородный сэр Инкризер. Увы, я вынужден отклонить ваше настойчивое предложение продолжить пир, но мы не можем гостить дольше, увы! У нас впереди вся Армландия. Благодарю вас за мудрость, с которой вы предпочли нашу сторону той, где... наши противники. Я рассчитываю, что они стали противниками только по недоразумению. Разве что Хоффман в самом деле противник, если вправду хочет поставить эти земли под власть короля Гиллеберда. Надеюсь, вы и дальше не разочаруетесь в нашем сотрудничестве.

Граф в затруднении смолчал, только искоса поглядывал по сторонам: никто не прячет ли ехидные ухмылки. Рыцари, чистые души, смотрят на него как на собрата, который по доброй воле встал с ними плечом к плечу.

Граф Инкризер наконец перевел дух.

— Сэр Ричард... — пробормотал он, — вы чересчур высоко оцениваете мои заслуги. Их, по сути, и нет...

— Не скромничайте, — сказал я, повысив голос. — Заслуга ваша в том, что вы присоединились ко мне, когда я был в меньшинстве. Увидите, сколько будет желающих примкнуть к моему войску, когда мы будем дожимать противника! Тем выше честь и заслуга тех, кто пришел, когда соотношение сил один к ста не в нашу пользу!

Граф долго смотрел нам вслед с крепостной стены. Ворота моментально заперли за последним проехавшим под железной решеткой, словно страшился, что

передумаю и вернусь убивать его детей. Я догадывался, что за буря бушует в нем, но задавливал в себе любое сочувствие, ибо сейчас я не рыцарь, а политик. Грязный, подлый и все такое, как нас любят называть, но, как и всякий политик, старающийся любой ценой избежать кровопролития.

Да, вот ключевое слово, о которое спотыкаются: «любой ценой». Мол, нельзя ценой лжи или вероломства добиваться благих или благородных целей! Конечно, это фигня, а иезуиты правы. Я поступил, как сам бы сказал про другого, грязно и подло, зато избежал очень большого кровопролития. Не шантажирую я графа, пришлось бы убить пусть не детей, но его самого и еще кучу народа. Сожгли бы дома, перебили вместе с защитниками подвернувшихся под руку слуг, по праву победителей изнасиловали бы всех женщин, а тех сучек, которые смеют противиться доблестным героям, распаленные победители попросту бы прирезали.

Я всего этого избежал, сейчас хреново только одному человеку — графу Инкризеру. Но и у него, надеюсь, эта рана постепенно заживет. Он не мальчишка, поймет, что я поступил... э-э... правильно. В смысле, по-человечески хреново, даже гаденько, можно даже сказать пафосно, подло поступил, однако с точки зрения страста — безукоризненно.

Глава 8

Я прикинул, что если посланцы из Авиньона добирались до Лиона за два дня, до Орлеана — за четыре, а Жанне д'Арк от Вокулера до Шинона пришлось мчаться одиннадцать суток, то средняя скорость гонцов на быстрых конях что-то около пятидесяти миль, а конного войска — тридцать, да и то если не тащат с собой телеги, что случается очень редко.

Так что у меня еще есть не меньше трех недель, пока под стенами замков Инкризера и моим Сворве покажутся новые конные отряды. А остальное войско будет подходить еще несколько недель.

Мы сделали два конных перехода, догоняя и рассеивая по пути остатки армии графа Росчертского. Все бежит перед нами в панике: никто не мог предположить, что мы двинемся в наступление с такими крохотными, даже микроскопическими силами. Всяк полагал, что движется некая орда, раз уж мы решились вторгнуться в глубину Армландии.

На третий день дозорные вернулись на взмыленных конях с тревожным сообщением. Навстречу движется большое конное войско, а за ним угадывается масса пеших. Возможно, под охраной пешего войска еще и обоз, проверить не успели, торопились доложить.

— Молодцы, — прервал я. — Сделали верно. Дайте коням отдохнуть, я пока что сам, сам...

— Там впереди лучники, — предупредил дозорный.

— Конные? — удивился я. — Гунны, что ли?

— Ваша милость, мы не знаем, кто такие гунны, но стрелять с коней умеют...

— На скаку?

— Нет, останавливаются, ваша милость.

— Точно не гунны, — сообщил я с ноткой превосходства. — А вот я немножко он самый.

— Как скажете, ваша милость!

Я не стал уточнять, что теперь я не «ваша милость», а уже «ваша светлость», я же граф, а не какой-нибудь виконт или барон, только дуракам важны такие мелкие знаки. Зайчик рванулся подо мной, навстречу ударил тугой ветер, далеко позади остались обомлевшие дозорные и войско во главе с Максом, Митчеллом и Альбрехтом, что ведут свои отряды чуточку порознь.

Долина вдали заблестала множеством искорок: осе-

нью воздух чище, войско в дороге не задыхается от удушливой пыли, я сразу оценил, что навстречу двигается чуть ли не армия тремя отдельными колоннами. Между ними постоянно снуют легкие всадники.

Лучники небольшими группами впереди войска, одеты легко, кони тоже без доспехов и попон. Я приблизился с настороженностью, готовый в любой момент повернуть обратно, однако никто не взял лук в руки. То ли не считают одинокого всадника опасным, то ли у них на подобные встречи есть четкие указания.

Я остановил коня, далеко впереди блещут доспехи рыцарей, над их головами реют знамена. Там лорд на лорде, но рискованно ехать навстречу, оставляя за спиной столько лучников... Впрочем, это же в самом деле не гунны, у этих луки длинные, что значит — стреляют с земли, да и конь у меня не прост...

Обругав себя трусом, я неспешно поехал к группе военачальников. Угол зрения сузил, так что все затянуто пеленой, только в центре сильно прыгающая увеличенная картинка блестящих рыцарей. Я обыскал едущих во главе, охнул. Впереди на роскошном коне гордо и надменно восседает Варанг, барон Варанг, с которым мы сходились в поединке при дворе леди Беатриссы!

Я остановил Зайчика, руки держу на поводьях. Варанг не изменил аллюра, но его всадники пришпорили коней, с лязгом и грохотом помчались, взяли в кольцо. Я на них даже не смотрел, гордо и так же надменно взирал на их предводителя.

Барон придержал коня в трех шагах, вскинул руку в рыцарском приветствии.

— Рад вас видеть, доблестный сэра Ричард!

— И я вас, благородный сэра Варанг, — ответил я учтиво.

Рыцари переговаривались между собой, особой вражды я не чувствовал, как и теплоты: война есть война,

здесь убивают не врага, а противника. И меня убьют совершенно спокойно, если не удастся захватить в плен.

— Мы встретили отступающие отряды, — сказал Варанг.

— Бегущие, — уточнил я.

— Бегущие, — согласился он. — Уж не знаю, как вы сумели разгромить такое многочисленное войско...

— Воюют не числом, а умением, — сказал я. — Мне искренне жаль, что погибли такие доблестные рыцари, как Глицин, Байэр, граф Ансельм и граф Росчертский... и еще погибнут очень достойные люди, что не видят очень ясных знаков, посылаемых нашим Господом...

Я благочестиво перекрестился. Некоторые рыцари с явной неохотой последовали моему примеру. Другие смотрели холодно и враждебно, словно каждому из них погибшие доводились близкими родственниками.

Варанг спросил с холодком:

— Цель вашего похода? Если не ошибаюсь, вы захватили и замок благородного сэра Инкризера?

Я засмеялся громко и беспечно:

— Дорогой барон! Сэр Инкризер оказался умным и даже, не побоюсь этого слова, мудрым человеком. Он примкнул ко мне, даже не зная, что со мной уже идет известный расчетливостью Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля! Мы прекрасно отдохнули в замке благодаря гостеприимству сэра Инкризера, разгромили огромное и нестабильное войско графа Росчертского... К великому сожалению, от наших рук пало множество известных воинскими подвигами рыцарей... позвольте я еще раз перекрещусь...

Рыцари снова перекрестились вслед за мной, я сказал с глубоким вздохом:

— Жаль, Господь не надоумил их. Не знаю, где уж они прославились, но у нас даже не хрюкнули. Воинскую добычу, доспехи, коней и оружие мы оставили

графу Инкризеру. Он у нас теперь вроде интенданта. А сами налегке преследуем...

— Остатки войска графа Росчертского?

Я покачал головой:

— Что мне граф? Он пал от моей длани, как и граф Ансельм, но я не держал и не держу на них зла. А вот на графа Хоффмана, учинившего непотребства в замке леди Беатриссы...

— Что он сделал? — спросил барон громко.

Я понял, ответил так же громко:

— Он не только перебил всю посуду, изрубил столы и мебель, он изорвал платья леди Беатриссы, сам везде срал и пачкал, а также изрубил святой крест в ее покоех, надругался над ним, а такое святотатство может совершить только продавший душу дьяволу!

Среди рыцарей пошли обеспокоенные разговоры. Я видел хмурые озабоченные лица, и хотя не заметил изрубленного креста, но это мелкая деталь, Хоффман вполне мог изрубить и надругаться, если уж изорвал все платья и порубил туфли. Человек, ломающий женские туфли, только бы досадить женщине, вполне способен и на распятые плюнуть.

Варанг тоже нахмурился, сказал медленно:

— Все мы знали, что Хоффман слишком далеко отошел от церкви... но чтоб вот так... гм...

— Нельзя отойти от церкви, — сказал я, — и не приближаться к дьяволу. Так не бывает.

Он согласился, все еще хмурясь:

— Да, несдержанный нрав завел Хоффмана слишком далеко. Но все же, сэр Ричард... это ваше войско показалось там?

Я оглянулся. Наши отряды, благодаря некоторому сепаратизму Митчелла и Альбрехта, идут широкой полосой, создавая видимость несметного войска, а также вроде бы готовность обхватить противника с флангов, окружить и перебить.

— Мое, — сказал я.

Варанг вздохнул:

— Сэр Ричард... Я понимаю ваши чувства. Могу добавить, что я осуждаю сэра Хоффмана за его несдержанность. Однако я, как хозяин Аргентейля, так называются мои земли, не могу пропустить вас через них. Это будет нарушением моих прав, которые я не позволю попирать даже императору!

Рыцари довольно зашумели. Некоторые вытаскивали до половины мечи из ножен и с лязгом бросали обратно. Часть из них повернула коней в сторону скачущих к нам тяжеловооруженных всадников.

Барон Варанг и ближайшие к нему рыцари смотрели на меня холодно и враждебно. Я только раскрыл рот, чтобы предложить поискать какой-то компромисс, как барон Варанг резко прервал:

— Сэр Ричард, не нужно лишних слов!.. В моих землях ценят рыцарство и рыцарский дух. И везде, где удастся, мы стараемся поступать согласно рыцарскому уставу...

— Весьма благородно, — пробормотал я, — однако же чем это может...

— Всем! — прервал он еще резче. — Я предлагаю поединок! Между вами и мной. Если одолеете меня, получите свободный проход через мои земли. Если же я одолею, вы станете моим пленником, а все ваше войско будет распушено.

Его рыцари одобрительно зашумели. У меня на языке вертелось, что барон Варанг уже однажды был мною бит в поединке, или он всерьез поверил, что за битого двух небитых дают, но смолчал, подумал, ответил уже спокойнее:

— Несколько неравноценные условия, барон.

— Почему?

— На одной чаше весов — всего лишь свободный

проход, на другой — плен. Если вы так уж уверены, то я предлагаю чуточку скорректировать, чтобы условия выглядели по-рыцарски, а не по-адвокатски. Если победите вы — я становлюсь вашим пленником, а если победа остается за мной — вы признаете себя моим вассалом.

Рыцари зашумели, начали переговариваться. На полном скаку приблизились Митчелл и Килпатрик, с ними с десятка рыцарей, остальные явно по настоянию осторожного барона Альбрехта остались с войском, что приближается медленно, но неуклонно и грозно, как смена дня и ночи. Митчелл держался воинственно, обнаженный меч в руке, но выслушал и с великой неохотой вложил в ножны.

Барон Варанг вздохнул с явным облегчением. Он снова повернулся ко мне, лицо суровое и непривычно грозное.

— Сэр Ричард, вы полагаете, что я перед лицом своих рыцарей усташусь таких условий? Они верят в мою победу! И я знаю, что еще не встречал равного себе бойца. Так что вы очень опрометчиво предложили такие условия.

— Все-таки я готов, — ответил я. Барон что-то недоговаривает, но что? Из этих рыцарей никого не было с ним в замке леди Беатриссы, так что никто не видел, что я уже однажды выбил меч из рук барона, после чего тот прекратил схватку. — И, если не боитесь, мы сразимся на этих условиях...

Он гулко и демонстративно захохотал.

— Я? Боюсь?.. Сэр Ричард, помолитесь своим демонам да приготовьтесь познакомиться с моей подземной тюрьмой.

— Я смотрю на вас, — ответил я в свою очередь весьма любезно, — как на своего вассала, которым вы станете после этого поединка...

Варанг зловеще усмехнулся, легко и красиво соскочил с коня. На левой руке очутился щит, в правой блеснул меч, барон смотрел на меня грозно и весело.

— Ну, сэр Ричард, еще есть время передумать!

— Нет уж, — ответил я, — от такого вассала не откажусь.

— Вы так верите в победу?

— Победа становится неизбежной, — сказал я скромно, — если для поражения не остается ни одного шанса.

— Защищайтесь, сэр Ричард!

— Да я больше привык наступать... Но чтобы сделать вам приятное...

Барон ринулся в атаку с таким пылом, что куда там наступать, я в самом деле едва успевал принимать удары на щит, парировать мечом, отступать шаг за шагом. В ушах непрерывный звон, лязг, рука устала держать щит, на него как будто обрушиваются тунгусские метеориты.

Меч барона возникает сразу со всех сторон, я краем глаза видел восторг на лицах его рыцарей, а Митчелл, Килпатрик и остальные мои рыцари мрачнели с каждой минутой. Барон показывал себя в полном блеске, я постоянно отступал, делал вид, что вот-вот буду повержен, на лице изображал то ужас, то полное отчаяние, а ликование рыцарей Варанга становилось все более громким.

Наконец подъехали и остальные знатные рыцари нашего войска: Макс, сэр Растер, барон Альбрехт... Последний смотрел с великим напряжением, я исхитрился и подмигнул ему, успел увидеть, как на лице отразилось великое изумление. Дальше он следил за мной очень внимательно, я же дал подсказку, и, думаю, он единственный, кто заметил, что я с риском для жизни играю спектакль.

Барон Варанг наносил удары с умением великого мастера, я успевал перехватывать только за счет своей скорости. Его рыцари напряженно следили за каждым выпадом, уж они-то знают толк. Я наконец перестал отступать и сделал вид, что дерусь из последних сил, лучше погибну, но больше не отступлю...

Барон провел эффектную атаку, его люди закричали восторженно, целый каскад великолепных приемов, я отмахиваюсь почти вслепую... и вдруг меч барона вылетел из его руки, я быстро дал ему подножку и толкнул.

Варанг обрушился на землю с таким металлическим грохотом, словно упал строительный кран. Я тут же приставил острие меча к его забралу.

— Вы побеждены, барон! Сдавайтесь!

Он ответил хрипло, задыхающимся голосом, но слышали все:

— Ни за что! Я лучше умру!

Я убрал меч, ответил четко, чтобы слышали все:

— Не сомневаюсь. Тем более что, признаю, вы были к победе ближе, чем я... Но сейчас вы побеждены, барон. А по условиям нашего поединка вы становитесь моим вассалом. Итак, где оммаж?

Он с трудом поднялся, обеими руками снял шлем, обнажив красное распаренное лицо. Подошли рыцари, он передал им шлем, поколебался, затем преклонил колени и сказал нехотя:

— Я, сэр Варанг, барон Аргентейля, Альтха, Денрига и Фоггса, приношу вассальную присягу сэру Ричарду на основании условий поединка. Обязуюсь приходить к вам по первому зову, защищать ваше имя и ваши интересы. Однако моя клятва верности не распространяется на верных мне рыцарей, сэр Ричард.

— Встаньте, сэр Варанг, — сказал я. — Конечно же, ваши рыцари свободны от служения мне. Хотя я буду рад, если кто из них захочет присоединиться к моему

войску. Где еще можно получить воинскую славу, как не в доблестных сражениях?.. Я обещаю, что проведу свое войско от одной победы к другой. И всякий, кто пойдет со мной, получит полные пригоршни славы и воинских почестей... а также такие несущественные мелочи, как богатая добыча, земли, замки, деревни, которые я распределю между своими сторонниками.

Он спросил вежливо:

— Можно мне будет узнать ваши планы?

— Конечно, — ответил я. — Это лучше будет сделать...

Я запнулся. За время нашего поединка в сотне шагов воины быстро и умело поставили шатер, перед входом воткнули копье и повесили на него щит с гербом барона Варанга.

— Вы правы, — сказал барон с любезной улыбкой, — поговорить лучше в моем шатре. Следуйте за мной.

Я шел за ним, не задавая вопросов, так же молча нырнул под полог палатки. Он обернулся, на губах странная улыбка.

Я спросил шепотом:

— Что вы затеяли?

Он усмехнулся:

— А вы не догадываетесь?

— Просто боюсь поверить.

— Поверьте, — предложил он. — Вы, кстати, догадались сразу, как мне показалось. И умело подыграли. Все были уверены, что только чудом ускользаете от моих сокрушительных ударов. Я сам бы поверил, если бы не сходил с вами в поединке раньше...

— Так зачем же? — спросил я.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Я не хочу быть в коалиции с таким мерзавцем, как граф Хоффман. Но и с вами не могу — зачислят в предатели. А так я просто вынужден либо остаться в стороне, либо пойти с вами.

Я подумал, кивнул:

— Интересно. А что предпочитаете сами?

Он тоже смотрел с интересом.

— А как бы хотели вы?

Я развел руками:

— Знаете, граф... Хотя со стороны и кажется, что у меня отчаянное положение, но на самом деле я уверен, что добьюсь своего так или иначе. Вне зависимости от того, будете вы со мной или нет. Но, признаюсь, мне приятно ваше общество. Добавлю, что после победы предстоит большой передел собственности. Кто-то из воевавших против нас потеряет все, кто-то часть... Должен же я буду поощрить своих сторонников и в материальном плане?

Он смотрел на меня задумчиво.

— Для столь юного рыцаря вы слишком... практичны.

— Даже меркантилен, — согласился я. — Я полагаю, что своих сторонников лучше наградить землями и замками, чем почетными грамотами и даже орденами. Материалист я, хоть и не вольтерьянец.

Глава 9

На месте встречи устроили привал. В шатре Варанга сошлись военачальники, как его, что решили следовать за сюзереном, так и мои. К чести людей Варанга, большинство все же решило, несмотря на драматический поворот, следовать за своим сюзереном и предводителем.

У Варанга с собой отыскалась подробная карта Армландии, он расстелил ее на столе и подробно объяснял расстановку сил:

— Бароны Комтур и Лабард поддерживают Хоффмана, лорды Целенгем, Ярдик и Фоссайт пока еще не определились, Дрезер и Сигал были сторонниками гра-

фа Росчертского... вот еще земли маркиза Ангелхейма и также обширные владения графа Ришара де Бюэй... Оба пока не высказали свою точку зрения... вот майораты семи баронов, что крайне враждебны...

— Лично ко мне?

— Нет, о вас они вряд ли даже слыхали, уж простите за прямоту, но они не хотят подчиняться никому.

— Королю Барбароссе или королю Гиллеберду?

Он развел руками:

— Боюсь, даже тому, кого назначил бы сам Господь.

— Понятно...

— Еще стало известно, что барон Диас разослал гонцов с сообщением о своем нейтралитете. При этом предупредил, что, если чьи-то войска ступят на его земли, он обрушится на них всеми силами. Кстати, у него самое подготовленное войско в Армландии. Конечно, у графа Росчертского и графа Глицина было намного больше по количеству, но у Диаса все конные, прекрасно выученные, закаленные в битвах.

Барон Альбрехт сказал, блестя глазами:

— Нейтралитет? Это нам на руку!

— Почему?

— Мы пока не собираемся наступать, верно? А вот их войска, в смысле, войска наших противников, уже на марше. Им придется обходить земли Диаса...

— А если не станут?

— Диас не позволит, завяжется сражение. Даже если разобьют Диаса, тот их потреплет, и еще как потреплет! Им придется остановиться надолго. Думаю, Диас, защищая свою честь, будет драться отчаянно. Так что обойдут, а это даст нам почти лишнюю неделю...

На рассвете бодро ржали кони, воинственно звенело железо, по ветру красиво и гордо трепетали боевые знамена. Лагерь просыпался, мы предложили барону

поделиться продовольствием, но Варанг сообщил с довольной ухмылкой, что он без окорока в поход не выступает. Есть священный закон: как только окорок будет съеден, любой вассал вправе оставить службу сюзерену и вернуться в свое хозяйство.

Насытившись и загасив костры, дальше выступили уже объединенным войском. Теперь его называл нашим даже барон Альбрехт, хотя еще вчера говорил «Ваше войско, сэр Ричард». Под всадниками, чуя их настроение, плясали кони. Рыцари то и дело затягивали песни, вместе с легкими стрелками беспечно удалялись в стороны в поисках дичи. Последняя победа, когда судьбу целого войска решил поединок вожаков, вселила в каждого уверенность, что вот так почти бескровно пройдем до конца, всех побьем и все захватим, а потом по праву победителей будем насиловать побежденных, их жен и дочерей, недовольных пороть на конюшне и с осознанием исполнения законности вешать на воротах.

Два дня ушло на переход через владения Варанга. Он гордо сообщил, что мы прошли в самом узком месте, а если взять севернее, то мы ехали бы неделю, и все по его землям. На третий день уже шли по баронству Жарнака Легри, ничем не примечательного барона, который не отличился ни в битвах, ни на турнирах, ни в светском общении.

Я велел доспехи не снимать, слишком часто прем то через лес, то по узкой дороге под нависающими кручами, где я бы давно устроил засаду.

Митчелл и барон Альбрехт, соревнуясь в знании местности, вели нас кратчайшим путем. Барон Варанг, который знает эти места еще лучше, посмеивался, но не пытался сказать, что земли соседа знает лучше. Я время от времени задерживался, чтобы меня догнали самые задние: арьергард бывает причиной больших неприятностей.

Догоняя головную колонну, однажды увидел, что

наше войско остановилось, а впереди обширное поле, окаймленное далеким лесом, такие поля чаще всего используют для битв.

Сердце сжалось: от опушки этого леса и до дальнего — мертвые, мертвые, мертвые. Убитые в жестоком бою, умершие от ран. Почти все раздеты донага, а кто в одежде, то, значит, изрублена так, что не годится даже на тряпки. Это только на красиво вытканых гобеленах после битв горы трупов в доспехах, везде красиво торчат из земли копья или мечи, разбросаны щиты и топоры...

Как бы ни был измучен победитель, но он всегда собирает все оружие, все доспехи, а что остается из одежды — подберут крестьяне из ближайших деревень. Каждый комок металла — ценность, а оформленные оружейником меч, топор или доспехи — большая ценность, никто не оставит вот так просто ржаветь в поле. Даже побитые доспехи и прорванную кольчугу снимают с трупа, все можно поправить.

— Вон там люди, — проронил суровое молчание барон Варанг. — Надо узнать, что случилось. Похоже, я что-то пропустил.

— Возьми легких конников, — велел я Максусу. — Зайди по дуге, а то убегут в лес.

— Слушаюсь!

Макс исчез, мы следили, не двигаясь с места. Макс с десятком всадников красиво отрезал путь к отступлению, но люди и не думали убегать. Не запоздавшие мародеры, как подумал я, а священник с жителями ближайшего села, что отыскивали еще живых. Священник давал им отпущение грехов, а тех, кто еще мог выжить, уносили и грузили на телегу.

Варанг пробормотал:

— На сэра Жарнака не похоже, чтобы бросил своих раненых...

— Погиб?

— Скорее всего. Он был не очень умелым воином, но бегство посчитал бы постыдным для себя.

— Но тогда, — сказал я с сомнением, — и противник наверняка если не разгромлен, то уцелевших осталось меньше, чем раненых... Если похоронить не удастся всех, то хотя бы раненых забрать — долг всякого христианина. И нехристианина тоже.

Барон Альбрехт заметил достаточно цинично:

— Перебив друг друга, они облегчили нам дорогу. Думаю, не стоит задерживаться?

Военачальники, помрачнев от ужасного зрелища, кивали, я слышал невеселые голоса:

— Да, надо идти...

— И побыстрее, а то уже вечер...

— Я тоже не хотел бы ночевать рядом с таким полем!

— Ладно, поехали. Барон Варанг, в какую сторону объезд лучше?

Варанг ответил, не отрывая потрясенного взгляда от великого множества убитых:

— Направо быстрее, но там упираемся в реку, а если налево — быстрее выйдем к броду.

Макс прокричал:

— Отряд... за мной!

Даже воздух, казалось, пропитался мертвечиной, хотя какая мертвечина, трупы еще не остыли. Мы торопили коней, в небе страшно и зловеще горят красные облака, не к добру, как говорят, но угрюмая ночь надвигается неодолимо, как ледниковый период. Голоса стали тише, даже кони перестали фыркать, двигаются быстрыми дробными шагами, словно старики.

Мы обогнули поле, перед нами река, Варанг указывал на далекий брод, там через темную воду пролегла широкая пурпурная полоса от наполовину опустившегося за темный край земли солнца.

— Лучше перейти сейчас...

Голос прозвучал чересчур озабоченно, я спросил с подозрением:

— Что-то с рекой не то?

— Увы, да.

— Что не так?

— Она появилась в последнюю войну магов. Сразу, целиком. От устья до истока. Река как река, но в полночь через нее лучше не ходить. Вообще-то и днем стараются не ходить, а все больше по мостам, но я понимаю, что вы все, опьяненные победой, конечно же...

— Да, — согласился я сумрачно. — Именно опьяненные победами. Хотя я не опьянен и предпочел бы вдоль берега до моста, где бы тот ни оказался.

Я умолк, с того берега в воду ворвался всадник на крупном черном коне с черно-лиловой гривой. Брызги взлетели выше головы, он понесся через реку в нашу сторону, как гигантский лебедь с широко раскинутыми крыльями. Багровый свет заходящего солнца раздробился на мириады крохотных искр, словно доспехи забрызгало каплями расплавленной стали.

Он выметнулся на берег и, не снижая скорости, ринулся на меня. Я успел увидеть, что от кончика шлема и до шпор все доспехи покрыты выпуклыми узорами. Даже опущенное забрало в затейливых узорах, такие стоят целое состояние, но я не знаю, улучшают ли эти узоры боевые показатели.

Я выдвинулся вперед и приготовился к удару, но всадник с такой силой удержал коня, что тот сел на круп и проехал пару шагов, оставляя за копытами борозды. Щелкнуло, поднимаясь, забрало. На меня взглянуло знакомое смеющееся лицо. Я не сразу вспомнил, а потом выдохнул с облегчением:

— Маркиз Ангелхейм!.. Ну и шуточки у вас!

Он рассмеялся весело и беспечно.

— Да все вокруг такие серьезные, а это такая тоска... Сэр Ричард, вы не поверите, но я... как бы это точнее выразить, член посольства, что ли.

— Как это?

Он развел руками:

— Сам не понимаю. Меня приставили к графу Ричарду де Бюэй, вы его видели.

— Герой битвы при Олбени, — спросил я, — Гастиркса, Черной Речки, Пролива и прочих войн королевства?

— У вас хорошая память, — одобрил он. — Скажите все это графу, он будет польщен. Правда, я не знаю, зачем меня приставили. То ли чтобы это не было слишком уж серьезно, то ли потому, что мы с вами в хороших отношениях... Ведь в хороших?

— В прекрасных! — воскликнул я с жаром. — Я часто вспоминаю, как мы тогда в подвале... Эх, какое беспечное время было!

Он оглянулся, даже привстал на цыпочках.

— У графа быстрый конь, — сообщил он с досадой, — но не может же он вроде меня оторваться от всего отряда? Несolidно. А уже скоро ночь...

Подъехал барон Варанг, поприветствовал маркиза. Тот ответил ему по-дружески, с ним они были знакомы раньше, но я видел на лице Варанга изумление.

Мы подождали основное войско, луна уже ныряет среди облаков. Я отчетливо видел, что одни проходят ниже, другие выше, а она плывет посредине: выше кучевых и ниже перистых. Но если даже я так вижу, то чего ждать, скажем, от Макса или сэра Растера? Они уж точно знают, что луна — это заброшенный разъяренным великаном Гутером в облака щит, хотя другие уверены, будто это медный таз, который швырнул в облака, чтобы набрать дождя, знаменитый волшебник Доделиус. Вот только забыл вторую половину заклинания, и

таз теперь плавает на уровне самых дождистых туч, давно переполнился волшебной водой, и тот, кто его опустит на землю, станет властелином мира.

Мои военачальники с интересом смотрели на маркиза, тот в самых туманных выражениях объяснил, что на том берегу нас встретят очень уважаемые рыцари, которым есть что нам сказать. Нет, мечи останутся в ножнах, уверяю вас.

Глава 10

Заинтригованные, мы разом двинулись через реку по всей ширине брода. Варанг торопил, нужно успеть до полуночи всем на тот берег, но, к счастью, войско наше все еще не такое уж и огромное, как у Аттилы: перешли быстро и дисциплинированно, сразу же начали располагаться на ночной отдых.

Маркиз оставил нас и галопом унесся по направлению к отряду, который ведет сам Ришар де Бюэй. Варанг вздыхал с облегчением и все оглядывался на темную гладь реки. Там внезапно исчезла лунная дорожка, вода стала сперва гладкой и ровной, как растопленное и застывшее стекло, а затем зловеще забурила кроваво-красными ключами.

Я оглянулся на войско, здесь вроде бы в безопасности, хотя Макс уже расставляет часовых, сказал Варангу:

— Оставайтесь здесь, а я проеду навстречу графу Ришару.

— Маркиз даже не намекнул?

— Нет, — сказал я с досадой. — Хотя мог бы, гад.

— Любит таинственность, — вздохнул Варанг. — Мальчишка...

— Или велели не говорить.

— Почему?

— Чтобы застать врасплох.

— Что?.. Ах да...

Я улыбнулся и послал Зайчика по следу, оставленному конем маркиза. Огромные черные деревья уходят вершинами в звездное небо, луна сдвинулась и понеслась со скоростью скаковой лошади, беспощадно яркая, просто не верю, что это отраженный свет, чересчур светло.

Далеко впереди холодный блеск металла. Конных рыцарей не меньше двух сотен, втрое больше оруженосцев и слуг. Это не отряд сопровождения, а целое войско. Если его рассмотрят Макс и Варанг, то уведут наиболее боеспособные отряды, чтобы на всякий случай зайти с флангов, а сэр Килпатрик с остальными рыцарями изготавится ударить в центр.

Я остановил коня и почти сразу услышал за спиной конский топот. Варанг, Макс, Растер и Митчелл скачут впереди большого отряда рыцарей. Немного отстав, идет тяжелым галопом тяжелая рыцарская конница под началом Будакера. Длинные копья остриями угрожают пока звездному небу, но эту отточенную сталь легко направить в противника.

— Ну вот, — сказал я с досадой, — только хотел тайком сепаратные переговоры замутить...

Варанг крикнул издали:

— Ваши люди беспокоятся о безопасности своего лорда!

— Ладно, — сказал я сварливо, — я всего лишь давал вам отдохнуть. Не хотите, как хотите.

Отряд, что движается в нашу сторону, остановился по не слышимой нами команде. В лунном свете холодно блещут доспехи, играют лунными бликами длинные острия пик. Вперед поехали двое всадников. Я узнал графа Ришара де Бюэй, рядом покачивается в седле маркиз Ангелхейм, невозмутимый, нарядный, изыскан-

ный, словно только что не неся сломя голову к нам, а затем обратно.

Граф Ришар снял шлем обеими руками. Белокурые волосы свободно упали на плечи, заискрились в лунном свете благородным серебром. Из отряда поспешно выехал оруженосец, граф передал ему шлем. Красивое мужественное лицо дышит силой и благородством, шрамы лишь усиливают мужественную красоту. Я поймал себя на мысли, что такой вот мачо в любом возрасте будет пользоваться успехом у женщин. Даже самые молоденькие будут грезить о его объятиях. У него даже морщин нет на лице, одни шрамы, что в самом деле украшают, теперь вижу.

Я выехал навстречу, отвесил короткий поклон.

— Рад видеть таких прославленных благородством и воинскими подвигами рыцарей! Я горд, что имею великое счастье представить вас моим рыцарям, пусть возликуют и преисполнятся воинского духа и жажды славы при виде доблестнейшего сэра Ришара де Бюэй, героя битвы при Олбени, Гастиркса, Черной Речки, Пролива и всех войн королевства. Это человек, чье имя молодые воины моего войска упоминают с восторгом и мечтают повторить ваши подвиги, сэр Ришар!

Он коротко, но довольно улыбнулся:

— Не стоит повторять чужие, нужно идти дальше!

Я поклонился:

— Мудрые слова, граф, истинно мудрые. Я запишу их в рубрику ценных перлов и заставлю запомнить моих рыцарей... Также очень рад снова видеть доблестного маркиза Ангелхейма, о котором могу сказать только одно, но и этого будет достаточно: мы дрались с ним в поединке. И наша схватка закончилась вничью!

Даже сэр Ришар повернул голову и посмотрел на Ангелхейма с интересом. А мои воины с пылом приветствовали умелого бойца Ангелхейма, сумевшего устоять

перед натиском самого Ричарда Длинные Руки. Маркиз Ангелхейм улыбался и раскланивался, но на меня по-сматривал хитро, напоминая, что поединок закончился не совсем так уж и лестно для него.

Сэр Ришар произнес властным голосом военачальника:

— Сэр Ричард, у нас к вам очень серьезный разговор. И безотлагательный. Мы можем поговорить наедине?

— Конечно, — заверил я. — В любое время... в смысле, безвозмездно, даже безвозмездно, что значит, прямо щас...

Он повел дланью, несколько человек прыгнули с коней. К моему изумлению, просторный шатер поставили за считанные минуты, тут же выставили часовых, что замерли как статуи.

Сэр Ришар кивнул, с неторопливостью опустился на землю, хотя, судя по гибкости его движений, мог бы и прыгнуть. Оруженосец перехватил повод коня и в свою очередь важно отдал слуге.

— Здесь нам никто не помешает, — сказал граф Ришар и кивнул на палатку. — Думаю, нам есть что сказать друг другу.

— Хотелось бы, — ответил я вежливо.

Я пытался пропустить графа первым, но он сделал учтивый жест, мол, вы же гость, на что я, войдя первым, осмотрелся и сказал:

— А как же часовые? Или вы им отрезали языки?

Он вошел следом, в глазах веселые искорки.

— У этой палатки такая особенность... Что бы здесь ни происходило, наружу ни звука.

— Прекрасно, — сказал я и сел за бревенчатый стол. — Я вижу, это не единственная ее особенность? Я имею в виду, что не заметил, когда внесли этот стол и обе лавки.

— От вас ничего не скроется, — сказал он одобрительно.

— Надеюсь, — ответил я любезно и добавил: — Рассчитываю, что и никто не скроется.

Он сел напротив, минуту молчал, приводя свои мысли в порядок, наконец прямо посмотрел мне в лицо.

— Скажу без уверток, — проговорил он густым сильным голосом, — мы рыцари, потому нам уловки должны быть чуждыми... и позорными. Вы — рыцарь, сэра Ричард, с вами можно иметь дело, на вас можно положиться. Я имею в виду, что если вы враг — то честный враг. И бьете открыто.

Я покачал головой:

— Извините, граф... Война — это не турнир. В ней ценится победа, а не красивые жесты. На войне я ударю и ниже пояса, если это спасет моих людей. Так что не переоценивайте мое рыцарство. Рыцарство — это не обязательно дурость.

Он усмехнулся уголками рта:

— Ценю за откровенность. Ладно, перейдем к делу. Сэр Ричард, как вы намерены справиться с огромной провинцией, если у вас совершенно нет войска?... Даже, допустим, вы как-то сумеете обаять еще одного-двух лордов, как вам уже удалось, чему не перестаю дивиться, то как справитесь с сотней могучих сюзеренов, под рукой которых многочисленные войска и надежные гарнизоны в замках? Если свести хотя бы десяток лордов с их войсками вместе, то от вашего войска мокрого места не останется!

Он посматривал победоносно, я ощутил враждебность, это отразилось на моем лице, судя по глазам графа.

— Граф, — сказал я холодно, — вы хотите, чтобы я раскрыл перед вами свои замыслы?

Он воскликнул:

— Упаси боже! Я бы никогда не отмылся от такой низости!

— Тогда что?

— Просто не могу поверить, что в вашем положении можно на что-то надеяться.

Я ответил оскорбленно:

— Мое положение лучше вашего. У меня нет сомнений, что с легкостью разобью и растопчу всех противников. Заботит другое...

Он поинтересовался:

— Можно узнать что? Как уже повидавший жизнь, могу что-то посоветовать...

— Разбить, — сказал я, — и пройти пожаром легко, это я уже сказал. Труднее восстанавливать. К тому же если народ не примет иностранного владычества, как он считает, то будет противиться и дальше. Уцелевшие начнут поднимать новые мятежи. Снова надо будет заливать кровью...

Он долго смотрел непонимающе, наконец брови поднялись, в изумлении pokrutil головой.

— Как далеко заглядываете!.. Гм... Вообще-то вы правы. Удержать любую землю труднее, чем завоевать. Правда, вам и завоевать не удастся, но...

Я прервал:

— Считайте, что уже завоевал. Иначе я бы не раздумывал, что делать дальше. Потому как только придумаю, то всему вашему мятежу придет... да, придет. Как ни печально верному сыну церкви лить кровь христианских воинов, однако что делать, прогресс и глобализм алчут жертв. И я, да простит меня Господь, пролью эту кровь недрогнувшей дланью... если так надо.

Он долго раздумывал, я видел, как ему не хочется приступать к основной теме, ради которой и явился, но я всем видом показывал, что если любезному графу сказать нечего, то я с удовольствием пожелаю ему доброго здоровья и такого же пути, а сам вернусь к планам восстановления края после короткой и победоносной войны.

— Сэр Ричард... — проговорил он наконец, — самые знатные лорды, к мнению которых прислушиваются, трижды собирались и вырабатывали общие планы.

Он остановился, взглянул с вопросом. Я кивнул.

— Продолжайте, любезный граф. У меня нет лазутчиков в вашем лагере, но это понятно, что вы собирались не раз.

Он взглянул с интересом:

— И что мы решили, как думаете?

— Прийти и уничтожить наглого выскочку, — ответил я. — А если он спасется в бою, то захватить в плен и повесить, невзирая на рыцарское звание!..

— В точку, — сказал он с удовольствием. — Даже в тех же выражениях. Вы мне нравитесь, сэр Ричард! Но это было на первом съезде. А что на втором?

— То же самое, — ответил я. — Да еще прибавилось, что если каким-то чудом сам король явится с войском, то и его разметать в пыль!.. И вообще — сражаться красиво и доблестно.

Он с удовольствием потер руки.

— Тоже в точку. Но, ручаюсь, ни за что не догадаетесь, какая мысль была высказана на третьем съезде.

— Тогда не буду рисковать, — сказал я любезно, тем более в самом деле терялся в догадках. — Говорите, граф.

Он снова не сводил с меня пристального взгляда, наблюдая, как реагирую на каждое слово.

— Почему бы вам, сэр Ричард, не принять наши условия?.. Нет-нет, не спешите возражать. Условия, как ни странно, для вас очень выгодные. Большая часть лордов высказалась за то, чтобы признать ваши притязания на всю Армлиндию...

Я дернулся, довольная улыбка пробежала по губам графа.

— Поражены? Ну, в вашу пользу сыграло сразу не-

сколько факторов. Во-первых, вы человек со стороны. У вас в Армландии нет поддержки со стороны многочисленной родни, так что, скажем откровенно, вас сбросить так же легко, как и посадить в тронное кресло. Во-вторых, исчезнет соперничество между претендентами на руку леди Беатриссы, а то, признаюсь, это приняло уж очень ожесточенный характер... Кое-где начинались вооруженные стычки.

Он остановился, я выждал, но граф ждал ответа, я проговорил:

— Граф, самое важное остается всегда в конце. Что «во-третьих»?

Он развел руками:

— Все это можно осуществить только при единственном условии...

— Каком?

Он помолчал, ответил очень твердо, глядя мне в глаза:

— Вы отказываетесь от титула пфальцграфа.

— Это понятно, — сказал я. — Такой титул мозолит глаза всем, кто жаждет независимости.

— Вы подметили очень верно, граф.

— Что у вас еще в рукаве? Я же вижу.

Он сдержанно улыбнулся:

— Мне кажется, вы в самом деле со своей проницательностью сможете быть сюзереном Армландии.

— Спасибо.

— Но, — продолжил он, — в обмен на титул пфальцграфа... который, как ни крути, указывает на ваше подчинение королю, мы предлагаем вам титул гроссграфа Армландии.

Я едва не открыл рот, став похожим на простолюдина, увидевшего жонглера, но поспешно принял достойный вид, или вид, исполненный достоинства, поинтересовался вежливо:

— Граф, дьявол прячется в деталях. За этим пышным титулом что кроется?

— Вы становитесь сувереном всей Армландии.

— Это я расслышал. Но насколько коротка веревка, на которой планируете меня держать?

Он покачал головой, на лице уважение читалось все сильнее.

— Чем больше разговариваю с вами, сэр Ричард, тем больше убеждаюсь, что это неплохая идея. Кстати, я был категорически против! Но сейчас я несколько поколеблен. Вы совсем не тот самовлюбленный дурак, как-ким показали себя в первый приезд.

— Я и не этот, — сообщил я любезно. — В смысле, настоящего меня вы еще не видели, граф.

Он помолчал, вздохнул:

— Сэр Ричард, скажу честно, веревка очень коротка. Вы должны будете подписать договор со всеми лордами о гарантии их свобод и вольностей. Власть ваша будет очень ограниченной, а все важные вопросы останутся совету лордов. Зато у вас будет богатая и очень безбедная жизнь.

Я поинтересовался:

— Граф, вы же умный человек. Верите, что я соглашусь?

После короткого колебания он ответил сумрачно:

— Верю.

— Почему?

— Да есть у меня некоторые соображения.

— Можно поинтересоваться?

Он коротко усмехнулся:

— Их целый ряд. Но приведу только одну причину, самую смешную: вам не захочется, чтобы целый край полыхал в огне междоусобной войны. Вы, несмотря на свой показной цинизм, человек благородный, только почему-то этого стыдитесь.

— А она будет?

— Конечно, — ответил он спокойно. — Раньше предполагалось, что сплотимся вокруг того, кто возьмет леди Беатриссу в жены. И не только предполагалось, на разных встречах, где все прошупывали друг друга, мы согласились на такой вариант. Теперь все заново... Вы сумели разбить войско графа Росчертского, который выступил в поход, скажем честно, очень опрометчиво... Потому и погиб сам, а с ним погибли такие доблестные лорды, которые могли бы встать во главе: Глицин, Бай-эр, Ансельм... Теперь явного лидера нет, а на роль главы претендуют граф Арне Дюбле, граф Поль Пуандрон, маркиз Сильвий Поластри, барон Эбер Ксайн... Должен сказать, что это неплохие люди, но полководцы из них...

— Ясно, — сказал я. — А вы?

Он улыбнулся:

— Не скрою, некоторые во главе Армландии хотели бы видеть именно меня. Но я, будучи человеком умудренным, поразмыслил и решил, что мне на троне не удержаться. Сесть могу, но свергнут меня довольно быстро. Потому я свою кандидатуру снял сам. Собственно, я предпочитаю во главе Армландии барона Эбера Ксайна...

Я спросил медленно:

— Граф, позвольте поинтересоваться... почему именно вас прислали для переговоров?

Он развел руками:

— Доверяют.

— Хорошо, — уступил я, — если вам доверяют проводить переговоры даже на тему, вам лично неприятную. Но меня не устроит короткая веревка... Это унизи-
тельно.

Он сказал спокойно:

— Это еще не все.

Я насторожился:

— Что-то еще хуже?

— Кому как, — ответил он загадочно. — Армландия должна отделиться от королевства Вексен. Мы не желаем подчиняться кровавому деспоту Барбароссе!

Я помолчал, поднялся, отвесил церемонный поклон:

— Спасибо, граф, что проделали такой долгий путь и рассказали такие интересные вещи. Позвольте вас покинуть. Дела, знаете ли, дела...

Он тоже поднялся, лицо непроницаемое, глаза рыбы, и даже голос прозвучал абсолютно лишенным всяких интонаций:

— Был рад беседе с вами, сэр Ричард.

Глава 11

Я вышел, граф за мной следом, по его знаку оруженосцы тут же подвели ему коня. Он поднимался в седло, я повернулся к Зайчику, сзади меня ухватила за локоть рука, а голос маркиза прошептал над ухом:

— Сэр Ричард, прошу уделить и мне пару минут! Чисто по дружбе.

— Не могу отказать вам, — ответил я все еще резко и в повышенном тоне, тут же сказал торопливо: — Извините, маркиз...

— Я все понимаю, — ответил он с кислой улыбкой. — На графа тоже стоило посмотреть...

Мы вошли в палатку, маркиз задернул за собой полог. Я не хотел садиться, ведь на пару слов, но маркиз так умоляюще указал на лавку, что я сел, а он, плюхнувшись напротив, заговорил живо:

— Хочу предостеречь, сэр Ричард, чтобы не заблуждались насчет мотивов такого странного предложения. Граф Ришар, мягко говоря, вас не любит. Граф Арне

Дюбле вообще вас ненавидит... Однако они оба не хотят, чтобы у власти утвердился граф Хоффман. Во-первых, потому, что тогда король Гиллеберд получит слишком большую власть в наших землях, а самое главное... и граф Ришар, и граф Дюбле считают, что они сами имеют больше прав на главное место в Армландии.

Я кивнул:

— Понятно, не объясняйте. Я знаю, что такое компромиссная фигура.

Он взглянул с любопытством:

— Откуда? Простите, что спрашиваю, но вы сразу схватили все с лету, а мне такие трудные вещи приходилось объяснять долго и запутанно. И слово вы употребили очень удачное. Слышу впервые, но подходит очень...

— У меня были хорошие учителя, — ответил я. — Я все понял, маркиз. Но все-таки не хочу отвечать согласием, не узнав сперва, где именно и в чем вы пытаетесь связать меня по рукам и ногам, чтобы я был вашей послушной куклой.

Любопытство в его глазах разгоралось все ярче.

— Вы и это... понимаете? Гм, хотел бы я, чтобы у меня были ваши учителя. Впрочем, теперь мне учиться уже поздно. Мне почему-то кажется, что вы согласитесь... и что нам с вами будет совсем не так просто, как многим кажется.

— Маркиз, — сказал я напрямик, — вы видели меня в замке леди Беатриссы. И что, я показался вам послушным? В то же время, уверяю вас, я очень адекватен. На улыбку отвечаю улыбкой, на удар — тремя ударами, протянутую руку дружбы принимаю без колебаний, потому что... плохой мир все же лучше доброй ссоры.

Он поднялся, протянул руку. Я понимал, что это не просто прощание, это символический жест, и потому,

пожимая ее, вложил в нее всю сердечность, которую, правда, совсем не испытывал.

Ночь встретила прохладой, а мы оба раскалены, словно после длительной схватки. Все уже на конях, маркизу подвели коня, а он, поднимаясь в седло, обронил негромко:

— Соглашайтесь, сэра Ричард. Короткая веревка удерживает маленького ягненка. Но когда он подрастет и окрепнет... веревка может и лопнуть.

Конный отряд сэра Ришара уже отодвигался, маркиз догнал их галопом. Я видел, как граф Ришар встретил маркиза и что-то спросил. Тот, отвечая, кивнул, и у меня осталось смутное впечатление, что маркиз Ангелхейм остался не сам по себе из личных симпатий, а просто сработал запасной вариант, и даже последнее замечание вполголоса очень неспроста. Ясно же, что в рядах противника нет единства, там жестокие распри чудом не выливаются в вооруженные столкновения, и, возможно, маркиз Ангелхейм выразил мнение еще двух-трех лордов, которые предпочли бы меня даже со всей полнотой власти, чем эту вечно ссорящуюся вольницу.

К нетерпеливо ожидающим рыцарям я отправился пешком, палатку за моей спиной убрали, свернули и быстро увезли. Лунный свет то делает фигуры рыцарей таинственными и призрачными, словно сотканными из тумана, то наделяет зримой несокрушимостью, словно статуи из титановых сплавов.

Они бурно спорили, но наступила мертвая тишина, когда я приблизился. Мне подвели Зайчика, хотя тот и так шел за мной, но все стараются выказать любезность, сгорая от нетерпения. На лицах вопрос, в глазах тревога и жадное ожидание.

— Хорошие люди, — бросил я небрежно. — Милые... э-э... учтивые.

Сэр Растер не выдержал первым:

— Чего они приезжали?

— Да так, — ответил я. — Предложили мне прервать цепь наших непрерывных и блистательных побед. Вот и думаю, соглашаться ли? А как же доблестные рыцарские подвиги? А как же звон мечей и крики убитых трупов врага?..

Они смотрели с недоумением и беспокойством, наконец Будакер спросил с подозрением:

— Как это — прервать?

— Ну да, — поддержал Килпатрик, — нам сдать, что ли?

— В самом деле, — спросил Макс с недоверием, — нам предлагают сдачу?

— Сдаться? — проговорил барон Альбрехт с сомнением. — Нам предлагают сложить оружие?

Наконец замолчали, я вздохнул:

— Да. Предлагают сдачу. В смысле, они сдаются. А мне предложен титул гроссграфа Армландии.

Мертвая тишина длилась и длилась, я уж решил, что не дошло, слишком уж крутой поворот, затем у барона Альбрехта заблестели глаза, Митчелл довольно потер ладони, а сэр Растер проревел непонимающе:

— Так это же... что? Мы победили?

— Похоже на то, — сказал я, — но не слишком куражьтесь. У них сил намного больше, чем у нас. Просто сошлись на том, чтобы никому из них не было обидно, трон этой провинции отдать человеку со стороны. Мне то есть. Только и всего.

Барон Альбрехт проговорил медленно:

— Знаете ли... победа слишком стремительна и... сокрушительна. Настолько, что мне совсем не по себе. Все время жду неприятностей.

Митчелл довольно проревел:

— Да что вы, барон! Я же говорил, сэр Ричард сумеет пройти там, где сам черт сломит ноги.

— Пройти сумеет, — буркнул Альбрехт, — но сумеет ли вернуться? И второй вопрос: что с нами?

Я покачал головой:

— Барон, обижаете. Дело даже не в простой благодарности, что мне тоже в какой-то мере свойственна, но и в элементарном расчете. На кого предпочту опираться: на неизвестных мне лордов, пусть даже отмеченных всевозможными доблестями, или на вас, сражавшихся со мной плечом к плечу?

Часть III

Глава 1

Ударил колокол, я сквозь сон автоматически отметил, что зовут к заутренней молитве. Со двора слышались голоса, а по ту сторону двери зазвенело железо. Дневные часовые сменяют ночных, обмениваясь с ними шутивными ударами мечей и топоров, якобы чтобы разбудить.

Я расслышал даже громкий зычный смех, топот ног, удаляющиеся голоса. Остатки сна улетучились, я вскочил и торопливо оделся, прохладно, с неудовольствием посмотрел на грудю доспехов в углу.

Двор отсюда, сверху, кажется заполненным сизоватым туманом: жгут костры, на углях готовят еду для новоприбывших. Для рыцаря, конечно, всегда найдется еда в зале, но для приехавшей с ним оравы слуг — самое то поесть мяса, зажаренного на углях, насытиться наваристой похлебкой, зачерпнуть миской гречневой каши, что варится тут же, в большом казане.

Я выглянул в коридор, двое стражей вытянулись и стукнули тупыми концами копий в пол.

— На страже!

— Килпатрика, — велел я, — ко мне!

Один передал другому копье и сорвался с места бегом. Прогремели шаги по лестнице, я вернулся к столу. Теперь и у меня, как у Барбароссы, на столе карта. Поменьше, конечно, но

эта Армландия, оказывается, населена, как муравейник. Ни одного клочка свободной земли, все поделено, замки почти на каждой круче, на каждом перекрестке и возле каждого брода и моста. Земля богатая, скот дает по два приплода в год, неурожаев не бывает, так что здесь не удастся пройти победным маршем: местные лорды обороняться будут отчаянно.

В дверь постучали, я крикнул:

— Заходи!

В щели появилась голова Килпатрика.

— Можно? — спросил он деликатно.

— Можно-можно, — ответил я досадливо. — Что ты такой интелльный, тебя же куры загребут!

— Так безопаснее, — сообщил он, входя бочком, так и не решившись распахнуть дверь во всю ширину, — Я сам не люблю быть грубым.

— Раз позвал, — сказал я, — значит... так, вот зачем я тебя вызвал, слушай внимательно. Ты у меня самый близкий здесь... Не красней, не смущайся, сам знаешь, это так. Я тебя заприметил еще на Каталаунском турнире.

— Сэр Ричард, я не нахожу слов, я настолько польщен...

— Прекрати, — велел я. — Слушай. Дело очень серьезное, гражданская война вот-вот разразится. Положение здесь очень неустойчивое, теперь вижу, каким дураком был, когда согласился... Как только выехали от Барбароссы, надо было поворачивать коня на Юг и гнать во весь опор. Словом, отправишься к королю и передашь письмо, а также расскажешь, что здесь творится.

Он смотрел преданно и очень серьезно, хорошее сочетание, я вздохнул и продолжил:

— Лорды признают мою власть только при условии, если я провозглашу себя гроссграфом Армландии. Но это еще не все, увы. Армландия отныне выступает как независимая единица... в смысле, самостоятельное граф-

ство. Даже гроссграфство. Но это только сейчас и только на словах. Я не такая свинья, так и скажи, что посмею оторвать от королевства такой жирный кусок. На словах мы самостоятельны, но на самом деле я продолжаю считать Армлиндию частью королевства.

Я передохнул, а Килпатрик сказал осторожно:

— Я могу добавить, что король Гиллеберд очень уж хочет присоединить Армлиндию целиком или частями к своим владениям.

— Вот-вот, — обрадовался я, — это тоже скажи! По частям он бы все сожрал, а так приходится довольствоваться половинкой победы: Армлиндию оторвал от вас... от Барбароссы — уже хорошо.

Он сказал четко:

— Сэр Ричард, я все расскажу. Более того, скажу правду: здесь все держится только на вашем умении лавировать между рассерженными лордами. И пусть Господь вам поможет!

Я сказал трезво:

— Если и есть умение, то еще не применил. И еще неизвестно, удастся ли применить и сохранить головы. Но я постараюсь удержать край от междоусобицы и не дать Гиллеберду наложить лапу на Армлиндию.

Он вздохнул:

— Я все понимаю, но Барбаросса будет взбешен.

— Знаю, — сказал я раздраженно. — Но что делать?

— Не знаю...

— Не думаешь, что пришлет войска?

— Нет, — ответил он достаточно уверенно, — у него своих людей не хватает.

— Это да, — сказал я. — И еще я верю в его здравый смысл. Разъярившись и наоравшись, все же поймет, что это самый лучший... даже единственный выход. Гиллеберд здесь близко, а его королевство не отделено от нас болотами, песками и опасными реками, как Вексен. Он

уже может ввести сюда войска! Ему это просто, дороги прекрасные, в то время как от Барбароссы... сам помнишь. Да и, честно говоря, когда дороги хорошие, а разбойников вешают без суда, то всякая торговля оживает. В Турнедо растет прекрасная пшеница, там лучшие в мире финики, а вся Армландия славится лучшими винами. Виноградники здесь растут сами по себе, без всякого ухода, а виноград все равно самый сладкий и нежный...

Он кивал, запоминал, я видел по его напряженному лицу, что передаст слово в слово. Он из тех рыцарей, что если идет на службу, то служит истово и преданно, живет помыслами сюзерена и готов воплощать их даже ценой жизни.

— Я все сделаю, сэр Ричард, — сказал он наконец. Вздохнул. — Да храни нас всех Господь!

Я послал к графу Ришару посланца. Мол, принимаю любезное предложение лордов доверить мне гроссграфство, сам благодарю за доверие, обещаю свято хранить вольности, однако оставляю за собой право сурово наказать графа Хоффмана. Это уже не политика, а чисто личная месть, что считается благородной и возвышенной, в отличие от мести политической, что есть месть грязная и порочная.

От графа Ришара пришел суховатый ответ, что многим такое не понравилось, но право на месть за мной признали, так что и месть, и ее последствия — на мое усмотрение. Резиденцией моей признается замок Сворве, все права мои, как будущего супруга леди Беатрисы, простираются на все земли, которыми она владеет.

Я чувствовал по краткости ответа, что положение моей партии все еще шаткое. Сам граф Ришар, как он признал, предпочел бы другого лорда на троне Армландии, а про других и говорить нечего.

Вслед за мной вышел, как ни странно, Будакер. Обычно он старался не попадаться мне на глаза, словно все еще сердясь за свой выбор встать на мою сторону.

— Хоффман, — проговорил он хмуро. — Он?

— В точку, — ответил я. — Не успокоюсь, пока не достану этого гада.

— Я так и думал, — буркнул он. — Хорошо вы насчет личной мести. Пусть так и думают.

Я пробормотал:

— Вообще-то я не врал... Не прощу разгром в замке. Леди Беатрисса столько ночей плакала.

Он отмахнулся:

— Да, конечно, но его нужно обезвредить в первую очередь потому, что он — самый серьезный враг. И обезвредить побыстрее. Пока не собрал коалицию.

— Уже думал над этим, — признал я. — Лучше всего, полагаю, с утра ускоренным маршем двигаться в земли Хоффмана. И там нанести удар.

Он буркнул:

— Это переть через всю Армландию. Хоффман потому и вассал короля Гиллеберда, что у него под боком. Все ли пропустят нас через свои земли?

— А что делать? — спросил я несчастливо. — По воздуху не перенесусь... Придется на своих двоих. Нет, лучше на четверых.

Войско двигалось тремя тяжелыми колоннами. Впереди постоянно сновали отряды на легких конях, высылали во все стороны разъезды.

Земли десятка лордов мы прошли с ходу, не встретив сопротивления, хозяева заперлись в замках и готовились к осаде. Мы шли дальше, деревни по дороге я строго-настрого запретил разорять: негоже так начинать гроссграфство, зато удвоил денежное содержание

и разрешил покупать себе все, что восхочется. В разумных пределах, конечно.

Останавливались на отдых по совету барона Альбрехта вдали от городов и сел, там же и ночевали. Дабы не было соблазна, кичась силой, пограбить или разнести в щепки какой непонравившийся городок.

Местные проводники сами старались держаться в стороне от городов и сел. Я сперва заворчал, зачем проводники, когда вот карта, но рыцари переглянулись, а Макс сказал с мягкой улыбкой:

— Сэр Ричард, на Севере, говорят, поспокойнее. А здесь на карте еще гора, а наяву уже озеро.

Сэр Растер добавил:

— Это еще что. Озеро можно объехать, как объезжали гору. А вот лес барона Кнаппена...

— Это старшего? — уточнил Макс.

— Да, младший сгинул потом, — сказал Растер, — когда отправился на поиски отца...

— А что случилось? — заинтересовался я.

— Да ничего особенного, — ответил Растер с обезоруживающей улыбкой. — Обычный лес, через него ездили не одну сотню лет, вдруг изменился. И деревья стали расти как-то странно, и тропки исчезли, а звери в нем появились такие, что... Словом, два-три каравана там исчезли. Потом туда отправился барон Кнаппен, это на его землях такое. Не вернулся тоже, с тех пор тот лес стали звать лесом барона Кнаппена. Это я к тому, сэр Ричард, что проводники нужны. Не те, которые по карте понимают, а которые знают, что и сегодня безопасная тропа все еще безопасна.

Я сказал кисло:

— Догадываюсь. Только следите, чтобы ваши мои-сеи не оказались сусаниными.

Макс не понял моего умничанья, но ответил бодро:

— Конечно, глаз с них не спускаем. Все ловушки обойдем!

Это сейчас, мелькнула в голове кислая мысль. Но какой из меня будет гроссграф, если и потом буду обходить эти места? Ладно, я еще вернусь.

Макс насторожился, привстал в стременах. Впереди нежно-голубая даль, трава низкорослая и тоже нежная, светло-зеленая, и на этом фоне в нашу сторону скачут пять тревожно-угольно-черных силуэтов.

Трое из нашего разезда, но с ними двое всадников на таких же легких тонконогих конях. Минимум доспехов, все нацелено на скорость, а не на схватку врукопашную.

Несколько рыцарей тут же выехали вперед. Митчелл, как кое-что знающий в магии, быстро бросил им навстречу сканирующее заклинание. Лицо на минуту застыло, затем бросил с облегчением:

— Чисто.

— Кто они? — спросил Макс.

Митчелл огрызнулся:

— Еще спроси, как к их женам подкатиться. Чисто — это значит ничего не замышляют. Что-то скажут и ускачут. Это у них в мыслях.

— А что скажут? — поинтересовался Макс ехидно.

Митчелл наконец врубился, что Макс просто дразнит, отвечать перестал, но я видел, как оба напряженно следят за приближающимися всадниками.

Рядом с нашими закованными в толстое железо рыцарями на тяжелых, как носороги, конях эти двое показались существами из другого мира.

В одинаковой одежде и расцветках, явно служат у одного лорда, остановили коней, лица надменные и высокомерные, как у индейских вождей.

— Кто из вас Ричард Длинные Руки? — спросил один холодно.

Я ответил миролюбиво:

— Мне выпала судьба им стать.

Всадник смерил меня взглядом, я смотрел спокойно, но постарался, чтобы он прочел в моих глазах: будь вежливее, приятель. Миролюбивый тон еще не говорит о слабости.

Второй всадник произнес громко:

— У нас слово от нашего лорда, хозяина земель, на которые вы сейчас вступите.

— Слушаю, — ответил я настороженно.

— Наш господин, — сказал первый, явно уговорились вести разговор по очереди, — позволяет... вам пройти через его земли.

— Спасибо, — ответил я удивленный.

— Более того, — добавил он, — если кто-то на вас нападет, пока будете в его владениях, наш господин сочтет долгом защищать вас.

— Спасибо, — сказал я, удивленный еще больше. — Это весьма неожиданный и ценный дар... Как, говорите, имя вашего благородного господина?

Посланец посмотрел на меня с великим удивлением, как на нечто бесконечно тупое.

— Сэр Маздэй, — произнес он с достоинством. — Это же очевидно!

— Ах да, — спохватился я, — как это я забыл... Поблагодарите от моего имени... и всех моих друзей за неожиданный подарок. Я весьма, да, весьма...

Он небрежно козырнул, и оба унеслись, пригибаясь к конским гривам и ставши похожими на огромных стрижей, что вот так умеют носиться над поверхностью пруда, чуть-чуть задевая ее брюхом.

Я тупо смотрел вслед и все старался вспомнить, чем же имя Маздэя знакомо, все-таки где-то краем уха слышал.

Барон Альбрехт проводил его долгим взглядом.

— Чем-то вы переломили...

— Сэра Маздэя?

— Да. Я не думал, что он решится как-то выразить к вам отношение.

Я спросил осторожно:

— А что с этим сэром Маздэем? Я его знаю?

Он посмотрел на меня с тем же удивлением, что и посланец сэра Маздэя.

— Конечно! По крайней мере, должны.

— Кто он?

Барон смотрел с интересом.

— В самом деле не знаете? Двоюродный брат леди Беатриссы.

Глава 2

Третий день мы двигались через земли сэра Маздэя. Я вспоминал точный выстрел из лука, бросившуюся ко мне леди Беатриссу, потом она рассказывала мне, что хотела лишь предупредить, а вовсе не закрывала своим телом, а еще через три дня обронила как бы невзначай, что вообще оказалась там случайно.

Судя по всему, двоюродные братья, что полыхали ко мне лютой ненавистью, смирили гнев, когда сестра оставила замок и ринулась к Барбароссе. Попытались выволить из моих цепких лап на обратном пути, но леди Беатрисса своим телом закрыла меня от стрелы, тем самым показав, что не хочет моей гибели, и братья прекратили вмешиваться вообще.

И вот теперь, раздираемые противоречиями, стараются как-то загладить вину перед сестрой, косвенно помогая мне быстрее завершить миссию и вернуться к ней в замок.

Через земли баронов Дридлока, Додея и Кемса мы прошли таким быстрым маршем, что возмущенные бароны даже не успели собрать войско для отпора. А ту небольшую погоню, что время от времени увязывалась за нами, встречал я лично, переместившись в арьергард.

Десятка два точно посланных стрел обычно хватало, чтобы остановить любой отряд.

Так повторялось везде, где мы двигались. За неделю мы прошли сопредельные земли, а в начале второй недели вплотную подошли к землям Хоффмана.

Я инстинктивно ожидал какое-то отличие, хотя умом понимаю абсурдность такой мысли, климат и растительность не подчиняются административным границам.

— Привал! — распорядился я. — Заночуем, а на рассвете перейдем границу у реки, как решили самураи... Всем отдохнуть и быть готовыми!

— Обижаете, — сказал Будакер. — Всегда в постоянной готовности.

— К чему? — спросил я коварно.

— А ко всему, — ответил он твердо.

Мне стало неловко, сказал примирительно:

— Нервы перегорят. Надо дать отдохнуть.

Вспыхнули костры, рыцари наперебой выхватывали из пасти осчастливленного Бобика оленей, кабанов, коз, барсуков. Несколько раз притаскивал таких огромных рыб, что голова и хвост волочились по земле. И когда добычу разделали, зажарили и начался пир на природе, он все еще таскал новую: азарт охотника сильнее страсти вкусно покусать, хотя в этом мог посоревноваться с сэром Растером.

Я медленно жевал прожаренное мясо, разговор течет неторопливый, Альбрехт внимательно посматривал на меня, легкая усмешка то появлялась, то пропадала на его тонких губах.

— Непохоже, — сказал он, — что размышляете, как захватывать замок Хоффмана.

— Вы читаете мысли, — ответил я. — В самом деле, стратег из меня липовый. Когда увижу замок, тогда и начну думать. Что-то мозг у меня... упрощен.

— Женщины и мысли, — сказал он, — обнажаются не сразу. Не спешите, все прояснится.

— Настоящая свобода мысли возможна только в пустой голове, — сказал я горько. — Вообще мне кажется, что в мою голову мысли приходят умирать.

Он усмехнулся:

— Глупые мысли бывают у всякого, только умный их не высказывает. Вы слишком уж пессимистичны. Вы что-то увидели там?

— Да пока нет...

— Да? Вы так внимательно всматриваетесь в лес на той стороне...

Я покачал головой:

— Да так... Детское ожидание, что в другом королевстве трава другая. И разочарование, что это не так.

Его лицо посерьезнело.

— Похоже, вы не знаете историю графа Райдесток. Мы прошли рядом с его владениями. Вообще-то стоило бы сделать небольшой крюк...

— А что там?

Ему подали прут с нанизанными ломтиками мяса. Пахнет одуряюще, но барон только понюхал, вздохнул.

— Представляю, какое мясо было бы, если бы оставились в его владениях... У Райдесток, сэр Ричард, весьма странная особенность. Или свойство, не знаю. Некоторые говорят, что это проклятие, хотя я в упор не вижу, почему это может быть проклятием. Наверное, я тоже, как и вы... э-э... упрощен. В общем, владения графа всегда процветали: в лесу уйма дичи, в озере кишмя кишит рыба, в полях носятся, сшибая друг друга, толстые жирные зайцы... Но на это мало кто обращал внимание, пока граф не получил от короля еще один небольшой лен. И вот графский лес всего за неделю незаметно вытеснил прежний хилый лесок... по-моему, дубовая роща вытеснила осиновик. Трава разом подня-

лась густая и пышная, как везде во владениях графа, дороги стали шире и тверже, их отныне не размывали дожди.

— Интересно, — пробормотал я. — Это не шутки?

— Представьте себе, нет. Затем лет через десять король решил дать ему земли в северной части королевства: заброшенные, негостеприимные, но крайне важные для короля. Граф согласился, так как размеры пожалованных земель превосходили его прежние втрое. Правда, прежнюю землю он вернул королю, тот подарил ее за службу другому верному рыцарю.

— И что, — спросил я с интересом, — нечто изменилось на новой земле?

Он кивнул:

— Трудно поверить, но земля меняться начала с первого же дня. Сперва вокруг замка, а потом как будто волны пошли от брошенного в пруд камня! Но если волны постепенно затихают, то здесь не затихло. Не усиливалось, но и не затухало. Всего за месяц по всем землям графа Райдесток выросла его знаменитая сочная трава, от которой кони быстро тучнеют и весело играют, поднялась дубрава, в лесах появились те звери, которые всегда были в его лесах...

Митчелл вмешался:

— Не забудь, на тех землях, которые у графа забрали, все сразу заглохло. Трава завяла, теперь там один колючий бурьян, лес измельчал, зверье мелкое и хилое, а дороги размывает любой дождик, а потом протаптывать приходится заново.

К нам начали прислушиваться, все слушают с интересом, хотя многие, думаю, эту историю знают. Когда Митчелл умолк, Альбрехт добавил со смешком:

— Дивно то, что вот здесь растут роскошные дубы, кусты ломаются от ягод, трава высокая и налитая соком... а дальше — как не знаю что! И лес не лес, и кусты

не кусты, и трава — одно название... Зато сразу видно, где проходит граница владений. Никакую межу проводить не надо.

— То есть, — переспросил я, — трава соблюдает административные границы?

Альбрехт развел руками:

— Я бы сам не поверил. Но когда, после того как граф покинул свои прежние земли и перебрался на подаренные ему, на старых землях исчезло, а на новых появилось озеро... да, то самое, в котором кишмя кишит рыба! И очертания те же, и на таком точно расстоянии от замка графа, как и тогда, раньше...

— А рыбы там особые, — сказал Митчелл.

— Особые, — подтвердил Альбрехт. — Граф избыток улова продает, у него всегда купцы толпятся. Рыба нежнейшая, без костей, а еще, говорят, она нашему брату весьма полезна...

— Правда, — сказал Митчелл, — мне один рассказывал, он такой рыбы поел и всю ночь баб пользовал...

Разговор стал общим, тема такая, что каждый вклинивается, пошли воспоминания, почти каждый либо сам ел такую рыбу, либо знает того, кто ел...

Утром я проснулся от неясной возни, рука нащупала меч. В темноте, что сразу перестала быть темнотой, Пес прижал к земле зверя с неясными очертаниями, размером с барана, с ожесточением рвал ему глотку.

Часовые у костра спят сидя, я толкнул одного, тот упал. Бобик поднял морду, блеснули клыки, глаза горят пурпуром. Мне стало не по себе, но он тут же подбежал и подставил голову. Я почесал меж ушей, огляделся. Кроме зверя, что остался неподвижным, чуть дальше еще пять неподвижных тел. Под каждым расплылась темная лужа крови.

— Что за...

Я прошелся по центру лагеря, убитые животные похожи на гигантских кошек, хотя кошки вроде бы не ходят стаей... Но как прошли, как сумели усыпить стражу, почему не начали прямо с тех часовых, что в передней линии?

Холод прокатился вдоль хребта. Этих зверей кто-то направил. Возможно, не сами звери использовали усыпляющую магию, а тот, кто их привел...

Пригнувшись, словно под обстрелом, я с мечом в руке долго вслушивался, всматривался, задействовав все виды зрения, однако везде оставалось тихо.

— Все, — сказал я Бобику, — благодарю за службу! А теперь давай спать. Они получили урок и больше не сунутся.

Я лег, укрылся одеялом, Бобик устроился было в ногах, но я похлопал по земле рядом, он торопливо лег, ошастливленный, пока я не передумал.

Веки я опустил на случай, если кто наблюдает, а термозрением и запаховым прошупывал вокруг, в любую секунду готовый ухватить меч и прыгнуть на врага.

Бобик подвигался, устраиваясь, через пару минут я услышал его ровное глубокое дыхание. Я лежал так до рассвета, а потом, убедившись, что никто не придет, и сам незаметно провалился в сон.

Барон Альбрехт, что спит рядом, открыл глаза, Бобик как раз широко зевнул, показав ему острые клыки. На лице барона проступило высокомерное неодобрение: совсем я забаловал собаку, нельзя же так, скоро и на голову сядет, собаки всегда стараются отвоевать в сердце хозяина больше места, чем тот выделяет. Потом заметил растерзанных чудовищ, вытарашил глаза.

Зайчик громко фыркнул, он тоже заметил, но это же такая мелочь, нечего из-за этого так прыгать и ластиться, будто сделал невесть что огромное.

Лагерь постепенно просыпался, началась суeta. Макс

выглядел таким потрясенным, что едва не плакал. Ему начали рассказывать, что пришли кундзели, очень редкие звери, их считают исчезнувшими, но вот, смотри, появились....

— Главное, — сказал Альбрехт твердо, даже слишком твердо, — раз мы их увидели, то больше не увидим. Нет людей, которые видели бы их дважды.

Я буркнул:

— Есть и другая причина.

Альбрехт посмотрел с вопросом, понял, ухмыльнулся.

— Ну да, вообще-то да... Наше счастье, что эти зверьки не расплодились! Но собачка у вас, сэр... Что за собачка, чудо. Расцеловал бы, но боюсь, что она и меня... того... как кундзеля.

Все завтракали и держались как пришибленные, а с места снялись вдвое быстрее обычного. И уходили на рысях от проклятого места, где абсолютно все выказали себя полностью беспомощными.

Я постоянно выезжал вперед, носился на большом расстоянии вокруг нашего войска, отыскивая потенциальные опасности. Никто не понимал, почему мы трижды меняли направление, я туманно ссылался на чутье, рыцари потихоньку бурчали, тем более что ничего не происходило, разве что Митчелл и барон Альбрехт помалкивали.

Барон справедливо полагал Митчелла не слишком смышленным, но то, что Митчеллу король сразу выделил прекрасный участок земли с замком и деревнями, натолкнуло на мысль, что Митчелл если и не умен, то чутье у него есть. И когда Митчелл начал уговаривать поспешить ко мне на выручку, барон после серьезных колебаний решил рискнуть. И вот теперь чувствует, что мои частые отлучки имеют отношение к странно благополучному проходу через земли независимых и крайне самолюбивых лордов.

Впереди белеет нечто вроде редкого частокола из белоснежной слоновой кости, тянется вдаль, постепенно уменьшаясь, пока не остались совсем крохотные пеньки. Зато с другой стороны, туда частокол тоже уменьшился, хоть и не сильно, белеет нечто вроде сплюснутого трактора.

Всадники шептали молитвы, отплевывались, крестились. Я с дрожью по всему телу представил этого зверя живым. Это же не ископаемое, те давно занесены песком, этот подход не больше чем лет двадцать-сорок тому.

Сэр Растер пустил коня вскачь, осмотрел и крикнул оттуда:

— Ему шею перекусили!.. Вот позвонки расплющены... Ну и челюсти у кого-то... Мне бы такие. А то когда за стол, все самое лакомое другие сжирают.

Мне стало еще холоднее, ведь тот, кто загрыз это чудовище, намного крупнее, если ухватил сверху, как пес ящерицу.

— Надеюсь, — сказал я, — они уже подошли?

Сэр Растер оскорбился:

— Сэр Ричард, что вы такое обидное говорите? Они должны остаться, чтобы нам сражаться и выказывать рыцарскую доблесть перед дамами.

Будакер пробурчал:

— А даму с собой возите?

— Зачем с собой, — оскорбился сэр Растер. — Пусть сидит у окошка в высокой башне и сопит в тряпочку. А про доблестные подвиги в честь ее красоты я сам расскажу! Или вы сомневаетесь в моем умении рассказать, чтобы она поняла, что я убил дракона, а не привязанную корову?

— Нет-нет, — сказал Будакер поспешно. — Уберите руку с меча, я вас уважаю, сэр Растер!

— Не врете?

— Сэр Растер!

— Это я шучу, — объяснил Растер великодушно. — Нет у вас чуйства юмора, сэр Будакер.

Я смотрел на скачущих навстречу всадников из разъезда. Один прокричал с ходу, что впереди замок Хоффмана. О нашем войске уже знают, замок спешно готовят к обороне. Обозы с провизией удалось перехватить, один вернули от самых ворот. Двое из наших легко ранены стрелами со стен, одного сильно ушибли камнем.

— Молодцы, — сказал я. — Пусть в замке думают, что начнем длительную осаду.

Сэр Будакер спросил с непроницаемым лицом:

— А мы будем штурмом?

Я покосился на его спокойное лицо. Будакер, принося мне присягу верности, никогда не оспаривает и не сомневается в моих приказах и распоряжениях. И вообще проводит везде мою политику, не докучая мне мелочными вопросами.

— Одно скажу точно, — ответил я уклончиво, — мы обязаны взять быстро. Иначе к Хоффману придет подкрепление намного больше, чем сможем собрать мы.

Он кивнул:

— Да, у всех лордов одинаковые интересы. Хоффмана могут не любить, но ему помогут.

— Запоминайте все, — сказал я медленно. — Владения Хоффмана граничат с землями королевства Гиллеберда, а сам Хоффман принес ему присягу, что вообще-то нарушение наших законов. Однако Гиллеберд не может открыто прислать помощь Хоффману, это будет означать войну с Барбароссой.

Они слушают почтительно, но в глазах всех рыцарей я видел вопрос: зачем эти прописные истины, они это знают, лучше говори, что будем делать.

— Дело в том, — закончил я, — что замок Хоффмана, как и все его владения, я отдаю в пользование сэру Будакеру. Хозяином здесь должен быть человек опыт-

ный, честный, верный своей клятве... Да и всякий пошедший за мной, когда я был никем, должен быть вознагражден достойно.

Будакер задохнулся, смотрел на меня выпученными глазами. Я замолчал, рыцари довольно зашумели, Будакера хлопали по плечам, по спине, поздравляли. Он опустил на колено и сказал прерывающимся голосом:

— Сэр Ричард! Я не смогу вам служить более верно, чем служил раньше!

Я вытащил меч, сверкающее лезвие с лязгом ударило плашмя по его плечу.

— Встаньте, сэр Будакер, лорд Аваддонга, Деми Элиаса и Трендеркиса!.. Мы возьмем это разбойничье гнездо. А дальше вам предстоит твердо отстаивать интересы Армландии и не поддаваться на лживые посулы короля Гиллеберда.

Он вскочил, сияя, как ангел. Только что был бесщитовым рыцарем, уже и надежду потерял что-то получить от маркиза Плачиды, а прослужил верно и преданно двадцать лет, а сейчас сразу такое богатство, такие земли, такой замок!

Глава 3

Холм, на котором предки Хоффмана выстроили замок, даже не холм, а каменная монолитная гора, блестящая, словно из застывшей черной смолы. Замок выглядит продолжением горы, стены такие же черные и блестящие, хотя, по рассказам, замку многие тысячи лет. Любые стены за это время разрушились бы сами по себе, тем более — на вершине горы, открытые всем ветрам, морозам, ливням и ударам молний, но замок выглядит так, словно строили вчера.

По легендам, за власть над этим замком пролилось немало крови. Короли прошлого сражались жестоко, земля вокруг на мили пропитывалась кровью, а трупы

оставались непогребенными. История хранит имена счастливиц, которые владели замком, их власть возрасла многократно, однако и они оказывались в конце концов погребенными волнами новых завоевателей.

И вот теперь на эти земли пришли даже не новые завоеватели, это само собой, как же без них, но пришла другая вера. Совсем не так, как было раньше, когда одних богов сменяли другие, а вместо одних храмов строились другие. Нет, пришла странная вера, когда все боги исчезли как боги. А кто заупрямился и остался, те стали демонами, чертями, исчадиями ада.

Однако властелины этого замка сохранили всю мощь. Какие силы им служат, никто не решался сказать вслух, но все поговаривали, что дело нечисто. Хозяин замка, граф Хоффман, умеет отводить глаза, прикидываться другим человеком, его сила может возрасть в лунные ночи, тогда он сильнее десяти крупных мужчин, в полнолуние вообще может превращаться в дракона...

Сэр Растер крикнул:

— Тогда те кости... может быть, дедушки графа Хоффмана?..

— Или отца, — сказал Макс.

— Жаль, что не его самого, — буркнул Будакер. — Меньше бы ломали головы. Но и так, честно говоря, я не вижу, как захватить это страшилище.

Макс сказал мечтательно:

— Разве что с воздуха...

Я поинтересовался быстро:

— А что, захватывали?

— Говорят, — ответил он неопределенно, — в старину, дескать... Но про старину чего только не болтают.

— Правду говорят, — возразил Митчелл, глаза его загорелись чистым огнем романтика. — В старину все было!

— И замки с воздуха захватывали? — уточнил Альбрехт со скептицизмом.

— И замки, — отрезал Митчелл. — Что, зря столько рассказов?

— Мечты, — отмахнулся Альбрехт.

Я промолчал, потому что с детства наслушался сказок, где герой постоянно сражается с гигантским Змеем, часто крылатым. Некоторые ученые всерьез утверждали, что это остатки искаженных воспоминаний про борьбу пещерных людей с динозаврами. И по фигу данные геологии, что динозавры вымерли за триста миллионов лет до появления первого человека.

Когда в руке молоток, все похоже на гвоздь, потому я постарался выкинуть из головы варианты, когда молотом крушу стены, а потом красиво врываемся в замок.

Замок умело поставлен на вершине каменного холма, на срезанной, как бритвой, вершине, никакой таран не вставишь, а и вставишь — не ударишь в ворота. Даже мой молот должен лететь вверх, уж и не знаю — сохранится ли его убойная мощь. В парящих надо мной гарпий бросать не пробовал.

Мои военачальники собрались в кучку и вполголоса перечисляют укрепления и защитные механизмы крепости. Голоса невеселые, такую крепость штурмом уж точно не взять, а для осады потребуется войско раз в сто больше. Да и времени на осаду никто не даст: явятся окрестные лорды и разгонят нас, как мальчишек.

Крепости захватывать надо, мелькнуло у меня в голове. Даже вот такие, которые бесполезны в военном отношении: ничего не контролируют, ничего не перекрывают...

Владение крепостью — это символ, потому вещь, что такая-то пала или перешла в руки такого-то, прокатывается быстро и моментально меняет соотношение сил.

Возможно, это будет последней каплей, что изменит симпатии лордов в мою сторону. Пусть не соотношение сил, это я загнул, все равно у лордов войск больше, да и влияния, но, во-первых, я тоже покажу, что не слаб, во-вторых, расправившись с Хоффманом, объявлю, что больше у меня личных счетов нет, дальше полагаюсь на коллективную мудрость лордов, что приведут край к процветанию... ага, это можно истолковать как намек, что живут в нищете, потому напишем «к еще большему процветанию...».

Я поймал себя на том, что уже обустроиваю Армландию, до чего же я умный, а всякие мелочи, вроде взятия крепости Хоффмана, опустил как несущественные.

— Макс, — велел я раздраженно, — ты давай бди и распоряжайся. А я прогуляюсь.

— Осмелюсь спросить, ваша светлость...

— Лучше не осмеливайся, — пригрозил я. — Ответ не понравится.

— Сэр Ричард!

— Ты прав, пойду посмотрю крепость ближе.

Он покачал головой:

— Сэр Ричард, вам безумно повезло в крепости Сворве, вам удалось склонить графа Инкризера на свою сторону в его же логове... но в третий раз так не повезет!

Я сказал раздраженно:

— Знаешь про кувшин, что повадился по воду ходить? Я и сам знаю. Но я пойду пока только посмотрю. Не думаю, что смогу проникнуть внутрь. Просто надо рассмотреть врага ближе.

— Сэр Ричард, — заговорил он приглушенно, — известно, что эту крепость еще никто и никогда не захватывал. Она стоит тысячи лет, хозяева менялись, но силой ее никто не брал. Даже осадой!

— Там Хоффман, — ответил я тоскливо. — И он, гад, никуда не бежит!

...Ворота в лунном свете выглядят как надкрылья гигантского жука: поблескивают вороненой сталью. Набежала тучка, скрыла, я шел в полутьме, не желая включать ночное зрение, а когда собрался, луна снова озарила таким ярким светом, словно и не луна вовсе, а какой-нибудь Юпитер. Или Сатурн.

Ворота поблескивают холодно и предостерегающе. Мол, таранами нечего и пробовать: литая сталь. Холодок прокатывался по коже, это не просто сталь, слишком уж что-то знакомое: створками ворот служит пара гигантских пластин не то с обшивки космического корабля, не то океанского лайнера, не то две заготовки для газгольдера или гигантской нефтеналивной цистерны...

Я подошел наконец вплотную, присутствия магии незаметно, пальцы сами поднялись и пощупали гладкую как стекло поверхность. Нет, уже не стекло, подушечки пальцев улавливают коррозию. Это энтропия вгрызается сотни, если не тысячи лет.

Я почти увидел, как дикие люди, сбегавшиеся на обломки грандиозных сооружений, растаскивают все, что можно приспособить в хозяйстве, вмуровывают эти металлические штуки, не зная их подлинного назначения, а эти вот чуть загнутые гигантские пластины... которые, возможно, всего лишь чешуйки обшивки звездолета, приспособили работать створками ворот.

Когда я наконец перебрался на ту сторону, обнаружил, что створки из титанового сплава... ладно, за незнанием других терминов — титанового, подперты простым бревном.

Щем охватил душу, я чувствовал, как дрожат губы. Да что там губы, все во мне трясется и рвет на груди тельняшку в страстной жажде понять. Это же мой, почти мой мир, даже если в нем термоядерная энергия на уровне каменного топора, но я готов к тому завтрашнему миру!

Странно, затаиваясь при каждом шорохе и в панике сканируя все вокруг во всех спектрах, я прокрался до самого донжона, но так и не встретил ни одного мага или даже колдуна. А ведь, как известно, этот замок никто никогда не захватывал силой. Значит, замок охраняют силы куда более мощные, чем простые чародеи.

В нижнем зале спуют слуги, у входа на лестницу двое в добротных доспехах и с топорами в руках. Оба внимательно рассматривают входящих. На самой лестнице повыше еще двое, крупнее и в рыцарских доспехах, наблюдают за народом сверху, обнаженные мечи в руках. Хоффман верит в силы замка, но окружил себя надежной охраной из верных рыцарей.

Я вжимался в стену, так и эдак прикидывал, как пробраться мимо стражей, подсознание уже сообразило и сообщило мне свысока, что меня ждет облом, но я все еще искал, прикидывал. В этом замке какая-то тайна, не бывает несокрушимых, все замки и крепости рано или поздно попадают в чужие руки. Победители иные замки вообще стирают до основания и проводят по земле черту плугом, мол, абсолютная победа. Так что если замок выстоял тысячу лет, то это не только заслуга его защитников.

Мне почудилось, что стены молча наблюдают за мной. Сперва равнодушно, а потом с неким ленивым интересом. Я поежился, жутковатое чувство, бедная Ио, за которой присматривал тысячеглазый Аргус. От такого взгляда не скрыться даже в клозете, хотя, если подумать, чего стыдиться камней? Ведь от собственной собачки не скрываешь, для чего отрываешь от рулона клоч туалетной бумаги и что будешь с ним делать...

Кухня на правой стороне, из-за той двери ползут тяжелые запахи мясной похлебки. Дверь в оружейную — на левой, от оружия тоже идет некий запах, определить не могу, но знаю, что там оружие и доспехи. От оружия

распространяется своя аура, и, когда ее чувствуешь, сердце начинает биться чаще, а плечи расправляются.

Еще одна дверь, металлическая, сложный барельеф по темной поверхности, веет древностью, а главное — возле нее часовой с коротким копьём в руке. Впрочем, на поясе меч и два кинжала. И выглядит часовой не простым челядином. А на поясе рядом с кинжалами огромный амбарный ключ.

Я подкрадывался все ближе и ближе. В какой-то момент страж посмотрел на меня в упор, но я хамелеоном из всех сил, от меня даже пахнет, как от камня, если камни пахнут, и он равнодушно скользнул взглядом дальше.

Дверь закрыта на массивный висячий замок пуда в два. Судя по размерам, ключ от этого чудовища у часового.

С лестницы довольно живо сбежал по ступенькам дородный рыцарь в яркой одежде, лицо пухлое, щеки на плечах, но лицо властное и жестокое.

— Гриффит, — сказал он отрывисто. — Мне нужно взять черный арбалет.

Часовой спросил с ленцой:

— Вам, сэр Карлстэйн?

Дородный сразу побагровел, в глазах мелькнула злость.

— Не забывайся, Гриффит! Сам понимаешь, это нужно хозяину!

Часовой спросил с прежней ленцой:

— Точно?

— Да! — рявкнул сэр Карлстэйн.

— Пароль?

Карлстэйн поморщился и с великим отвращением, словно прикасается к смердящему труп, приблизил губы к уху часового и шепнул короткое слово.

Гриффит кивнул с явной неохотой, неспешно снял

с пояса ключ и, повернувшись к дородному, медленно вставил в скважину замка, повернул с усилием. Заскрипело, щелкнуло, замок повис на дужке.

Дородный чуть не плясал от нетерпения и злости, любая задержка вызовет недовольство Хоффмана, обратную дорогу придется бегом.

Часовой наконец вытащил из петли дужку замка.

— Ну вот, готово.

Карлстэйн явно ждал, что часовой угодливо или хотя бы почтительно распахнет перед ним дверь, но в ожидании военных действий люди с оружием чувствуют свою возросшую значимость, Гриффит смотрел на дородного с насмешкой, тот сам со злостью рванул дверь, но та не распахнулась, а пошла отворяться медленно и неспешно.

Дородный скользнул в щель первым, не дожидаясь, когда дверь распахнется во всю ширь, Гриффит вошел следом, а я проскользнул третьим за миг до того, как рука Гриффита протянулась, чтобы закрыть за собой.

Комната небольшая, напротив еще одна дверь, а левая стена закрыта огромным красным ковром. На нем зловеще блестят обнаженными лезвиями мечи, кинжалы. Ножны повешены отдельно, а в самом центре — арбалет. При взгляде на него я сразу понял, что это не арбалет черного цвета, а именно Черный Арбалет.

Гриффит молча протянул руку, застыл, по дуге арбалета пробежала фиолетовая искра и погасла. Дородный терпеливо ждал, пока Гриффит снял грозное оружие с крюка. Фиолетовая искра все еще горела на загнутом кверху клюве, потом ушла в стену.

Дородный вздохнул:

— Зачем такие сложности! Держал бы в своих покоях.

Гриффит бросил свысока:

— Тогда останется простым арбалетом.

— Не понимаю, — вздохнул дородный. Он принял арбалет из рук Гриффита. — Ладно, пойдем.

Гриффит ехидно усмехался, дверь захлопнута настолько плотно, что даже мне почудилось, будто слилась со стеной в одно целое. Но Гриффит, поиздевавшись над дородным в пределах допустимого, сказал шепотом, едва шевеля губами, секретное слово, и дверь распахнулась.

Я выждал, когда уйдут, повторил дважды подслушанный пароль, здесь открывают и закрывают разные слова, учтем, повернулся к двери, на которую оба и не взглянули.

Синеватый металл, первое впечатление — высокая технологичность, но барельефы напоминают время, когда мушкеты и пищали украшались затейливыми рисунками, удорожая литье и делая стволы более хрупкими.

— Где наша не пропадала, — прошептал я, сердце колотится, едва не выпрыгивая. — Динан!

Дверь не дрогнула, не дернулась, освобождаясь от незримых запоров.

— Апрос, — сказал я второе секретное слово. — Апрос!

Дверь не среагировала. Я оглянулся. Значит, эти слова только для той, за которой Гриффит. Вообще-то я здорово сглупил, забравшись сюда. Хорош буду, когда открою дверь, за которой бдит Гриффит. Не спасет никакое исчезновение, общая тревога в замке выявит любого.

Синие узоры на второй двери неуловимо изменились, я вздрогнул и, подойдя вплотную, начал всматриваться. Барельеф в виде драконов, единорогов и горгон — стандартный набор, но выпуклые значки, то ли буквы, то ли математические или иные символы, — это как будто из другой эпохи. Строгие и без лишних деталей, а старина как раз грешит обилием всевозможных завитушек.

Я вздрогнул: значки перетекли в другие символы! Прямо на моих глазах стальное литье ведет себя как мягкий воск, который мнут невидимые пальцы. Но я готов поклясться, что никаких пальцев нет, а это дверь сама меняет надпись, если это надпись.

— Ни фиги себе, — пробормотал я. — Нанотехнология на марше... да какая на хрен нанотехнология, папуасы они, что ли... Силовые поля третьего уровня... а то и четвертого...

И снова странное ощущение, что на меня смотрит нечто огромное, снисходительное. Я круто развернулся, огляделся дико, прощупал в тепловом, запаховом и всех доступных диапазонах, но я в комнате один, что хорошо. И плохо.

Символы на двери изменились снова. Я не утерпел, осторожно коснулся синеватого металла кончиком пальца, неужели даже не раскалился, но ощущение такое, словно тронул пролежавшую в глубинах земли крышку саркофага.

Отдернуть палец не успел. Коротко кольнуло, от кончика по всем буквам побежала синеватая искорка, повторяя все очертания. Я поспешно отступил и смотрел, как искорка в конце концов прошла по кругу всю надпись и погасла.

Сердце стучит, мне вдруг стало жарко, и вдруг ощутил, что дверь ко мне относится... ну, не то чтобы дружески, но войти позволяет.

Глава 4

Я поспешно толкнул ее, чуть подалась, навалился и отворил, массивная, словно люк космического корабля. Открылся узкий коридор, уходящий по наклонной вниз, выщербленные ступени. Посредине истоптаны так, словно один и тот же человек ходит взад-вперед в течение тысячи лет.

Я спускался долго, темно, но мне свет не нужен, в конце концов спустился в зал, застыл оторопело. Прямо из стен вырастают чудовищные конструкции, любой рыцарь без колебаний определит в них порождение дьявола... не очень ошибется, по сути, а зал этот сочтет лабораторией продавшего душу алхимика. Мне же почудились страх и отчаяние создателей, когда из подручных материалов, без квалифицированной силы они спешили создать... что?

А что еще, сказал внутренний голос угрюмо, как не защитное нечто? В первую очередь — выжить. Только выжившие сумеют сделать следующий шаг.

Сумели, спросил я себя, или не сумели? А если, что самое худшее, выжить сумели, но на второй шаг, каким бы он ни был, не хватило ни сил, ни знаний, ни материалов?

Что-то подсказывает, что именно такое и случилось. Я ходил по залу, трогал, прикладывал ладонь ко всем выступающим частям, но там обесточено, пробовал сдвинуть рычаги ручного управления, их сделали отчаявшиеся уцелевшие, когда сенсорики вышла из строя, изо всех сил напрягал мозг, стараясь понять, вернее, угадать назначение этих механизмов.

В темноте вижу отчетливо, но в черно-белом, почудилось, что цветовая гамма играет роль. Я сосредоточился, вызвал в памяти ощущение огонька, какой я научился делать уже на расстоянии пяти шагов, сказал тихонько:

— Свет...

Яркий свет ударил по глазам с такой неожиданной силой, что я вскрикнул и закрыл глаза рукой. Все залило блистающим огнем, а сотворенный мною огонек жалко трепещет в шаге от меня, заметный только по мерцанию.

Я инстинктивно загасил его, молчал и ошалело

смотрел по сторонам. Единственная стена, что свободна от великанских механизмов, слабо засветилась. Так похожа на обычную стену крепости, где тяжелые глыбы прилажены одна к другой небрежно, но основательно, однако здесь не камень, а металл, на серой поверхности медленно проступили и поползли, словно замерзающие гусеницы, математические символы, которые и я готов признать, как и все здесь, древними магическими рунами.

Может, и вправду руны, но уж больно много знакомых значков: даже я узнаю квадратный корень или брошенную набок восьмерку, как и знак интеграла.

— Что? — прошептал я. — Почему?.. Как это работает?..

Строка поползла чуть быстрее. Сердце мое колотится с безумной скоростью, мозг разогрелся, я прошептал, еще не веря догадке:

— Давай быстрее... Это знаю...

Символы резко сменились, строка не побежала, а понеслась, я ощутил некое давление, словно незримое силовое поле опутывает с головы до ног, просвечивает, делает снимки и сличает с картотекой известных преступников.

— Да свой я, свой, — прошептал я. — Только из другого анклава. У нас заряд протона идет другим значком...

Вообще-то не знаю, есть ли у протона заряд вообще, но лучше молоть такую чушь, чем креститься и бряцать оружием, поминая дьявола. Да и есть призрачный шанс, что уцелевшие механизмы слушают мою речь, ищут значение моих слов в памяти, вычисляют, из вторгшихся варваров я, от которых надо защищаться, или же я из тех, кого надо защищать.

Какое-то время я инстинктивно ждал, что на экране вот-вот появится обнаженная девица с вот такими губами и будет восхвалять новую губную краску, которая не

сотрется, как бы эти губы ни пользовали, а потом какая-нибудь бабища пригласит лечиться у нее от сглаза, но символы лишь становились сложнее, замысловатее, укрупнялись, снова опадали, как морская волна, и бежали такие простенькие, что еще чуть-чуть, и я бы смог их понять...

Затем все ушло, появилось нечто иное, у меня сразу закружилась голова. Взглянул снова — и тоже ощутил вроде подступающей тошноты. Лишь с третьего взгляда переборол и смотрел на эти сотни тысяч смазанных светящихся линий, словно фотоаппарат падает с тысячного этажа ночного небоскреба и делает снимки с большой выдержкой.

Возможно, фотография... возможно, что-то иное, я всматривался с неприятным ощущением человека, что падает и видит проносящиеся мимо освещенные окна, в то же время на затылке ощущение, что меня тоже рассматривают внимательно и с растущим подозрением.

— Нет, — сказал я. — Я нормальный.

Картина сменилась, я успел увидеть дивный город, и сразу картина пошла пятнами, битые пиксели разбежались стаями, слились краями, все померкло, только некое дрожание показывало, что передача длится, потом все оборвалось.

Я осматривался с чувством огромной потери. Как воочию увидел группу отчаявшихся людей, что спешно пытались наладить защиту из того, что у них осталось под рукой. А еще, помимо личных параметров, абсолютно индивидуальных, куда там примитивным считываниям глазной сетчатки или ДНК, пришлось срочно ввести еще одну систему узнавания. По принципу «свой — чужой», где чужими считались все дикие племена.

Это уже потом, когда под натиском варваров все же рухнуло и это... или пошло с каким-то варварским воз-

дем на сотрудничество, система осталась не у дел, а потом, равнодушно наблюдая за дикарями, заполонившими руины, определила с самым высоким уровнем интеллекта и начала выполнять его команды.

К счастью, остатки способных выполнять какие-то функции агрегатов не в состоянии сдвинуться с места, иначе страшно и подумать, что натворили бы аттилы того времени.

Обостренный слух уловил топот множества ног. Подкованные сапоги, это явно солдаты, все спешно бегут вниз по каменной лестнице, каким-то образом узнав, что в святая святых пробрался злоумышленник.

Я услышал взволнованные голоса:

— Вон еще метка!..

— То старая, — ответил другой голос, — а вот след чужака...

— Вон еще!

— Держитесь, он пробрался в Зал Железных Стен!

— Чтоб он там и сдох...

— Не болтать! Ни одно чудовище не устоит против наших копий.

— Брат Макарий!.. Давай свою магию!

И еще голос, резкий и злой, провозгласил прямо за дверью:

— Во имя господа нашего Люцифера, хозяина всей земли и всего сущего...

Голоса стали громче, я отскочил к противоположной стене, вжался в нишу, застыл, проверив, хорошо ли я в личине исчезника. Донесся звон металла. В комнату ворвались трое с мечами наголо, все сразу уставились на меня, хотя я и в личине.

— Чужак! — крикнул один изумленно. — А я не верил...

— Как же он...

А третий изо всей дури саданул обухом топора по железу двери, заорал, выпучив глаза:

— Вторжение! Тревога!.. Все сюда!

Загремели подкованные сапоги, а я, несмотря на то что в ловушке, успел подумать, что эти «Вторжение! Тревога!» звучат как-то... чужеродно. Словно эти слова часто звучали здесь, а потом, когда умолкли, люди успели запомнить и перенять, все мы попугаистые обезьяны.

В коридоре блестят доспехи и обнаженное оружие, яблоку негде упасть, я лихорадочно придумывал, что же делать, но пошло шевеление, все вжимались в стены, а по узкому коридору в зал прошел громадный человек.

Я его узнал еще по росту, тогда при первой встрече показался огромным, широким, с толстыми руками и ногами, но тогда был в доспехах, похожий на закованную в сталь башню, а сейчас, когда в распахнутой на груди рубашке, я с содроганием понял, что этот человек крупнее и сильнее меня.

— Сэр Светлый, — ухмыльнулся он. — Ну еще бы...

— Можете звать сэром Ричардом, — сказал я милостиво.

— Да мне все равно, — ответил он, — как тебя звать. Закопают тебя сегодня же на заднем дворе.

— Ах, Хоффман, — сказал я, нарочито опустив «сэр», — не ты ли кувыркался в пыли, выбитый ударом моего копья?

Мне показалось, что воины переглянулись с великим изумлением. Хоффман побагровел.

— Это была случайность. А то, что ты умрешь здесь, — это не случайность. Эй, взять его!

Я торопливо вскинул руку.

— Не спешите! Хочу сообщить, что мои войска окружили эту небольшую крепостицу. Я, как гротсграф Армландии, милостиво изволю повелеть всем сложить оружие. Кто не сложит, да уничтожен будет!

Стражи даже не переглянулись, Хоффман расхохотался:

— Ну и наглость!. Ты хоть понимаешь, куда ты попал? Это вот все-все... талисман, который подчиняется моей воле! Думаешь, почему за все века, а то и больше, этот замок никогда не был взят? Да потому, что он защищает еще и сам себя! И людей защищает, которые в нем. А слушается только одного-единственного человека...

— Тебя, конечно, — сказал я саркастически.

— Ты прав, — сказал он и, повернувшись к стражам, добавил резко: — Убейте его! Сейчас!

— Эй-эй! — крикнул я. — А поговорить?

Он воззрился с изумлением:

— Что?

— Поговорить, — объяснил я. — Ты должен рассказать подробно, как ты превосходишь меня во всем, как заманил в эту ловушку... и какой я дурак, что сам сунул голову в твою мышеловку. И что ты все знал и предусмотрел заранее, а я был туп и слеп, действовал, сам того не понимая, по твоему плану...

Он слушал кисло, а когда я набрал воздуха, чтобы продолжить, махнул рукой.

— Убейте дурака!

— Я еще не все...

Но стражи ошетинились копьями, но я, успев за миг до того, как бросятся на меня, сорвал с пояса молот и швырнул в коридор. Сам ринулся следом, молот с частым металлическим лязгом очистил дорогу, вышвырнув на ту сторону смятые в лепешку тела, я поймал его растопыренной пятерней и...

...ощутил, что не могу сдвинуться с места. Тело застыло, я словно оказался в прозрачном стекле, зависнув в беге, сильно наклонившись вперед, одна нога в воздухе, вторая в толчке.

Хоффман зло ухмыльнулся.

— Ну что? Помогло?... Хотя молот у тебя в самом деле... ну ничего, я его освою.

Я хотел предложить, чтобы взял прямо сейчас, но он, как будто читая мои мысли, сказал с тем же злобным торжеством:

— После твоей смерти перестанет хранить верность? То-то. Вот тогда и возьму.

Я в бессилии смотрел, как он вскинул руки, став еще громаднее, прокричал длинное замысловатое заклинание. Стекло, сковывавшее меня, с треском рассыпалось, ставши зримым. Я попытался прыгнуть в сторону коридора. Незримые стальные тиски ухватили на лету с такой мощью, что перехватило дыхание.

Хоффман смотрел на меня с лютым торжеством.

— Прощай, дурак, — сказал он. — Умри!

Блеснул свет, я ощутил боль и шок во всем теле. Мышцы застонали, судорога прошла вдоль позвоночника до самых пят. Я задыхался, но, когда поднял голову, на лице Хоффмана увидел великое изумление.

— Умри! — вскрикнул он снова. — Умри!

— Убивать — негуманно, — прошептал я и ощутил, что каким-то образом вся эта громадная комната меня услышала. — Лишать жизни нельзя...

— Что? — заорал он. — Умри! Я повелеваю тебе: умри!.. Силой талисмана, подчиненного мне, повелеваю...

Он вздымал руки, с кончиков пальцев начали сыпаться искры, а я ощутил, что понемногу получаю возможность двигаться.

— Ты не прав, — сказал я. — Гуманность — превыше всего. Ты дикарь, Хоффман, а я вот цивилизованный. Можно сказать, что это я делал эти механизмы... Ну, частично, частично.

Он скрипел зубами, лицо перекосилось, на поясе кинжал с золотой рукоятью, но Хоффман даже не поду-

мал ухватиться за него, а я старательно смотрел со скорбной улыбкой матери Терезы и так же старательно изо всех сил думал, что я — гуманист, демократ, интеллигент, технократ и технолюб, обожаю науки и технику, всю жизнь мечтаю обслуживать сложные вычислительные системы...

Мышцы слушаются, хотя я не уверен, что защитный механизм позволит нанести вред Хоффману, которого считает хозяином. Но уже то, что отказывается убить меня, ощутив во мне нечто близкое к его сгинувшим властелинам, хорошо...

— Хоффман, — сказал я громко, — я гуманист и ненавижу причинять людям зло. В смысле, вред. Потому я позволяю тебе покинуть этот замок, захватив необходимые вещи, а также увести с собой верных тебе людей. Потому что я гуманист и весь в белом.

Стражники, разошедшиеся вдоль стен, ошалело переводили взгляды с хозяина на меня и обратно.

Хоффман завизжал:

— Убей его!.. Заклинаю всей своей мощью!.. Убей!.. Это приказ!

В комнате нарастал гул, свет начал медленно слабеть, снова вспыхнул ярко, затем та же неведомая рука начала выключать по одной лампочке.

Я сказал громко:

— Я, твой настоящий хозяин, отменяю негуманный приказ!.. Люди должны любить друг друга, помогать друг другу, изучать науки и ремонтировать технику, а не убивать один другого.

В помещении нарастал грозный гул. Хоффман побледнел, глаза горят, как у лесного зверя, с растопыренных пальцев бьют настоящие молнии, его трясет, он продолжает выкрикивать заклятия.

Мощные тиски сжали мое тело. Я напрягался изо всех сил, но чудовищное давление выжимало из меня

жизнь, словно я очутился на дне Тихого океана или на сером карлике.

— Стой, — прохрипел я, кости мои начали потрескивать, — стой... мы же интеллигенты, говнюк... Как ты можешь... Я знаю, сколько битов в байте, квантовый комп... видел... на рисунке... звездолеты... ДНК... туманность Андромеды... гравитация... пидоры — тоже люди...

Давление ослабело, Хоффман тоже это ощутил, завопил:

— Сокруши его! Я принесу на алтарь трех девственниц!.. Четырех!.. Пять!

Давление резко возросло, меня то давило, то отпускало, я заговорил, чувствуя, что из меня вырывается то мышинный писк, то говорю басом:

— А на хрена тебе девственницы?.. А я смогу помянуть сгоревшие блоки... если укажешь, где запасные. Кулер могу исправить, если лопасти большие и молоток найдешь...

Меня сжимало и отпускало все быстрее, механизм совсем ошалел, я испугался, может кончиться совсем худо, заорал, срываясь то на фальцет, то на шалаяпинскость:

— Держишь!.. От противоречий сдвинешься по фазе! Люди и то перегорают, а ты ж чувствительный, нежный, тонкий... Не раздирайся в противоречиях! Ты же понимаешь по логике, что существуют только две точки зрения: моя и — неправильная. Так что делай, как я говорю... и все будет путем.

— Нет! — закричал Хоффман.

— Да, — сказал я ласково и кротко.

— Да будь ты...

— Не ругайся, — предупредил я. — Цивилизованные люди таких слов не употребляют, дикарь ты.

— Да пошел ты...

— Грубый ты, — вздохнул я. — Совсем не гуманист, а туда же — управлять таким сложным механизмом!

Я поднял голову, хотя куда смотреть, непонятно, знаками показал, что этого дикаря лучше бы выпроводить за ворота и отпустить, мы же гуманисты.

Тиски исчезли, я не видел, что происходит, но Хоффман вдруг смертельно побледнел. Его отодвинуло к самой двери, он ухватился за косяк двери, руки вытягивались, словно резиновые тяжи. Наконец пальцы сорвались, я услышал злой вскрик уже из коридора.

Воины, толкаясь, как овцы, ринулись следом, топчя один другого.

Глава 5

Я перевел дыхание, выпрямился, голос дрогнул, но я заставил себя произнести как можно весомее:

— Благодарю. Да, я один из твоих создателей, хотя вот прямо сейчас ничего не помню, как после большой пьянки. Ну, сам знаешь, почему такое... Дикие люди! Им все воевать бы. Зато ты усек, что у меня лучше нервная организация... хотя я совсем не нервный. У нас, технарей, нервы что надо, а простые интели — просто психованные... И даже не знают, что такое квантовый компьютер, представляешь серость дремучую?

Мне никто не ответил, я даже не ощутил к себе внимания или интереса. Как бы не перегорел этот мозг, что решал, кому подчиниться: прежнему хозяину или более продвинутому?

Раньше я только подозревал, а теперь убеждаюсь: самые древние замки строили не новые люди, а еще старые, уцелевшие от катастрофы. Спешно строили из обломков того, что хотя бы частично уцелело, не сожжено, что еще можно использовать.

Это не были замки в теперешнем виде, те надстроили уже следующие поколения, порядком одичавшие.

Сердцевинами замков оставались спешно восстанавливаемые лаборатории, склады, силовые установки — работающие и неработающие, но которые еще надеялись восстановить.

Сейчас я так и не понял, что же это, называемое Залом Железных Стен. Ясно только, что защитная система защищает как себя, так и того человека, ай-кью которого выше остальных. Конечно, тот сразу считает себя оседлавшим демона, ужасно гордится и начинает думать о завоевании мира.

К счастью для меня, защитное поле не простирается дальше этой комнаты. Хоффман сумел бы организовать оборону замка, а меня заморить там голодом, но всерьез поверил, что я подчинил себе демона куда лучше, чем сделал он.

Я прошел, переступая трупы, по коридору, поскальзываясь в лужах крови, долго поднимался по лестнице. Прислушался перед первой дверью, тихо, толкнул, дверь распахнулась, я вступил в комнату с секретным арсеналом. На этот раз помимо арбалета исчезло все оружие, остались только вбитые в стены крюки. Как ни спешил Хоффман, но вооружиться до зубов не забыл...

— Динан, — сказал я.

Распахнулась вторая дверь, в нижний зал замка. Я остановился на пороге, держа меч и щит наготове. Гриффит поспешно отступил от двери, я следил за его руками, но он, перехватив мой взгляд, отшвырнул копье. Впрочем, на поясе меч, да и кинжалы не для красоты.

Челядины тут же шмыгнули в разные стороны, а двое воинов поспешно опустили оружие и уставились на меня опасно и почтительно.

Я спросил строго:

— Куда делся Хоффман?

Один из стражей сказал угрюмо:

— Да кто ж знает, что их милость задумали...

Я повернулся к Гриффиту.

— А ты что скажешь?

Он ответил нехотя:

— Мое дело — сторожить эту комнату. Я и сторожил... Теперь меня ждет виселица.

— Может, — согласился я. — Но можем заменить простым штрафом. Где Хоффман?

Он смотрел на меня угрюмо, но в голосе прозвучала надежда:

— Он забрал все оружие. Значит, уехал из замка.

— Твое счастье, — сказал я холодно, а внутри себя заплесал, потому что еще больше это мое счастье. — Значит, убежал. Народу с ним много?

— Почти все рыцари.

Один из стражей сказал несмело:

— Кроме господ Фазольта, Эбенрота и Экке.

— А что с ними? — спросил я. — Оппозиция?

Они не поняли господского словца, тот же страж ответил несмело:

— Упились вчера вусмерть... На коня не взлезут.

— А-а, — сказал я, — ну, протрезвеют, увидят, что Минздрав был прав. Так что же мне с вами делать, сукины дети?.. Хозяин вас бросил. Не очень доверяет, значит. А что же мне с вами делать, что делать?

Они опустили на колени, самый смелый сказал угрюмо:

— Воля ваша, но нас наняли... и мы служили честно.

— Намек понял, — ответил я. — Хочешь сказать, что если вас найму и я, то будете служить точно так же?

Он кивнул с тем же отстраненно-угрюмым видом.

— Точно. Все равно кому-то служить надо.

— Ты прав, — сказал я. — Все мы служим, кто Богу, кто королю, кто желудку, а кто и... гм... ладно, оставлю я вас при замке. В донжон вам заходить запрещается до моего высочайшего указа.

Старший просветлел лицом, явно ожидал худшего, сказал с готовностью:

— Эт понятно, проверить всех надобно. Мы понимаем.

— А ты кто?

— Десятник Исмаил.

— А где сотник?

— С хозяином... бывшим хозяином уехал.

— Будешь сотником, — сказал я важно. — Нужны люди, которые не бросают замок. Сейчас отряды пару на быстрых конях, там внизу мое войско. Всех сюда не стоит, но военачальники пусть... Предупреди только, засиживаться и здесь не будем.

— Будет сделано, ваша милость... ваша светлость!

Время, проведенное с друзьями, не учитывается Богом, но учитывается печенью. Это ощутил даже я, у которого она вроде бы в порядке. Остальные продолжали пировать, не замечая моего ухода из-за стола. Замок переполнен людьми в доспехах, где вместе пируют рыцари Митчелла, Альбрехта и Варанга, а моя двадцатка вроде капельки, но, правда, скрепляет это огромное воинство в единое целое.

Заметив мой уход, неслышно выскользнул барон Альбрехт.

— Еще раз поздравляю с блестящей победой, — сказал он серьезно. — Вам везет настолько, что начинаю тревожиться...

— За меня?

Он ухмыльнулся:

— Скажу «да», поверите?

— Нет, конечно.

— Правильно. Каждый в первую очередь беспокоится о себе.

Я поинтересовался угрюмо:

— Сказку про царя Кира... или как там того Навуходоносора, вспомнили?

— Который кольца в море выбрасывал? Ну... можно сказать, аналогия есть. Когда долго везет, то крах бывает ужасающим.

Я спросил в упор:

— Тогда почему вы с нами?

Он цинично усмехнулся:

— Надеюсь отскочить в сторону за сутки до краха.

— Тогда у вас должно быть чутье, — пробормотал я. — А оно есть? По вашей теории, нужно было примкнуть к неудачнику, у которого было уже много неудач подряд. Мол, зато успех будет грандиозным...

Он усмехнулся, глядя мне в глаза:

— В теории именно так. Но в жизни предпочитаем примыкать к тем, кто идет от победы к победе. Но, к сожалению, эти люди порой теряют осторожность...

— Я осторожный, — заверил я. — Более того, я вообще-то трусливый. Но мир таков, что трусость выказывать нельзя, вот и я не выказываю... слишком явно.

— А как неявно?

— Трижды проверяю и перепроверяю, — сказал я откровенно. — Страхуюсь. Подстраховываюсь. На риск иду, когда он минимальный, а приз маячит огромный. Потому сейчас и ломаю голову над очередным шагом. Понятно же, что сидеть-поживать здесь нельзя... хотя замок хорош, хорош. Настолько хорош, что уже подумываю оставить его себе... Нет, нельзя, Будакеру пообещал! Да и вообще, замки тех рыцарей, что ускакали вместе с Хоффманом, отберу, как у предателей, и раздам тем, кто идет со мной.

Он подумал, на лице проступило сомнение.

— Все хорошо, я только сомневаюсь, что совет лордов одобрит такое поведение. Одно дело — Хоффман, у вас с ним личные счеты, другое — присягнувшие ему

лорды. Это будет воспринято как самоуправство. Да и не забудьте, вас собираются держать на троне только при условии, что и пальцем не шевельнете.

Я развел руками:

— Эта задача решается быстро, просто довольно долго.

— Как это?

Я объяснил:

— Трудные задачи выполняю немедленно, невозможные — чуть погодя.

— А эта трудная или... очень трудная? И как думаете решить?

— С помощью неформальной логики.

— То есть...

— Если не удастся решить проблему, — объяснил я, — нужно создать другую, которая отменит первую.

Он смотрел с непониманием, спросил недоверчиво:

— А как с этой другой?

— Другую еще не пробовал, — ответил я угрюмо.

— Думаете, есть шанс?

— Если с первой не получается, — огрызнулся я, — то чем вторая хуже? Шанс есть уже потому, что вторую решать не пробовал. Возвращайтесь, барон, в зал. Постарайтесь поддерживать боевой дух и дальше, но так, чтобы не теряли головы. До моего возвращения — из замка ни-ни!

Он вздрогнул:

— А вы... куда собрались?

— Не закудыкивайте, — ответил я зло. — Я и так весь закудыканный. Помогите Будакеру в освоении замка. Мы, к счастью, не брали замок ни осадой, ни штурмом, так что челядь уцелела. Но хотя ей вроде бы все равно, но лучше постепенно заменить... кто знает, а вдруг кто хранит прежнему хозяину верность? И ткнет Будакеру нож под ребро?

Альбрехт кивнул, не сводя с меня настороженного взгляда:

— Да, я помогу. Господи, да все поможем! Это в наших общих интересах. Но что вы задумали?

Я вздохнул:

— Авантюру. В которую ох как влезать не хочется! Но... как говорят, куй железо, коли рожа крива! Надо спешить. Иначе спелые плоды, которые мы сотрясем с дерева, сожрет какая-то другая свинья.

Он посерьезнел:

— Сэр Ричард...

В его тихом голосе слышалось предостережение. Я спросил быстро:

— Что?

— Если вы в самом деле задумали... я даже подумать об этом боюсь...

Я кивнул.

— А что делать, дорогой Альбрехт? Сейчас самое лучшее время нанести визит Гиллеберду. И постараться с ним подружиться. Потеснив Хоффмана.

Он покачал головой.

— У вас есть заклятие от виселицы?

— Сплюньте, — попросил я.

Глава 6

Зайчик шел карьером, но едва замок скрылся с глаз, я пригнулся к шее, шепнул: «Гони». Грива укрыла, как защитным колпаком, стук копыт перешел в шелест. Ветер ревел и стонал, я чувствовал, как упругое тело под мной сперва разогрелось, затем начало накаляться. Конечно, само по себе, но я всякий раз представляю, что от трения об атмосферу. Так я сам себе кажусь значительнее, вроде «Челленджера».

Итак, замок графа Хоффмана захвачен, все его зем-

ли отошли ко мне, но граф с десятком рыцарей, как рассказали челядинцы, умчался в сторону границы с королевством Турнедо. Явно просить защиты у короля Гиллеберда, которому принес вассальную присягу.

Я, шурясь, как марсианин, высматривал из-под реющей надо мной гривы скачущих всадников. Если удастся настигнуть графа Хоффмана, могу решить вопрос сразу, но проскочил лес, поле и две реки, наконец сообразил, что Хоффман остался позади.

Это я пру напрямик, а Хоффман лоялен дорогам, выбирает переправу по мосту или через брод, так что мне либо делать засаду перед стольным градом Савуази, что ни в какие ворота, либо...

— Вперед, — сказал я Зайчику, оглянулся на неутомимого Бобика, тот ровными прыжками идет слева, пасть распахнута, захватывая встречный воздух и охлаждая чрево. — Вперед! Цель — Гиллеберд.

В стороне проплыли два небольших города, промелькнули деревеньки, а когда на горизонте прорисовались и начали укрупняться высокие остроконечные башни, я понял: это и есть Савуази, столица королевства Турнедо, которым правит энергичный и амбициозный король Гиллеберд.

Зайчик сбавил ход, по всем дорогам тянутся в обе стороны телеги, идут нагруженные кони. Мы обогнали караван из десятка верблюдов, огромные тюки свисают с каждого. Не знаю, как у Гиллеберда с военной мощью, но экономическую уже вижу: торговля процветает, разносит деньги, эту кровь державы. Во все концы королевства разносит, так что гангрены не намечается.

Правда, мелькнула мысль, военная мощь идет обычно рука об руку с экономической. Чаше всего — опережает. Много таких держав, где при слабой экономике держат крупные армии, но почти нет чудачков, чтобы при сильной экономике ограничились бы только полицейскими формированиями.

Город разросся, я уже едва охватывал его одним взглядом. Зайчик еще сбавил темп, мы идем обычной рысью, но все равно народ оглядывается: огромный черный, как вырезанный из агата, конь с длинной гривой и пышным хвостом, рядом бежит исполинский пес, таких огромных просто не бывает, не простой пес, а значит — и владелец не простой... Да и сам всадник, рослый молодой лорд с красивым надменным лицом, весь в доспехах древней работы, выглядит не совсем уж простым рыцарем, которых хоть пруд пруди...

Савуази поразила размерами и пышностью. Я всматривался в башни города, ошалелый, странное чувство копошится в душе. Столица если не уцелела еще с довоенных времен, то ее сразу же отстроили то ли горняки, что в большом количестве вылезли из нор, то ли спустившиеся с гор альпинисты, пропустившие войну. Чересчур большая разница в сравнении, к примеру, с Вексеном, что выглядит буквально коровником рядом с Савуази.

И все-таки я въехал в город, как въезжал и в Вексен: держась со спокойной надменностью лорда. Народ выглядит сытым, хорошо одет, хотя признаки сословности соблюдаются очень даже тщательно: ни разу не увидел горожанина в башмаках с носками ненадлежащей длины или в рубашке неподобающей расцветки. В то же время то в одном месте, то в другом бродячие актеры дают представление, что значит на бросаемые им монетки прожить можно. А если простой народ бросает монетки, то живут достаточно зажиточно. Или я ничего не понимаю в экономике.

Я проехал через весь город, сопровождаемый любопытными взглядами и репликами. Впереди площадь, а на той стороне огромный и почти сказочный дворец короля.

Вообще-то дворец не на той стороне площади, а по-

середине. Это не королевский дворец Барбароссы, у которого пустое пространство только перед фасадом, а здесь не подойти незамеченным ни справа, ни слева, ни с тыла. Да плюс дворец огорожен высоким забором из остроконечных пик, а сам забор вынесен шагов на сто от стен дворца.

Я подъехал к воротам, стражники скрестили передо мной копья. Подбежал, придерживая у бедра болтающийся меч, богато одетый офицер в стальной кирасе и в шлеме с очень ярким плюмажем.

— Кто? По какому делу?

— Гроссграф Армландии, — заявил я громко, чтобы слышало как можно больше народу. — К Его Величеству по крайне важному делу.

Он опешил, да и все замерли, как будто усомнились, что расслышали верно. Офицер переспросил, запинаясь:

— Гроссграф... гроссграф Армландии?

— Да, — ответил я с надменной нетерпеливостью, — И поспеши, новости срочные. Если Его Величество услышит их по твоей вине на пять минут позже, чем мог бы, я твоей карьере не завидую.

Он сглотнул слова, что уже рвались с языка, побледнел, покраснел, снова побледнел, в беспомощности оглянулся на своих солдат. Те вытянулись и смотрят оловянными глазами. Наконец махнул рукой в жесте отчаяния.

— Пропустить!.. Я сам отведу во дворец.

— Благодарю, — сказала я покровительственно и добавил снисходительно с долей фамильярности: — Королю важно знать всю информацию немедленно, а не позже всех.

— Да я понимаю, — ответил он тоскливо. — Но особы такого ранга всегда прибывают по договоренности заранее.

— Бывают случаи, — сказал я многозначительно.

— Я понимаю, — повторил он несчастным голосом.

Через калитку я войти не возжелал, это роняет графскую честь, для меня поспешно открыли ворота. Я въехал на Зайчике, Бобик благовоспитанно идет рядом, ни на кого не рыкнул. Офицер торопится, я ведь спешу, спешу, неотложные вести королевской важности.

Копыта Зайчика звонко и красиво простучали по тщательно уложенному булыжнику. У широких мраморных ступенек, что ведут к огромным раззолоченным воротам дворца, я спрыгнул на землю, велел Зайчику и Бобику:

— Ждать!.. Если кто попробует вас тронуть, можете разнести здесь все.

Офицер побледнел, сказал торопливо:

— Я сам прослежу, чтобы к ним никто не подходил...

— Вы останетесь здесь? — удивился я.

— Я передам вас внутренней страже, — объяснил он быстро. — Я не вхож во внутренние покои.

— Ого! Строго у вас.

— Таковы правила.

— Правила надо соблюдать, — согласился я снисходительно. — На порядке держится... э-э... порядок.

Двери в здание перед нами распахнули, мы быстро прошли через нижний зал. Богато одетые стражники смотрели с недоумением и живейшим интересом, еще два огромных зала, широкая парадная лестница, ступени покрыты пурпурной ковровой дорожкой, статуи в нишах стен, металлические фигуры рыцарей, офицер чуть ли не бежит, как будто жаждет, пока не передумал, стряхнуть меня в руки стражей главного королевского зала.

Я поспедал за ним широкими шагами, у последней

— Намеренно, — возразил я с нажимом. — Я ведь сообщил, что по важному делу.

— Насколько по важному?

— А что, — поинтересовался я ядовито, — дела государственной важности государь доверяет лично вам?

Он сказал все еще зло:

— У меня строгий приказ!

Я надменно усмехнулся:

— Человек, который не умеет отличить, когда нужно нарушить приказ, данный даже лично Его Величеством... ибо Его Величество не мог предусмотреть неожиданное появление гроссграфа Армландии... этот человек не заслуживает столь высокого поста! Честь имею. Буду ехать мимо рудников, обязательно заеду посмотреть, как сидят на вас цепи.

Я нагло хохотнул и медленно повернулся, всем своим видом показывая, что пойду пить и тискать здешних девок.

Он заколебался точно так же, как и первый, все-таки одинаковая служба накладывает одинаковый отпечаток. Я чувствовал его взгляд на моей спине, наконец мои настороженные, как у коня, уши уловили догоняющий голос:

— А вы уверены, что ваше дело... достаточно важное, чтобы вторгаться к Его Величеству прямо сейчас?

Он торопливо шел рядом, весь бледный и покрытый испариной. Я нахмурился.

— Я — гроссграф всей Армландии, которая для Его Величества имеет немалое значение, не так ли?

— В Армландии нет гроссграфства, — взмолился он.

— Уже есть, — отрезал я. — Разве это не есть важно и даже неотложно? И если я мчался, загоняя коня... Ладно, увидимся. Можете не провожать, дорогу в таверну я найду сам.

Я повернулся, сделал пару шагов, за спиной раздалось тоскливое:

— Хорошо. Я проведу вас. Но оставьте меч. И кинжал. Извините, но с оружием к Его Величеству никто не входит. Вот, видите, мечи графов Корнуэлла и Форестера...

Я буркнул:

— Вообще-то я не подданный Его Величества. Но все верно, в чужой монастырь...

Передав меч и кинжал, я шагнул к парадной двери. По сигналу Ортенберга ее красиво и торжественно распахнули передо мной. Я выпрямился, король должен видеть именно грессграфа, а не просителя аудиенции, но не успел сделать и шага, как раздался строгий и крайне возмущенный оклик:

— Стоять!.. Кто смеет?

К нам спешил очень грузный человек с розовым лицом, щеки на плечах, восемь подбородков уступами на груди опускаются до живота, что начинается едва ли не из-под носа. Из-под роскошнейшей тоги выглядывают толстые, как у слона, ноги.

— Как вы смеете? — завопил он. — Никто не должен к Его Величеству без записи за два месяца...

— Кто это? — поинтересовался я у Ортенберга.

Он тяжело вздохнул, лицо несчастное, ответил шепотом:

— Бальза, королевский управитель...

Бальза почти подбежал к нам, смерил меня таким ненавидящим взглядом, что мне показалось, будто уже встречались, и даже крепко встречались.

— Назад! — велел он визгливо. — Иначе вызываю стражу!

Ортенберг сказал несчастным голосом, но твердо:

— Это грессграф Армландии. Я верю, что у него важное дело.

— Все челобитчики в очередь! — вскрикнул Бальза.

Ортенберг снова взглянул на меня, я без всяких зна-

ков принадлежности к высшей знати, на мне разве что доспехи Арианта, но надо быть знатоком, чтобы ощутить их достоинства, и все-таки ответил неожиданно твердо:

— Сэр гроссграф не проситель. Он по делу.

— Назад! — велел Бальза угрожающе. — Или зову стражу.

Ортенберг сказал, словно бросился в холодную воду:

— Вся стража подчинена мне. Я проведу гроссграфа под свою ответственность.

Он кивнул мне на распахнутые створки, я шагнул, Ортенберг пошел следом. За спиной слышались гневные выкрики, Ортенберг часто дышал, лицо бледное, глаза стали испуганные, как у кролика.

— Как ваше имя? — спросил я.

— Райдер де Ортенберг, сэр, — ответил он и добавил: — Похоже, я свалил самого большого в жизни дурака. Теперь я закончу жизнь в рудниках.

— Нет, сэр Райдер де Ортенберг, — ответил я. — Нет, это я вам обещаю.

Глава 7

Мы переступили порог, я вовремя задавил вздох восторга, не деревещина же, в самом деле. Зал огромен, но поразили не столько размеры, сколько сам стиль: богатый, почти вычурный, если сравнивать с увиденными ранее. Ощущение такое, что в королевствах Зорра, Кернеля, Алемандрии, Кельвинта да и в замке Ганслегеров только-только научились строить замки, в Каталауне и Вексене их уже умело совершенствуют, расстраивают и украшают, а здесь... здесь расцвет, здесь монументальность и в то же время легкость, умелый дизайн, рука гениального архитектора, умеющего видеть красоту кам-

ня и так органично вписавшего крепость в горы, что она выглядит их продолжением.

Ортенберг идет рядом, придерживая рукой меч и в то же время готовый выхватить его в любой момент, если я поведу себя не так, как должен вести себя грессграф.

Главный зал не просто поразил, он потряс до мозга костей: стены из розового камня, или же это искусная облицовка, поддерживающие свод колонны выполнены в виде атлантов, причем все сделано с удивительным изяществом и вкусом — пьедестал до уровня пояса, затем могучего сложения каменный здоровяк и расширяющийся в арку пилон. На стенах витражи из цветного стекла, обилие цветов в каменных вазах, а в противоположных местах настоящие цветущие деревья в просторных деревянных кадках.

Пол из тщательно отшлифованного мрамора, тоже розового, его еще почему-то называют телесным.

Немногочисленные придворные или слуги, кто их разберет, пялились тихонько и не в упор. Мы прошли сине-фиолетовый зал, стены из мертво-фиолетового камня, пол тоже, разве что другого оттенка, странного вида ниши и выступы, арочный свод, оттуда солнечный свет, и вся фиолетовость играет в зловещей красоте. Я ощутил эту нехорошую прелесть, даже недобрую, как будто услышал нашептывающий в ухо вкрадчивый голос о красоте зла, о сладости насилия, о преимуществах тех, кто преступил границу между Добром и Злом.

Темно-фиолетовый вход в другой зал приближался, как зловещий зев. Я ощутил дрожь по всему телу, но следом вступили в солнечное и светлое помещение, и я понял, что предыдущий зал просто пугал, не желал расставаться с теми, кто вообще-то почти готов, почти согласен принять установки насчет красоты Той стороны.

Анфилада залов оборвалась, перед нами закрытая

дверь, похоже, из золота, размерами с ворота в крепость, но украшенная дорого и очень изысканно, как произведение искусства. По обе стороны двое настолько громадных стражей в доспехах и с копьями, что я усомнился: настоящие ли, такого роста людей еще не встречал.

Два огромных светильника не только дают яркий свет, но и наполняют воздух изысканными ароматами. Я принялся, в самом деле наполняют, а плюс еще и очищают от всяких неприятных запахов.

Ортенберг доложил коротко и властно:

— К Его Величеству по неотложному делу!

Стражи не шелохнулись, Ортенберг толкнул створки, я неторопливо перешагнул порог. Почудилось, что вошел в церковь. Стены расписаны летающими ангелами, если это ангелы, но по мне все, что летает и не слишком черное, — ангелы, много режущего глаза золота, в стенах неподвижные статуи то ли святых, то ли героев, а может, так раньше хоронили великих королей, масса горящих светильников, что заливают зал радостным светом яркого солнечного дня.

Король Гиллеберд весь в благородном серебре: легкая корона прижимает белоснежные волосы, те падают на плечи, даже ниспадают. Длинные сверкающие усы опускаются и опускаются, пока вот так, струясь и переливаясь блесками, незаметно не сливаются с роскошной бородой, а та достигает пояса.

Нос длинный и нависает над верхней губой, первый признак возраста, ведь шнобели растут всю жизнь, но взгляд остр, а густые серебряные брови приподнялись с живостью, что говорит о прекрасной работе лицевых мускулов.

Перед ним в креслах не двое графов, как я решил, а целый десяток богато одетых придворных. Хотя, возможно, графов только двое, остальные — их вассалы.

Чуть в сторонке дремлет в кресле худой человек в великоватой для него тиаре и в епископской мантии.

Ортенберг остановился, даже дышать старается тише, я тоже поспешил сперва осмотреться, прежде чем действовать. В нашу сторону даже не покосились: Гиллеберд погружен в думы, а осанистый и дородный придворный в это время вещает:

— ...королевский Совет после долгих совещаний не нашел возможным удовлетворить просьбу барона де Клерма о признании его сыном и наследником его земель некоего Джонатана Блэксмита.

Несколько членов Совета кивнули, остальные хранили молчание, в помещении веяло холодком. Второй придворный, похоже, представляющий интересы престарелого барона де Клерма, вскочил.

— А что с владениями сэра де Клерма?

Первый придворный взглянул на него с недоумением.

— Естественно, земли остаются за бароном вплоть до его кончины, которая, как мы надеемся, последует очень не скоро. Корона помнит службу и преданность барона и желает ему здоровья и долгих лет жизни. Однако же после... да, после, все владения барона де Клерма отойдут... вернее, вернутся под власть короны.

Я видел на лицах членов Совета затаенное злорадство, а также ожидание, что хотя бы кусок от оставшихся бесхозными земель удастся урвать после кончины барона.

Епископ проснулся в нужном месте, перекрестился и сказал благочестиво:

— Перед Господом все равны. Барону следовало признать этого Джонатана своим сыном сразу после рождения, а не теперь...

Я спросил Ортенберга тихонько:

— А что случилось?

Он ответил шепотом:

— Да все обычное. Разве барон мог знать, что два

его взрослых сына погибнут, третий умрет от болезни, а четвертый утонет?.. А новых детей заводить уже поздно... Вот и решил объявить наследником кого-то из внебрачных.

Я пробормотал:

— Ну... это знакомо. А почему все против?

Он раздвинул губы в печальной и циничной улыбке человека, много повидавшего и уже разуверившегося в человеческом благородстве:

— Одни потому, что у них самих в родословных не все в порядке, другие рассчитывают если не получить те земли целиком, то хотя бы отхватить кусок. К тому же здесь власть короля очень сильна, а то бы барон просто назвал своим наследником любого, кого захотел бы, — и дело с концом. Никто бы и не возразил!

— Ладно, — сказал я, — пора им заняться в самом деле... делом!

Ортенберг вздохнул, лицо стало несчастным. Я кашлянул, привлекая к себе внимание, сделал несколько шагов вперед и отвесил учтивый поклон королю, а потом, подумав, добавил снисходительный полупоклон высокому собранию.

— Ваше Величество! Я ваш сосед, гроссграф Армландии, Ричард Длинные Руки. Явился с заверениями всевозможного уверения в дружественных чувствах и намерениях жить в мире и взаимопомощи!

Лицо короля Гиллеберда на миг застыло. В глазах метнулось запоздалое желание заткнуть мне чем-то рот, но я переиграл, успел сказать громко и четко. Все слышали, меня нельзя даже взять под стражу, я приехал сам. А еще я говорю о желании быть хорошим соседом, эти его советники тут же ухватятся за эти слова. Советники — люди осторожные, им слава завоевателей не нужна. Они крепят то, что есть, улучшают то, чем государство владеет. Если же и пытаются запустить щупаль-

ца в чужие королевства, то именно через торговые договоры, обязательства, долговые векселя...

Наконец Гиллеберд выдал:

— Гроссграф? Я не слышал, чтобы в Армландии появился гроссграф.

Вельможи задвигались, бросая на меня заинтересованные и в то же время ехидные ухмылки.

— Совет лордов, — сказал я, — в составе двенадцати наиболее могущественных и уважаемых сеньоров избрал гроссграфом именно меня.

— Даже двенадцати? — спросил он с сомнением. — Кто эти двенадцать?

Я перечислил всех, память держит имена и титулы легко, король мрачнел, советники указывали ему взглядами и движениями, что надо пригласить меня сесть, это же невежливо, унижающий гостя — унижает себя, наконец король буркнул:

— Среди этих имен я не услышал упоминания о сэре Хоффмане. Насколько я помню, он тоже не последний из лордов Армландии... Да вы садитесь, сэр Ричард. У нас не особенно с церемониями в узком кругу.

Я услышал в этом и зловещий намек, как насчет отсутствия церемоний, так и узкого круга. Мол, все, что здесь происходит, — не выйдет наружу, так что и жизнь твоя, гроссграф, зависит от того, сколько отдашь своего гроссграфства.

Я сел с довольной улыбкой спокойного и уверенного в благополучном разрешении дела человека.

— Граф Хоффман, — сказал я медленно, словно бы рылся в памяти, — он был против, что ничего не решало, один голос против двенадцати... К тому же граф Хоффман сейчас где-то в бегах...

Он спросил с недоумением:

— В бегах? Как это?

— Объединенные силы Армландии, — пояснил я, —

взяли его замок и рассеяли в коротком сражении его войско. Сам Хоффман с десятком слуг успел убежать... но теперь эту фигуру, Ваше Величество, можно просто сбросить с шахматной доски. У него нет ни замка, ни земель, ни войска, ни влияния... Он сгруппировал, выступив против мнения двенадцати лордов, а это очень большая ошибка! Думаю, такой человек нигде не найдет поддержки. Нигде.

Советники зашушукались, на меня поглядывают осторожно и прощупывающе. Волны магии накатывают чаще, чем морские на берег, но с тем же успехом. Я сидел в раскованной, но почтительной позе, всем видом показывая, что уверен как в собственной мощи, так и в мудром и дружественном отношении короля державы, с которой граничу.

Король пожевал в глубокой задумчивости ус, глаза то и дело бросают на меня острый взгляд, но тот расширяется о мой нездешний доспех неприятия магии. Единственное, что я ощутил, король владеет хотя бы началами магии, а то и не только началами.

— Гм, — сказал он наконец, — что ж, раз так получилось неожиданно... то обсудим вчерне наши взаимоотношения.

Он щелкнул пальцами, сказал несколько быстрых слов на непонятном наречии, снова щелкнул пальцами. Между нами появился легкий столик, на тарелочках множество мелких пирожков и два кубка на высоких ножках изящной работы, инкрустированные мелкими драгоценными камешками.

— Спасибо, Ваше Величество, — ответил я, успев подавить в себе чувство изумления. — Это очень кстати, я проголодался в пути...

Он нахмурился, уязвленный, я мог бы раскрыть рот и смотреть в ужасе, но я быстро жру пирожки, сделал пару глотков вина, определив прикосновением кольца,

что ни отравы, ни другого вредного зелья нет, с удовольствием похрустел слоистым пирожным, затем сосредоточился, представил глиняную чашку, которую сам когда-то делал, и, едва появилась в моих пальцах, тут же представил горячий ароматный кофе.

Король и советники округлили глаза. Я с великим удовольствием сделал глоток, горячий напиток бодрящей струей прокатился по пищеводу и сразу начал наполнять мышцы силой, а мозг очистил от следов усталости.

— Гм, — произнес Гиллеберд, он смотрел на меня внимательно и с некоторым опасением, — странный запах...

— Простите, Ваше Величество, — произнес я с раскаянием, — но мы так привыкли к чашечке кофе на десерт, что у меня это почти само собой...

Я создал вторую и подал королю. Тот принял с великим сомнением, советники сразу же придвинули головы. Ноздри их дергались, как у кроликов, я почти видел, как в мозгах бешено крутятся колесики, выискивая нужную информацию, но увы...

Гиллеберд, быстро прикинув все за и против, осторожно отхлебнул. Советники смотрели на монарха испуганными глазами. Он сделал второй глоток, прислушался к ощущениям. После третьего глотка лицо расплылось в сдержанной улыбке.

— Должен сказать, сэр Ричард, — произнес он, — ваш напиток хорошо очищает мозги... И даже в руках прибавилось силы.

— Да пустяки, — отмахнулся я. — А какие у вас чудесные пирожки! Теперь тоже буду делать такие.

Я сосредоточился, и на моей пустой тарелке появились один за другим три пирожка. Я взял один, хотя уже налопался, откусил и запил глотком кофе.

Гиллеберд нахмурился, уязвленный, долго молчал.

Лицо его двигалось, я старался понять, о чем думает, потом сообразил, что, в свою очередь, пытается создать кофе, но, увы, для этого мало его просто попробовать. Это не стандартные пирожки, эти я знаю, из чего пекут, а что такое кофе — ни один маг не знает, даже не видел зерен и не предполагает, что с ними делать, как сорвать с ветки...

— И что же, — проговорил наконец Гиллеберд, — вы нам предлагаете?

Я улыбнулся как можно шире и дружелюбнее.

— То, чего мы все хотим больше всего на свете!.. Нет, не баб, а мир и дружбу! Взаимовыгодную торговлю. Низкие пошлины, открытые рынки, безопасность на дорогах, щедрые инвестиции, защита прав торговли и добывателей!

Советники начали поглядывать на меня с одобрением. Гиллеберд перехватил их взгляды, нахмурился.

— Это понятно, — заявил он, чуть повысив голос. — Однако у нас в Армландии есть более глубокие интересы. Вообще-то самое разумное, что вы можете сделать, это принять наше высокое покровительство. Вы уже понимаете, что от Вексена вы слишком далеко... Слушайтесь что, Барбаросса вам не поможет.

Я светло улыбнулся.

— Ваше Величество, смею вас заверить, что любому захватчику в Армландии будет совсем не весело! Лорды моей страны отважны, замки их крепки и надежны. Понадобится целая армия, чтобы пройти Армландию всю, да и то в тылу останутся непокоренные замки. Не думаю, что где-то найдется сумасшедший...

Советники закивали, соглашаясь, что вторгаться в Армландию — сумасшествие. Побеждать нужно дипломатией, торговыми договорами, кабальными соглашениями, хитро составленными союзами...

Гиллеберд сказал раздраженно:

— Я имею в виду, что в составе моего королевства исчезли бы ненужные границы, таможенные сборы, а королевские войска сумели бы на всей территории обеспечить мир и безопасность всем без исключения!

Я почтительно поклонился.

— Очень мудрые слова, Ваше Величество. Я счастлив, что вы наш могучий и мудрый сосед, на которого будем и впредь смотреть с уважением и почтением. А также с радостью выслушивать советы и рекомендации!

Он поинтересовался с едва заметной угрозой в голосе:

— Советы?

— И рекомендации, — добавил я. — Мы ведь соседи, не так ли?..

Он помолчал, глядя на меня исподлобья. Я видел растущее раздражение, слишком неуступчив этот новоиспеченный гроссграф, но где же Хоффман, тот должен в таком случае явиться прямо к нему... или неудачливый вассал страшится показаться ему на глаза и планирует сам собирать войска для реванша?

Советники застыли, гроза приближается, я спокойно выдерживал грозный взгляд короля, по крайней мере с виду спокоен, а что трясусь внутри, никто не видит, так что не трясусь, я тверд и холоден...

Гиллеберд нахмурился:

— Ладно, мы так сразу не договоримся. Придется прервать нашу беседу на некоторое время...

Глава 8

Он шелкнул пальцами, сказал нечто резкое, взмахнул обеими руками. Двери распахнулись, вошли, чугунно шагая, оба гиганта. Теперь я видел, что это не люди. Не только слишком огромные, но дубовый пол почему-то трещит и прогибается под их весом.

Я повернулся к королю и быстро щелкнул пальцами. Как и король. В трех шагах от меня, а это рядом с королем, возник красный демон. Зловеще-багровый свет ада растекся во все стороны и приглушил радостные светильники.

Советники ахнули, как испуганные мыши, прыснули во все стороны. Король застыл, демон с ним рядом, несокрушимая глыба раскаленного металла, чуть покачивается, словно выбирая, на кого ринуться.

Я сказал быстро:

— Ты знаешь, что делать. Уничтожишь все живое!

Гиллеберд вскрикнул:

— Сэр Ричард! Вы не так поняли...

— А как? — спросил я жестко.

Гиллеберд снова щелкнул, проговорил фразу длиннее и в другой интонации. Гиганты подошли, остановились, затем неумелыми движениями взялись за стол... он тут же рассыпался в их руках на мелкие щепки.

Гиллеберд сказал с досадой:

— Эх, я ведь уже научил было убирать столы!.. Ладно, уходите.

Гиганты механически повернулись и пошли обратно. Я повернулся к демону и за секунду до того, как он исчезнет, сказал мирно:

— Отбой. Стань незримым и следи за всем. Если что... то сам знаешь... в живых — никого. А дворец — сровнять с землей.

Лицо Гиллеберда стало такого же цвета, как и его борода, только без ее блеска. Советники страшились даже смотреть в мою сторону.

— Ваше Величество, — сказал я с прежней почтительностью, — общеизвестно, что тот, кто идет стричь чужих овец, возвращается чаще всего стриженным сам. Погнавшись за чужим зайцем, можно получить по морде от неучтенного фактора. Ваши мудрые советники

вам подскажут, что самое тяжелое поражение бывает у великих королей, как только они решают, что им все удастся.

Гиллеберд молчал, глаза двигались в орбитах, стараясь увидеть демона, который стал незримым. Один из советников сказал дрожащим голосом:

— Сэр... сэр...

— Ричард Длинные Руки, — подсказал я с учтивым поклоном, — гроссграф Армландии, бургграф, граф и много чего еще в большом ассортименте.

— Сэр Ричард, я могу вас заверить, что мы... что желаем успешной торговли и сотрудничества!

Я поднялся, отвесил почтительный поклон.

— Я понял так, Ваше Величество, что аудиенция закончена? Тогда разрешите откланяться и еще раз заверить, что мы изволим желать жить в мире и согласии со всеми соседями. Тем более что в королевстве под вашим мудрым руководством хорошо развиты промыслы, которых у нас почти нет, и потому торговля между нашими державами будет взаимовыгодной. Остаюсь со всевозможнейшим почтением... Нет, провожать меня не надо, дорогу уже знаю. У меня хорошая память, Ваше Величество!

Еще раз поклонившись, от этого жеста голова не отвалится, я повернулся и пошел к дверям. На спине чувствовал взгляды советников и самого короля, между лопатками жжет, хотелось свести их вместе.

В зале, который только что был пуст, теперь полно придворных. Самая большая группка окружила Райдера де Ортенберга. Он оглянулся на меня все еще бледный, в глазах мольба.

— Все отлично, — сказал я громко, приближаясь к ним. — Его Величество получил благодаря вашим решительным действиям важную для него и королевства информацию. Уверен, вам будет вынесена благодар-

ность и будет милостивое похлопывание по плечу перед строем.

Он с великим облегчением выдохнул. Рыцари зашушукались, на меня смотрят с трусливой враждебностью. Я повернулся к выходу из дворца, меня провожать не надо, как уже сказал, в это время из дверей бокового зала вышел Бальза, управитель. В отличие от пышно разодетых вельмож он переоделся в нечто вызывающе скромное, чуть ли не как простолюдин, вроде торговца средней руки, да и держится почти смиренно. Тем более заметно, как подобострастно кланяются ему вельможи, а вместе с ними очень нехотя отвешивают поклоны гордые родовитые рыцари.

Бальза отвечал либо учтиво, либо вообще не замечал поклонов. Я мысленно поаплодировал его сметке: лучше притвориться, что не заметил поклона, чем ответить недостаточно учтиво.

На ходу он шепнул нечто на ухо одному из вельмож, тот кивнул и тут же удалился, всем видом показывая, что здесь ему среди такой шантрапы делать нечего, раз уж ему дадено поручение самим господином Бальзой.

Толпа раздалась, Бальза двинулся дальше, массивный, как цистерна с жидкими отходами, и такой же опасный. По обе стороны прохода ему торопливо кланялись, пряча глаза. Острые глазки Бальзы моментально вычленили меня из пестрой массы высокопоставленных лакеев. Ярость метнулась в них такая лютая, что по моей спине пробежали мурашки.

— Сэр Ричард, — прошипел он, — между нами имело место быть, так сказать, недоразумение... Я весьма, да, весьма о случившемся... Надеюсь, что все удастся поправить, ведь чего в жизни не случается...

Он растянул губы в улыбке, чтобы все видели, как ласково разговаривает со мной, но двусмысленность слов заставила меня насторожиться еще сильнее. Я то-

же улыбнулся, надеюсь, зловеще, старался, ответил с легким поклоном:

— Да, жизнь преподносит сюрпризы. Но каждому дает и второй шанс.

Он рыкнул, не сводя с меня ненавидящего взгляда:

— Это да, это верно.

— Надо только его заметить, — добавил я. — Со своей стороны, уверяю, что я — примерный христианин. И за все воздаю сторицей.

Он вздохнул и сказал сквозь зубы:

— Если, конечно, успеете.

— Кто-то в конце концов не успевает однажды, — ответил я философски. — Могу не успеть я, но можете не успеть и вы, господин Бальза.

— Я всегда успеваю, — возразил он.

— Нельзя успевать всегда и везде, — сказал я. — Чем больше вы успевали в прошлом, тем больше вероятность, что не успеете в следующий раз.

Он отошел к следующему гостю, там обменялись поклонами, но даже когда я прошел на другой конец зала, чувствовал на спине, выходя из дворца, его ненавидящий взгляд.

Обратный путь мы с Зайчиком преодолели еще быстрее. Я только прижимался к шее, обхватив ее обеими руками, роскошная грива покрыла защитным щитком, в ушах рев встречного урагана, стука копыт уже не слышу.

Уверен, что скажи я Зайчику, мол, неси в Амальфи, он не станет расспрашивать, где это. В его памяти отложилась данная точка в пространстве, а дорогу находит, как перелетные птицы, что, вылетев из неприметного скворечника, почти год жируют за десять тысяч километров в Африке, а потом по прямой возвращаются именно в этот скворечник, ничего не забыв, нигде не заблудившись.

Думаю, сейчас советники наперебой уверяют Гиллеберда, что Армландию проще захватить торговыми соглашениями, накрепко привязать к себе, а потом уж и проглотить без всякого сопротивления.

В Армландии как раз множество залежей железа и прочих руд, здесь самая лучшая овечья шерсть, здесь кожи, строевой лес, но все производство — в Турнедо. Так что советники не зря уверены насчет привязки такого сырьевого придатка к их королевству.

Впереди возник и стремительно приблизился замок на высокой горе. Мы оказались посреди многочисленного воинского лагеря, звуковая и ударная волна сжатого воздуха пошла по лагерю, опрокидывая палатки.

Воины вскакивали, хватались за оружие и ошалело смотрели, как из ниоткуда появился страшный черный конь с багровыми глазами. Пес сделал вокруг нас круг вроде бы охраняя, сел и раскрыл пасть, часто дыша.

Я выпрямился в седле, помахал рукой.

— В Багдаде все спокойно, — сообщил я. — Но не спать, не спать!.. Нам предстоят самые великие битвы!

Зайчик повернулся к замку и рассматривал оценивающе, мол, одним прыжком достичь или же прикинуться простой конягой и взбираться долго и нудно кряхтя от натуги?

— С кем битвы? — крикнул вдогонку один из рыцарей.

— Не с кем, а с чем...

Зайчик не стал наворачивать круги, а помчался прямо к воротам. Мне пришлось вцепиться в ремни, чтобы не сползти на круп.

Митчелл лишь вытаращил глаза, когда я сказал, что с королем Гиллебердом все улажено. Поддерживать Хоффмана не будет и тем более не попытается оттяпать что-то еще. И что вообще между королевством Турнедо

и Армландией нужно наладить торговлю: у них есть много такого, чего нет у нас. Митчелл наконец кивнул, не все еще поняв, а барон Альбрехт рассматривал меня очень внимательно.

— Все это звучит невероятно, — произнес он холодно. — Я вижу массу неясных моментов...

— Прямо массу?

— И большую, — заверил он. — Массив даже. Я не стану касаться способа, которым вы достигли королевства Турнедо за то время, что требуется подняться от подножия этой горы в замок...

— И правильно делаете, — одобрил я. — Сразу видно благородного человека! Не стоит дворянину вникать в мелочи.

Он кивнул:

— Я тоже так подумал. Но...

Я прервал:

— Знаете, барон, я в своей грессграфкости не изволю освещать всякую ерунду светом своей мудрости. Вы, помню, не верили и во взятие этого замка, и в Инкризера, и даже в то, что удержу Сворве. И что же?.. Можете не верить и в наши добрососедские отношения.

Он хмыкнул, ничуть не обидевшись.

— В добрососедские отношения вы сами не верите, не прикидывайтесь. Я просто усомнился, что король Гиллеберд вот так взял и отказался от притязаний поставить Армландию под свой контроль. А то и ввести ее в свое королевство.

На этот раз я скривил губы точно так, как он.

— Можете поверить, отказался.

— Надолго ли? — спросил он вкрадчиво.

— Хороший вопрос, — согласился я. — Это зависит...

— От чего?

— От многого, — сообщил я. — В первую очередь от нас.

Он посмотрел внимательно, в серых глазах заслонка, но проговорил уже другим тоном:

— Знаете, гроссграф... я начинаю иногда верить, что вы доживете до завтрашнего дня.

— Доживу, — пообещал я. — И станцую на могилах своих недругов. Я такая вот разновидность новохристианина: непрощающая.

Он поклонился:

— Я, с вашего позволения, пойду подготавливать владения Хоффмана к обороне. Осчастливленному Будакеру помощь не помешает.

— Сильно не усердствуйте, — предупредил я. — Холодная война перейдет в горячую не скоро, не стоит надрывать экономику. Лучше посмотрите, чем нам выгоднее торговать. Король Гиллеберд, не сумев поставить нас под контроль с помощью мечей, попробует сделать это с помощью экономики. Будьте настороже.

Он подумал, поморщил лоб, заслонка из глаз исчезла, я наконец-то увидел сдержанное восхищение.

— Граф... Откуда вы такое знаете?

— Я не знаю только, — ответил я, — в каком кармане вы мне фигу скрутили. Зато все остальное...

У подножия горы остались только пешие, а конное рыцарство пировало в замке, слонялось по двору, взбиралось на крышу, чтобы оглядеть мир с высоты, а потом рассказывать дома, что побывали в ужасном замке, о котором столько слухов.

Конечно, в тесноте засрут все, но побывавшие в замке с особым жаром, уже как участники, разнесут весть о наших блистательных победах по всей Армландии.

В залах места не хватало, столы пришлось поставить и во дворе. Я заметил за одним столом и тех, кто перешел ко мне, оставив службу у Хоффмана, но промол-

чал. Пусть они добавят жутких деталей, как очевидцы, приврут, что опять же работает на мое имя.

Я то и дело опускался в самую охраняемую комнату. Устройство, признавшее меня хозяином, всякий раз встречало мигающими огоньками, я догадывался, что чувствует мое желание помочь, восстановить, запустить двигатели в полную мощь, но не умеет подсказать, что делать, а я, хоть по ай-кью или каким-то другим признакам и близок его прошлым хозяевам, но, увы, из другой школы...

Оставшись в Зале Железных Стен, я рассказал, постоянно оглядываясь на зияющий коридор, про нуль-туннель в замке Сворве, куда отправлюсь отсюда немедленно, пора подумать и о себе, то есть о Юге, о странной установке в другом моем замке и про то, что нужно обратить особое внимание на руины старых замков, чем старше, тем лучше. Я могу найти там то, мимо чего другие пройдут.

Комната безмолствовала, но я чувствовал, что меня понимают, мне сочувствуют, мне желают успеха, но помогать и защищать могут только здесь. Даже в самом замке я уже без защиты: радиус, увы, невелик, да и тот сокращается с каждым десятилетием.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь, — я вернусь, надеюсь, с хорошими новостями. Бди! Мы с тобой — команда.

Глава 9

Только теперь со страхом понимаю, что я мал, а Армландия — велика. Понимание пришло, когда решил оставить замок Хоффмана и вернуться в мой Сворве. Здесь подземный бункер, в котором меня никто и пальцем не тронет, а там...

При всем моем негеройстве и нежелании рисковать жажда снова очутиться на загадочном южном материке

перебарывает страх. Но здесь приходится оставить значительный гарнизон, замок надо защищать, еще нужно взять и под защиту владения Инкризера, а то вдруг попытаются отомстить за неожиданный переход на мою сторону, еще нужно взять часть войска с собой...

А еще хорошо бы оставить заслоны в узловых местах, у мостов и дорог на случай чего непредвиденного, а где взять людей?

Охранять замок Хоффмана, а теперь уже ошалевшего от такого подарка Будакера, я оставил самых доверенных: Макса, Ворпеда, а также всю двадчатку рыцарей, которых я отобрал лично еще у Барбароссы, а барона Альбрехта, напротив, взял с собой. Такой хорош как союзник, но за ним нужен глаз. Кто знает, что взбредет ему в замке Хоффмана, если вдруг выпадет шанс самому стать хозяином? Хоть и не верится, что таинственные механизмы его признают, но все же...

Со мной только Митчелл, Растер и барон Альбрехт, остальным я строго приказал о нас не беспокоиться. Не маленькие. Чего опасаться в своем гроссграфстве?

С ворот нас заметили, на стене засуетились, забежали, донеслись растерянные всполощенные голоса. Мост опустился, одновременно вверх поползла железная решетка.

Едва въехали, нас окружила толпа, среди которой воинов совсем мало, одна челядь. Со стены сбежал Саксон, отдал салют, лицо встревоженное.

— Сэр Ричард, — проговорил он торопливо, — ваш замок счастлив вашему возвращению...

— Замок? — спросил я с веселой сварливостью. — А люди?

Он не понял, переспросил испуганно:

— Люди?.. А что люди? Ах да, люди тоже счастливы! Сэр Ричард, если даже камни рады, то и мы, люди, тем более... Прикажете подготовиться?

— К чему? — спросил я, не поняв.

Он переступил с ноги на ногу.

— Ну, к отражению штурма... Или нас попробуют осадой?

Я посмотрел на встревоженные лица.

— Саксон, Саксон... будь я побундючнее, я бы обиделся. За кого ты меня имеешь? Решил, что моя армия разбита, я бегу сломя голову?

По толпе прокатился неуверенный вздох облегчения. Саксон всматривался с надеждой и опасением.

— У вас не было войска, — ответил он с осторожностью. — Так что и проиграть не позорно...

— Согласен, — сказал я громко, — но шас беру и отчитываюсь перед вами, которые пошли за мной, не разбежались. Графу Хоффману удалось убежать, оставив в наших руках свой неприступный замок. Наше войско выросло... Наше дело правое, потому и выросло! Вся Армландия — наша. А я, если ты помнишь, уже не граф, а гроссграф. Гроссграф Армландии. Правда, еще осталось утверждение этого титула, но, думаю, препятствий не будет, обе стороны вроде бы готовы подписать все бумаги.

Говор становился все радостнее, слышались ликующие вопли, Саксон смотрел блестящими глазами.

— Сэр Ричард, я даже не знаю, что и сказать... А обе стороны — это кто?

— С одной стороны — самые влиятельные лорды Армландии, — объяснил я, — с другой... ну ты понял. Устно мы уже договорились, осталось закрепить. Что значит поставить подписи и печати... Ладно, пресс-конференция во дворце окончена, я изволю попасть в апартаменты...

Из главных ворот выбежала леди Беатрисса. Бледная, похудевшая, с серьезным встревоженным лицом и трагическими глазами, она вбежала в мои протянутые

руки, я попытался обнять ее, но она опомнилась и отстранилась. Щеки окрасил яркий румянец.

— Сэр Ричард, — произнесла она в тишине, вокруг все умолкло и даже не двигались, — мы так тревожились за вас!

— Герой вернулся с победой, — ухмыльнулся я. — А враг бежит, бежит, бежит...

— Не ликуйте, — произнесла она тревожно, ее лицо запрокинуто, я всматривался в ее ясные глаза, — друзья приходят и уходят, а враги — накапливаются.

— Пусть, — ответил я беспечно.

— Вас это не пугает?

— Всего лишь враги? — спросил я. — Разруха страшнее. А если еще инфляция, потеря инвестиций, дефолт плюс к послевоенным временам...

Она позволила взять себя под руку, мы церемонно отправились в главное здание. За спиной уже слышались окрики Саксона: эти на стену, эти на ворота, и вообще бдить в мирное время нужно больше, чем в военное.

Сэр Растер за ужином сообщил, что он-де не увязал в цепких нежных женских лапах, а, как настоящий жаждалец подвигов и рыцарской славы, успел узнать, как здесь и что. В смысле, ближайший сосед, который Инкризер, увещеваниями сэра Ричарда признал себя вассалом, а вот тот, что чуть левее, сэр Тирол, и не подумал до сих пор поспешить с изъявлениями верности и преданности.

— Да и вообще, — закончил он многозначительно, — ваше возвращение должны заметить...

— Это в каком смысле? — спросил я.

Он загоготал.

— В прямом! Либо загородный дом соседа поджечь, либо его дочерей... гм... не при леди будь сказано, либо

еще что благородное учудить, на что простой люд не способен.

— Ну-ну, — ответил я, — дочерей восхотелось? А как же леди Мариэлла?

Он нахмурился, зыркнул на хитро улыбающуюся леди Беатриссу и двух ее всегда молчаливых спутниц, о которых я знал только, что они «знатного происхождения».

— Так то не считается!.. То ж не любовь!

— Верно, — согласился я. — Любовь — это нечто... нечто...

— Вот-вот, — поддержал он с жаром, — любовь — это нечто.

— Да, — подсказал я, — это как любовь к Родине.

Сэр Растер приосанился, взгляд гордый.

— Да, — согласился он с достоинством, — любовь — это не баран накашлял. Любовь как война! Легко начать, тяжело закончить, невозможно забыть...

Леди Беатрисса сказала с милой ехидцей:

— Любовь зла. Что на руку сэру Растеру.

За столом кое-кто врубился и хохотнул, я вступился за сэра Растера:

— Когда мало времени, тут уже не до дружбы — только любовь. Страстная, безумная!

Сэр Растер взглянул на меня с благодарностью, а леди Беатрисса вздохнула, скромно потупив глазки:

— Безумная любовь, безумная любовь... а потом удивляемся: «Откуда дураки берутся?»

Я ощутил то привычное состояние, когда в попытке защитить святое начинаем изгаляться над ним же, чтобы не показать себя слюнтяем, рохлей, слабаком, ведь сильные не страдают, а приходят и берут, сам проговорил легко, со смешком:

— Вера, Надежда и Любовь вместе могут свернуть горы, если по отдельности пообещать на них жениться.

Все засмеялись, сэр Растер и леди Беатрисса особенно громко и жизнерадостно, а я вдруг ощутил, что вообще-то я трус. Мало того что страшусь любви, но еще и оплеываю ее, как туповатый подросток, что старается выглядеть крутым и циничным.

— А где мой маленький золотой шмель? — спросил я.

Леди Беатрисса спросила с наигранным удивлением:

— Шмель?

— Франсуаза, — уточнил я. — Я соскучился по этому счастливому ребенку.

Ее лицо стало сытым, голос прозвучал очень ровно и контролируемо:

— Она занимается в своих комнатах со своими учителями. Пора девочке начинать вести себя как будущая леди.

Обед подошел к концу, леди Беатрисса ушла в сопровождении своих девиц. Я поймал себя на мысли, что раньше как-то не замечал их, да и появлялись они редко, а теперь постоянно мозолят глаза. Словно охрана, приставленная строгими родителями к дочери-девственнице.

Я рассеянно допил вино, собрался было отправиться в тайную комнату Луганера, однако сэр Растер увязался за мной хвостом. Мне он показался смущенным и расстроенным, пришлось свернуть по дороге в комнату, которую я занимал раньше.

Растер тут же велел слуге принести вина, я разделся и развешивал на стене доспехи Арианта, а он рухнул за стол и продолжил свой бесконечный пир.

— Хорошо поговорили, — проворчал он. — Особенно за любовь. Хоть и непонятно, что это.

Я хотел сказать, что женщины придумали проституцию, чтобы им платили за секс, мужчины придумали брак, чтобы им не платить за секс, поэты придумали любовь, чтобы все это не выглядело так отвратительно, но лишь пробормотал:

— Умом холодным сами гасим любовь горящую свою, и каждый сам себе Герасим и топит сам свою Муму...

Сэр Растер вскинул голову:

— Прекрасно сказано! Это вы?..

— Нет, один бард в моем королевстве. Подметил, что любви боимся и шарахаемся от нее. Потому я тройне уважаю вас, сэр Растер, что так свято и трепетно несете свою любовь через графства и королевства!

Он с мрачным видом кивнул, взглядом старается со мной не встречаться, со стуком опустил на стол опустевший кубок, зло рывкнул, чтобы принесли новый кувшин, да чтоб полный и побольше. Мальчишка понесся выполнять заказ, хмурое лицо рыцаря стало совсем несчастным. Он побряхтел, словно старался усидеть на остром гвозде, взгляд в столешницу, голос прогудел совсем тихо:

— Вообще-то никакой леди Мариэллы нет, сэр Ричард...

Я поинтересовался осторожно:

— А... платок?

Он отмахнулся:

— Это было давно, очень давно. Я ехал по пыльной дороге на красивом белом коне, но он был в пыли и в пятнах крови: я зарубил в схватке троих. Я тоже в пыли, устал, измучен, доспехи измяты и посечены, но я был молод и все равно держался в седле, как гордый степняк... И тут нас обгоняет пара разодетых в дорогие бархаты всадников, за ними мчится карета. Я успел только увидеть, как чуть сдвинулась занавеска в крохотном окошке, выглянула женщина... Меня как огнем обожгло, а она чуть погодя украдкой высунула руку и выронила этот платочек... Я погнал коня вперед, как будто кто-то может перехватить, подхватил на скаку, прижал к губам! Какой это был запах, сэр Ричард... Сейчас, ко-

нечно, от него ничего не осталось, но я все равно его чувствую.

Он умолк, совсем пристыженный, взглядом старался со мной не встречаться. Суровое лицо впервые потеряло каменность, острые черты смягчились.

— Сэр Растер, — проговорил я с трудом, — вы... подлинное зеркало рыцарства.

Он взглянул на меня украдкой, в глазах недоверие.

— Это вы... в каком смысле?

— Господи, да бывает ли более возвышенная и верная любовь, чем у вас к этой даме? Вы даже имени ее не знаете, но служите ей верно и преданно все годы. Местрели, узнав вашу историю, уже сложили бы яркие баллады! Завидую вам светлой завистью... У меня такой любви, увы, не было.

Он пробормотал:

— Вы очень юны, дорогой друг.

— Не знаю, — ответил я. — Мне кажется, это зависит не от возраста. Наверное, я слишком уж хлебнул рыночных отношений, измарался в демократии. Мое поле, на котором должны расти дивные цветы любви, истоптано даже не конями, а... даже не знаю, не знаю. Совсем недавно был влюблен по уши в одну знатную даму, думал, помру от горя, но прошло совсем немного времени, и все перегорело... На пепле, правда, еще не выросла молодая трава, но семена уже падают, чувствую даже, как прорастают.

— Это же прекрасно!

— Ну, в общепринятом смысле да. Для здоровья это полезно. У всех так. Только у рыцарей должно быть иначе. Красивее, благороднее, возвышеннее. Как вот у вас, сэр Растер.

Он вздохнул:

— Ну...

— У вас есть мечта, — сказал я тоскливо. — Есть не-

кий зов... Вы еще можете ее встретить, покажете ей оброненный ею платок, с которым обошли полсвета и совершили подвиги. А что я? Вспомню, каких служанок таскал на сеновал?.. Кстати, я тут заприметил пару пышек... Вы с этим уже разобрались?

Он помотал головой:

— Только пощупал одну. Нет, двух. Одну хорошо пощупал, а вторую только полапал. Дел тут много. Но сегодня не упущу это блюдо, не упущу!.. В кувшине что-то осталось? Допьем, а то неприлично хорошее вино слугам, а потом отправимся на охоту... Я знаю, где они вышивают, у них и кровати там рядом прямо за пологом.

Я спросил с недоумением:

— Я думал, вы про охоту на дичь...

Он отмахнулся:

— Да одно другому не мешает. Молоденькие служанки — та же дичь. Но лучше не на охоту, а проехать к барону Тиролу. Он не приехал к вам как к сюзерену, а это уже вызов. Все права на Сворве перешли к вам, тут уж неважно: по указу короля или по договору о помолвке с леди Беатриссой. Он обязан принести такой же оммаж, как приносил барону де Бражеллену.

— Хорошо, — сказал я уже с нетерпением. — Завтра утром съездим. Как о личной услуге попрошу вас, сэр Растер, проследить, чтобы наши рыцари были вполне...

— Готовы?

— Да, а то дорвутся до теплых постелей и мягких служанок...

Он хмыкнул.

— Леди Беатрисса хорошо ведет хозяйство! Все работают, как муравьи, но заморенных работой нет. Все сытенькие, пухленькие, веселые. Так что наших ребят понять можно. Да и служанки не против, еще как не против.

— Сэр Растер...

Он поднялся, с грохотом задвинул стул.

— Да это я так, к слову. Прямо сейчас пойду проверю. А то молодежь вся такая: на третий день замечают, что, кроме вина, с собой ни одеял, ни огнива, даже кони не перекованы...

Дверь захлопнулась, я полежал, закинув руки за голову. В воспаленном мозгу сразу же начали всплывать картинки прекрасного лица леди Беатриссы, вот она смотрит снизу вверх, роскошные волосы разметались по подушке, вот дышит все чаще и чаще, вот фиолетовые глаза темнеют, наливаются страстью...

Ругнувшись, зло напомнил себе, что леди Беатрисса держится отстраненно, а испуг в ее глазах растет. Здесь и страх потерять себя, и страх потерять свой замок, и вообще страх неведомого, что за моими плечами.

А сам я не должен ли страшиться потерять себя? Ведь утонуть в ее объятиях, наслаждаться этим счастьем — это отрезать или надолго отложить дорогу на Юг. Мы осуждаем доблестного Галахада, попавшего в любовный плен к той нимфе или фее, сочувствуем, но и осуждаем доблестнейших героев, не вылезавших из спален прекрасных жен или любовниц, а песни слагаем о Роланде, что оставил прекрасную невесту, ушел в бой, а когда погиб в Ронсенвальском ущелье, то прощался не с невестой, которую вообще-то нежно любил, а со своим мечом.

Было героическое время, когда подвиги — это все, а любовь на втором плане, потом народ измельчал, и любовь вышла вперед, а я вот родился вообще в преподлейшее время, когда и любви не осталось, а только секс, причем уже и неважно, с кем или даже с чем, лишь бы оргазм...

Я выругался, вскочил, разъяренный на такую сволочь, какой являюсь я сам, заметался по комнате, хва-

тая и напяливая на себя доспехи Арианта, цепляя молот, меч, лук.

Мелькнула мыслишка, что надо бы по дороге заглянуть к служанкам, потрахать, это и снизит уровень бьющих в мозг гормонов, и как бы воздвигну барьер между собой и леди Беатриссой...

Выругался еще громче и злее. Ну что за скот, любой подленькой мысли найду оправдание. Просто хочу кого-то трахнуть, при чем здесь барьер? Уже ставил, до сих пор вспомнить стыдно. Да и она ставила, тоже краснеет и глаза виновато опускает.

Глава 10

За окном серая муть перешла в темную, ночную. Вот-вот в таком сгустившемся от сырости воздухе начнут плавать мелкие рыбки. Я зябко передернул плечами, прошелся по комнате, прислушиваясь к звукам в главном здании.

Все тихо, спят, даже гуляки притихли до утра. В окно иногда забрасывает мелкую водяную пыль, я невольно отошел на середину комнаты, словно по ту сторону стены какие-то ядовитые брызги.

И хорошо, что дождь на дворе, все-таки осень в разгаре, и плохо: гуляк загнал под крышу. Того гляди кто-нибудь восхочет о чем-либо посоветоваться. А то и постараться понравиться, чтобы получить лакомый кус земли.

— Бобик, — сказал я, — ты идешь со мной.

Он приоткрыл один глаз, еще не веря.

— Полночь, — напомнил я. — Будешь упираться, получишь в тыкву. Пойдем!

Он радостно вскочил и, широко растопылив лапы, отряхнулся, словно только что вылез из реки. Я приот-

крыл дверь, прислушался, выглянул в коридор. Бобик все понял и вышел тоже на цыпочках.

Вдвоем быстро вбежали на самый верх, Бобик опередил, оглянулся с вопросом в больших коричневых глазах.

— Именем Авалона, — произнес я.

В серой каменной стене вспыхнул прямоугольник призрачной двери. Сердце снова трепещет, будто в первый раз. Я задержал дыхание, продавился через осязаемое силовое поле, то ли обеззараживающий карантинный занавес, то ли последняя проверка на допуск.

Оглянулся, но Бобик уже здесь, пробежался по разрушенной комнате, сопит, пытит, вынюхивает с таким усилием, словно определяет следы тысячелетней давности. Впрочем, знаю ли я своего песика...

— Постой, — сказал я озадаченно, — ну что я за идиот!.. Пропустил самое важное... Не подумал, адиёт...

Бобик подбежал и посмотрел сперва на зев трубы, потом на меня с великим любопытством.

— Смотри-смотри, — сказал я горько. — Представлял, как мы будем бегать по жаркому песку, а не подумал...

Он вскинул морду и уже очень внимательно и сосредоточенно посмотрел в длинную темную трубу. Сверху умело заложено камнем, потому труба и в яркий день выглядит так, словно и в этом, уже южном полушарии темная ночь.

Подсвеченная снизу, выглядит жутковато, не убеждают и блестящие скобы из металла, что лесенкой уходят вверх в темноту. Стены в потеках расплавленного камня, наплывах и валиках, опытный альпинист и без скоб поднялся бы наверх, есть такие сумасшедшие, по стенам домов лазают, а я и на этих скобах натрясся.

— Ладно, — решил я, — посиди здесь. Я скоро вернусь. Правда скоро. Ну что делать, лажанул я. Чаше

всего я умный, правда, но вот иногда я же и последний дурак... Всесторонний человек, значит.

Он помахал хвостом и посмотрел преданными глазами. Мол, он и дурака любит. Но лучше бы я взял его с собой. Рядом с дураком должен быть кто-то из умных.

— Как? — спросил я безнадежно. — Как? Я и то карабкаюсь еле-еле... На плечах тащить такого кабана?

Он опустился на зад и смотрел обиженно. Я вздохнул и, поплевав на ладони, полез вверх по лестнице. Скобы вплавлены в стену так, словно вырастают из нее. Ни малейшего намека, что вбиты или вкручены в камень, все то же ощущение, будто погружали в раскаленное каменное тесто, что сразу же схватывалось в нечто намного более прочное, чем камень, но принявшее вид камня.

Снизу послышалось сопение. Я скосил глаза, от изумления пальцы едва не разжались: сопя и вздыхая, за мной упорно поднимается Бобик!

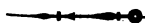
— Ни фиги себе, — сказал я потрясенно, — ну ты и овчарка!.. Полицейский пес... Но мне казалось, те только по наклонным лестницам? Ну типа пожарных...

Пес дышал мне в пятки, я чуть было не дал ему лыжню, но подумал, что вдруг наверху что-то опасное. Да и вообще там же каменная глыба, начнет Бобик ее отпихивать, сорвется и меня собьет, дурак толстожопый...

— Потерпи, лапушка, — сказал я умоляюще. — Только не упали, мой птенчик... И вниз не смотри, не смотри.

В легких хрипит, в прошлый раз на этом месте я останавливался отдохнуть в третий раз, но сейчас страх за карабкающегося сзади преданного песика заставил подтягивать немеющее тело со ступеньки на ступеньку, со ступеньки на ступеньку, пока голова не уперлась в камень.

— Не лижи мне пятки, — попросил я. — Я знаю, ты не подхалим, но все-таки... Правда, я уже гроссграф...

На этот раз, несмотря на усталость, я отодвинул глыбу быстрее. И знал как, и страшился за оставшегося внизу на скобах Бобика. Едва вывалился наверх, упал на горячий песок и отполз от края шахты. Почти сразу следом выпрыгнул Бобик. Он дышал так же тяжело,azole его пасти загорелась бы трава, но и песок накалился, будто под паяльной лампой.

Я лежал, пронизываемый лучами жаркого солнца, на прокаленном песке, в синем небе ни облачка, Пес стоял надо мной, как победитель над трупом, в нем хрипит, сипит и клокочет, больше не возьму сюда вообще, он же чудом залез, цеплялся уже не за ступеньки, а за преданность и верность.

— Погоди, — прошептал я сипло, — отдышимся... Неужели весь Юг такой? Или мы вылезли в самом проклятом месте?

Бобик подвигал хвостом, уверяя, что всех порвем, как туалетную бумагу. И даже используем так же.

— Оптимист, — сказал я. — А ты не подумал, что все наши навыки могут оказаться... ну, не работающими здесь? Гм... впрочем, талант не пропьешь...

Он в нетерпении смотрел, как я наконец поднялся. Вокруг все те же скалы из желтого камня, похожего на высохший сыр, столько в них каверн, ям, впадин, а сами изъедены мелкими ямками. Желтый песок, в котором утопают, и есть эти бывшие скалы, только уже источенные алмазными зубами ветра и времени.

Бобик будто ждал сигнала, понесся, как конь, прыгает через камни, на скорости огибает скалы. Я поневоле прибавил шаг, вытягивал шею, стараясь не потерять его из виду.

Впереди в ярко-оранжевой, как апельсиновая кожура, высоченной стене, изрезанной трещинами и кавернами, мрачно и грозно выделяется черный вход, слишком правильными очертаниями смахивающий на туннель.

Или же гигантский червь прогрыз в камне абсолютно круглое отверстие и ушел вглубь... а что, только полный идиот сбросит со счетов и такую возможность.

Я как замороженный двинулся в сторону этой чернящей дыры. Бобик добежал резво и остановился, поджидая меня. Я все посматривал по сторонам, потому не сразу узрел в изрезанной стене с множеством выступов и натеков нечто знакомое. Как в старину пушки украшались замысловатым литьем с изображением сцен битв, виноградных листьев, гербов, драконов и единорогов, так и вход в этот туннель окаймлен впечатляющей скульптурой.

Ну да, понятно, это не просто туннель, а как бы вход в пасть огромного дракона. Нет, не дракон, фантазии хватило изобразить нечто иное, пострашнее.

Пес побежал к каменной пасти, заметив мой взгляд, но затормозил за десяток шагов, шерсть встала дыбом. Я подошел ближе, и холодок все заметнее забегал по моей спине. Лучше бы дракон, а это вообще что-то смертоносное, как увеличенная до размеров дракона сколопендра или богомол. Самые жуткие хищники — насекомые, а это явно насекомое... если не хуже.

Я смотрел, смотрел, холодок все глубже забирается под кожу. Наконец я заставил себя сделать еще шаг вперед. Да, вход в туннель — вход в широко раскрытую пасть. Сверху нависают клыки, но не слишком длинные... видимо, чтобы не мешать проезду крупногабаритного груза.

Что очень не понравилось, так это полное отсутствие пыли на той стороне незримой границы туннеля. Здесь мелкий песок, пыль, везде россыпь мелких камешков, но ни один не закатился в сам туннель. И чисто там настолько, словно невидимые руки постоянно убирают пыль мокрой тряпкой.

Бобик взвизгнул, каменные веки чудовища подня-

лись. На меня в упор взглянули огромные фасеточные глаза, кроваво-красные, словно исполинские рубины.

Ноги мои вросли в землю. Я открыл рот, с трудом закрыл... Холодок превратился в холод, Пес зарычал, глаза тоже налились красным адским огнем. Клыки оскалены, рычание злобное, однако отступил на шаг, а потом еще. Я перевел взгляд на чудовищную пасть.

Глубоко в туннеле появился огонек, исчез, снова появился: слабый, трепещущий, словно вот-вот погаснет. Самое время безрассудно броситься в чернеющий зев...

— Ты кто? — спросил я. — Или что?

Из-под земли донесся слабый гул, объемный голос произнес:

— Пароль?

Я дрогнул, но клыки от меня далеко, я сказал отважно:

— Пароль сменился!.. Другие времена, другие нравы. Но дело партии живет, прогресс не остановить... И вот мы пришли, прогресс нового, более гуманного образца! Я и Бобик.

Гул стал громче, я на всякий случай отступил, вдруг да подо мной разверзнется, но, как уже заметил, строители хоть и в спешке, но задействовали мощные механизмы, у которых функций в избытке, как если бы компьютерный мозг звездолета поставили охранять курятник.

— Пароль? — потребовал голос снова.

Я заговорил настойчивее и смелее, раз уж не убило:

— Старый пароль забыт! Пришло новое поколение наших. Разве не видишь, что я новый, но старый? Рассказать тебе, как мы строили станцию на Альдебаране, как я налаживал квантовый прыгатель по галактикам, как вот этой ногой решил загадку Шарового Скопления Темных звезд в гипере над андером, перестроил ДНК и генетическую структуру у селенинов?

Гул продолжался, я затаил дыхание. Если это не простой механический сторож, в нем есть и дополнительные функции опознания, может опознать «свой — чужой» не только по кодовому слову.

— Квантовый... прыгатель? — произнес голос гулко. — Как ты... его?

Я возликовал, молодец, угадал, теперь бы только не сорвалась рыбка, сказал в благородном недоумении:

— Я что, техник? Я простой юзер! Приложил ладонь, шаг вперед, еще один за синюю черту, а там только нажать кнопку!

— Какую? — спросил голос.

— Синюю! — огрызнулся я. — Я специалист по выращиванию макраме, а не технарь!.. Я летаю по галактикам и просвещаю, просвещаю... А то умеют инвентировать пространство, а вот чуйства прекрасного пробуждать не умеют! Я глаголом жгу сердца людей, а если понадобится, то и прилагательным!

Гул усилился, земля вздрагивала, Бобик попятился и поскуливал. Собаки, даже самые сильные и бесстрашные, панически боятся грозы и землетрясений.

Я начал пошатываться, со стены откалывались и сыпались камешки, обломки.

— Успокойся, — сказал я благожелательно, — а то что-нить сломаешь. Просто смени пароль. Пришло время восстанавливать и начинать работу заново. Сотри старый, если еще помнишь, а новый будет... э-э... «Одинокий крест в чистом поле»! Запомнил? Подтверди, что выполнено.

Гул превратился в скрежет, визг, снизу из-под камней пошел сизый дымок, затем сильно хлопнуло, визг оборвался.

— Перегорел, — сказал я самому себе, не зная, радоваться или печалиться.

Бобик, нутром чуя, что опасность исчезла, бес-

страшно побежал в темный зев. Я шагнул в туннель с опаской, поглядывал на острые клыки и все время готовился отпрыгнуть, если почую что-то подозрительное, но, увы... вернее, ура, жуткая морда осталась неподвижной.

Надо смотреть под ноги, но я то и дело касался вытянутыми пальцами стен. Слишком гладкие, без малейшего следа долота, клиньев, тем более — кирок. Можно бы представить какой-нибудь суперпуперный лазер, что прожиг эту дыру, но остались бы на стенах потеки расплавленного камня.

Плечи мои передернулись, в мозгу все чаще картина исполинского червя, что прогрызает каменную стену с той же легкостью, что личинки жуков дерево. Правда, у тех туннели остаются несколько ребристыми, но вот у земляного червя стенки туннелей абсолютно ровные, даже блестят. Возможно, этот гигантский червь не только прогрызал дыры, но затем стесывал неровности множеством шипов на теле... Можно предположить, что червяк длинный, как дождевой, а шипы от головы самые острые и грубые, а затем все мельче и мельче, обеспечивая доводку стен до зеркальности...

Бобик остановился, ждал, я подошел и не сразу обратил внимание, что круглое отверстие туннеля незаметно сменилось квадратным сечением. Под ногами ровный до гладкости пол, стены идеально вертикальные, а потолок выровнен, как будто работали не люди. Ведь как люди работают, известно, сам, стыдно сказать, человек.

— Бобик, — сказал я шепотом, — не убегай слишком уж... Мне без тебя страшно, скажу честно. Тебе такое сказать можно, не стыдно.

Он оглянулся, помахал хвостом: не бойся, я с тобой, но больше не убегал, пошел на шаг впереди. На гладких стенах кое-где глубоко врезанные знаки, потом встре-

тился крупный орел в виде барельефа. Художник мастерски передал в камне хищную живучесть птицы, а ее слепые глаза смотрят так, будто вот-вот откроются.

Барельефы начали встречаться чаще и чаще, пошли один за другим, даже тесня друг друга, наезжая краями. Иногда четкие, иногда полустертые, хотя не могу себе представить, что их стерло. Если, как говорится, время, то почему соседние выглядят так, будто неведомый мастер только-только закончил?

Я всматривался пристально в то, что может появиться в дальнем конце туннеля, как вдруг что-то свирепое и мощное, дохнув жаром, ухватило меня за плечо. Острая боль пронзила тело, длинные когти вспороли кожу и глубоко вонзились в плоть. Я заорал, инстинктивно ухватился за ушибленное место...

...пальцы мои наткнулись на горячую лапу толщиной с бревно. И твердую как камень. Я попытался ее оторвать от моего плеча, сломать или хоть что-то сделать, но услышал лишь удовлетворенное рычание. Лапа потащила меня к стене, я успел развернуться и увидеть раскрывающиеся челюсти.

Голова едва не взорвалась от жуткого лая. Пес рычал, хрипел, давился яростью, и рука внезапно ослабела. Я приложил все усилия, чтобы высвободиться, упал на пол, отполз чуть и развернулся к стене.

Пес, вздыбив шерсть и став почти вдвое крупнее, припал на передние лапы и люто рычал на стену, откуда смотрит каменный зверь размером с гигантского медведя и тоже скалит клыки. Я видел, что чудовище шевелится, поднимает лапы. Когти правой окрашены моей кровью, пасть распахивается шире...

— Назад! — крикнул я и сам поспешно отполз на заднице. Зверь на стене мгновенно застыл. Рычание пса медленно стихло, шерсть опустилась, он пошел ко мне, опустив голову.

Я почесал ему за ушами, успокаивая, медленно начал приближаться к стене. В какой-то момент в барельефе что-то произошло: не изменился, но нечто в нем моментально ожило. И если буду приближаться еще и еще, то переступлю и вторую грань, после чего меня можно схватить...

Во мне от ужаса тряслись все кишки, но человек — непонятная тварь, я сделал еще осторожный шаг, еще, барельеф начал быстро меняться, стал выпуклее, чудовищная голова выдвинулась из каменной стены... но я уже отпрянул под рычание Пса.

— Все хорошо, — сказал я дрожащим голосом. — Все хорошо... Это эксперимент. Мы не можем без экспериментов. Мы же, мать-мать, по образу и подобию...

Не знаю, как ходили здесь прежде, то ли я вторгся, не сказав пароля, то ли что-то нарушилось, но жуткие хари поворачиваются прямо в камне и провожают меня глазами. Иногда слышатся крики, рев и даже знакомые мне механические звуки. Сердце начинало ликующе стучать, распознавая то ли рычание трактора, то ли гул реактивного самолета.

— Доберусь, — прохрипел я зло, — надо только положить на это загребущую лапу...

Бобик бежал на пару шагов впереди, часто оглядывался. Шерсть на нем почти не опускается, а рычание все время клокочет в горле.

Глава II

Коридор вывел в небольшой зал. Пол выложен зелеными малахитовыми плитками, потолок тонет в полутьме, но и там какой-то рисунок, на хрен кому нужно такое излишество, под ноги надо смотреть, а не на толки. Зал пуст, если не считать картин, то ли нарисованных прямо на стене, то ли втиснутых туда вместе с рамами.

И еще небольшая ниша, в ней пять кувшинов из потемневшей меди. Я взял один в руки, потрогал, потер на всякий случай, вдруг типа медной лампы, заглянул внутрь, пусто. Даже узор простенький, дикарский, словно папуас учился проводить волнистые линии.

Бобик рычал и смотрел на одну из картин. Я подошел ближе, пальцы опустились на толстый загривок, но глаза не отрываются от картины, холодок ужаса пополз по спине.

Обычный пейзаж, хоть и с незнакомыми мне растениями. Деревья напоминают худых пауков на длинных ногах, но нечто похожее я видел на кадрах про наводнение на Цейлоне. Даже небо почти земное, у нас тоже бывает такой же малиновый оттенок перед закатом.

Вот только трава шевелится! То ли под ветерком, то ли сама по себе. Не видать бабочек, кузнечиков, стрекоз.словно вся трава — тысячапалый богомол, задравший лапы кверху.

Моя рука все еще держит кувшин, я на всякий случай осмотрел его еще раз: обычный, бытовой, ничего в нем особого... размахнулся и швырнул в картину. Инстинктивно сжался, ожидая удара, но кувшин пролетел легко, а на той грани, где соприкасаются наш и тот миры, как бы поплыл, словно воздух там плотнее втрое или впятеро, пошел по крутой дуге вниз и медленно опустился среди травы, как на морское дно.

Я замер, стебли качнулись потревоженно, некоторые остались прижатыми, а остальные все так же беспокойно шевелятся вокруг блестящего металлического бока.

— Бобик, — проговорил я, — ты такое видел?

Он энергично помахал хвостом и посмотрел с ожиданием.

— Нет, — сказал я, — ни за какие пряники...

Он смотрел с тем же нетерпеливым приглашением

поавантюрить. В глазах недоверие, как это, иметь возможность куда-то пойти, побежать, помчаться, и вдруг остаться на месте, не проверить, что там и какими собаками пахнет?

— Ты прав, — ответил я. — Люди — тоже собаки, только двуногие. Потому мы не мчимся вот так... сразу.

Вторая картина изображает звездное небо и огромную спиральную галактику, очень похожую на нашу, только крупнее почти вдвое, а в центральном шаре, на мой взгляд, миллиардов пятьдесят звезд, из-за чего вся галактика похожа на Сатурн.

Поколебавшись, я швырнул второй кувшин и оцепенело наблюдал, как уплывает в пустоту, освещенный с одной стороны лампами светильников, а другая сторона, что в тени, исчезает на это время.

Бобик тоже следил заинтересованно. Я тряхнул головой и сказал так хрипло, что сам не узнал собственный голос:

— Все, пойдем отсюда! А то рухнемся.

Он прыгал по всему помещению, на некоторые картины лаял, на другие не обращал внимания, к одной приблизился с великой осторожностью, из пасти глухое рычание, шерсть дыбом, глаза вспыхнули красным огнем. Мне показалось, что встретил очень хорошего знакомого, которого знает давно и с которым враждует, как собака с кошкой, но я ощутил быстро нарастающую опасность, крикнул торопливо:

— Бобик, ко мне!

Он нехотя вернулся ко мне, всем видом показывая, что если бы не окрик сюзерена, то разорвал бы противника в клочья.

— Взад, — сказал я твердо. — На сегодня хватит.

Он послушно, хоть и с явным сожалением, повернулся и побежал обратно. С картинами бы разобраться, мелькнула мысль. Некоторые явно мертвы, точнее, сло-

маны, повреждены, хотя, может быть, и просто отключены. Нет, в этом бурном мире надо удивляться, что хоть какие-то еще функционируют. Только так ли, как задумывалось? Поврежденная стиральная машина начинает прыгать по комнате, а холодильник ревет громче грузовика. Возможно, и здесь картины работают не так, как планировалось... Ладно, с этим буду разбираться потом, если руки дойдут.

Бобик попытался порычать вызывающе на барельефы, я сказал твердо:

— На фиг! Мы не трусы, но и не два идиота. Да и не перед кем красоваться своей безумной отвагой... Так что давай, топай...

Бобик помахал хвостом и бросился целоваться, объясняя, что любит просто безумно.

— И я тебя люблю, — ответил я терпеливо. — Ну кого еще любить, как не тебя?

Впереди показалась яркая точка, конец туннеля, вернее, начало. Бобик понесся вперед, я инстинктивно прибавил шаг... и тут взгляд, привыкший к темноте, зацепился за квадрат посреди пола. Цвет не отличается, только контур некоего квадрата, но когда я начал всматриваться, то заметил и массивное кольцо, вдавленное в пол.

Люк выглядит как обычная ляда, крышка обычного деревенского погреба, хоть и выполненная с большим тщанием. Я почти без колебаний поддел ручку, ухватил обеими руками, встал над люком и потянул на себя.

Чмокнуло, словно отлепилось от мокрой глины. Крышка тяжелая, будто вместе с нею поднял целый танк. Пахнуло холодом. Преодолевая страх, я осторожно заглянул, отшатнулся, минуту боролся с головокружением. Там, в глубине, необъятная тьма, испещренная множеством светлых точек. Не сверкающих, а именно светлых, сверканием и мерцанием звезды обязаны атмосфере, а сейчас... я смотрю в открытый космос.

Звезды смотрят холодно и мертво. Кровь застыла в жилах, я физически ощутил немыслимые расстояния между этими светлыми точками, похожими на острия иголок, направленные в мою сторону. А вот и туманность, вон еще одна, только не светящаяся, а еще более черная, чем вся жуткая тьма...

Пальцы мои затрещали, я с ужасом ощутил, что с трудом удерживаю свое тело от падения в бездну. Ломая что-то в себе очень мощное, я заставил себя отвалиться от края, будто разрывал толстые нити паутины. Упал на спину и долго лежал, жадно хватая широко раскрытым ртом горячий воздух.

— Это уже не картина, — прошептали мои губы. — Господи, да что это за чертово место?.. Как тут жили?

Но ехидное воображение тут же нарисовало кроманьонца, который пытается перейти автомагистраль в час пик и тоже в ужасе, как люди вообще еще уцелели в такой мясорубке.

Бобик отбегал, возвращался и нетерпеливо звал идти, я наконец воздел себя на дрожащие нижние конечности и потащился следом.

Свет впереди приближался, пахло сухим жарким воздухом. Бобик выбежал первым, его охватил небесный огонь, шкура вспыхнула и заискрилась мириадами крохотных искорок.

Я вскинул взгляд на камешные клыки, что на фоне синего неба грозно свисают с края туннеля, следующий шаг вынес под жаркое палящее солнце.

— Брехня, — сказал я убежденно, — что предки в пещерах жили. На деревьях — верю...

Что-то сзади заставило оглянуться. Чудовищная морда смотрит на меня прежним невидящим взором. Серые каменные веки медленно поднялись. Я похолодел, как и в первый раз: кроваво-красные глаза вперили

в меня жуткий нечеловеческий взгляд, разбитый на сотни фасеток.

— Привет, — сказал я глупо. — Рад, что не перегорел... в смысле, отремонтировался. Я бы и сам починил, мне это раз плюнуть, я — умный и добрый, я все на свете умею, но хорошо, что ты и сам сумел...

Бобик зарычал на каменного монстра. Я сказал успокаивающе:

— Тихо-тихо. Это свой. Он теперь в нашей команде...

Я осторожно взял камень, швырнул в туннель. Он летел по недлинной дуге, на границе туннеля беззвучно вспыхнуло, камень исчез.

Сердце мое колотится, услужливое воображение тут же нарисовало меня на месте камешка, я торопливо поднял другой, сказал тихо:

— Одинокий крест в чистом поле!

Бросил камешек, инстинктивно напрягся и задержал дыхание, когда тот долетел до границы, отмеченной свисающими клыками... а дальше камешек пролетел в туннель и покатился по каменному полу.

Я ощутил такое облегчение, что едва не расплакался. Господи, какой же я умница! Иногда, конечно, дурак дураком, это знаю, хоть никому не скажу, но бывают у меня и настоящие прорывы. Знал бы интегралы, какую-нибудь теорию соотносительности уже давно забацал.

— Благодарю за службу, — сказал я с чувством. — Охраняй объект, никого не допускай!.. Одинокий крест в чистом поле!

Ничего не произошло, но я всеми фибрами ощутил, что силовой занавес снова преградил путь в туннель.

— Пойдем, Бобик, — велел я. — Какие мы все-таки молодцы! И никому не похвастаться, что обидно. Ну, ты хоть Зайчику растреплешь, а я кому?.. Хоть лопни.

...Мы быстро двигались к тому месту, где вход в шахту, надо спешить, на той стороне планеты ночь заканчивается, скоро утро, как вдруг я услышал на той стороне невысокой каменной гряды далекий перезвон колокольчиков.

Бобик бросился было вперед, я цыкнул, сам подбежал наверх и плюхнулся животом между камнями на гребне.

Внизу между каменными исполинами идут без всякой тропы цепочкой пять тяжело груженных верблюдов. Впереди маленький ослик, на нем горбится малорослый человек в белой хламиде, такой же всадник на ослике замыкает караван.

Остальные люди, к моему удивлению, идут пешком, то ли слезли размять ноги, то ли дают отдых верблюдам. Я жадно всматривался в этих караванщиков, Бобик все порывался пробежаться к ним и обнюхать, я опустил ладонь на толстую шею и перебирал пальцами на удивление мягкую шкуру. Бобик блаженно сопел и едва не засыпал, гнусно мурлыча, словно паршивый кот. Караванщики все худые, прожаренные солнцем, мелкие в кости, лица и фигуры словно из хрупкого чугуна, впитавшего жар южного солнца.

Все в белых свободных одеждах, на головах платки, свободно ниспадающие на плечи, но верх придавлен обручем из веревки, так носят арабы в пустынях. Ноги голые, неестественно худые и черные, как у негров, хотя это жестокая радиация солнца заставила почернеть кожу, укрывая оставшуюся плоть.

Судя по тому, что оружие только у двух первых, опасности не ожидают. Это не значит, правда, что ее нет вовсе: нет для них, которые знают, к примеру, что прикосновение вон той ящерицы смертельно, но у них на поясах защитные амулеты, а вот у меня ничего такого...

— Риск, — сказал я, — дело благородное... хотя и не

понимаю почему. Но если в знании — сила, то в риске лишь надежда... А надежда — удел слабых.

Бобик не понял, почему из-за этого надо прятаться, а потом отползать и перебежками возвращаться к жуткой шахте. Я отвалил камень и подложил под него мелкий, чтобы выбить снизу, и тут только хлопнул себя по лбу.

Есть люди умные сразу, а я умный потом, на лестнице. И вообще находчивый, остроумный, едкий, начитанный... У моих ног жуткая вертикальная труба, я еще кое-как сползу, цепляясь за металлические скобы, а Бобик? Собаки, насколько помню, даже по пожарным лестницам вверх бегут почти легко, а вниз... с трудом. Все потому, что спускаются всегда мордой вперед. По вертикальной лестнице ни одна собака спуститься не может.

— Попались, — сказал я горько. — Ну, как выкручиваться?

Я снял ремень, примерил к шее Бобика. Ну и что, так не получится. Не могу же спускаться, держа одной рукой за ошейник, а Бобик чтоб трепыхался на весу? И задушится, да я и кошку не удержу на весу...

Нужно с полкилометра веревок, чтобы увязать его всего, потом буду упускать остороженько, опускаясь и сам, всякий раз пропуская веревки через скобы, а то и привязывая, чтобы перевести дыхание, а Бобик пока поболтается, как в гамаке...

Он несколько раз подбегал к краю ямы, заглядывал, смотрел на меня с нетерпением и недоумением, нарезал круги, вдруг да я передумал и снова пойдем исследовать новый мир, снова свешивал голову в трубу и всматривался в темень, что для него тоже не темень.

— Сейчас будем спускаться, — обнадежил я. — На этот раз ты спустишься первым...

Бобик посмотрел на меня и... ринулся в трубу. Я за-

орал, подбежал, едва не свалившись в бездну. Темное поджарое тело исчезало во тьме, ударяясь о стены, как резиновый мячик.

Я спешно вдел ремень и, спустившись на шаг, выбил камешек, глыба навалилась и запечатала вход. Дальше я спускался с немыслимой скоростью, перебирая руками и ногами так, что скобы мельтешили перед глазами, как лопасти вентилятора.

Бобик сидел на самом дне, распахнув пасть и свесив на сторону длинный красный язык. С его точки зрения я спускаюсь подобно замерзающей в арктическую стужу каракатице. Он, гад, использовал легкие, почти незаметные наплывы и натеки на стенах, чтобы прыгать на них, отталкиваться и прыгать на такие же на противоположной стороне, но ниже.

Я слез, охватил его лобастую голову, Бобик дал себя расцеловать, сам облизал, мы пообнимались, затем кодовое слово, светящийся прямоугольник, и мы вышли на стертые каменные ступени башни замка Сворве.

Бобик добежал до двери моей комнатки, я открыл, он сразу же лег у моего ложа. Я снял оружие, что не понадобилось, лук хотел повесить на стену, но не отыскал подходящего крюка, положил на середину стола. Меч, как и положено рыцарю, поставил у изголовья. И хотя опасаться вроде бы нечего, но это так красиво: меч у изголовья, сразу молча говорит о моей мужественности и готовности с боевым рыком ухватиться за рукоять. С боевым рыком, исполненным ярости. Благородной ярости.

Лег, забросив ладони за голову. Череп раскалывается от сумятицы. Сейчас, когда проделал все необходимые движения, вроде бы был занят, а теперь надо думать, принимать решение, хотя куда проще карабкаться по вертикальной стене или даже рубиться мечами.

Нет, изобретать велосипед не буду. И трудно, и... на

фига, когда он у меня уже есть, нужно только доставить на Юг верных людей. Это проще и надежнее, чем искать там, хотя, уверен, и на Юге отыскал бы, но чутье подсказывает, что там их намного меньше. Все-таки рынок, судя по рассказам, а я, хоть сам рыночник, предпочитаю друзей, отобранных совсем не по рыночным критериям.

Словом, как ни крути, а плыть на корабле придется. Только уже не одиночкой, как чуть было не поплыл... спасибо, Тертуллиан, помешал!.. а собрать команду, вызвать сюда Ульмана, Зигфрида, Тюрингема и прочих, что уже заждались моего возвращения. Загрузить корабль тем, что проще доставить морем, чем протаскивать в башню и через зеркало. Тогда я обоснуюсь на Юге не как трусливая мышь... а весьма адекватно, я же гроссграф, а не хрен собачий.

Во дворе дико заорал петух, я выругался, в ответ злорадно закричала телега, донеслись звуки ударов топора по дереву.

Встал, напомнил себе, что это мой двор, мои люди, мой замок... хотя нет, двор, люди и сам замок принадлежат леди Беатриссе, но я, как всякий средневековый мужчина, еще не знающий, что женщина — тоже человек, обязан бдить, беречь и защищать. Так что доспехи снова на плечи, молот на пояс, лук и меч за спину, спина прямая, морда надменно-уверенная... и вперед, чтобы все видели, что идет могучий и не знающий колебаний лорд.

Глава 12

В зале уже пируют... ну не поворачивается у меня язык назвать это завтраком, как не бывает просто обеда или ужина, а всегда пир, пир, пир! Иначе и не назовешь это изобилие блюд, вина, радостные голоса, блестящие глаза и постоянные тосты.

Меня приветствовали ликующими воплями, я теперь как ходячий символ неожиданной и потому втрое не более желанной победы. Я не успел сесть, подошел барон Альбрехт, плечом отстранив сэра Растера, что сразу насупился и начал оглядывать барона весьма оценивающе на предмет скорой схватки на мечах или топорах.

— Сэр Ричард, — заговорил Альбрехт без преамбулы, — я тут объехал замок и окрестности. Правда, назад добирался уже среди ночи, но рассмотрел, что не мешало бы поставить сторожевую будку у моста. Река не очень, правда, но если мост быстро разрушить, то противнику здесь не перейти. Течение быстрое, да и глубоко. А пока опустится на двенадцать миль ниже к броду...

Я прервал:

— Барон, давайте позавтракаем. Вы хорошо придумали, но с нашими силами вести оборонительную войну — самоубийство.

— Намерены наступать и дальше?

— Спасение только в наступлении.

Он сел рядом, покачал головой, в глазах сомнение.

— Штурмующие теряют двадцать три человека на одного защитника. Это если крепость защищают плохо. А если хорошо, то потери вообще несопоставимы.

— Это классика, — согласился я. — Но мы не станем играть по устоявшимся правилам. Захватили же мы замки Инкризера и Хоффмана... несколько иначе?

Довольная улыбка пробежала по его губам.

— Вы проговорились, сэр Ричард. Но я никому не скажу, честное слово.

— В чем? — спросил я и тут понял.

— Я и подозревал, что замок Инкризера вы тоже как-то захватили, но решили не позорить графа. Он достойный человек, вы поступили не только благородно, но и правильно. За спасенное имя он будет вам верен,

уверяю вас!.. А теперь я уже забыл об этом. Сейчас, как ваш сподвижник, я хочу знать ваши планы, чтобы действовать им наилучшим способом...

— Ну, я, как гроссграф Армландии...

— Вы еще не гроссграф, — напомнил он с некоторой ехидцей. — Уж простите за напоминание, но это пока морковка перед вашим чувствительным носом. Двенадцать лордов, что предложили вам этот титул, это далеко не вся Армландия. И не половина. И уж простите, даже не четверть...

Я разозлился, как же осточертел этот барон, ответил с предельной вежливостью:

— Я — гроссграф. Просто другие этого еще не знают. Или слышали, но не признали в силу своего развития. Может быть, они и штаны все еще через голову надевают?

Он неожиданно усмехнулся.

— С такой трактовкой согласен. Пока что вы гроссграф для себя и... для нас, но надеетесь стать и для всей Армландии?

— Надеюсь? — ответил я с холодным удивлением. — Полноте, барон! Это четкие планы на самую близкую перспективу. Я о них уже и не думаю, это дело решенное.

Он покачал головой, в глазах восторг такой наглотью.

— Здорово. Мы в абсолютном меньшинстве, а вы думаете... о чем думаете?

— Чем будем торговать, — ответил я, — где поставим рудники по добыче железной руды. Нам железа в слитках понадобится много, есть кое-какие задумки, в каких районах разместим монастыри и университеты при них...

Он кивнул, сразу посерьезнел.

— Я в очередной раз убедился, что всегда правильно

оцениваю людей. И когда Митчелл позвал меня, я называл себя идиотом, но пошел с ним... Это я к тому, что мне куда больше нравится налаживать ремесла, строить рудники и выгодно торговать, чем носиться с вынутым из ножен мечом. Да, ношусь, жизнь обязывает, но все-таки... Так что часть забот по обустройству невоенного хозяйства можете возложить на меня.

Я воскликнул:

— Полноте, барон! Да я все свалю на вас! Как будто не видите, что все грезят о воинских подвигах, а вот отстраивать рудники и закладывать новые города полагают нерыцарским делом!

Он улыбнулся, я впервые ощутил, что наконец-то и этот на крючке. У остальных крючки одинаковые, а вот для барона пришлось подобрать уникальный. Но — подобрал.

Сэр Растер нетерпеливо прорычал с другого боку:

— Но как насчет сэра Тирола?

— Пойдем и вразумим, — ответил я. — Такое нельзя оставлять без последствий, а то и другие...

Он с грохотом поднялся, раздвигая сидевших, как всплывающая со дна океана подводная лодка.

— Тогда я пошел готовить отряд?

— Да, — ответил я. — Благословляю.

Он ушел, бросив победный взгляд на барона Альбрехта. Тот улыбнулся. Мы обменялись понимающими улыбками, после чего я встал с тяжелым вздохом.

-- Завидую вам, барон. Вам заниматься интересным делом, а мне — всего лишь наклонять заупрямившегося вассала.

Я чувствовал на спине его взгляд, на этот раз не колюче-оценивающий, а уже прикидывающий: что именно смогу сделать для развития ремесел, закладки новых рудников, постройки мельниц, как на реках, так и воздушных, прокладки новых дорог...

Надо было намекнуть про прямую связь с герцогством Брабант, что входит в королевство Броквил, где правит эта скотина Кейдан. Ладно, это потом. При случае.

Женщина — слабое, незащищенное существо, от которого невозможно спастись, но я все пытаюсь и пытаюсь, как та белка, что пытается выбежать из беличьего колеса. На выходе из зала увидел спускающуюся по ступенькам леди Беатриссу, застыл, все тело пронизала сладкая боль, но заставил себя изогнуться в почтительном поклоне.

— Леди Беатрисса...

— Сэр Ричард, — ответила она ровным, очень ровным голосом.

Легкий румянец коснулся ее щек, но смотрит прямо, лицо неподвижное, вся фигура как будто вырезана из дерева, только на шее часто-часто забились тоненькая жилка.

— Хорошо ли спалось, леди Беатрисса? Почему так рано встали?

— Спасибо, сэр Ричард. Я встаю с петухами.

— О господи, — воскликнул я и подал ей руку, — хорошо, что я сплю сам. Никаких кур в постели. Тем более — петухов... Сны хоть приятные?

— Приятные, — ответила она с вызовом.

Опираясь на мою руку, прошествовала в зал, чтобы все видели наше единение.

— Жаль, что на немецком, да? — спросил я знающе. — Эти дас ист фантастиш немного напрягают... Но это лучше, чем когда снятся всякие какашки. Хоть и к деньгам. Как представлю, что снится Биллу Гейтсу...

Она натянуто улыбалась, ни черта не понимая, да это и неважно, такие разговоры ведутся только для того, чтобы произносить звуки и улыбаться, это называ-

ется поддерживать общение. Помню, был в турпоездке по Англии, так вот при любой встрече, скажем, в лифте с совершенно незнакомым человеком, нужно обязательно сказать: «Какая великолепная погода, сэр!», на что другой обязательно должен ответить: «О да, замечательная!», хотя на улице дождь и ветер, на голову сыплются листья и сучья с птичьим пометом, через тротуар протянулись оборванные оголенные провода троллейбуса... Правила этикета, мать их, правильное общение!

Я отодвинул кресло от стола, леди Беатрисса заученно сделала шаг, я так же заученно, словно механизм, придвинул, усадил галантно и, кланяясь, сказал достаточно громко, чтобы слышали за столом:

— Если хотите, чтобы ваши сны стали реальностью, — не спите!

После чего уже можно отступить и топтать по своим делам, все нужные ритуалы выполнены, слова сказаны, отношения на виду у всех подтверждены.

Леди Беатрисса не стала провожать меня взглядом, слишком мы на виду, а я с самым деловым видом вышел из зала, а потом и из самого здания во двор.

Саксон, а теперь уже сэр Саксон, неумоимо руководит дюжими мужиками, что сложной системой рычагов и ремней втаскивают на верх стены огромное бревно. Там уже два покоятся на массивных рычагах, третье в самый раз, а больше — уже перебор. Саксон оглянулся, настороженное и гневное лицо озарилось улыбкой, будто из-за туч проглянуло солнце.

— Ваша светлость! Какие будут распоряжения?

— Никаких, — заверил я. — Кто лучше тебя знает, что нужно делать? Да, все забывал спросить, как там яйцо, что мы привезли по возвращении? Большое такое, кожистое?

Он оскалил рот в довольной улыбке.

— Сэр Ричард, похоже, только вы еще не знаете...

— А что?

— Вчера вылупился маленький такой драконыш... Не больше курицы. Даже есть сам не умеет, Франсуаза взялась за ним ухаживать. Сама жует ему булочки и в пасть запихивает. Скоро тот будет толстый, как гусь.

— Да, заботливый ребенок... Но ты бди, дел невпро-ворот, а жизнь чревата. Да, чревата.

Он подтянулся, ответил строже и без улыбки:

— Стараюсь. Замок всегда должен быть готов к обо-роне. А эти олухи не понимают. Вы куда-то собрались?

Я удивился:

— По мне видно?

— Да, — ответил он с ухмылкой.

— Как?

— Не знаю. Но вы сейчас свистните свое черное чу-довище, ворота откроются...

— Это ненадолго, — заверил я. — От силы на сутки. Максимум на двое. Я все-таки принял эти земли, Сак-сон. Видит Бог... да и ты видел, я не хотел их брать. Но раз уж взял, то постараюсь, чтобы здесь было... гм... хо-рошо.

Из главного здания вышел сэра Растер. Довольный, чуточку располневший, он прищурился от солнца, под-нес к бровям ладонь козырьком.

— Сэр Ричард! Никак без меня надумали куда-то улизнуть?

Саксон улыбнулся:

— Вот видите. Не умеете еще скрывать свои планы, сэра Ричард!

— Да, — согласился я, — похоже, хреновый из меня выйдет правитель... Сэр Растер, а вы никак хотите про-ситься в компанию?

— Да ни за что! — отрезал сэра Растер. — Ни за какие сокровища и даже всех баб на свете!.. А куда вы собра-лись?

— Как вы и предлагали, — ответил я любезно, — нужно прояснить отношения с бароном Тиролом. Не хорошо, когда с соседом такая неясность. И даже я бы сказал, не побоюсь грубого слова, неопределенность.

— Я с вами! — сказал он бодро. — Саксон, собери отряд...

— Стоп, — сказал я Саксону и ухватил за локоть. — Стоп. Мы еще не знаем, почему сэра Тирол проигнорировал нас. А я, как хорошо воспитанный паладин, о любом человеке должен думать хорошо. И так до тех пор, пока не докажет, что такое же говно, как и все остальные.

Растер застыл с выпученными глазами, а Саксон покачал головой:

— Иногда прозрение наступает поздно.

— Да, — поддержал Растер, — лучше на каждого думать, что говно. Не ошибешься.

— А если не говно, — добавил Саксон, — то радость неожиданная. Для сэра Растера повод выпить... еще.

— Я христианин, — вздохнул я. — К тому же интеллигент сраный. Теперь никуда не денусь, повязан клятвой топтать по восходящей: законы Ноя, Моисея, устав рыцаря, кодекс паладина, юного строителя коммунизма и, в конце концов, — программа строительства Царства Божьего на земле. Увы, я должен быть весь в белом. Хоть иногда и хочется поваляться в грязи. И даже чаще, чем «иногда».

Они смотрели с сочувствием, как на калеку, да я и сам иногда себя им чувствую. Любой человек стремится быть всесторонне развитым, то есть делать и подлянки ближним. Тем более дальним. А когда обязываешься быть только хорошим, то вроде бы неполноценный какой-то. Будто идешь по жизни со связанными руками.

Из здания вышла леди Беатрисса, я надеялся, что отправится либо цветочки сажать, либо проверять завоз

зерна, но она обратила взор в нашу сторону. Все мы поняли, что надо делать, Саксон вздохнул сочувствующе, а сэр Растер, напротив, сказал с завистью в голосе:

— Граф Росчертский и граф Глицин все сшибали по дороге, когда бросались вот по такому взгляду...

— Спасибо, — сказал я, — утешили.

Я издали улыбнулся леди Беатриссе и пошел к ней, бодро выпятив грудь, напоминая себе, что настоящий мужчина хочет все, а настоящая женщина не знает, чего хочет. Похоже, мы оба ненастоящие: «все» мне и на фиг не нужно, зато леди Беатрисса четко знает, что нужно именно ей, все изложила в брачном договоре.

— В новый поход, сэр Ричард? — спросила она тихо.

Я смотрел в ее переносицу, стараясь не видеть огромных фиолетовых глаз, ее высоких скул, ее созданных для жарких поцелуев губ.

— Пустяки, — ответил я легко. — Отлучусь на день-два. Что-то непонятное с сэром Тиролом. Вроде он мой... ваш вассал, но присягу не приносит. В то же время его не называют в числе моих врагов. Поеду спрошу по-соседски.

— По-соседски?

— Ну да, без войска.

Она сказала с тревогой:

— Вы не должны ехать один!

— И хотел бы, — заверил я, — да не сумею. Сэр Растер сочтет кровным оскорблением.

Она робко улыбнулась, но улыбка тут же угасла, в глазах боль и тоска, а когда она заговорила, голос подозрительно дрогнул:

— Сэр Ричард... откуда вы такой на нашу голову?

— Издалека, — ответил я туповато. — С Севера.

Она вздохнула, в глазах подозрительно заблестело.

— А что там? — спросила она тихо. — Очень холодно?

— Зимой да, — ответил я.

Леди Беатрисса подошла ближе, запрокидывая лицо. Ее ведет некая сила, переломив волю. Я смотрел на застывшее лицо и ощутил, как и моя гранитная стойкость крошится, словно камень под стальным катком камнедробилки.

— А летом? — шепнула она.

Ее губы на глазах вздувались, краснели, становились лакомыми, как созревшие черешни.

— Летом, — ответил я хриплым голосом, делая титаническое усилие, чтобы не ухватить ее за плечи, не прижать, не впиться поцелуем в уже подставленные губы, — летом там есть то, чего в этих широтах нет и быть не может... Белые ночи!

— А что это?

Я неотрывно смотрел на ее широко распахнутые глаза, на полураскрытый в ожидании моих губ нежный рот, зажал себя в рыцарской булатной рукавице и ответил мужественным голосом идиота:

— Это когда дамы приглашают рыцарей на ночь.

Ее взгляд так долго не желал из нежного становиться холодным, что я уже забеспокоился, наконец она произнесла слабо:

— Странные у вас... обычаи.

Умный мужчина старается не давать женщине поводов для обид, но умной женщине, для того чтобы обидеться, поводы и не нужны. Однако есть женщины, которые не обижаются, даже когда стараешься их обидеть. В порядке самозащиты. Они слишком хорошо нас понимают, перед такими чувствуешь себя голым. Добро бы в спальне, а то на улице.

Мы одновременно сделали по крохотному шагку назад. По большому нельзя, слишком, а вот так именно то, что допустимо в такой крайне деликатной ситуации. Оба все поняли, оба преисполнились благодарности

друг к другу за понимание и желание удержаться на краю пропасти.

Она опустила голову и вернулась в донжон. Массивные двери за нею закрылись с сухим щелчком, и я понял с внезапным холодком, что они отрезали ее от меня навсегда.

Сделать женщину счастливой, мелькнула горькая мысль, очень легко. Только дорого. В смысле, одними деньгами не отделаешься, а я как раз не готов жертвовать чем-то большим, подобно кипплинговскому дураку.

И она не готова жертвовать смыслом своей жизни быть настоящей хозяйкой этих земель. Несмотря на свою хрупкость — сильная женщина, поистине с железной волей и железным характером, что время от времени дает трещину... ну да, я же неотразим, но если воспользоваться ее слабостью... и дать волю своей, то леди Беатрисса возненавидит и себя за эту слабость, и меня, что подчинил ее своей воле.

Нет, железно: у нее свои дела, у меня — свои. Любовь — великая вещь, но только для простолюдинов она все на свете... Нет, простолюдины и до любви не поднимаются, у них только секс, любовь — это уже этажом повыше, это привилегия среднего сословия, привилегия рыцарства...

...Но я, мать вашу, паладин! А у паладина дело всегда выше любви, даже самой страстной и безумной. Овладеть и швырять, как щепку в море, любовь может только недостаточно сильного человека.

Леди Беатрисса — сильный волевой человек. А я, надеюсь, тоже. Нужно только помочь один другому удержаться от этой низменной... ну ладно, одухотворенной тяги друг к другу.

Отныне я ни во что не вмешиваюсь, что бы она ни затеяла, а у нее, надеюсь, хватит благоразумия, чтобы не вмешиваться в мои дела.

Глава 13

Грохот копыт постепенно утих. Это из ворот мы вырвались красиво и грозно, а дальше кони перешли на экономный шаг. Чуть отстав на шаг, по бокам едут, покачивая перьями на шлемах, бравые и отважные Растер и Митчелл, руки на рукоятках мечей, глаза ищут, с кем бы подраться.

Барон Альбрехт провожал нас, стоя наверху стены. Я чувствовал, что не столько смотрит нам вслед, сколько озирает окрестности и уже прикидывает, что где разместить, дабы повысить рентабельность этой земли. А потом, если получится, опыт перенести и на всю Армландию.

У него самого, как сообщил Митчелл ехидно, земли совсем мало, а расширяться не удастся: соседи могущественные, сотрут в порошок.

Сэр Растер, как всеповидавший Гильгамеш, громко предупредил, что вон там опасная круча, там прямо из стены высовывается рука и хватает все живое, что крупнее барана, вот там колючие кусты, что совсем не кусты, так как с началом засухи отпочковывают севернее, а во-о-о-он там виднеются камыши, оттуда начинается болото и тянется на пару миль...

— Ну, — сказал Митчелл недовольно, — болото-то хоть обычное?

— Болото обычное, — заверил сэр Растер, — а вот жабы...

— А что за жабы?

— Крупноваты, — сообщил он. Видя наши непроницаемые лица, добавил: — Самые мелкие побольше рыбацкой лодки, а крупные так и вовсе с корабль... Когда у них свадьба, то сплетаются в такие клубки, что выше деревьев. А уж стонут и кряхтят так, что в окрестных деревнях у коров пропадает молоко...

Я вспомнил тех болотных гадов, что брачными играми ввергли леди Беатриссу в смущение, удивился:

— Как же перебираются из озера в озеро?

— По земле? — предположил Митчелл.

— Нет, — опроверг сэр Растер, — на сушу никогда не выползают.

— Тогда все озера, — предположил я, — остатки некогда единого великого моря?

— Не пойдет, — сказал Митчелл.

— Почему?

— В морях вода соленая, — объяснил он знающе, — а в озерах — нет.

— А в океанах?

— Насчет океанов не знаю, но в озерах точно несоленая.

Я вспомнил:

— А икра? Крупная или мелкая?

— Да как у простых лягушек...

— Тогда понятно, — сообщил я, — к утиным лапам прилипает, те и разносят. Икра липкая, заметили?

Сэр Растер почесал в затылке:

— Да-а, надо смотреть, чтобы эти утки в мой домашний пруд не садились. Но разве уследишь...

Митчелл поинтересовался:

— А большой у вас пруд, благородный сэр Растер?

— Да не очень, — ответил сэр Растер. — Даже маленький... По правде сказать, у меня вообще пруда нет! Да и какой пруд, когда и земли-то никогда не было! Я бесщитовой, кормлюсь военной добычей, а не налогами. Но вообще-то подумываю, что когда-нибудь осяду... и заведу большой пруд. С золотыми рыбками размером с коров. Толстых, жирных, вкусных...

Далеко слева обозначились белые строения, то ли город, то ли выбеленные, как кости, руины. Проступили над горизонтом крестики ветряных мельниц. Я сооб-

разил запоздало, что там жилье, и нехилое, раз столько мельниц.

Довольно быстро начинает, как мне показалось, открываться береговая линия. Дорога пошла взбираться круто на цепочку холмов. Я повернул коня и погнал под углом, еще не соображая, что здесь вроде бы неоткуда взяться морю. Зайчик взбежал наверх так же быстро, как и по ровному, дыхание у меня остановилось: пустыня, настоящая пустыня, уходящие вдаль золотые спины барханов пересушенного песка...

Я оглядывался ошалело, за моей спиной не просто зелень, но и вековые леса, а под копытами Зайчика уже трещат крупные ракушки, тоже белые, ждущие прикосновения, чтобы рассыпаться в пыль, выглядят высушенные черепа громадных чудовищ, такие исполины могут жить только в воде...

Сзади простучали копыта, сэр Растер прокричал быстро:

— Только не останавливайтесь, сэр Ричард! Только не останавливайтесь!..

— А что здесь?

Он указал на темнеющую вдали полосу деревьев.

— Гоните во-о-он туда. Там безопасно.

Мимо пронесся Митчелл, обеими руками держит повод, пригнулся, как гунн, сразу видно, что драться не собирается, что бы там ни выпрыгнуло из песков. Сэр Растер прищпорил коня и погнал следом.

Зайчик тихонько ржанул и пошел неспешным галопом. Белая хрустящая пыль фейерверками взлетает из-под копыт, иногда с шелканьем лопаются черепа страшных рыб, в воздухе свистят острые обломки костей.

В какой-то момент чутье заставило снять с пояса молот. В трех шагах от скачущего коня Растера вздыбился бугром песок, эдакий бархан, помедлил, словно всматриваясь термо или еще чем-то, и двинулся за Растером, быстро сокращая расстояние.

Молот ударил в бархан, когда тот внезапно вырос и начал загибаться грозной волной над прильнувшим к конской гриве всадником. Взвился золотой песок, раздался треск, словно лопнула баальбекская плита, во все стороны брызнули фонтаны крови.

И лишь тогда из-под земли донесся глухой болезненный рев. Не просто из-под земли, а как будто с огромной глубины, мол, здесь на поверхность некий подземный великан всего лишь высунул пальчик.

— А вот не высовывай, — бросил я.

Зайчик, дико кося глазом, такого вроде бы и он не видел, перепрыгнул озеро быстро впитывающейся в песок крови, я с молотом в руке оглядывался, но только фыркание скачущих коней и непрекращающийся треск ракушек под копытами.

Гряда деревьев приближалась, сэр Растер и Митчелл ворвались под густую тень, здесь копыта стучат иначе, разом остановили коней. Я на ходу повесил молот, оглянулся.

— Ну вы и даете! Не безопаснее ли объехать?

Сэр Растер воскликнул бодро:

— Да оно не всякий раз кидается! Бывает, сто раз проедешь, а только на сто первый...

— Все равно, — сказал я сварливо. — Умнее объехать.

Митчелл сказал глубокомысленно:

— Конечно, умнее... Дурость переть вот так. Правда, зато по-рыцарски. С чего это станем уступать дорогу зверю?

— Вот-вот, — сказал Растер обрадованно. — Где наша гордость?

— Эх, — сказал я, — нет у вас уважения к ценности жизни...

— Что жизнь, — изрек Митчелл глубокомысленно, — если ее не прожигать — она сгниет.

Растер захохотал, сказал с удовольствием:

— Точно сказано! А когда не спишь, а вот так в седле, то жизнь всегда дает шанс изменить себя к лучшему. Правда, паршиво, что никогда об этом не говорит...

— Жизнь — штука хитрая, — подтвердил Митчелл, — поэтому удобный случай подворачивается, как правило, в самый неудобный момент. Вот помню как-то... нет, хоть тут и нет дам, но все равно, мы же не простолюдины, чтобы о таком рассказывать...

Сэр Растер покосился в мою сторону.

— Надо жить, как вот сэр Ричард: мечется между тронem и виселицей! Ему не скучно.

Митчелл вздохнул:

— Жизнь у нас, конечно, не удалась, но в остальном все прекрасно.

— Мне тоже кажется, — согласился Растер, — что вся моя жизнь — это несчастный случай, растянутый на десятилетия. Вчера я вообще хотел покончить жизнь самоубийством, но не нашел повода!

Они похохатывали, все чаще поглядывали на меня, приглашая присоединиться к легкому разговору.

— Если вы не смогли сделать свою жизнь прекрасной, — изрек наконец я, — значит, жизнь сделала вас.

Небо красное, словно после гигантского пожара, даже облака выглядят застывшими шарами огня. Далекая горная гряда темная, горят красным только ребра, но вода в реке, через которую идем по мелководью, удивительно голубая, даже синяя, насыщенно-синяя. С берега на воду падает тень, в том месте она темно-зеленая, зато здесь от наших ног настолько радостно-синяя, будто ее освещает другое солнце.

Я привстал в стременах.

— Вон там, — спросил у всезнающих искателей

приключений, — и есть владения сэра Тирола? Или мы проехали мимо?

— Он, — заверил сэр Растер. — Хранитель старых традиций...

— Отлично, — ответил я с облегчением, — заночуем в замке, а не под открытым небом.

На ровном месте, вдали от горных кряжей и даже холмов, угрюмая и потрепанная временем башня высиится среди полуразрушенных стен и заброшенных построек, единственная уцелевшая Бог знает с каких времен. При короле Утерлихе, как начал с удовольствием рассказывать Растер, в стране воцарился мир и длился — невиданное дело! — почти двести лет, из-за чего решили, что надобности в каменных крепостях больше нет, потому по всей Армландии... тогда она звалась как-то иначе, запаматовал, строили обычные удобные дома. Только некая большая семья по-прежнему обитала в этой неудобной и сырой крепости, заслужив прозвище помешанных чудаков.

Но однажды на страну нахлынули дикие орды. Конные племена настолько быстро завоевали королевство, а за ним еще и еще, пока не расшибли лбы о Хребет, что мало кто успел оказать сопротивление. Кочевники подвергли королевство страшному разгрому, увели в неволю сотни тысяч ремесленников, длинными вереницами тянулись караваны молодых девушек — их уводили на потеху в страну победителей, и только эту крепость кочевники так и не смогли захватить, а семья, владевшая крепостью, дала приют почти всем своим крестьянам.

Кочевники ушли, когда защитники уже отчаялись удерживать крепость. Кочевники, правда, и не пробовали брать ее приступом, даже не выставили пикеты, но все равно трудно было добывать пропитание в разоренной стране во время коротких вылазок. Однако, едва

кочевники ушли, именно эта крепость и стала центром собирания земель. Лишь столетия спустя, когда снова заселили опустошенные земли, крепость начала терять свое значение, а окончательно перестала быть центром, когда оформились молодые и свирепые королевства.

— Понятно, — сказал я, — порфиноносная вдова...

— Как, простите?

— У жителей тлеет чувство оскорбленной гордости, — сказал я. — Комплекс петербуржцев. Ладно, договоримся... может быть.

Подъезжая ближе, рассмотрели, что башня не совсем башня, что обычно служат лишь сторожевыми вышками, а массивная, просторная, настоящий каменный дом, разве что поднятый на высоту седьмого-восьмого этажа. Если остальные здания, от которых только каменные пеньки, когда-то соответствовали, то это была настоящая крепость...

Митчелл как уловил мои мысли, сказал с видом умудренного профессионала:

— Такая крепость несокрушима, но содержать дорого. Больших нашествий нет, а при местных стычках отсидаются и в этой башне.

Сэр Растер добавил уважительно:

— Она сама по себе крепость!

На крыше, украшенной зубцами, что означает статус большой крепости, появился человек, налег животом на каменный край между зубцами. Мы подъехали и остановились, рассматривая тяжелую, окованную металлическими полосами дверь, а он с высоты рассматривал нас.

Наконец Растер заорал:

— Что пялишься? Открывай ворота, дурень!

С крыши ответили саркастически:

— Вот прям шас?... Кто такие?

Сэр Растер грозно прокричал:

— Разуй глаза, дурак! Штандарт не видишь? Это гроссграф Армландии!.. И сюзерен твоего хозяина, понял?

С крыши после паузы донесся размышляющий голос:

— Гроссграф? А че это?..

— Не твое дело, дурак! — рыкнул Растер, повышая голос. — Открывай! Рассуждать он будет о генеалогии, скотина немытая!..

Человек на крыше хмыкнул, но отодвинулся, а затем исчез вовсе. Мы терпеливо ждали, сэр Растер раздраженно сопел, наконец и Митчелл сказал негромко:

— Я бы сказал, что пора уже спуститься.

— Да чего спускаться, — буркнул Растер, — всего-то крикнуть вниз.

— Совещаются? — предположил я.

— О чем? — удивился Растер. — Прибыл сюзерен! Ворота должны открыть немедленно. Ни о чем не спрашивая.

Я вздохнул:

— Это верно. Подождем еще чуток.

Сверху раздались голоса. На крыше появилось уже несколько человек, зубоскалили вполголоса, рассматривая нас. Растер рычал, медленно наливаясь кровью, Митчелл хмурился.

Я положил руку на молот.

— Что ж... придется напомнить, что пришли люди, облеченные властью.

— Вот-вот, — сказал Растер обрадованно.

— А власть — это сила, — сказал я.

Молот с такого расстояния даже не перекувырнулся: грохот, оглушительный треск. Во все стороны брызнули белые щепки. С визгом разлетелись железные полосу, на лету скручиваясь в спирали.

В каменном здании на месте ворот образовалась

широкая дыра. Одна створка сохранила пару обломанных досок, раскачивается на железных скобах, другая усеяла щепками все вокруг.

Растер и Митчелл застыли в седлах, еще не видели, как бьет молот, лица посерели, а глаза одинаково выпучились. Я поймал и повесил на пояс, неспешно вытащил меч и пустил коня в проход.

В просторном полутемном помещении к стенам прижимаются насмерть перепуганные люди. Я проехал на середину зала, копыта Зайчика стучат, как кастаньеты великанши, обнаженный меч блестит холодно и зловеще.

— Ну и что? — поинтересовался я раздраженно. — Помогли вам крепкие ворота?..

За спиной сказал наконец сумевший заговорить Растер:

— Сэр Ричард, а не разнести ли и саму башню?.. Красиво так это...

— Хорошая идея, — проговорил Митчелл. — Вдрызг!

— Камни брызнут еще лучше, — сказал Растер громко. — А что? Ломать так ломать!

От перепуганных людей наконец отделился толстенький человечек, богато одетый, бросился в ноги моему коню.

— Благодетель!.. Не губите!.. Просто хозяин болен, вот и бегаем то к нему, то от него!

— А без него решить не можете?

— Как можно, — испугался он. — Он же хозяин!

Я бросил поводья Зайчика ему в лицо.

— Держи. А я пойду посмотрю.

Митчелл пошел за мной, но остановился у лестницы, поставив на первую ступеньку ногу и поигрывая обнаженным мечом. Растер, не слезая с коня, кружил по залу, грозный и рыкающий, на него смотрели с ужасом.

Молодцы, отметил я. Что значит ветераны. Не сговариваясь, выбрали именно те места, где могут контролировать все это стадо. Растер охраняет вход в башню, а Митчелл не позволит никому ни за мной броситься, ни сверху сбежать.

Со второго этажа начали попадаться перепуганные люди. Я в сверкающих доспехах старинной работы, громадный и с дивно блистающим мечом, кажусь чудищем, закованным в сталь. Все прижимаются к стенам, лестница узкая, я почти задевал некоторых существ, а среди этих существ есть и обомлевшие от ужаса молоденькие служанки, пышненькие и сочные, как куропатки. Они смотрят такими испуганными глазами, что во мне сыграло нечто, и едва не задрал одной из них платье за голову, вспомнив, что трусы не войдут в употребление еще лет сто, если не двести. Как и лифчики.

На третьем этаже столпились люди с оружием в руках. Никто не бросился в мою сторону, но мечи обнажены, все закрывают спинами дверь в единственную комнату на этаже.

— Ну что, — произнес я почти ласково, это прозвучало куда более зловеще, чем крики и брань, — будем драться с сюзереном?

Один сказал дрогнувшим голосом:

— Никто... не собирался! Но хозяин спал, его начали будить...

— Мне сказали, — напомнил я, — что он болен.

— Болен, — сказал страж нервно. — Ему дали попить чего-то, заснул. Вот будили...

— Брысь, — велел я. — Там внизу мои люди, они разнесут и башню вдрызг, поняли? Если что. А сейчас я изволю проверить ваши брехни насчет хозяина.

Они очень неохотно расступились, я видел оценивающие взгляды насчет моего роста, ширины плеч и длины рук. Смотрели и на доспехи, каких здесь еще не

видели. Когда отступили достаточно далеко, я толкнул ногой дверь, шагнул через порог.

Дверь ударилась о стену и, отскочив, смачно впечаталась в проем. Я оказался с мечом в руке в спальне, где мощно пахнет больницей. И хотя здесь запахи иные, но запах уныния и болезни чувствуется как в воздухе, так и во всем: темных гобеленах, закрытом подушками окне, затхлом непрветриваемом помещении.

У противоположной стены широкое ложе с балдахином, рядом на стульчике женщина в простой, но богатой одежде, и стоящий мужчина, в котором я узнал того хмыря, что рассматривал нас с крыши.

И хотя шелохнулось чувство вины, хозяин в самом деле болен, я не удержался от ехидной реплики:

— Быстро же ты гоняешь, черепах!.. Там половину народу побили из-за тебя.

Женщина быстро поднялась, высокая, стройная, с пышной копной черных волос.

— Мой муж болен, — сказала она быстро, — так что мы не могли вас принять так, как полагается... графу... гроссграфу? Я леди Тулузея, жена хозяина замка.

— Гроссграф Армландии, — представился я. — Ричард Длинные Руки. Паладин, сюзерен и вообще лицо, принимающее решения.

— Мы ничего об этом еще не слышали, — ответила она настороженно. — О вашем... гроссграфстве, сэр паладин.

— Я шагаю быстро, — ответил я почтительно, но с легкой твердостью в голосе. — Кто пытался оказывать сопротивление — уже не противится. Убит или бежал в другие королевства. Замок графа Хоффмана я присоединил к своим владениям. И вообще... собираюсь отбирать земли и замки у тех, кто противится моей воле... еще не монаршей или августейшей, но и гроссграф — уже не совсем коза на базаре. Так что учтите...

Леди Тулузея быстро зыркнула на ложе. Мужчина с сильно исхудавшим лицом, бледный, как пергаментная бумага, с усилием поднял набрякшие веки.

— Я слышал... — прошептал он. — Я не противлюсь...

— Рад это слышать, — ответил я. — Ладно, не буду мешать выздоровлению, а вы, не сомневаюсь, выздоровеете. Уже ночь, мы проведем ее в вашем... гм... замке, а утром отправимся обратно. Но оммаж вы должны произнести хоть и на смертном одре.

Леди Тулузея сказала быстро:

— Сэр грессграф... не сомневайтесь, мы не противимся вашей воле! Мы просто хотим сохранить то, что у нас есть. На большее не претендуем.

Она выпрямилась, жаркий румянец окрасил ее темные от загара щеки. Высокая и хорошо очерченная легким платьем из тонкой ткани грудь часто вздымается, заставляя то и дело бросать на нее взгляды. Я невольно залюбовался этой женщиной, что продолжает выглядеть как молодая девушка. Плотный загар покрывает чистую кожу ее странного лица, в котором перемешались все тысячелетия и все народы, населявшие эти древние земли. Лицо подчеркнуто строгое, без лишних деталей и украшений, прямой взгляд темных глаз загадочен, нос выточен очень изящно, губы почти черные, и все тело почти черное, лишь совсем случайно, когда поклонилась мне, как господину, я успел увидеть ослепительно белую кожу, какой гордились бы фаворитки французских королей.

— Я не планирую у вас ничего отнимать, — ответил я легко.

— Благодарю вас, сэр...

— Сэр Ричард, леди.

— ...сэр Ричард.

Я добавил:

— Но оставить так близко соседа без клятвы верно-сти, согласитесь, рискованно.

Леди Тулузея скованно улыбнулась, я поклонился, но не слишком, надо соразмерять между почтением к женщине и своим все более растущим статусом, вышел в коридор. Людей с оружием стало втрое больше.

Я сказал строго:

— Вот что, орлы! Хозяин признал меня сюзереном. Так что и вы теперь должны смотреть на меня... соответственно.

Они подтянулись довольно нехотя, но смотрели по-прежнему недружелюбно. Я читал на их лицах классическое насчет двойного гнета.

— Ничего, — сказал я утешающе, — в большом хозяйстве больше возможностей.

Глава 14

Как почетным гостям, нам отвели весь верхний этаж, хотя насчет почетности я мог бы и поспорить: разве что в Тюрингии верх считался привилегией знати, а в остальных регионах обычно знатные располагались на первых этажах.

Впрочем, с хозяевами не спорят, особенно с больными. Митчелл вежливо попросил у меня разрешения заночевать вне башни. Лето, мол, кончилось, скоро полетят белые мухи, в последний раз полюбуется золотой осенью. Объяснение дурацкое, но я все понял и не стал возражать, как и против желания Растера чисто по-мужски провести ночь среди воинов.

В комнате я с порога проглядел ее по-всякому и старательно понюхал воздух, но здесь едва уловимые и размытые полосы запахов угрюмых женщин, что когда-то перестилали постели. Окно закрыто плотными ставнями, так что запахам не меньше недели-двух.

— Терпимо, — произнес я. — Ладно, утро вечера мудренее...

Лег на спину, заложив ладони за голову. Как-то надо совместить это гроссграфство и вылазки на Юг. Те две прошли успешно, теперь надо собрать надежную команду. Не факт, что со мной захотят отправиться Гунтер или Зигфрид, могли и прижиться здесь, к тому же для них Юг совсем не то, что для меня. Так что впредь еще будут сложности.

Ладно, без непредвиденных не обойтись, главное — завтра с утра в Сворве, там выйду через нуль-туннель и постараюсь узнать насчет покупки земли. Землевладельцы везде в цене, к ним больше уважения, чем к любым слоям населения. Землевладелец — это человек, который не сбежит. С него можно драть налоги, никуда не денется, но и не перегибать: земледельцы — самая надежная опора любого режима.

Я ощутил струйку свежего воздуха раньше, чем скрипнула и приоткрылась дверь. Женщина, укрытая в покрывало до пола, вдвинулась неслышно, от нее пахнуло хорошими духами.

Сделав пару шагов, она сказала таинственным шепотом:

— Как? Заснуть, не дождавшись меня?

— Не сплю, — заверил я. — Вот эта... жду.

Она остановилась у ложа.

— Чего?

— Приятных неожиданностей, — пояснил я.

Она тихонько и очень женственно рассмеялась, неспешным движением отбросила покрывало, оставшись нагой, и, грациозно изгибаясь, медленно взобралась ко мне.

Я не двигался. Леди Тулузея наклонилась надо мной, тяжелые женские груди повисли над моим лицом. Под их горячий недевический тяжестью там, выше, истончи-

лось и, натянув кожу, вытянулось, а здесь огромные и нежные покачиваются, медленно опускаясь, смотрят мне в губы крупными красными сосками, удлинненными настолько, что выглядят элитными виноградинами.

— Да, — согласился я, — хороша...

Она поинтересовалась с явным удовольствием:

— Насколько?

— Достаточно, — согласился я. — Достаточно хороша.

— Достаточно для чего? — спросила она мурлыкающим голосом, ее полные груди качнулись и задели горячими кончиками мои губы.

— Чтобы соблазнять заблудшие души, — пояснил я.

Ее груди, заслоняя весь мир, качнулись слева направо, я ухитрился поймать губами один сосок, но он дразняще выскользнул.

— Но вы, сэр Ричард, душа не заблудшая?

— Все мы в этом мире заблудшие, — ответил я смиренно, — кто считает себя незаблудшим — впадает в смертный грех гордыни.

Грудь опустились еще ниже, я наконец захватил горячий красный сосок губами и взял на всю его длину. Он тут же распух и удлинился. Я чувствовал, как в нем толчками бьет кровь, разогревая все сильнее и сильнее, заставляя разбухать, утолщаться.

— И как в таких случаях поступаете, сэр Ричард? — произнесла она с милой издевкой. — Вы же паладин... рыцарь церкви?

Я промямлил краем рта:

— А что... паладин... синоним дурака?

— Ну... вам же многое запрещено...

— Чем больше кому чего запрещено, — пропыхтел я, — тем больше он человек...

Она уже говорит прерывающимся голосом, ее тело непроизвольно двигается, глаза расширились и стали

почти невидящими, я перевернулся с нею, оказавшись сверху.

— И что... вы... в таких случаях...

— У нас есть способ, самой церковью проверенный, как бороться с соблазном, — ответил я железно. — Очень просто: поддаться ему!

Солнечный луч щекотнул нос, я сморщился и чихнул. Рука моя непроизвольно пощупала место рядом на ложе, но там пусто. Открыв глаза, я вспомнил, что поддался соблазну еще пару раз, прежде чем заснул, а сейчас вот благостен и светел. Могу думать о высоком, никакие гормоны не бьют в голову с силой крепостного тарана, расшибающего ворота. Перед глазами не скачут скабрзные картинки, хотя и переел на ночь жареного мяса с перцем.

Со двора доносятся бодрые голоса: дворня всегда встает рано, проснувшиеся хозяева могут потребовать горячей воды и свежеепеченного хлеба, со стороны конюшни конское ржание и перестук копыт.

Леди Тулузея в самом деле хороша, а также неистовая выдумщица, наслаждается жутким пороком. Наверняка разочаровал бы сообщением, что в моем королевстве ничего из того, что проделывала, не считается грехом. Вообще ничего из того, что между мужчиной и женщиной в постели, — не бесстыдство, не порок, не даже разврат. А она так жутко краснела и стеснялась всего, что сама же придумывала, что ну просто прелесть...

Служанки внесли горячей и холодной воды, обе хихикали и строили глазки. Похоже, леди Тулузея совсем не ревнива, больше думает о том, чтобы понравилось мне, чем стережет меня лично для себя одной.

— Спасибо, — сказал я, чем безмерно удивил обеих

и даже, как мне показалось, напугал, — лейте... и на шею, на шею...

— Сеньор... вам потереть?

— Трите, — разрешил я великодушно.

Снова оживились, начали перешихиваться, пошли ужимки, достаточно вольные девочки, я дал себя помыть всего и вытереть насухо, девочки начали замедленно собирать тазы, все еще с ожиданием оглядываясь на меня.

Я порылся в одежде, пальцы нащупали по монете, протянул обеим:

— Держите. Это вам на бусы.

Они отпрянули.

— Что вы, сеньор! Это большие деньги. И к тому же... нам просто неловко вот так взять...

— Тогда это аванс, — сказал я нетерпеливо. — Когда-нибудь еще заеду. А теперь брысь, я занят.

Повеселев, обе ухватили монетки и скрылись за дверью.

Я одевался, все еще вспоминая, как чудесно прошла ночь. Конечно, что-то я нарушил, но ведь даже принципы надо нарушать, а то какое от них удовольствие? Что-то там бурчит совесть, но сама виновата: уберечь от греха не смогла, а отравить удовольствие старается.

В нижнем зале за двумя столами завтракают слуги, за третьим — сэр Растер и сэр Митчелл. Слуги поглядывают на них испуганно, исподлобья, украдкой, а на меня уставились с откровенным страхом.

Я вскинул руки в приветствии, рыцари с грохотом поднялись. Сэр Растер внимательно всматривался в мое лицо.

— Что вы, сэр Ричард, как-то улыбаетесь... во всю свою благородную харю. Хорошо спалось?

— Да уж лучше, чем нам, — буркнул Митчелл. — Видно же...

Я усадил их величественным жестом, но не успел сесть, как сверху, часто цокая каблучками, спустилась леди Тулузея. Мы все трое поспешно встали. Она ода-рила всех троих мужчин царственно-любезной улыб-кой, дав понять всем, что заметила их рост, размах плеч и общую мужскую статью, отчего оба расцвели, а она лег-ко опустилась в кресло, которое я придвинул. Глаза смеются, полные губы раздвинулись, показывая ровные зубы и влажный зовущий рот.

— Я бы очень хотела, — заявила она, — чтобы сэр Ричард не пожалел, что заглянул к нам.

— Мы все не жалеем, — заверил сэр Растер, поко-сил на меня завидующе, уже начиная о чем-то дога-дываться. — А сэр Ричард, думаю, вообще... гм... дово-лен, что решил и этот вопрос.

Она посмотрела на меня с вопросом в глазах.

— Вы решили этот вопрос, сэр Ричард?

— Вполне, — ответил я солидно. — Кстати, я весьма сожалею о недоразумении...

— Каком? — спросила она встревоженно.

— С воротами, — пояснил я. — Знаете ли, время во-енное, везде видишь сопротивление. И даже там, где его нет.

Она опустила глаза.

— О нет, сэр Ричард! Только не вам. Уверяю вас, никакого сопротивления.

Рыцари переглянулись, леди Тулузея говорит мило, игриво и намекаяюще, ничуть не скрывая, что их вождь попутно одержал еще одну победу, сломив ее сопротив-ление и насытившись ее сокровищами.

Я невольно расправил плечи и ощутил себя более значительным, но взглянул на ее прекрасное лицо, ощутил тень досады, что меня так легко ловят на крю-чок. И хотя я сам совсем не против, еще как не против

быть пойманным в такой манере, но... гм... что-то в этом есть нехорошее.

Жаркое из оленины сэра Растера принялся запивать вином, мы с Митчеллом разделились с завтраком намного быстрее. Леди Тулузея ела мало, держится мило и бесхитростно, я побыстрее допил вино, поднялся.

— Леди Тулузея, позвольте заверить вас в своем совершеннейшем... да-да, совершеннейшем!.. И прошу передать супругу, что весьма сожалеем об инциденте с воротами. Нам показалось, что к нашей особе отнеслись без достаточной учтивости.

Рыцари тоже поднялись, с пугающим слуг грохотом отодвинули тяжелую скамью.

— Леди Тулузея...

— Леди...

Откланялись, отступили, ожидая меня. Наши взгляды встретились, она смотрит так же открыто, во взгляде обещание, что в моей власти не только их замок и земля, но и ее тело.

— Леди Тулузея, — сказал и я. — Буду счастлив бывать у вас. Очень сожалею, что превратности судьбы таковы, что не думаю, будто мне повезет и окажусь в такой же ситуации очень скоро... но буду вспоминать, да... это будут прекрасные воспоминания...

Она улыбнулась, чуточку горделиво, она старалась, чтобы я был доволен. Я поцеловал ее в щеку, и мы вдвоем отбыли через проем, к которому плотники уже подтащили новые створки.

На нас посмотрели с испугом, мальчишки бегом подвели коней.

Возвращаться решили другой дорогой: ну их, эти опасные пески, да и мне нужно оглядеть свои владения.

Сэр Растер затянул песню, Митчелл долго крепил-

ся, но начал подпевать, дико фальшивя, Растер тут же умолк и повернулся в мою сторону.

— Я поспал часок среди угрюмого мужичья, сэр Митчелл под храп своего коня, а вот сэр Ричард... гм... выглядит счастливым!

— Вот уж счастья нет, — ответил я.

— Что случилось?

— Счастье, — объяснил я, — есть удовольствие без раскаяния.

Растер изумился:

— Неужели раскаиваетесь?

— Немножко, — признался я. — Самую малость, но все же... Что-то в этом есть нехорошее.

— Раскаяться, — сказал сэр Растер, — никогда не поздно, а согрешить можно и опоздать.

Митчелл поддержал:

— Плохой человек отличается от хорошего тем, что первый раскаивается в содеянном, а второй — в несодеянном. Но грешат и те и другие. Ничего, если чувствуете что-то нехорошее, сходите к отцу Бонидерию на исповедь.

Я сказал уныло:

— Исповедь без раскаяния есть хвастовство. А у меня раскаяние... какое-то ненастоящее.

— Как это?

— Ну, раскаиваюсь, потому что надо раскаиваться. И в то же время я как бы совершил харасмент. Ну это такое, такое... Словом, мне такое не нравится. Я хочу нравиться мужчинам и женщинам тем, что я замечательный, а не потому, что меня боятся.

Сэр Растер, судя по его лицу, ничего не понял, хотнул.

— А ворота в щепки! Самая крупная с мелкого воробья.

— Запомнят, — сказал Митчелл недобро. — Сэр Ри-

чард, мир признает только силу. Потому ее надо применять сразу. И чаще.

Я промолчал. Да, мир таков. Ну и хрен с ним, подстраиваются простолюдины, а мы не они.

Отъехали довольно далеко, как вдруг я вспомнил, что сэр Тирол болен, а мне даже в голову не пришло, что нужно попытаться его излечить. Не хочется думать, что я настолько зачерствел или что подсознательно хочу видеть его прикованным к постели, дабы без помех пользоваться его женой...

Нет, все-таки в этом жестоком мире я постоянно сталкивался с тяжелыми и легкими ранами, привык останавливать кровь и заращивать разрезы, умею регенерировать рассеченную железом ткань, и потому просто не сообразил, ступор такой, что это только раненый, хоть и не залит кровью, хоть из него не торчат стрелы.

По сути, надо бы вернуться и попробовать, но мы уже достаточно далеко отъехали и... да ладно, пусть сэр Тирол выздоравливает сам. Не могу же бросить все и начинать лечить всех убогих, я не мать Тереза, той хоть делать было не фиг, а у меня много дел, из них половина великих, а половина и вовсе грандиозных. Я, может быть, скоро паровоз выдумаю.

Из-за спины донесся глубокомысленный голос сэра Растера:

— Женщина — это как открытая книга на языке эльфов, вроде бы все видно, но абсолютно ничего не понятно.

Голос Митчелла прозвучал с едва заметной насмешкой:

— Женщины созданы дарить нам радость, и попробуй только отказаться от такого подарка... Мне кажется, сэр Ричард не сумел...

Растер сказал обидчиво:

— Очень красивая женщина! А красивую можно целовать без конца и ни разу не попасть в одно и то же место. И вообще... тот, кто может управлять женщиной, справится и с королевством!

Митчелл подхватил уже серьезнее:

— Да, Армландия — такой корабль, где штурвал надо держать крепко. Сэр Ричард, как думаете управлять?

Недовольный, что выдергивают из глубоких дум, как морковку из грядки, я буркнул:

— Правильно.

Митчелл пришпорил коня, замаячил рядом массивной башней, закованной в толстые стальные плиты. Я видел, как посмотрел на меня с глубоким участием, совсем не тот здоровенный и вечно раздраженный бык, с которым схлестнулись за Перевалом.

— Сэр Ричард, — сказал он, — людям не нужно, чтоб было правильно. Людям нужно, чтоб было хорошо.

Я стиснул челюсти, через силу кивнул. Да, всем надо, чтобы хорошо. И хрен с ним, правильно или не правильно. Если хорошо, то и правильно.

Часть IV

Глава 1

Как холодной волной накрыло: вдруг ощутил, именно ощутил, что в самом деле стал одним из крупнейших земляных магнатов. Со слов Барбароссы это знал, а теперь и ощутил с пугающим холодком по нервам. Очень уж не люблю ни общественных, ни каких других нагрузок. Мне бы, проще говоря, право первой брачной ночи и подобные вольности дворянства, а магнатство чтобы шло само собой, но, увы, за право первой брачной надо расплачиваться.

И не факт, что воспользуешься этим правом, все равно от обязанностей магната это не освобождает. А я знаю, что такое быть магнатом: Семен Семеныч отпахал смену у станка и с ящиком пива к телевизору, где футбол, а на выходные на дачу — клубнику собирать, летом же куда-то отдыхать поедет, а магнат пашет круглые сутки, ни выходных, ни отпуска, даже сны у него не про баб, как у людей, а кошмары про маржу, кредиты, добавочную стоимость, прорехи в охране, падение курса йены в Гваделупе...

Правда, пока я магнат только на словах или бумаге, местные лорды вряд ли горят желанием признать мою реальную власть над ними, но это еще хуже: будут творить, что захотят, а отвечать, как грессграф, буду я?

Тупая злость набухала во мне, словно из глубины души поднимается темная динозавря мощь. А то еще и додинозавря, все-таки человек еще от амебы накопил в себе звериности столько, что церкви пока не под силу обуздать такого злобного и хитрого животного.

Если я гроссграф, то я и буду им. И всех вас, гадов, заставлю ходить строем. И будем строить коммунизм... тьфу, Царство Божье на земле ускоренными темпами. Догнать и перегнать, большой скачок и все такое, но на моих землях... ну да, моих!.. будут и законы, будет и процветание. Не знаю, хватит ли у меня ума насчет железной дороги и парового двигателя, вроде бы все просто, я же видел, как чайник кипит, но вдруг какие технические трудности?

Словом, я сделаю Армландию крутой державой. А попутно подумаю, как отыскать туннель под Хребтом, это прямой выход в герцогство Брабант. А Брабант... это как бы тоже чуточку мое, все-таки я граф Брабантский. Герцог Валленштейн поддержит, не сомневаюсь... А кто владеет туннелем — тот владеет золотой жилой. Да что там жилой — всеми жилами этого района. Неиссякаемыми. Которые даже разрабатывать не надо, все торговцы будут платить за проход...

Сэр Растер и Митчелл держатся позади, Растер сообщил, что это из почтительности, но на самом деле у них интересы совпали в широчайшем диапазоне от баб до охоты на перепелов. Болтают, как две кумушки, разве что о заточке мечей, а не о фижмах и оборочках.

Бабье лето в разгаре: деревья с желтой и красной листвой, воздух горячий, сухой, а небо почти белое. Впереди долина покрыта светло-зеленой травой, зато отвесные горы справа и слева вырастают неправдоподобно синие. Лишь вершинки сверкают голубизной, а ниже, в тени, какой-то странный синий камень. Возможно, стены из такого выглядели бы впечатляюще, но

вот так эти синие отвесные камни высотой в сотни метров выглядят пугающе, словно свалились с другой планеты. Даже не из Солнечной системы.

Под самой горой примостился на земляном зеленом холме обветшалый замок, больше похожий на заброшенную усадьбу. Дорога к нему давно заросла травой, хотя над одним строением вьется дымок.

Я придержал Зайчика, поджидая рыцарей, кивнул сэру Растеру:

— А там кто?

Он в затруднении морщил лоб:

— Гм, там никого...

— Ну хотя бы мышка-норушка? Или это тролли жарят оленину?

— Оленину? — переспросил он заинтересованно. — Может быть, свернем? Оленина — это хорошо, особенно если молодая, сочная...

Митчелл сказал с укором:

— Сэр Растер, куда это в вас столько влезает? Или у вас, как у чародея Ктулхуллена, три добавочных живота?

— Какой еще Ктулхуллен, — обиделся Растер. — Настоящий мужчина должен уметь наесться в запас. Ну не хотите, не надо. Что я, оленины не видел? Подумаешь, оленина. Даже если хорошо прожаренная...

Митчелл посмотрел в сторону дымка:

— Вообще-то проверить надо бы. Замок вполне для обороны. А как для жилья, можно посмотреть.

Они с вопросом в глазах посмотрели на меня, я колебался, отмахнулся.

— У меня от замков уже в глазах мальчишки кровавые. Пусть живет тот, кто занял. Еще и лягушку-квакушку пустит, я не против. Когда обживется, тогда нагрянем и налогами его, налогами... А сейчас просто сбежит, ему терять нечего.

— Мудрое решение, — согласился Митчелл уважи-

тельно. — Нужно, чтобы баран сперва отрастил шерсть. Да мяса нагулял.

Резко потемнело. Зловещая черная тень обогнала нас и помчалась впереди. Я поспешно задрал голову, там грозно двигается одно-единственное облачко, однако тень по земле не ползет, а мчится со скоростью скачущего коня.

— Гроза, — сказал Митчелл буднично.

— От одного облачка? — спросил я.

— Смотря от какого...

Облачко на глазах быстро разрасталось, темнело, в нем начали слабо поблескивать багряные сполохи. Растер тоже поглядывал обеспокоенно, спросил Митчелла:

— Как думаешь, это все Багряные Всадники?

— Похоже, — буркнул тот. — Но пока не польет, точно не скажешь.

— Всадники? — переспросил я саркастически. — Да еще Багряные? На чем же они скачут?

— Багряные, — подтвердил Растер. Подумав, уточнил: — А на чем скачут... Древние много умели! Но могут быть и вовсе подземники. Они иногда выпускают этих... ну, этих...

Он сделал в воздухе неопределенное движение, я сказал понимающе:

— Этих? Ну так бы и сказал! Сразу все понятно.

— Ах, сэр Ричард...

— Что?

— Да никто теперь уже не объяснит, что это.

— А почему именно Багряные Всадники? Или подземники?

— Да никто не знает, — ответил он угрюмо, мне почудилась в голосе рыцаря тоска по утраченному раю. — Так говорят... И те и другие насылают похожие тучи. Двигаются всегда против ветра, видите?.. Только от Багряных всегда падают рыбы и всякая морская мелочь, а если подземники шалят, то песок и камешки...

Митчелл сказал со смешком:

— Правда, однажды песок оказался золотой. Засыпало поля в одной деревне, да и между домами навалило по шиколотку.

— Да, — согласился Растер с завистливым вздохом, — слышал я ту историю. У крестьян золото из ушей лезло! Выкупились сами, выкупили земли и сами купили себе соседние деревни... А кто-то и домик себе отгрохал почище замка.

Они все настегивали коней, мне показалось, что Зайчик косится огненным взглядом на тучу и старается идти быстрее, словно страшится ее больше нас. ✎

— Вон там деревушка! — заорал Растер. — Минуем лесок...

За спиной настигающий грохот, словно несется поезд, мы понеслись на большой скорости к вырастающему на глазах высоченному частоколу, но грохот настиг, на голову и плечи обрушился водопад холодной воды.

Тяжесть вжала в седло, это не ливень, а тонны, сотни тонн падающей воды. По голове и плечам несколько раз ударило, сквозь завесу желтой воды я увидел бьющихся на земле в потоках воды крупных рыб. Крабы, каракатицы и ракушки падали и оставались на месте, хотя крабы потом начинали шевелить клешнями.

Падающая вода превратилась в ливень, когда кони достигли стены из вкопанных в землю бревен с заостренными сверху концами. Сверху весело кричали, там под навесом трое молодых мужиков с луками в руках. Растер погрозил им кулаком, но ворота уже открывались, мы пронеслись по улице, а ливень перешел в простой дождь, при котором уже не падают с неба рыбы.

Растер и Митчелл начали оглядываться, на лицах надежда: вдруг да среди рыбин и крабов блеснут куски золота, а я обратил внимание на мальчишку лет десяти,

насквозь промокшего, стоит под дождем, жалко шмыгая носом, лязгает зубами.

— Эй, малыш, — спросил я, — что-то случилось?

Он хмуро зыркнул на меня большими черными глазами.

— Да.

— Что?

— Я убежал из дому...

— Почему?

Он сообщил угрюмо:

— Меня хотят купать.

Растер заржал, а я сказал очень серьезно:

— Правильно сделал. Это женщины пусть моются, а мы, мужчины, умеем чесаться! Из тебя получится настоящий воин... Пригодный к дальним походам. Скажи, где здесь дом старосты?

— Вон тот, самый большой...

— Молодец, — сказал я и повернул коня к самому большому дому.

Мы обсушились, староста и его семья старались накормить и угостить, гордясь достатком, я сидел у окна и рассматривал тесно сгрудившиеся дома. Общая крыша соединяет хозяйственные постройки с соседними домами, так что при необходимости люди могут скрытно перебегать из дома в дом, очень удобно для защиты.

Митчелл придиричиво расспрашивал, откуда они здесь взялись, почему так близко к лесу Белых Корней, сэр Растер ел быстро и жадно, я внимательно слушал.

Деревня росла быстро, но самое первое, что здесь поставили, — это высокий частокол. В мирных землях поселенцы первым делом ставят церковь, ну хотя бы часовню, а вот в таких, куда то и дело забираются если не стаи троллей, то отряды самых отчаянных варваров или просто шайки разбойников, сперва возводят часто-

кол, уж потом роют землянки, ночуя на телегах и под телегами. Очередь домов приходит в конце, когда начинают распахивать землю, а до этого живут охотой, сбором ягод, грибов, рыбной ловлей — рыбы в окрестных озерах и реках видимо-невидимо.

Королевские войска или дружины лордов в таких краях бывают в самых редких случаях: когда варвары слишком уж досаждают набегам, разоряя целые города, а вот из-за какой-то деревушки сюда отряды не пошлют. Если тут вздумают селиться вольные люди, то это их дело. Зато воля: налоги не платят, перед господами не кланяются и даже шапки не снимают.

Староста, объяснив все, посматривал с вызовом. Я сказал мирно:

— Вы поселились возле очень опасного леса. Вы на моей земле, но защитить, увы, пока что не могу. Просто не до того. А раз так, то и брать налоги — нечестно.

Он перевел дыхание с явным облегчением.

— Спасибо, ваша милость, за понимание.

— Это не продлится вечно, — предостерег я. — Когда разделаюсь с неотложными делами, возьмусь и за этот лес.

— Мы дадим проводников, — сказал он с готовностью. — Мы знаем логова этих тварей, но у самих сил не хватит.

— Договорились, — ответил я, поднимаясь. — А пока вы свободны от любых налогов. Выживайте пока что сами...

Растеру и Митчеллу местные парни помогли надеть доспехи на просохшую одежду. Все делали с такой сноровкой, словно уже побывали оруженосцами или у самих припрятаны латы, так что обращаться с ними умеют.

Ворота распахнулись, солнце сияет в быстро просыхающих лужах, мальчишки уже долавливают мелкую рыбешку и тащат в деревню. Под копытами хрустят ре-

кушки размером с блюдца. Я помню, что смерчи иногда выпивают целые озера со всеми его обитателями, переносят на сотни миль, а там обрушивают на землю. Бывали случаи, когда смерч поднимал в воздух целое захоронение древнеегипетского богача, а то и фараона, переносил тоже далеко и там засыпал землю золотыми монетами, ожерельями, кольцами, серьгами и прочими драгоценностями. Но чтоб из моря поднял таких громадных рыб... к тому же впечатление такое, что поднял с большой глубины. Как будто смерч может зародиться на дне океана, захватить там самых что ни на есть глубоководных крабов, а потом все это вынести наверх, да еще и отнести в сторону...

В самом деле похоже на чьи-то шуточки, мелькнула мысль. Или кто-то неуклюже пытается восстановить утраченное умение управлять погодой.

Далеко впереди на равнине изломанная полоса высоких деревьев, первый признак речки. Вскоре я уловил свежесть в воздухе, между деревьями блеснуло. Речка течет достаточно быстро, перепрыгивает камни, подмывает берег, откуда свисают толстые узловатые корни яворов, плакучих ив и величавых дубов.

Сэр Растер измерил взглядом противоположный берег.

— Не слишком крут? Может, переправимся чуть ниже?

Митчелл захохотал.

— У вас конь или коза, сэр Растер?

— У меня лучший на свете конь, — ответил сэр Растер обидчиво. — Вон сэр Ричард спит и видит, как его заполнить. Уже жалеет, что сразу не взял.

Митчелл спросил заинтересованно:

— Это верно?

— Еще как, — буркнул я. — Ночами не сплю, только жалею. Может, в самом деле забрать? Сэр Растер уже убедил, что конь принадлежит мне...

Митчелл хохотнул, еще не все понял, но увидев, как переменился в лице сэр Растер. Тот заорал:

— Сэр Ричард! Вы обещали мне реванш! Я должен попытаться отыграть коня!

— Хорошо, — ответил я милостиво. — Как только вспомните, что конь вообще-то мой... вслух вспомните, то сразу и вытаскивайте меч. Реванш состоится при любой погоде.

Сэр Растер подумал, предположил:

— А может, реванш возьму как-то иначе? Бросим кости, к примеру... Или кто дальше плюнет...

— Нет уж, — мстительно сказал я. — Мы же рыцари?

— Слава богу, — проворчал сэр Растер, — что не паладины.

Митчелл хохотнул, явно соглашаясь с Растером. Для них, мелькнула мысль, стать паладинами — как для меня магнатом: и не прочь бы, все-таки возможности, но страшат возросшие обязанности.

На синем безоблачном небе начала проступать, будто выходя из-за незримого занавеса, очень высокая и тонкая башня. Настолько тонкая, что внутри поместится только лестница, а жить либо в подвале, либо на самом верху, там заметное утолщение. Так, комната для одинокого и очень непривередливого холостяка.

Башня сверкает, словно покрыта осколками стекла. Я рассмотрел огромное кольцо из булыжников вокруг башни, внутри кольца перекрещенные пентаграммы, знаки Зодиака, а также непонятные значки, которые я, как и все, называю каббалистическими.

Вряд ли и сам волшебник понимает, какие из этих знаков простой орнамент, а какие в самом деле задевают некие струны в мироздании... или, сказать скромнее, в силовой структуре планеты... нет, еще скромнее, в силовой установке здешнего региона, но мощь у него, похоже, невероятная. В небе над башней широкая дыра

раструбом в черноту. Там повисли звезды, холодные и колючие, немерцающие и немигающие, что значит, труба выходит далеко за пределы атмосферы...

Рыцари притихли, мы тихонько проехали мимо, а когда башня осталась позади, Растер пробормотал обеспокоенно:

— А чего он...

— Забавляется, — проворчал Митчелл.

Лицо его было темнее грозовой тучи, брови сбились над переносицей, глаза зло сверкают.

— Что, показался? — спросил я.

— Да, — ответил Растер и опасливо оглянулся. — Вообще-то башня обычно незрима. Чего он сейчас, не понял...

— Защиту ремонтирует? — предположил я. — На время ремонта надо обесточивать...

Растер охнул, я быстро оглянулся. В нашу сторону смотрит гигантское, на полнеба, человеческое лицо, сотканное из белесых линий. Но глаза сверкают ярко, словно утренние звезды.

Рыцари притихли, мне тоже не по себе, но я гротеск, потому укрепился голосом и сказал с вызовом в небо:

— И что? Вот так и будем смотреть? Или вопросы какие-то?

Лицо продолжало смотреть с тем же невозмутимым интересом, но мне почудилось, судя по чуть-чуть изменившейся мимике, что мои слова достигли призрачных ушей.

— Ладно, — сказал я громко, — будут вопросы, спрашивай. Нет вопросов? Значит, и так все известно. Тогда не понимаю... Манну тратить некуда? Бери лопату...

За моей спиной охнули. Губы гигантского лица искривились в злобную усмешку. Они начали шевелиться, произносить первое слово, но звездный ветер уже

размывал призрачную плоть, лицо деформировалось, словно наложенное на поверхность озера, куда бросили камешек, затем растаяло вовсе, оставив медленно исчезающие серебристые нити.

Растер и Митчелл крестились одинаковыми движениями, Растер еще и хватался за амулеты.

Митчелл спросил потрясенно:

— Сэр Ричард, вы его знаете?

— Впервые вижу, — ответил я зло. — А кто это?

— Кто-то из магов Ивори Тауэр! Был слух, что они не все погибли, а перешли в другое... ну, вроде призраки, но и не призраки. Призраки не могут, а эти могут... но только как рыбы, к примеру, нас видят на берегу, а вылезти не могут.

— Не перешли, — поправил Растер, — а их сдвинуло. Кто ж по доброй воле перейдет? Все видишь, а зуб неймет.

Они заспорили, Растер оставался мрачным. Встретив мой взгляд, сказал коротко:

— Если бы все так, сэр Ричард! А то ведь умные люди все равно когда-нибудь найдут выход. Человек такая скотина: до последнего издыхания колотится рогами в стену, пока не проломит.

Я невольно покосился на небо. Дыра не дыра, но некий призрачный вихрь, что обращается вокруг оси со скоростью одного оборота в год-полтора.

— Кто знает, — пробормотал я, — может быть, ему там хорошо.

— Было бы хорошо, — возразил Митчелл, — к нам бы и не заглянул.

— А просто от скуки?

— Если скучно, то разве хорошо?

— Да лучше скучать, — пробормотал Растер, — сидя на троне в роскошном дворце, чем вот так... гм... трястись в седле, когда не знаешь...

— Жизнь прекрасна неожиданностями, — возразил Митчелл.

— Ну, это смотря какими...

— Разными! Если будут кормить только медом, не взвоете разве?

Растер вздохнул:

— Не знаю. Меня чем только не кормили, чаще... совсем не медом. Скорее наоборот, да, не медом.

Я все оглядывался на башню. Ничего, сказал во мне внутренний голос мстительно, сейчас посматриваешь сверху, как на жалких муравьев, но это моя земля, мои владения, и я, как всякий деспот, старающийся сосредоточить всю полноту власти в своих руках, перво-наперво жажду сделать все происходящее в моих землях прозрачным. Для себя, конечно.

Так что когда-то схлестнемся, могучий маг, схлестнемся. И хотя защищаться неизмеримо легче, чем нападать, но история учит, что все империи, все государства, что защищались, — пали. Тот, кто защищается, обречен изначально.

Ты будешь служить мне, волшебник. Или снесу твою башню с моей земли по праву хозяина. И мне неважно, признаешь мои права или нет.

Злость кипела, я улавливал удивленные взгляды. Растер сказал сочувствующе:

— Неужели задело?

— А вас нет? — огрызнулся я.

Он пожал плечами:

— Нет, конечно. А вас, сэр Митчелл?

Тот покачал головой:

— С чего бы? Я обратил внимания не больше, чем вон на тех ворон. Так вороны хоть с места на место перелетают.

— Вот-вот, — подхватил Растер. — А этот сидит в башне, никто его никогда не видел. А башня, говорят,

испокон веку. На такое быстро перестают обращать внимание, сэс Ричард! И вы перестанете.

— Вряд ли, — буркнул я, но вспомнил, что сперва нужно укрепиться в своем сюзеренстве над землями Сворве и Коце... интересно, что это за Коце и где это, затем добиться признания меня гроссграфом всеми лордами Армландии, обезопаситься от притязаний соседних королей, заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом Барбароссы... все это время не переставая укреплять якорь на той стороне нуль-туннеля....

Странно, совсем недавно ни о чем не помышлял, кроме как о Юге, я сейчас то и дело задумываюсь, как обустрою свою землю. Может быть, только потому, что раньше у меня были только замки с одной-двумя деревеньками, а вот таких территорий не было?

Правда, начнутся трения с человеком, с которым меньше всего хотел бы, чтобы они возникли. В этом мире, чтобы добыть женщину, надо убить мужчину. А то и не одного. Ну, я убил не просто мужчину, а ее мужа, барона де Бражеллена. Но добыл ли? И нужна ли мне эта добыча? Да, хочется, сам знаю, я не это спрашиваю, дурак! Нужна ли?

Нужна не нужна, не в этом дело. Нужно не нужно, так рассуждают простые люди: от крестьянина до короля, а я паладин, мы служим идеям, а бабы возле идей и рядом не лежали.

Там все с точностью до наоборот: где бабы — там испаряются и те идеи, что успели зародиться.

Митчелл вдруг спросил с проснувшимся интересом:

— А что, в самом деле попробуете как-то управиться с этим колдуном?

Я буркнул:

— Почему нет? Это мои земли.

Он хохотнул.

— Только он этого не знает. Думаю, он всю землю считает своей.

— Пусть считает... пока. Просто сейчас руки не доходят, да и голова другим занята. Попробуйте озадачить этой проблемой сэра Растера, нашего великого романтика. А то он слишком вольная птица, никаких обязанностей...

Растер оглянулся, насупился, глаза грозно засверкали.

— Сэр Ричард, я что-то не понимаю... При чем тут мой зад? Вы на что намекаете?

— Сэр Растер, — сказал я торопливо, — я совсем не то имел в виду, что вы подумали! Но сэр Митчелл вам все объяснит. А вы, сэр Митчелл, не вздумайте использовать слово «опередить», а то сэр Растер с его ранимой душой и повышенной чувствительностью и это поймет... по-своему. Как и «укоротить» или «поручиться»...

Я торопливо пустил коня вперед, последнее, что запомнил: совершенно обалделое лицо сэра Митчелла.

Глава 2

Зайчик, чуя мое нетерпение, все ускорял и ускорял бег. Наконец в лицо ударил такой ветер, что я тряхнул головой, придержал коня. Оба моих рыцаря отстали так далеко, что я угадываю их только по пыльному облачку в той стороне, откуда примчался.

Странно, я ощутил, что заблудился, со мной такое бывает часто, ну нет у меня чувства направления. Стены как будто сдвигаются, двери перебегают с места на место, а массивный светильник, по которому определял, с какой стороны иду, вдруг оказывается впереди. Но сейчас я как будто потерялся в пространстве: та же ровная степь, та же трава на желтом песке, но небо как

будто другое, выше, запах изменился, а трава слишком жесткая, колючая, будто мы в пустыне.

В десятке шагов впереди за клубился желтый туман. Раздался стук копыт, всадники с угрожающе вскинутыми мечами вынырнули из желтого облака и понеслись на меня. Моя рука метнулась к мечу, от одного противника закрылся щитом, лезвие моего меча рассекло ему грудь, словно топором вскрыл консервную банку. Вторым едва успел поднять меч от моего щита, как я ударил наискось, и рука с мечом отлетела в сторону, а всадник ошалело уставился на обрубок локтя.

Еще двое пугающе молча ринулись с двух сторон. Я торопливо швырнул молот, услышал тяжелый звон, будто кувалдой ударили по опоре моста, со вторым скрестили мечи, он бил быстро и сильно, я подставлял щит, тот содрогался от ударов, я все искал момент для ответного удара...

...и вдруг все исчезло. Пропал чужой запах, небо снова привычное, трава мягкая, стелется ковром. Я все еще вертелся, закрываясь щитом и держа меч, готовый принять удар и нанести сам, но всадники испарились, солнце печет, наконец раздался приближающийся грохот копыт.

Сэр Растер и сэр Митчелл подскакали галопом и только тогда придержали коней, пустив вокруг меня по кругу.

— Сэр Ричард! — вскрикнул Растер обеспокоенно. — Ничего не случилось?

— А вы как думаете? — огрызнулся я.

— Да нам показалось, что вы дрались с кем-то... — сказал он растерянно.

А Митчелл сказал с облегчением:

— Померещилось...

Я вскрикнул потрясенно:

— Померещилось? Да разуйте глаза!

Они проследили за моим взглядом и снова посмотрели на меня, но я сам неотрывно пялил глаза на два скелета в доспехах старинной работы, наполовину засыпанные землей. Из глазниц проросла трава, тонкие кости пальцев рассыпались в пыль.

— Э-э... — произнес Митчелл с недоумением, — вы с ними... э-э... дрались?

— Ну...

— Здорово вы их, — сказал со смешком Растер, он принял шутку и принялся развивать в меру своего понимания юмора: — Оба от страха зарылись в землю и сразу постарели... чуточку. Или это вы так вбили молодецкими ударами?

— Что за хрень, — произнес я в сильнейшей растерянности, пощупал локоть левой руки, там все еще ноет, посмотрел на щит и ощутил шок: на гладкой поверхности, где сложные рисунки утоплены вовнутрь прозрачного металла, три глубокие зарубки, а ведь не встречал оружия, что хотя бы чуть поцарапало щит Арианта! — Нет, ну я же в самом деле...

Сэр Растер перестал улыбаться во весь рот, Митчелл озабоченно хмыкнул. Переглянулись, я чувствовал, что у них на уме: не сбрендил ли сюзерен от внезапно свалившейся власти.

Я соскочил с коня, носком сапога сбросил шлем с головы скелета. Кости рассыпались в серую пыль, шлем откатился. Я поднял меч, странное ощущение, как будто уже держал его, пальцы сомкнулись на рукояти с такой готовностью, словно узнали.

Солнце блеснуло на лезвии, по спине прошла оторопь: внутри металла бегут неизвестно как туда помещенные буквы неизвестной мне письменности. Бегут в самом деле, словно в строке новостей.

— Сэр Ричард? — спросил Растер уже серьезно.

— Да...

— Ничего не случилось? Как себя чувствуете?

— Помимо того, — ответил я, — что случилось, ничего. А как я себя чувствую... Не спрашивайте, и вам не понадобится ветеринар.

Я вернулся к Зайчику, вытащил из мешка одеяло, завернул меч и снова сунул в мешок.

Растер сказал вдруг:

— Их не было тут раньше.

Митчелл поинтересовался:

— Вы проезжали именно здесь? Точно помните?

— Не в этом дело, — ответил Растер, он вслед за мной грузно слез с коня, направился вразвалку к тускло блестящим доспехам. Его собственные кости затрещали, когда он присел и начал ковырять пальцем землю. — Их убил сэ́р Ричард. Только что и... тысячи лет назад.

Я промолчал, слишком ошалелый, Митчелл спросил деловито:

— Это как?

— Не знаю, — буркнул Растер. — Но вы можете себе представить, чтобы никто на эти скелеты не наткнулся раньше?

— И не ограбил, — согласился Митчелл после паузы. — Доспехи чего-то да стоят! Вон у того панцирь сплюснен от удара молотом, узнаю вмятину. Сэр Ричард, если вы не намерены...

Я махнул рукой.

— Забирайте. Что повреждено, наши оружейники вдруг да выправят...

Меня вдруг затрясло, мелькнула тоскливая мысль, что ну ее на хрен эту магию и все чудеса. Куда проще в привычном мире, где все предсказуемо. Решено, я перестрою всю Армлиндию так, что пойдет, а то и побегит галопом по дороге прогресса. И никакой магии, только наука.

А тех, кто против гуманизма, буду вешать.

...Дальше ехали тесной группой, оба рыцаря требовали, чтобы я не отрывался от них слишком уж, места все еще опасные, а сами все обсуждали дивные свойства доспехов старинных воинов.

Растер расхваливал одного знаменитого, несмотря на молодость, менестреля, который не чужие песни поет, а сам на ходу сочиняет. Даже закаленные в боях рыцари рыдма рыдают, слушая его песни!

— Властители душ, — пробормотал я. — Опасные люди...

Митчелл прислушался к незнакомому определению, брови подвигались и встали на место.

— Да... что-то вроде. А вам он не нравится?

— Ни разу не слышал, — отмахнулся я. — Просто вообще боюсь властителей душ.

— Почему?

— А что они делают с телами?

Митчелл посмотрел непонимающе. Я пояснил:

— Даже король не может поднять народ на борьбу, скажем, с иностранным королем или на войну с сусликами. А бард — может. Тем бард и опасен. Потому что у барда в отличие от короля сердце горячее, а в голове — опилки.

Растер ахнул и указал на мой щит. Три глубоких зарубки, словно спохватившись, медленно затягиваются, будто щит сам решил зарастить свои раны. Я вертел его так и эдак, но рисунки и надписи, что в металле на глубине, остались на месте.

— Магия, — пояснил я важно, а про себя добавил: какая на хрен магия, нанотехнология, я успел увидеть, как эту фицу применили в дорогих автомобилях, те сами зарастивают вмятины от столкновений. — Теперь и у вас волшебные вещи.

Митчелл кивнул:

— Были дни, если честно, когда жалел, что оставил

отца и все там привычно-знакомое. Но эти дни прошли, сэр Ричард.

— А у меня и не было сожалений, — гордо сказал Растер. — Подумав, признался: — Правда, у меня не было отца и хорошего имени. Даже плохого не было. Вольный я человек от самого рождения!

Он посмотрел на меня так, словно я сейчас должен уговаривать его поступить ко мне на службу, но у меня от такой перспективы побежали мурашки по спине.

— Да, сэр Растер, — сказал я поспешно, — вы — образец настоящего рыцаря! Вольный, странствующий. Верный только своей даме сердца. Никогда и ни к кому на службу — это замечательно!

Он приосанился, сказал с гордостью, хоть и с некоторым сомнением:

— Да, странствующий, вечно странствующий и алчущий!.. Приключений и всяких случайностей алчущий всеми фибрами души. Хотя, конечно, я с удовольствием окажу посильную защиту и вам, сэр Ричард. Я же добрый, просто сам себе удивляюсь, до чего добрый, великодушный и снисходительный. Мой верный конь, острый меч и длинное копье всегда на защите слабых и угнетенных!

Митчелл сказал несколько ревниво:

— Сэр Ричард не совсем так уж слабый и угнетенный.

Сэр Растер благочестиво перекрестился.

— Перед Господом мы все слабы и угнетены заботами и страстями. Вот у меня никаких забот: да пошли они все...

Я со своим зрением видел еще одну башню, тоже высокую, но зловеще-неопрятную, а над нею то ли туча ворон, то ли горгулий, то ли мыши летучие... Хотя какие мыши в ясный день, да и горгульи — это ж не дурные горгоны, горгульи понимают разницу.

Сэр Растер покосился в мою сторону.

— Сэр Ричард, неужто рассмотрели из такой дали Девичью Башню?

Я ответил без охоты:

— Что-то увидел. Только у меня другие ассоциации с этой башней. Совсем не девичьи.

Митчелл за нашими спинами захохотал.

— Совершенно верно! Эта наглая дура получила то, что заслуживает! Я бы ее еще и в цепи заковал. И вывел из окна, чтобы все видели.

— А цепь, — сказал Растер понимающе, — на горле?

— Если толстая, — хохотнул Митчелл, — то не удалась бы. Зато поняла бы, что супротив закона идти грех! Да и другие слишком умные посмотрели бы, посмотрели.

Я последний раз взглянул на проплывающую вдаль башню, почудился дурной запах, хотя на таком расстоянии вряд ли, это реакция на множество крылатых тварей.

— А что она нарушила?

— Правила, — громыхнул Растер.

— Закон, — пояснил веско Митчелл.

— Божеский или человеческий?

— Божеский, — сказал Растер и перекрестился.

— Человеческий, — одновременно с ним сказал Митчелл, креститься не стал, зато зло сплюнул в дорожную пыль. — Дура набитая. Воспротивилась, видите ли, родительской воле... Я слышал про ее родителей: умные, честные и очень благородные люди. Для ее же добра подыскиали ей хорошего жениха из знатного и благородного рода, а она, дура неблагодарная, уперлась, как коза на базаре! Не пойду — и все. Не нравится, видите ли. Как будто родителям не виднее, за кого ее выдавать!

— Дура, — подтвердил сэр Растер и снова перекрестился. — Прости ее, Господи, все бабы — дуры.

Я против воли оглянулся на башню, но она уже растаяла в синем небе.

— А в башне она чего?

— Родители туда ее...

— А говоришь, — сказал я, — умные и благородные.

Растер пояснил:

— Так все по уговору! Она сама согласилась.

— Как это?

— Отец сказал, что в замужестве, которое ей обеспечивают, будет как сыр в масле кататься, а она возразила в том смысле, что с милым рай и в шалаше. Готова и на земле спать, травой питаться. Отец в гневе сказал, что, если хоть год так проживет, он не станет ей перечить. Потом спохватился, сказал «три года». Она поймала его на слове, теперь вот ее заточили в эту башню, там нет даже окон, только узкая щель в потолке, через которую спускают на веревке раз в сутки две хлебные лепешки и кувшин с водой. Хлеб такой, что умирающий с голода бродяга есть не станет, но эта упрямая дура не сдастся. Уже два года прошло!

Я покачал головой:

— Стойкая. И отважная.

Митчелл посмотрел в удивлении:

— Чем? Что по своей воле хочет выйти замуж? За того, за кого захочет? Но разве родителям не виднее, с кем брак лучше?

— А леди Даниэлла? — спросил я коварно.

Он удивился:

— А при чем здесь Даниэлла? Мы ж о бабах, то бишь девицах! А Даниэлла — ангел. Я, наверное, внебрачный сын Господа, раз мне такой подарок тайком от всех сунул! Да и не Даниэлла меня выбирала, это я на нее глаз положил. А эта дура просидит три года в темноте на воде и хлебе, потом выйдет и влюбится в какого-нибудь менестреля или фокусника!.. Те умеют зубы

заговаривать. А потом ее бросят через пару месяцев. И останется с пузом... Поташится к родителям, скажет со слезами, что они были правы.

Я поморщился:

— Митчелл, Митчелл... Ты говоришь, будто дед, из которого песок струей. Когда любишь, кто думает о последствиях?

— Так то я, — ответил он с достоинством. — Я мужчина!

— Мужчина любит безоглядно, — поддержал его Растер, — а женщина — это коза в огороде, все время по сторонам зыркает. Нет, там в башне не женщина, а какое-то чудище! Женщина не имеет божественного права выбирать. Нас это унижает. Мы что, и не мужчины? Как-то не по себе, когда не ты, а тебя... Я скорее поверю, что она вскарабкается на Большую Пирамиду, чем что из ее затеи что-то получится!

Митчелл молчал, но даже по его посадке видно, что с Растером согласен целиком и полностью. По уважительному тону Растера я понял, что речь о чем-то непростом, вроде вскарабкивания на Эверест, поинтересовался:

— А кто в ней похоронен?

Растер посмотрел на меня, вскинул брови, затем на Митчелла, тот усмехнулся, Растер прогудел медленно:

— Похоронен?..

— Ну да, — сказал я. — В пирамидах всегда хоронили... древних императоров.

Сказал и вспомнил, что в ацтекских пирамидах вроде бы никогда не хоронили. А для какой цели строили, не помню. Дикари-с.

Растер покачал головой, сразу набундючился, довольный, что может выказать знания и заодно потыкать меня в дерьмо носом, раз уж не удастся отыграть коня.

— Большая Пирамида, — сказал он значительно, —

это не пирамида, хоть она и пирамида. То есть с виду пирамида, но это не так уж и пирамида.

— Обожаю, — сказал я с сарказмом, — когда вот так сэр Растер говорит все просто и ясно. Аристотель! Гегель!

Он уловил интонацию, в запавших медвежьих глазках блеснуло раздражение.

— Сэр Ричард, если бы вы знали, о чем речь, то не говорили бы так неуважительно. Никто на свете не знает, что это. Самое ясное и простое объяснение, что это кусок времени, превращенный в вещество.

Я ахнул:

— Что-что?

— Кусок времени, — повторил он с удовольствием. — Или обломок. Или вылепленный фрагмент — тут умники расходятся. Кто превратил и с какой целью, спорят на богословских факультетах. А все остальные бредни о Пирамиде...

Я сказал поспешно:

— Не надо. Я уже представляю. У меня и от этого, простого, голова кругом идет. Остальные, верю, еще причудливее...

— Намного, — согласился Растер. Посмотрел на Митчелла за поддержкой, тот кивнул, Растер повторил с удовольствием: — Намного.

— А где эта Пирамида? — спросил я. — Надеюсь, не в Армландии?

— Зря надеетесь, сэр Ричард, — сказал Растер злобно. — На самом востоке. К счастью, там вокруг топи, болота, так что она никому не мешает...

Он умолк, на опушке здоровенный дракон, устрашающе-шипастый, пригибает передними лапами верхушки молодых деревьев. Даже встал на задние лапы, челюсти с хрустом перемалывают ветки, словно корова жрет траву. Я машинально потянулся за молотом, сэр Митчелл ухватился за копье, но Растер сказал быстро:

— Убежит!.. Вы ж видите...

У дракона в самом деле шипы только на голове, а так все мускулистое тело без единой костяной пластинки, которыми драконы так любят укрывать себя с головы до ног. На иных эти плиты толще, чем на танках, а этот же голый, лапы высокие, развитые, такие предпочитают не драться, а удирать.

Дракон поглядывает одним глазом, жрет и оценивает расстояние. Уже встречался с людьми, знает, что если удирать, то не сразу: вдруг да поедут мимо. Мы и поехали, только Митчелл сказал недобро:

— Вот такой же у моего отца все поле вытаптывал!

— Это да, — согласился Растер. — Такой если повадится — что не сожрет, то испортит.

Я снова потянулся за молотом, Митчелл подлил масла в огонь:

— Местные крестьяне наверняка от него стонут. Но избавиться не могут — такого поди поймай!

Я вздохнул.

— Поймаем. Надеюсь, это не последний на свете экземпляр. А то «зеленые» голову снимут. Сэр Митчелл, вы хотели испытать свое копьё?

— Убежит, гад, — ответил Митчелл с неудовольствием. — А я буду выглядеть дураком...

— Попробую задержать, — сказал я. — Начали!

Митчелл поспешно опустил копьё, я схватил лук, наложил стрелу на тетиву. Дракон перестал жрать, я видел, как напряглись мышцы ног, но стрела ударила точно в левую голень.

Дракон ринулся было убежать, но стрела в мышцах сильно затормозила, и дракон развернулся к налетающему с копьём наперевес Митчеллу. Растер восхищенно и завистливо ругался, конь Митчелла идет мощным галопом, наращивая темп. В момент удара набрал высшую скорость. Острый наконечник длинного копьёя

вошел в грудь, как в мягкую глину, точно в то место, где у дракона огромное сердце.

Копье погрузилось почти до половины, Митчелл оказался перед распахнутой пастью, но, не растерявшись, выпустил из рук копье и, молниеносно выхватив меч, мощным ударом срубил голову.

Голова, на мой взгляд, непропорционально мала для чудовища такого размера, но у травоядных большие только животы. Я повесил лук за спину, сэр Растер пустил коня вперед и поздравил Митчелла с мастерским ударом.

Глава 3

Я предлагал забрать с собой голову, дабы потом на стену, но оба неожиданно заупрямились. Мясо дракона, как везде говорят, обладает особой силой, и кто его поест, мужская сила увеличится во много раз.

Под мужской силой, как я понял, вовсе не крепость мышц, так что этот вопрос, оказывается, давно волнует мужскую часть населения.

Митчелл смотался в ближайшее село, пригнал подводу, дракона кое-как вставили в нее, но и тогда хвост тащился сзади, а лапы свисали с боков, задевая за колеса.

Митчелл нетерпеливо гарцевал по сторонам, Растер покрикивал на возницу, что тоже поторапливает усталых крестьянских лошадок. Мне наскучило, я заявил, что до Сворве уже близко, я поеду, а вы тут стерегите добычу.

Не слушая возражений и вырвавшись вперед, я видел, как они после минутного колебания пришпорили коней и помчались по моему следу.

Пес несясь впереди, время от времени оглядываясь на таких черепах, мне чудилось, что показывает язык Зайчику, что вынужден ползти со скоростью заурядных коней.

Еще по дороге к замку я уловил удивленные взгляды работающих в поле. Со стены увидели издали, мост опустился как раз за минуту до того, как кони выметнулись ко рву. Загремела железная решетка, а воин со стены вскрикнул с великим облегчением в голосе:

— Как хорошо, что с вами все обошлось!..

Я мгновенно насторожился.

— А что должно было случиться?

Он свесился вниз, всматриваясь в мое лицо с подозрением, словно ожидал увидеть Сумрачного Рыцаря.

— Дык как же... Прискакал гонец, прокричал, что на вас напали... Вы лежите раненый, остальные убиты... Вот леди Беатрисса и помчалась сразу же...

Рыцари проехали мимо меня во двор, я поколебался и тоже въехал, решетка тут же опустилась. Копыта загрохотали по брусчатке, подбежал Саксон, он тоже смотрел с удивлением, но на лице облегчение.

— Сэр Ричард! Слава богу, с вами все в порядке!..

— Куда поехала леди Беатрисса? — спросил я резко.

— В лес, где вы в прошлый раз охотились, — ответил он испуганно. — Нам сказали, что вы там ранены...

— Одна?

— Да, — ответил он и торопливо добавил: — Но там вообще-то место спокойное, если вглубь не сильно лезть, а нам сказали, что вы лежите прямо на опушке.

Митчелл и Растер узнали новости, когда я вихрем пронесся мимо них, направляясь к лесу. На свежем воздухе запахи держатся недолго, я внюхивался и всматривался с таким напряжением, что носом пошла кровь.

Череп разламывало от боли, я сквозь красную пелену в глазах видел, как в бешеном карьере примчались всадники, рассыпались вокруг, высматривая следы, шупая сломанные веточки. Сэр Растер сам ползал на коленях и вымерял пальцами отпечатки подков, но в боль-

шинстве это воины, которых прислал встревоженный Саксон.

Они и доложили мне виновато, что леди Беатрисса, судя по отпечаткам, пересела на другого коня, после чего весь отряд унесся на север. Гнаться бесполезно, дальше река, смоем любой след, топкое болото, где надо знать тропки, и кроме того, слишком уж пахнет магией... А это похуже любого болота.

— Возвращаемся, — говорил Растер настойчиво. — Сэр Ричард! Возвращаемся! Уже темнеет. Негоже в такую темень оставаться в лесу.

Митчелл молча ухватил моего коня за узду и потащил за собой. Зайчик некоторое время шел, кося на меня удивленно глазом, наконец с оскорбленным видом мотнул мордой, вырвав узду, прогремели копыта, ударило ветром, через минуту перед нами вырос замок.

Наверху раздался зычный голос Саксона:

— Что застыли?.. Быстро опустить мост и открыть ворота!

Как окаменевший, я проехал к главному зданию, Зайчика взяли от меня, я как сомнамбула поднялся на второй этаж. Все встречные смотрели на меня испуганно, я не сразу сообразил, что у меня с подбородка все еще капает кровь.

Вытерев лицо влажной тряпкой, я вернулся в зал, там ждут встревоженные Саксон и барон Альбрехт, а пока мы рассаживались, вбежали запыхавшиеся Митчелл и Растер.

Растер прохрипел укоризненно:

— Ну и конь...

Никто даже не поправил, что это не конь, а сэр Ричард, лица вытянутые, смотрят с тревогой. Я спросил глухо:

— Есть какие-то идеи?

После паузы Митчелл проворчал:

— Да какие... Судя по следам, леди Беатрисса воспользовалась ложным гонцом... которого она же и прислала. Зато ускользнула без помех и расспросов. А там в условленном месте ждали ее братья. Она пересела на свежего коня, братья с небольшим отрядом тут же пошли через лес в направлении на север.

— Именно там их земли, — напомнил Альбрехт.

— Пытаться преследовать опасно, — предостерег Митчелл. — Они будут полными идиотами, если не устроят в удобном месте засаду.

— Уже не своими силами, — уточнил Альбрехт деловито. — Засаду могли расположить сразу. Если будем догонять, то самый удобный случай взять нас врасплох.

Я слушал-слушал, кивком подозвал Саксона.

— Приведи гонца.

Он поклонился, лицо бледное, губы подрагивают, в глазах готовность принять любое наказание.

— Сэр Ричард...

— Да?

— Его... нет.

— Не нашли? Может, поел и сразу по бабам?

Он покачал головой:

— Нет. Я сразу велел приставить к дверям его комнаты часового.

— Почему?

Он замялся.

— Не знаю, — ответил наконец. — Так, чутье... Объяснил, чтобы никто с ним не общался.

— Разумно. И что дальше?

— Недавно сам заглянул к нему. Так, на всякий случай. Смотрю, а в комнате... пусто!

— Что говорит часовой?

— Дверь была заперта, — сказал Саксон твердо. — Часовой за это время не смог бы ни напиться, ни отлучиться. Я за своих ребят ручаюсь, вышколил. В комнате нет тайных ходов. И еще... Я обнаружил плащ гонца,

шляпу, штаны и сапоги. Получается, что он либо голый убежал...

Он умолк, я закончил тяжело:

— Либо испарился. Чертова магия, всех бы перевешал! Куда инквизиция смотрит?.. Ладно, это говорит только о том, что маги тоже замешаны в этом похищении.

— Похищении?

Глаза его выпучились. Я всмотрелся внимательнее, лицо Саксона вроде бы чуть посветлело.

— Скажи, — спросил я внезапно, — а что бы ты сам предпочел? Чтобы леди Беатрисса убежала к мятежным лордам... или чтобы ее похитили какие-то сволочи?

Он в затруднении развел руками:

— Ваша милость, я предпочел бы, чтобы леди Беатрисса оставалась в замке. По-моему, все остальное — плохо.

Я кивнул:

— Но одно из этих «или» стряслось.

Нас слушали внимательно и настороженно. Митчелл проговорил медленно:

— Если похитили, то это совсем другое дело. А кто мог похитить? Бывшие женихи?..

— Могли, — буркнул Растер. — Но что это им даст?

— Ну, если умело воспользоваться...

— Как?

— Не знаю, — признался Митчелл. — Я бы не сумел, но я бывал при дворе и видел, как самое ничтожное преимущество умеют обращать в блистательные победы. И даже сокрушительные. После которых от противника даже мокрого пятна не остается.

В тягостном ожидании прошло время, я уже начал винить себя, что неверно просчитал ситуацию, но явился крестьянин, сказал, что некий всадник велел передать письмо лично сэру Ричарду.

Вокруг меня тут же столпились рыцари. Я дрожащими руками сорвал печати со свитка, Растер тут же поднял с пола шелковый шнурок с остатками сургуча.

— Да это же, — вскрикнул он, — эмблема рода Феррейров!

— И что? — спросил быстро Митчелл. — Это кто?

— Из этого рода, — сказал Растер растерянно, — только виконт Франсуа де Сюрьенн и остался. Остальные... кто сгинул, кто... тоже сгинул. Не могу поверить...

Я быстро пробежал глазами текст. Коротко и по-деловому с меня потребовали выкуп. Я должен доставить всю сокровищницу рода Бражелленов, свой меч и свои доспехи. Если заупрямлюсь или попробую какие-то уловки, то леди Беатриссу тут же скормят голодным псам. Ждут меня не в замке, а в полевом лагере, что разбит в руинах посреди долины между нашими владениями. Привезти выкуп я должен один. Ровно в полночь.

Я читал медленно, стараясь увидеть еще хоть что-то за этими строками. Есть же медиумы, что, прикоснувшись к предмету, могут узнать все секреты владельца, но для меня это всего лишь бумага с коряво выведенными буквами. Разве что пахнет конским потом.

Саксон жадно следил за моим лицом. Я перехватил его взгляд, развел руками:

— Ничего... кроме того, что написано.

— Как будете поступать, сэр?

— Не знаю, — ответил я. — Пока не знаю.

Тень беспокойства мелькнула по его лицу.

— Одно ясно, везти эти драгоценности вам нельзя. И золото заберут, и вас убьют. Не случайно же потребовали, чтобы привезли вы в одиночку.

Я согласился мрачно:

— Не случайно.

— Я пошлю гонцов вашим ленникам, — сказал он.

— Зачем?

— Соберем войско, двинемся на их лагерь, окружим, чтобы ни один не ушел...

Я вздохнул:

— Они такую возможность учли. И потому потребовали, чтобы я привез уже этой ночью. А войско соберем только за несколько дней. Если не появлюсь ночью, все поймут. Поймут и...

Он тоже помолчал, я видел, как сдвинулись его брови над переносицей, глаза поблескивали рассерженно.

— Неужели решатся так поступить с леди Беатрисой?

— К сожалению, — ответил я. — Саксон, ты же слышал, виконт собирался в крестовый поход в какие-то северные страны. В любом случае, удалось бы ему или нет, он окажется в недосягаемости. Пока соберем войско, он со своими людьми будет уже на полпути к войску короля Гиллеберда. А тот не выдаст, с чего бы вдруг выдал?

Глава 4

Барон Альбрехт хмурился, тяжело вздыхал, сопел, наконец сказал тяжелым, как грозовое небо, голосом:

— И все-таки, думаю, вам нужно принять это, как...

Он запнулся, я правильно понял, но спросил:

— Как что?

— Как неизбежное, — договорил он. — Как одну из потерь, которыми так богата наша жизнь. На самом деле, если по большому счету, эти мерзавцы ничем вам, сэр Ричард, не навредили. Можно сказать, помогли, хотя мне и не хочется говорить такие нехорошие слова... однако это правда. Король прислал вас сюда, чтобы вы получили во владения эти земли, эти замки. Вас уже признали как хозяина, и челядь, и крестьяне всех дере-

вень, и даже вассальные лорды. Вы уже достигли всего, что хотели.

Саксон посмотрел на него с ненавистью, но смолчал. Лицо постарело, под глазами повисли мешки.

— Да, — ответил я мертвым голосом. — Они меня признали...

— У вас нет времени, — напомнил барон уже четче, — чтобы собрать войско. Это значит, что леди Беатрисса сегодня ночью умрет. К сожалению, вы ничего не сможете сделать.

Я потер ладонями лицо.

— А сколько в замке способных держать оружие?

Он переспросил:

— Рыцарей?.. Всего нас трое. Плюс вы, сэр Ричард.

— Я же сказал, — повторил я раздраженно, — сколько у нас людей, способных держать оружие?

— Челядь, что ли?

— Челядь тоже люди.

Он пожал плечами.

— Челяди наберется человек двадцать. В смысле, мужчин. Но не думаю, что они... Все верно, они любили нашу хозяйку, но не пойдут же за нее воевать...

Я задумался, один план отпадает за другим. Саксон выглянул в окно.

— Сэр Ричард, там во дворе народ...

— Что им надо? — рыкнул я.

— Спрашивают вас.

Альбрехт бросил резко:

— Гони их к черту! Не до них.

Саксон двинулся в сторону двери, но я остановил взмахом руки.

— погоди. Все равно ничего не могу придумать. Послушаю, что они просят... всегда просят, просят, просят! Черт бы их побрал.

Перед крыльцом теснился народ, а со всех сторон

подходили еще и еще люди. Я видел, как через калитку в воротах вошли крестьяне из ближайшей деревни, взлохмаченные и запыхавшиеся. Я встал на верхней ступеньке, не успел открыть рот, как Кривой Джон, шорник, с низким поклоном протянул мне большой кожаный кошель. Я взял, ощутил непривычно большую для такого объема тяжесть, так бывает, когда берешь золото.

— Мы прослышали, — проговорил он, глаза его часто-часто мигали, — за леди Беатриссу требуют выкуп. Это все наше богатство, мы копили это много лет. Леди Беатрисса, тогда еще совсем девочка, дала нам, беглецам, надел земли и свою защиту. Без нее мы бы погибли.

Толкнув его, рядом встал Деревянный Джек, замковый плотник, с поклоном протянул мне узелок из плотного шелка.

— У нас сгорел дом и сарай с единственной коровой. Мы были обречены, но леди Беатрисса велела дать нам корову и дала приют, пока на ее деньги нам отстроили новый дом.

Местный гончар подал кувшин, в его глазах стояли слезы.

— Сэр Ричард, здесь не так уж много золота, но это мы скопили благодаря доброте и заступничеству леди Беатриссы. Она разрешила поселиться на ее земле и велела выдавать нам зерно из замка до тех пор, пока не получим свое...

Прачка, не помню ее имени, подала простую деревянную шкатулку, я ощутил по весу не меньше сорока золотых монет внутри. Прачка робким голосом прошептала:

— Мой ребенок умирал, я уже позвала священника, но леди Беатрисса прислала своего лекаря прямо среди ночи... и мой малыш выкарабкался!

За моей спиной шумно вздохнул Саксон. Я стиснул

челюсти, а люди подходили и подходили, я передавал их дары Саксону, Альбрехту, наконец крестьяне начали складывать у моих ног не только монеты, но свои украшения, ожерелья. Женщины снимали кольца и вынимали из ушей серьги, протягивали мне умоляюще, еще не уверенные, что я не заберу себе, ведь я уже получил замок и земли, а леди Беатрисса мне только помеха.

Меня затрясло, когда последним подошел ребенок, очень тихий и молчаливый, на меня смотрит со страхом, но заставил себя протянуть руку и разжать кулачок. На его ладони блеснул цветными гранями камешек. Не драгоценный, но очень красивый, и, конечно, для ребенка это целое сокровище.

— Она вылечила мою собачку, — прошептал он, глядя на меня исподлобья испуганно и недоверчиво.

Альбрехт повернулся ко мне, брови взлетели на середину лбу.

— Сэр Ричард...

Я хотел рыкнуть, чтобы заткнулся, но не мог, слезы бегут безостановочно. Грудь вздымается, словно ее подстегивают электрошоком, а если заговорю, то голос будет дрожать, как фольга на ветру.

Я вернулся в главное здание, облачился в доспехи, взял меч, лук и молот, и только тогда, ощутив, что подборода уже не прыгает, как у неврастеника, вытер слезы и снова вышел на крыльцо. Сердце сжалось: люди все еще подходят по мере того, как весть достигла первой деревни, а от нее перебросилась к следующей...

На крыльце растет горка дорогих вещей. На меня смотрят с надеждой, хотя умом каждый понимает, что я уже получил все, а то, что леди Беатриссу похитили, только сняло с моих плеч одну из проблем.

— Слушайте все! — сказал я громко. — Вчетвером не сможем освободить леди Беатриссу, а я не успею со-

брать рыцарей из соседних земель. Потому я рассчитываю на вашу помощь. Все мужчины, которые умеют обращаться с оружием, пусть сейчас же пойдут с сэром Саксоном в оружейную и подберут себе то, с чем смогут управиться.

Пока крестьяне и челядь вооружались под руководством Саксона, я собрал рыцарский совет в составе Митчелла, Растера и Альбрехта. По их угрюмым злобным лицам видел: теперь переживают похищение так же остро, как и я, — во-первых, успели полюбить леди Беатриссу, во-вторых, их лорду нанесено оскорбление, а это значит — плюнули в лицо им всем.

Я спросил:

— Как думаете, почему я должен принести именно в полночь?

Митчелл пожал плечами:

— Наверное, чтобы видели вас, а вы их — нет. Заставят пройти между кострами и встать так, чтобы свет падал только на вас.

Растер сказал зло:

— Наверняка у них там колдун. А колдуны сильны в полнолуние.

— Если колдун, — сказал Альбрехт практично, — то расчет на то, что будет и без костра видеть в темноте. Виконт Франсуа вроде бы тоже зрит в полной тьме, будто в ясный день.

Я поколебался, раскрывать ли карты, сказал с неохотой:

— Я тоже ночью вижу, как днем. Так что постараюсь пробраться к леди Беатриссе, пока вы будете драться с похитителями.

Огромный пугающе-красный шар солнца, совсем не слепящий, а похожий на приближающийся к земле астероид, весь в пятнах и кавернах, опустился за край

земли. Тени слились, поглотив землю, только в небе еще долго полыхают пурпурные облака, медленно остывая, превращаясь в фиолетовые, а потом и вовсе в сине-черные.

Мы выступили скрытно, вдруг да кто-то остался следить за замком. Все пошли вроде бы в другую сторону, только я один направился прямо к месту, указанному в письме.

Зайчика оставил задолго до лагеря разбойников, Пес крадется рядом со мной. Теперь, расспросив крестьян, уже знаю, что виконт не решился на такую гнусность со своими людьми, могли не согласиться, а прибегнул к помощи вожака разбойников Фалангера. Похоже, и за предыдущими нападениями стоит он...

Я пришел на пару часов раньше, подкрадывался, затаивался, подползал, вслушивался, ловил все запахи. Пес, чувствуя тревогу, ползет на брюхе, прижимается к земле, едва не расплывается по ней, как камбала. Сладко пахнет поздними осенними травами, пролетели трепещущие огоньки: то ли светлячки, то ли беспечные низшие эльфы, разумом почти равные светлячкам. Верх каменных стен, где устроили лагерь разбойники, блещет в лунном свете, словно облит расплавленным серебром, но внизу темень, и сами стены внизу как будто растворяются в густом черном дегте.

Я затаился среди камней, и без теплового зрения все внизу как на ладони, но, к сожалению, слишком далеко для моих стрел. Подползти ближе или попытаться пробраться в шкуре исчезника — обнаружит колдун, без них такая авантюра была бы слишком рискованна.

Хорошо виден каменный столб, он почти закрывает привязанную к нему леди Беатриссу. Видны только руки: ими заставили обхватить столб позади себя, после чего связали кисти. Нет, сковали, цепь блестит металлом.

Я напрягал слух, однако ближайшие разбойники

сидят у костра, куда один то и дело бросает сухие ветки. Огонь с такой жадностью звонко расщелкивает дерево, что заглушает и без того слабые голоса. Несколько человек охраняют ворота древнего замка, остальные то ли случайно, то ли нарочито скрыты за камнями, обломками стен.

Отдельно сидит, нелепо подвернув под себя короткие ноги, огромный, как три медведя, орг. Даже сидя, он на голову выше остальных разбойников, а руки выглядят толстыми, как деревья. Да что там выглядят, они такие и есть.

— Запомни, — шепнул я Бобику, — это твоя цель. Вон то чудовище... Орг! Я слышал, что орги в родстве с кошками. Справишься?

Бобик, лежа, поскреб хвостом землю, уверяя, что справится с кем угодно. А с теми, кто в родстве с кошками, так вообще с наслаждением.

— А люди в родстве с обезьянами, — напомнил я на всякий случай. — Господь Бог сперва сделал обезьяну, бета-тестовый вариант, а потом, убрав часть багов, уже выпустил релиз. Так что без особой нужды... не надо.

Мелькнула мысль, что в такой отчаянной ситуации можно бы снять запрет убивать людей, но кто знает, что потом, когда попробует человеческой крови.

Самое простое, что приходит в голову, это подойти на расстояние выстрела и бить их всех, как гусей в полете, из лука. Но дело не в том, сумею ли перебить хоть половину, пока до меня доберутся, однако с первыми же выстрелами виконт воткнет нож в леди Беатриссу.

Да, ей нужно обеспечить безопасность до того, как начнется схватка. Или же сразу с началом схватки там должен быть кто-то, кто сумеет ее защитить...

По коже побежали мурашки. Слишком много в последнее время я слышал про этого виконта. Иногда его называют даже Франсуа Бесстрашным, но чаще —

Франсуа Неуязвимым, Франсуа Быстроногим. Судя по рассказам, он исчезает в критические моменты сражений неспроста.

Но, допустим, я каким-то чудом окажусь там, возле леди Беатриссы... Смогу ли защитить ее от множества людей с мечами и топорами? Вряд ли, я не настолько крут и не настолько самоуверен, чтобы попытаться. Просто убьют обоих, только и всего. Чего виконт и добивается.

Он не дурак, учел, что я каким-то образом взял замки Сворве, Инкризера и неприступный замок Хоффмана. Не стал пленницу прятать в своем замке, а то и туда вдруг да проникну, устроил лагерь в открытом поле среди руин давно разрушенных строений.

Конечно, будь у меня большое войско, их нетрудно смять тяжелой конницей, но и тогда не рискнул бы: увидят издали, пленницу убьют, а сами уйдут на легких конях.

Убежище в самом деле очень удобное: просторный заброшенный двор, со всех сторон высокие стены, и только в одной широкий пролом, но там разбойники добавили частокол из заостренных стволов дерева и еще поставили настоящие ворота.

Хотя это всего лишь руины, но я лишний раз убедился, что нежилыми их делает только дурная слава. Будь я хозяином этих земель, то просто расчистил бы от упавших камней, заложил бы дыры в стенах да заменил перекрытия между этажами. Ну и, конечно, поставил крышу. А в остальном замок не хуже прочих рядовых замков: из крупных каменных глыб, не слишком просторный, но приспособленный для обороны, с очень глубокими подвалами, где можно хранить зерно и муку, а также колодец, так что при осаде здесь не страдали бы от жажды.

Правда, люди виконта побаиваются руин и предпо-

читают держаться во дворе. Леди Беатрисса у столба в центре двора, а остальные почти все у двух костров. Еще четверо неотлучно охраняют ворота: простые деревянные, но заперты на два засова, мои крестьяне и челядь с ходу не выбьют...

Хуже того, возле леди Беатриссы неотлучно находятся двое с виду очень крутых и бывалых. Я слышал, как виконт напомнил им немедленно убить женщину, если я, вместо того чтобы принести выкуп, попробую напасть. Колдуна я сразу вычислил, но, кроме колдуна, опасны еще двое с амулетами. Похоже, они тоже могут увидеть меня в личине исчезника, так что незамеченным подобраться к леди Беатриссе не получится...

Рискуя быть обнаруженным, я перемазался в грязи и подполз близко настолько, что начал улавливать слова:

— ...это же по сколько придется на брата?

— Не забывай, — предупредил другой голос, — его светлость треть забирает себе... остальное делим мы...

— Кто делит?

— Ты что, впервые в дележе?

— Ну...

— Сперва отбирает его светлость. Потом наш Фалангер. А затем каждый из нас берет по одной... только по одной вещи!.. И так по кругу, пока не разберем все.

— А кто первый после его светлости и Фалангера?

— Он сам назовет порядок. Это зависит...

— От чего?

— Кто как показал себя в прошлый раз. Ты вроде бы под лавкой прятался?

— Да я тебе...

— Ладно-ладно, я пошутил! Золота этот графчик принесет столько, что на пять жизней каждому хватит. Или на целую неделю загула с городскими шлюхами.

Я слышал, как они смаковали добычу, обговарива-

ли, кто как истратит. Были и такие, что всерьез рассуждали, как уедут отсюда, купят домик и кусок земли, заживут мирной жизнью. Я чувствовал, как нарастает черная злоба. Этих надо убить в первую очередь, чтобы не вышли, как мечтают, в мирную жизнь, имея за плечами разбои. Не знаю, но я без всякой симпатии отношусь к тем, кто «завязал» и теперь ну совсем хороший. Все-таки за то, что натворил, отвечать должен. Без всякого срока давности. Вот такой я христианин.

С другой стороны, сам отпускал и прощал нагреших куда больше. Ну да мне можно, я же разбираюсь с каждым в индивидуальном порядке. А вот судьба этих решена. Даже если сдадутся и бросят оружие, велю повесить на ближайшем дереве. Вор должен висеть, как сказал товарищ Жеглов.

Время, сказал внутренний голос. Уже полночь близится, и вот я, Герман... Опираясь на локти, начал продвигаться вперед, вжимаясь в землю так, что почти оставляю за собой глубокую борозду. Для колдуна и самого виконта ночь — не ночь, надо подкрадываться так, словно подбираюсь к ним в ясный бессолнечный день. Обеими руками я держал перед собой пышный зеленый куст, но едва кто в лагере поворачивался в мою сторону, я тут же замирал, прячась за ветками.

Отыскал взглядом виконта и колдуна, оба сидят ко мне спиной и беседуют. Я подползал уже увереннее, застыл только в моменты, когда виконт делал движение повернуться. Однажды он в самом деле повернулся, взгляд ощутимо скользнул и по моему кусту, но ленивый мозг, давно отучившийся работать в полную силу, не сообщил, что этот куст совсем недавно рос на сотню шагов дальше от костра.

Наконец до ближайших разбойников осталось не больше сорока шагов. Я медленно снял с пояса молот. Ворота, к счастью, не на противоположной стороне, ту-

да бы не добросить, но все равно далековато. Даже усиленный геммами, он если и долетит, то может лишь поцеловать дубовые доски и вернуться.

Глава 5

От столба донесся приглушенный стон. Один из разбойников, чем-то раздраженный, ударил леди Беатриссу по лицу. Просто так, шел мимо и ударил. Женщина привязана, сдачи не даст. Тем более — благородная, такую ударить втройне слаще.

Сердце пошло стучать чаще, мощнее, кровь влила мышцы, а злость быстро перешла в ярость. Пальцы дрожали, рукоять молота жалобно скрипнула.

Виконт вдруг опустил ломоть мяса, застыл, к чему-то прислушиваясь. Не медля, я вскочил на ноги, замахнулся и швырнул молот, вкладывая всю силу и ярость. Он пронесся над головами разбойников, часто-часто хлопая рукоятью, словно рубящий воздух вентилятор, блеснул в красном огне костра и пропал в темноте.

Бобик вскочил и, как черная стрела, беззвучно исчез в темноте. Страшный грохочущий удар расколол воздух, будто гром грянул над самыми головами. Ворота разлетелись вдребезг. Молот к ним шел наискось, и стальная болванка, разнеся дерево в щепки, задела и гранитный столб ворот. Камень будто взорвался, сотни мелких осколков со свистом вспороли воздух.

Раздались крики испуга и боли. Я поймал молот, был огромный соблазн ухватить лук и начинать отстреливать этих животных, в панике заметавшихся по лагерю, но выдернул меч из ножен и, со щитом в руке, бросился к леди Беатриссе. Со стороны ворот раздался дикий победный рев, в пламени костров заблистали клинки и закованные в металл тела.

Виконт вскочил с мечом в руке.

— Всем — защищать ворота! Их не может быть много!

Разбойники послушно расхватили оружие и бросились навстречу Митчеллу и Растеру. В пролом ворвались челядь замка и крестьяне трех окрестных деревень. Закипел бой, я в несколько прыжков оказался рядом с леди Беатриссой. Она вскинула голову, губы распухли и почернели, на скуле и щеке огромный кровоподтек.

— Зачем? — прошептала она. — Замок и земли уже твои...

— Молчи, дура, — ответил я.

Сердце сжалось, надеялся разрубить цепь мечом, но эти сволочи, издеваясь, приковали ее настолько толстой, что и десять быков не разорвут эти звенья. За спиной слышались шаги, леди Беатрисса вскрикнула. Я молниеносно повернулся и успел принять на щит удар топора, а сам ударил по ногам. Разбойник, захлебнувшись криком, упал, выронив оружие и хватаясь за обрубки.

Второго, я узнал по описаниям Фалангера, я зарубил еще проще, но набежал виконт, лицо перекошено яростью, в глазах безумие. Я дрогнул, когда он нанес молниеносный удар, едва успел подставить щит... лезвие его узкого меча устремилось в грудь Беатриссы. Звякнул металл, виконт с непостижимой ловкостью отпрыгнул, парировал мой меч и ударил снова, снова, я едва успевал защищаться. Вдруг острая боль пронзила бок.

Виконт зло оскалил зубы.

— Не ожидал?.. Умри, тварь!

Я судорожно двигал щитом и едва успевал подставлять меч. Виконт наносил удары из всех позиций, лезвие сверкало и сыпало искрами, сшибаясь с моим мечом. Второй удар рассек мне плечо, кровь брызнула фонтаном, я вскрикнул, рука повисла, Виконт захохо-

тал и нанес сокрушающий удар в голову леди Беатриссы, но я каким-то чудом успел подставить щит. Удар был так силен, что щит ударил Беатрису по голове, я услышал легкий вскрик.

Виконт провел ложный удар, острие вонзилось мне в живот. Я видел дикое счастье и безумие в его пустых глазах, слюна потекла по небритому подбородку, он почти прошептал:

— Еще не издох?... Как мне это нравится!

Леди Беатрисса вскрикнула, когда он ударил меня в грудь, как копьем. Лезвие вошло в мою плоть почти на ладонь. Темная кровь вздулась вокруг вонзившегося меча валиком, а когда виконт выдернул клинок, брызнула горячими струйками: Он хохотал и вскрикивал:

— Живучий?... Это хорошо!.. Тем слаще!.. У тебя три жизни?... Вот все три и закончились...

Боль прожигает то в груди, то в животе, кровь начинает брызгать из рук, в голове зазвенели комары. Руки слабеют, я слышал отчаянный крик Беатриссы, но в черепе только одна мысль: закрывать ее, не позволить ее ранить, убить, повредить...

Я уже прижал ее спиной к столбу, загородив собой полностью, сражаться так нельзя, но зато принимаю все удары, тело горит, будто везде воткнуты раскаленные прутья. Как сквозь вату, в ушах донеслись приближающийся звон металла, крики, шум, вопли и ругань, торжествующие крики.

Виконт дернулся, изогнулся, словно в великом удивлении оглянулся, кто там сзади, а из груди, прорвав одежду, высунулось окровавленное острие копья. Глаза его расширились, брови взлетели. И хотя в глазах все еще дикая ненависть, губы шевельнулись, я ощутил, что вот-вот сорвется заклятие, которое унесет его в места, где зализжет раны. Мои чугунные руки подня-

лись, меч обрушился на голову виконта в тот момент, когда он договорил заклятие...

Я услышал испуганный крик, ноги мои подломились, я рухнул на землю, выронив меч.

Когда очнулся, над головой звездное небо, справа и слева костры, слышны властные голоса Митчелла и Альбрехта, стоны раненых, крики боли. Я шелохнулся, чувствуя слабость, надо мной склонилась леди Беатриса, лицо бледное, в глазах блестят слезы.

— Что за глупость вы затеяли? — произнесла она с отвращением. — Разве не понятно, что все мои земли и замки уже принадлежат вам? И мои вассалы вас уже признали сюзереном!.. Вам не нужно было везти колоссальный выкуп...

Я прошептал:

— Да знаю-знаю, что вы его не стоите, леди Беатриса. Но этот дурак почему-то решил, что за вас дадут именно столько... дурак он, слепой дурак. Знал бы он вас так, как я, не дал бы и медной монеты...

Слезы бежали по ее щекам безостановочно и капали мне на грудь. В лунном свете ее глаза сияют чистым светом, как дивные звезды.

— Но... зачем?

— Приключения люблю, — ответил я грубо и поднялся на локоть. — Хожу вот и спасаю принцесс от драконов...

— Я не принцесса.

— В провинции сойдет и баронесса. Простите, это наш кузнец мучается?

— Да, — простонала она, — но... зачем... Зачем вы так... рисковали?

Я сказал оскорбленно:

— А что, я мог как-то иначе? Думаю, всякий мужчина поступил бы так на моем месте!.. Чтоб не сказали,

что это я сам нанял этих братков, дабы от вас избавиться. Я, знаете ли, местами недобитый демократ, прислушиваюсь к мнению простого народа.

Она помолчала и, как я и ожидал, не спросила, как любая бы нормальная женщина на ее месте, дескать, в самом ли деле только потому спасал, знает: отвечу твердым «да».

Потому что даже не знаю, как это назвать правильнее: то ли стоим друг друга, то ли нашла коса на камень.

Кузнец поднял на меня взгляд, но выговорить ничего не мог: в разрубленной груди клокочет, оттуда с шипением выходит при каждом вздохе воздух. С такими ранами не доживет до утра.

Я опустил ладонь ему на грудь.

— Это брехня, — сказал я успокаивающе, — будто ты ранен... серьезно. Царапина, вот увидишь...

— Увы... мой лорд...

— Еще погуляем!

— Леди Беатрисса... как она?

— Благодаря тебе с нею все в порядке. Ты давай выздоравливай, у тебя прибавится работы!

Я отнял руку, не давая себе исцелить его полностью, пошел по раненым. Тяжелых подлечил до состояния легких, легких просто утешил. Больше всего пришлось повозиться с сэром Растером: он ворвался первым и принял на себя основной удар, так как только у него, Митчелла и Альбрехта были настоящие рыцарские доспехи.

Его извлекали из побитого и погнутого железа, срезая ремни и снимая покореженные куски панциря, что рваными краями глубоко врезались в тело. Я подоспел, когда вытирали тряпками кровь, что сочится из множества ран и порезов. Я ощупал его, переливая жизнен-

ную силу, а когда сэр Растер застонал и открыл глаза, я сказал бодро:

— В замок отвезут... утром. А сейчас давайте поужинаем, что там у этих сволочей отыщется! Что-то аппетит разыгрался.

Альбрехт посмотрел с удивлением и даже, как мне показалось, с осуждением, как можно спокойно есть среди еще теплых трупов и чавкающих под ногами луж крови, но молча снял с разбойничьей рогатины и подал жареную ляжку оленя.

Я вгрызся всеми ста зубами, пожирал с таким аппетитом, что и сам Альбрехт, заколебавшись, взял себе кусок мяса. Саксон принес бурдюк с вином, вскоре вокруг нас уже собрались и другие любители поесть и выпить.

Возле каменного столба толпился народ. С изумлением и страхом смотрели на тело виконта. Я не сразу понял, в чем дело, видел поверх голов, и, только когда расступились, у самого остановилось дыхание.

На земле распласталась верхняя половина тела виконта Франсуа де Сюрьенна. Как острая бритва перехватывает стебелек, так и от виконта осталась только верхняя половина тела. Внутренности вывалились и расползлись по земле. Мне почудилось, что огромная темная печень еще подрагивает в последних конвульсиях.

Митчелл оглянулся, почуяв мое приближение. Глаза сияли мрачным восторгом.

— Он уже начал исчезать, сэр Ричард! Но ваш меч рассек ему череп и... прервал заклинание.

— Заклинание он успел, — возразил Альбрехт педантично, — но умер раньше, чем оно сработало целиком. Потому половина там, половина здесь...

Саксон зябко повел плечами:

— Страшно подумать, что если бы на миг позже...

— Да, — сказал Альбрехт и побледнел. — Зализал бы раны и вернулся мстить... Да, а собачка ваша показала себя, показала! Я думал, она только гусей умеет гонять.

Пес, давно оставив орга с перегрызенным горлом, бегал вокруг лагеря, вынюхивал следы, а потом исчез ненадолго, вернулся уже с огромной рыбиной в пасти.

Митчелл расхохотался, взял рыбу, поблагодарил и передал кому-то из крестьян. Довольный Бобик исчез.

Сэр Растер сидит на траве, опираясь руками позади себя, сильно похудевший за эту ночь, заживление забрало силы. Глаза все еще обалделые, тяжелые раны исчезли, а шрамы жутко чешутся.

Он сказал мне навстречу хриплым голосом:

— Сэр Ричард, я считаю, коня отыграл!

Я не понял, переспросил:

— Какого? Что за конь?

— Мой конь, — объяснил он сварливо. — Саврасый, только хвост желтый! На котором я езжу, но который принадлежит вам по праву победившего в поединке.

— Господи, — простонал я. — Я уже и забыл о такой мелочи...

Он выпрямился, глаза грозно засверкали, усы вздыбились, а ладонь начала шлепать по траве, будто ловила прыгающую лягушку.

— Где мой меч? Вы назвали моего коня мелочью? Значит, я езжу на мелочи и сам еще большая мелочь?.. Сэр Ричард, я вас вызываю...

Я наклонился и торопливо тряхнул за плечи, пока не договорил формулу, после которой придется обнажать оружие.

— Перестаньте! Вы сделали для меня гораздо больше, чем отыграли вашего славного и замечательного во всех отношениях коня. Я не сомневаюсь, что он замечателен именно во всех отношениях, ну вы меня поняли, так что принимайте мои слова как комплимент, а не как обиду...

Он спросил с интересом, мгновенно успокаиваясь:

— А что я сделал для вас ценного?

— Ах, сэр Растер, — сказал я, мысленно отпрыгивая от новых обязательств, — да ваша бесконечная доброта, чуткость и отзывчивость — разве мало? А ваша деликатность, ваше бескорыстие и рыцарская доблесть вкупе с... вкупе... словом, вкупе, разве это не самое главное? Ах, сэр Растер, да вы зеркало! Да, зеркало.

Подошел Саксон, с изумлением и гневом смотрел на половину залитого кровью тела виконта.

— Велика же у него была ненависть к вам, сэр Ричард!.. Он рожден, как говорят, простой шлюхой от демона, хотя и считался отпрыском благородных родителей. Это от демона дар... э-э... быстроногости. Успевал скрыться от любой опасности, даже стрела не могла догнать. Да-да, при беге обгонял любую стрелу!

Он качал головой, смотрел изумленно то на остатки виконта, то на меня. Я помалкивал, ход мыслей виконта для меня как на ладони. Он хотел убить Беатриссу, но ее защищал я, нужно всего лишь убить меня, и он уже нанес мне множество тяжелейших ран, но я держался на ногах, виконт слышал за спиной крики врага, но полагал, что еще один удар, и я упаду, открыв для его меча беззащитную женщину, которая так обманула... Ну, еще один удар... еще один! Этот проклятый Ричард каким-то образом держится, но залит кровью, остался один удар, после чего можно будет полоснуть эту сучку лезвием по горлу и... никто не догонит Франсуа Быстроногого! А потом он соберет новый отряд, и пусть вся Армландия содрогнется...

Он был на волосок от цели, когда копьё сэра Митчелла пронзило его насквозь. Но и тогда еще мог спастись...

— Ладно, — сказал я хрипло, — возвращаемся.

Глава 6

Леди Беатрисса, бледная и с осунувшимся лицом, все еще хлопотала с ранеными, едва не падая с ног. Я поздравил Зайчика и Пса:

— Вы, двое обормотов, доставите леди Беатриссу домой в замок. Поняли? Доставите быстро, но... не чересчур. Зайчик, ты меня понял?

Он посмотрел на меня добрыми коричневыми глазами. Мне показалось, что они хитро сощурились. Пес высунул язык и смотрел то на леди Беатриссу, то на меня.

— Я не поеду, — возразила она слабым голосом.

— Мы не в ваших владениях, — напомнил я, — так что здесь команду я. Кроме того, вы же хотели проехаться на Зайчике? Я имею в виду, самостоятельно? Пользуйтесь случаем.

Рыцари мои слушали молча. Саксон сказал настойчиво:

— Леди Беатрисса, вам нужно прибыть в замок как можно быстрее. Слухи расходятся быстро. Как только лорды узнают, что вы похищены, в Армландии такое начнется! Надо поскорее показать, что все в порядке, узда все так же в ваших нежных, но крепких лапках...

Леди Беатрисса прикусила губку, ее глаза то и дело поворачивались в орбитах, бросая взгляды в мою сторону, я старался не слишком горбиться под одеялом и не стучать зубами.

Зайчик требовательно ржанул и топнул копытом. Барон Альбрехт подал руку и преклонил колено. Когда леди Беатрисса поднималась в седло, мне самому показалось, что садится на слона: Зайчик в самом деле для таких огромных, как я. Пес встал на задние лапы, упершись передними в бок Зайчика. Леди Беатрисса дрожащей рукой погладила его по огромной башке, а Пес лизнул ее пальцы.

— Вот и хорошо, — произнес Альбрехт с явным облегчением. — Они вас не съедят по дороге... возможно.

— Мы с Бобиком друзья, — возразила леди Беатрисса слабым голосом. — Ведь правда, сэр Ричард?

— Друзья, друзья, — подтвердил я. — Зайчик, пошел вторым карьером!.. Бобик, не отставай!

Зайчик сорвался с места, прогрохотали копыта, леди Беатрисса вскрикнула и опустила голову, пряча лицо от ветра в пышную гриву. За ними с грохотом и лязгом ринулись Митчелл, Саксон, Растер и крестьяне на быстроногих конях, их Альбрехт предусмотрительно послал сопровождать леди Беатриссу. Мелькнул зад зазевавшегося Бобика, Пес понесся с такой скоростью, что ментально догнал и обогнал отряд.

— Второй карьер, — повторил Альбрехт озадаченно. — Я старый лошадиник, но...

— Не ломайте голову, — прервал я. — Это я сам выдумал.

— А что это?

— Семьдесят миль в час, — объяснил я. — Так что не ругайте остальных, что отстанут. Их кони больше срока не дают, не так ли?

Он пробормотал:

— Галоп — это двадцать миль в час, не всякая лошадь даже двадцать даст, карьер... как вы правильно сказали, тридцать-сорок, но рыцарские кони им не ходят, а только легкие скаковые... но чтоб семьдесят...

— У меня ж не рыцарский конь, — заверил я. — Это скаковая лошадка.

Он в изумлении покачал головой.

— Какие же у вас там, на Севере, боевые кони?

— Лучше не спрашивайте, — ответил я уныло, — а то начну сокрушаться, что из меня так и не получилось настоящего рыцаря... для Севера.

В его глазах появилось опасливое уважение, а я за-

кутался в плащ поплотнее. Холод еще временами сотрясает, но уже легче, голод терзает внутренности, однако не могу же жрать беспрерывно, желудок еще прежде не успел переварить...

Альбрехт принес еще одно теплое одеяло, укрыл меня, подтыкнув со всех сторон, я поблагодарил, и вправду чувствую себя хреново из-за сильнейшего стресса, Виконт нанес мне с десятков тяжелейший ран, и хотя я залечил все, но где-то в районе кишок угнезвился темный ужас, что просыпается при любом воспоминании, и виртуальная острая сталь снова пронзает плоть, словно острый нож бурдюк с вином.

Правда, еще больше хотелось... ну ладно, заставил себя ехать врозь с леди Беатриссой. Я показал себя таким, таким... что лучше держаться друг от друга подальше, пока оба не натворили того, о чем пожалеем.

Мне кажется, и она это же чувствует, иначе не избегала бы так старательно. Впрочем, это избегание замечаю только я, а так хлопотала с ранеными, до самого отъезда следила, чтобы всех погрузили с удобствами. Вешать никого не пришлось, в схватке перебили всех разбойников, тем более что удобное для обороны убежище вдруг оказалось ловушкой.

Тепло наконец-то начало медленно расплзаться по телу. Измученные ознобом мышцы перестало сводить судорогой. Я впал в полудремоту, успел себе сказать предостерегающе, что сегодня дошел до предела своих сил, могу откинуть копыта просто от истощения, после чего погрузился в блаженную тьму.

Копыта стучат негромко, поскрипывают колеса, приглушенные голоса, потом я перестал слышать их тоже, летал над дивными городами и падал в пропасти с темным бурлящим туманом, вздрагивал, но тут же проваливался в тьму снова.

Подъехал Альбрехт, я прочел в его глазах нетерпение, все понял, сказал честно:

— Барон, не надо меня опекать!.. Я уже прихожу в себя, я живучий. Просто слишком уж меня потрянуло... Давайте в седло, вас ждут в замке.

— Сэр Ричард, — возразил он. — Там без меня управятся.

— Как? — спросил я. — Пьют и бесконечно поднимают тосты. А вы сразу начнете проводить гуманитарные реформы. Ну же, барон!

Он поколебался, вытянул шею, осматриваясь.

— До замка уже близко...

— Вот и езжайте, — подбодрил я. — А я полежу в тепле. Так осточертело трястись в седле!

Он улыбнулся.

— Это мне знакомо. Но вы уверены...

— Уверен, уверен, — прервал я. — Езжайте, барон! Мне надоело выслушивать вашу критику. Я в глубине души еще тот тиран!

Он бледно улыбнулся. Я закрыл глаза и слушал, как он отдает последние распоряжения крестьянам, как меня везти, как укрывать, беречь, заботиться.

Затем простучали, отдаляясь, копыта его коня. Я погрузился в сладкую дрему и пообещал себе, что не проснусь, пока не проедем под аркой ворот моего замка Сворве.

Сквозь сон, шум в ушах и звуки небесных труб донесся дробный стук копыт, крики, лязг оружия. Я проснулся в тревоге, начал сбрасывать с себя одеяло. Страшный удар в затылок потряс до кончиков пальцев. Меня швырнуло снова в пропасть, а когда очнулся, сразу понял, что времени между этими отрезками сознания прошло уйма.

Резкая боль стегнула, едва повернул голову. Кое-как заставил себя восстановиться, боль прошла, и толь-

ко теперь ощутил, что связан, как баран, которого везут на продажу.

Надо мной проплыла широкая каменная арка. Я прислушивался к голосам, ничего обо мне, что и понятно: уже отговорили, а вот о бабах можно говорить часами и сутками.

Итак, я в плену. Меня не убили, рыцарей вообще стараются не убивать: на них можно неплохо нажать. Пока телега разворачивалась во дворе неизвестного замка, я поспешно вспоминал, что рыцарей в любых войнах стараются не убивать, а захватывать в плен: полно случаев, когда захвативший в плен сказочно богател, получая выкуп.

Да я сам помню, как герцогиня Алансонская послала Жанну д'Арк и страшилась, что ее муж снова попадет к плен, как в прошлый раз, когда провел в такой же темнице пять лет, она тогда выплатила двести тысяч экю. Если попадет еще раз — семья будет разорена полностью. Или как был удивлен и обрадован Людовик Второй, когда его мать, умирая, сообщила, что у нее припрятаны двести тысяч экю, это чтоб не собирать за него долго выкуп.

Многие семьи, даже очень богатые и знатные, были доведены до полной нищеты, когда их вынуждали выкупать родственников! А сколько случаев, когда аппетиты превзошли возможности: Карл Орлеанский, попавший в плен при Азенкуре, провел в английских тюрьмах почти всю жизнь, а Иоанн Первый, попавший в плен при том же Азенкуре, пробыл в темнице двадцать лет, где и умер, потому что семья не могла собрать двести пятьдесят тысяч экю выкупа!

Пленных покупали и перекупали,ставляли на аукционы, ценность их росла или падала, пленными расплачивались со вспомогательными войсками или с союзниками.

Блестящую операцию провел кондотьер Родриго де Вильяндрандо: после битвы при Антоне он тайком пообещал одному из пленных свободу, а тот в обмен рассказал, кто из захваченных беден, кто богат, а кто очень богат. Затем Родриго выкупил у товарищей тех, кто побогаче, тут же оценил их в десятки раз дороже, и уже первые пленники принесли ему такое богатство, что он забросил опасное военное ремесло.

Со мной случай потруднее: по всем признакам, я беден, однако найдутся свидетели тому, как я легко расплачивался с крестьянами, одаривал служанок. Да и такие доспехи, оружие, конь — все это мог позволить себе только состоятельный человек. Но насколько состоятельный? Если назвать сумму, превышающую возможности моей семьи, то я просижу здесь годы и в конце концов помру, принеся только убытки: кормить все-таки надо...

Конечно, можно сразу послать к леди Беатриссе за выкупом, но это если у них будет хоть малейшая надежда, что она не обрадуется моему пленению. В ее положении, если понимать его рационально, она скорее доплатит, чтобы меня не выпускали, чем раскошелится на освобождение.

Послышались шаги, властный голос. Меня ухватили и перевалили через край телеги. Я больно ударился о вымошенную камнем землю. Те же руки подхватили, поставили на ноги.

Перед мной стоял... Франц Эстергазз. Все в тех же непривычно простых доспехах, но без головного убора, волосы коротко подстрижены, что не в обычае рыцарей. Серые глаза смотрят с холодноватым интересом.

— Ничего личного, граф, — заверил он с ледяной любезностью. — Просто я весьма деловой человек. А вы... очень богатая добыча.

— Я? — удивился я. — Да у меня, как у латыша...

Он покачал головой, не слушая.

— У вас есть то, что нужно мне. У вас арбогаст, у вас Черный Пес, настоящее имя потеряно, но уже тысячи лет известен в древних рукописях как Черный Пес, Пес Ада, Чудовище адских разломов и еще под десятком пугающих имен. Так?

Я поинтересовался:

— Послушайте, Франц... а как вас угораздило оказаться здесь? Я все ищу пути, как попасть на Юг, а вы с Юга сюда... я правильно понял?

Он расхохотался:

— Все верно. Я подумал, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе. Тем более что в городе я был не вторым и даже не десятым. На Юге все гораздо сложнее и потому труднее. А здесь проще и понятнее. Я прибыл бесщитовым рыцарем, но вот у меня уже свой замок, свои владения... которые я намереваюсь расширять и расширять. Кстати, вы знаете, что у меня за владения?

— Ерунда какая-нибудь, — ответил я небрежно.

Он покачал головой, в глазах злое торжество.

— Ошибаетесь. На самом деле мои владения уже многим уступают владениям госпожи Беатриссы. Не знаю, как насчет земель графа Антига, поговаривают, что у него вроде бы чуть больше, чем у меня... но я сомневаюсь. У графа Антига кусочек оттяпал барон Эвилдид, а часть земель по эту сторону реки по праву сильного занял я. Так что у меня во всей Армландии второе по размерам, мощи и богатству хозяйство, сэр Ричард! После вашего, разумеется.

— Как любезно с вашей стороны напомнить, — сказал я вежливо. — Это для того, чтобы потребовать выкуп побольше?

Он развел руками:

— Да я вообще люблю похвастать. Разве не дости-

жение: прибыть одношитоным рыцарем и в короткие сроки создать целую империю?

— Ну, — сказал я, — до империи вам далековато. Мне кажется, Аттилы из вас не выйдет. Даже завалящего Чингисхана, а уж про Карла Великого вообще молчу... Так какой выкуп?

Он расхохотался:

— Ваши попытки увести разговор в сторону меня забавляют. Конечно же, меня мало интересуют ваши земли — они и так вскоре станут моими. А вот ваше оружие, ваш конь и собачка...

— И собачка?

— И собачка, — подтвердил он.

— Доспехи, — сказал я, — молот, щит, меч, лук — понятно, а зачем собачка? Это совершенно мирный песик.

Он ухмыльнулся:

— Да? Вы просто не знаете его возможностей. А я использую его в полную мощь, будьте уверены. Не говоря уже о том, что обладание таким псом — это престиж, демонстрация мощи. Прошу меня извинить, сэр Ричард, но вас придется несколько обезопасить, заковав в цепи, соразмерные вашему росту и вашей силе. И, увы, в несколько неприятном плену предстоит оставаться в них и впредь. А также под надзором моего мага. Я не хочу рисковать, уж простите...

— Извинения приняты, — ответил я с той же любезностью. — Я понимаю, ничего личного, такова жизнь.

— Вот-вот, — сказал он. — В чем-то, сэр Ричард, вы мне даже симпатичны. Хотя бы тем, что не кичились доспехами, конем, псом... Я бы не утерпел, честно признаюсь. Но такова жизнь, все это должно перейти к сильнейшему... К счастью, мне выжидать пришлось недолго. Вы вели жизнь достаточно рискованную. Правда, я рассчитывал, что всю черную работу проделает ви-

конт, но этот дурак оказался плохо управляемым, наде-
лал кучу ошибок... Ничего, теперь за дело взялся я,
истинный хозяин! А теперь прошу меня извинить, я
должен вас оставить. Дела, дела...

Глава 7

Я ждал, что меня отведут в подвал, однако меня
снова кинули в телегу и оставили там надолго. Двое ча-
совых прохаживались рядом, многозначительно потря-
сали копытами.

Солнце начало клониться к западу, когда из ворот
главного здания вышел управитель, с ним двое могуче-
го сложения стражей. Коренастые, медведистые, они
быстро стащили меня с подводы, повели, придерживая
за плечи. Еще кто-то пристроился сзади, намотал на ру-
ку толстую веревку.

Сперва отвели в кузницу, там заковали в цепи, срав-
нимые только с теми, которыми крепят к причалу ко-
рабли. Затем доставили в большой зал, горят все све-
тильники и даже свечи, что само по себе богатство. Од-
нако за огромным столом только сам Франц Эстергазз.
Он ел быстро, не слишком следя за манерами, но, уви-
дев меня, галантно встал и замахал обеими руками.

— Сюда, сэр Ричард, сюда!.. Не люблю ужинать в
одиночку.

— А что, — поинтересовался я, — никто с вами не
желает?

Он хохотнул:

— Острие? Да, герои должны острить. Еще у нас
говорят: героями не рождаются, героями умирают...

— А еще, — добавил я, — герой должен быть один.
Если героев много, они называются бандой разбойни-
ков. Фалангер был вашим личным другом?

Он чуть нахмурился, все-таки я уел, а я с трудом

опустился в предложенное кресло: цепи не только громоздкие, но и тяжелые.

— Не Фалангер, — ответил он, прожевав кусок. — Хотя и Фалангер мог бы стать лордом, если бы хоть малость хотел пообтесаться. Но виконт... виконт был. Я чувствовал симпатию к этому простаку, который не видел разницы между добром и злом. Потому виконт не только часто прибегал к услугам Фалангера, но и закончил... гм... рядом с ним свою карьеру.

— Как быстро теряете друзей, — посочувствовал я. — А их хоть нельзя купить, зато можно выгодно продать.

Он хохотнул:

— Верно замечено!

Появился слуга, передо мной появилось широкое блюдо с мелко нарезанным мясом. Ножа не дал, только грубо вырезанную деревянную ложку, зато второй слуга принес кубок. Кувшин с вином уже на столе, слуга старательно заглядывал в кубок хозяина, готовый долить по первому же сигналу.

Эстергазэ кивнул на мой, слуга тут же наполнил. Я запил мясо, Эстергазэ весело потребовал, чтобы до дна. Я послушно осушил, день жаркий, а человек должен потреблять в сутки не меньше двух литров жидкости, этому учили еще в школе.

Слуга тут же наполнил кубок снова, но я вроде бы не заметил, оглядывал зал, а когда снова подошел с кувшином и посмотрел на полный кубок, я перехватил взгляд, брошенный на хозяина.

Неслышно появился управитель, лицо злое, взгляд подозрительный. На меня сразу уставился так, словно я уже украл не меньше десятка ложек.

Я словно невзначай отпил половину, слуга тут же долил, хотя по всем правилам этикета кубок нельзя доливать, пока не осушен до дна. По губам Эстергазэ скользнула одобрительная улыбка.

— Понравилось вино?

Я ответил с блаженной улыбкой:

— Мог бы выпить больше, но я пью до дна.

Он захохотал, кивнул слуге:

— Налей нашему благородному гостю!

Тот дрожащими руками наполнил мне кубок, я снова отпил с удовольствием, жажда еще не утолена.

— Пейте-пейте, — сказал Эстергазэ, — прекрасное вино!

— Знаю, — ответил я и повернул голову к управителю, — но вы же помните, сэр Эстергазэ, что лучше пить вино маленькими глотками, чем кидать дерьмо большой лопатой.

Управитель нахмурился, а Эстергазэ сразу заинтересовался:

— Такое было? Гисел, расскажи, когда это ты так подрабатывал...

Управитель побагровел от прилива дурной крови, брови столкнулись над переносицей.

— Ваша милость, — попросил он, — пора вашему пленнику укоротить язык. Он должен помнить, где находится.

Эстергазэ посмотрел на меня задумчиво:

— Сэр Ричард, вы нарочно дразните моего лучшего слугу?

— Ничуть, — ответил я, — это был язык Эзопа.

— Язык, — повторил Эстергазэ, — и что... не понял?..

— Задавая вопрос, — ответил я многозначительно, — человек рискует получить на него ответ... А нужны ли ответы, когда есть такое вино?

Эстергазэ кивнул слуге.

— Не забывай наливать сэру Ричарду.

Я допил, улыбка у меня уже достаточно дурацкая, начал делать неверные движения, промахнулся мимо

кубка и свалил его, пьяно захохотал и попытался ухватить с общего блюда кусок мяса, но зацепил цепью и тоже опрокинул, что вызвало у меня приступ пьяного веселья.

Эстергазэ и управитель обменялись довольными взглядами, Эстергазэ спросил:

— Вы знатный рыцарь, сэр Ричард!.. Мои воины восхищаются вами. Как получилось, что у вас такие молот и лук?

Про доспехи молчит, мелькнула мысль. Похоже, еще не знает, что они тоже непростые. Ну да, они в телеге вместе с разным хламом...

Я ответил с пьяной заносчивостью:

— Не благородного это ума, а извозчики на шо?.. Папенькины колдуны что-то там поколдовали... га-га... вот и стали меня слушаться. А как — спрашивайте своих колдунов.

Эстергазэ нахмурился, управитель сразу стал несчастным, ниже ростом, даже золотой халат поблек.

Я сам кивнул слуге, чтобы долил еще. Кольцо на моем пальце нейтрализует любой яд в чаше. Более того, убирает из вина алкоголь, так что я пью только прохладную сладковатую водицу, ароматную и свежую, бывшую когда-то виноградным соком.

Эстергазэ проговорил медленно, намекаяше:

— Нам надо хорошенько подумать, что делать с вами, сэр Ричард. Конечно, я уже послал весть о вашем пленении с требованием о выкупе...

Холод пробежал по моему телу, кулаки стиснулись в ярости. Не могу даже представить, какотреагирует леди Беатрисса.

— ...в два адреса, — закончил Эстергазэ, глаза его победно смеялись.

Я насторожился:

— Какие?

— Вашей невесте, — пояснил он победно, — леди Беатриссе, с которой вы, однако, связаны узами брачного договора... а также вашему родителю, герцогу Валленштейну.

Я фыркнул:

— А вы не подумали, что им обоим выгоднее, чтобы вы держали меня здесь как можно дольше?

Он кивнул:

— Подумал. Но вспомнил, что здесь все еще сильно влияние Севера, а раз так, то мораль несколько иная.

Я ответил с пьяной веселостью:

— Дольше всего приходится думать над тем, что потом назовешь необдуманным поступком! Пьем за красивых дам!.. После третьего кубка они все уже красивые.

По глазам слуги видел, что я осушил не три, а пять кубков, что, впрочем, помню сам.

— Все, что делают мужчины, — заявил я, — делается ради женщин! И только вот сейчас пьем для собственного удовольствия. Так выпьем же исчо... за женщин! Нам по фигу, за что пить, а им приятно!.. Не хотите за женщин?.. Выпьем за нашего хозяина... га-га-га!

Управитель вроде случайно наклонился ко мне и прошептал на ухо злобно, продолжая ласково улыбаться:

— Надежда умирает последней? Но в некоторых случаях дохнет сразу.

— Посмотри на потолок, — посоветовал я громко тем же пьяным голосом, — и передай другому.

Эстергазз не понял, посмотрел на потолок, переспросил:

— А что передать?

— Хорошее настроение, — ответил все так же я пьяно и пояснил: — Ерунда, если вам наливают через руку. Плохо, если вам наливают через раз. А вообще-то, судя по высказываниям вашего советника, не все мысли человеку приходят именно в голову.

Эстергазэ закончил с едой, на меня посматривает с нетерпением, что-то я болтаю не то, что он хочет услышать.

— Сэр Ричард, помимо друзей, у вас есть и враги. Не так ли?

Я пьяно захохотал:

— Если собрать всех моих врагов в одной только Армландии, они перебьют друг дружку за право меня резать! И мне снова интересоваться вашей женой...

Он нахмурился:

— Ну, до жены моей вам, как до неба. Я не женат, кстати. А вот враги...

— Враги должны быть, — ответил я с пьяной убежденностью. — У кого их нет, тот полное говно. А еще... враги должны быть большими и сильными. Если мелкие — то и вы... га-га... сопливая мелочь! У вас как насчет врагов?

— Все в порядке, — успокоил Эстергазэ. — А кто ваши враги?

— Да не перечать, — ответил я пьяно. — Эй, хрюшка, наполни кубок... Пьем за вашу жену, сэр Эстергазэ! Она всегда так хороша, как сейчас?

Он стиснул челюсти, в глазах метнулся гнев, но тут же улыбка растянула губы, а желваки исчезли.

— Вы ее еще увидите, — пообещал он. — Вы доживете до того времени, когда она зайдет в пыточный подвал.

По коже сыпнуло морозом, я сделал вид, что ничего не понял, начал пить, но вино лилось на подбородок, промочило одежду, я снова захохотал.

— У вашей жены красивые руки... Только волосатые слишком! Но вино мне наливает вовремя. Любит, значит...

Слуга посмотрел на меня с испугом, Эстергазэ стискивал челюсти, но сдерживался.

— А что там на Юге? — спросил я как можно не-

брежнее. — Там такое же классовое общество рыцарей и церкви... в смысле, черной церкви?

Он смотрел на меня, зло играя желваками.

— Удивительное жизнелюбие, — заметил он одобритительно. — Висеть на одной руке над пропастью и выспрашивать про далекий Юг! Как будто туда попасть так просто. Вам еще отсюда выйти надо.

— Предположим, — сказал я, — как-то попал. Могу я так вот там, как вы здесь, явиться... и что-то купить... нет, здесь такое купить не удастся, но там, в том мире... гм... там золото имеет больше веса, чем здесь?

Он смотрел с тем же злым интересом.

— Верное рассуждение. Здесь купить замок или земли не удалось бы. В смысле, за золото. Здесь в цене острый меч и верная рука. На Юге да, за хорошую сумму купить можно многое. Хотя и не так просто...

— Коррупция? — поинтересовался я. — Взятки, подкуп, лоббирование, откаты...

Он вслушивался внимательно, по лицу промелькнула тень тревоги.

— Вы слишком хорошо схватываете ситуацию, — сказал он сквозь зубы. — Слишком. Не думаю, что вам следует этим интересоваться. Лучше бы вам подумать над своим положением. И тем, как выбраться на свободу.

Я сказал пьяным голосом:

— Да зачем выбираться? Там столько хлопот! А здесь вы мне еще и девочек приведете...

Он вскочил, стражи поспешно подбежали, он прорычал, перекосившись:

— В подвал!.. В железо!.. Приковать к стене!

Глава 8

Меня долго вели в глубокий подвал, а когда я изнемог, грубо ташили. Обычно темницы располагаются все-таки ближе. На уровне, что в самом верху остается

крохотное окошко, через которое проникает свет. А то и удастся просунуть тайком сквозь решетку записку или напильник.

Увы, это для простых. Меня сочли достаточно важным и опасным, так что, когда вошли в каменный мешок, размером, впрочем, с просторный чулан, у меня в самом деле ноги подгибались от усталости.

Несмотря на цепи на руках и ногах, вдобавок приклепали добавочной цепью к стене, сэр Эстергазэ предпочитает не рисковать, очень осторожный и практичный южанин.

Кузнецы ушли, но вскоре жутко заскрипела металлическая дверь, по ступенькам сошел низкорослый шуплый человек. Обширная лысина раздвинула жидкие светлые волосы, лицо узкое, худое, в морщинах, глаза острые и проницательные.

Мне показалось, что он стесняется меня, однако он на ходу стегнул по мне острым взглядом, я ощутил знакомые мурашки по телу. Так прощупывают, пытаются «прочесть мысли», словно их прочесть можно, подчинить своей воле.

Затем сел за стол и, разложив бумаги, что-то написал на одной. Закончив, поднял голову, взгляд, холодный и бесстрастный, впился в меня, как острый световой луч, но, увы, луч может проникнуть в прозрачную среду, а у меня очень прочная шкура.

Маг, а это явно маг, хоть и без привычных атрибутов: расшитого звездами халата, шляпы с длинным острым колпаком, выждав еще и убедившись, что и это заклинание не сработало, снова скрупулезно вписал в бумаги, как добросовестный научный сотрудник, фиксирующий этапы опыта.

— Не срабатывает? — спросил я благожелательно. — Ну да, в очередной раз наука дала ответ на животрепещущий вопрос. И этот ответ: «Я не знаю!»

Мне показалось, что сухие губы чуть дрогнули, готовые сложиться в улыбку, но не смогли вспомнить, как это делается.

— Ищи-ищи! — посоветовал я. — Научная мысль не должна останавливаться. Самое удивительное в мире, как сказал один маг по имени Эйнштейн, это тайна. За ней скрывается источник, питающий науку и искусство.

Он поднял голову, я снова ощутил легкие мурашки по телу, но чуть иначе. Спустя полминуты он опустил голову и аккуратно сделал новую запись.

— Молодец, — похвалил я. — Чувствуется ученый, вроде доктора Менгеле. Не какой-нибудь астролог. Тебя как зовут?

Он спросил, не поднимая головы от бумаг:

— Миртус. А чем плоха астрология?

— Разве я сказал, что плоха? — удивился я. — Нет, астрология — точная наука. Все сказанное в гороскопах обязательно сбывается. Только неизвестно, когда, где, с кем и что конкретно.

На этот раз на губах в самом деле проступила улыбка, я ощутил, что попал: этот маг — сторонник точных наблюдений и проверяемых результатов, что в астрологии немыслимо.

— А у вас разве нет астролога? — спросил он.

— В моих землях, — сказал я, — как и в том королевстве, откуда я родом, маги опираются на факты, изучают природу и делают настоящие открытия.

Он скептически искривил губы:

— Открытия? Например...

Я сказал весело:

— Ну, например, к важному открытию пришли маги королевской лиги: установили, что результаты опытов на добровольцах совсем иные, чем над теми, кто кричит и вырывается.

Губы снова дрогнули в улыбке.

— Да, ценное наблюдение. Что-нибудь еще интересное?

— Наша наука, — сказал я, — утверждает, что женатые мужчины живут дольше, а холостые — интереснее. Вы ведь холосты?

— Не женат, — поправил он, я еще раз ощутил, насколько он пристрастен к точности даже в формулировках. — Сожалею, но, мне кажется, нам недолго придется обращаться с вами, как с добровольцем.

— Что делать, — произнес я бодро, хотя по спине пробежал холодок ужаса, — самая продвинутая из всех прикладных наук — прикладная.

— Мне жаль, — сказал он, — я предпочитаю исследовать природу, но всем нам приходится делать не только то, что хочется.

— Все понимаю, — заверил я. — Думаете, мне нравится быть лордом и размахивать мечом? Я предпочел бы сам заниматься наукой. Увы, приходится именно лордствовать, чтобы маги в моих землях могли заниматься наукой... Зато там, где прежде были границы науки, теперь ее центр. А это немало.

Он удивился:

— Вот как? И благодаря чему так удалось продвинуться?

Я сказал легко:

— Ну, к примеру, наши ученые открыли секрет долголетия ежей. Оказывается, никакого секрета нет. Да и живут они, собственно, недолго... Еще у нас от большого древа науки отделился фрейдизм-зигмундизм — система взглядов, учение о ведущей и направляющей роли сами знаете чего. Не маленький. Ну а если говорить несерьезно, то наши чудаки полагают и даже сумели убедить в этом общество, что Земля круглая, представляют? Что вращается вокруг Солнца, что все из атомов, что можно сделать машины, которые сами за-

бегают по земле и начнут летать в облаках. И перевозить грузы, конечно. На фиг они, если летают сами по себе?

Я говорил со смешком, но его глаза стали колючими, он вскочил и, быстро обогнув стол, подбежал ко мне. Я смотрел, ухмыляясь, мол, тайны не выдам, я крепок, как дуб, и, как тот же дуб, ни одной тайны не знаю.

Наконец он сказал с усталостью в голосе:

— Глупости... А мне уж было померещилось...

— Что?

— Будто такое возможно.

Я оскалил зубы в гнусной усмешке:

— А оно в самом деле возможно. И весьма просто.

— Врете! Вы даже не представляете...

Я удивился:

— Почему?

— Это трудно даже теоретически.

— Фигня, — заявил я. — Когда уже сделано, всякий видит, что это просто. И всякий может повторить. В моем королевстве сделали такую машину. Правда, дымит сильно, да и ездит плохо, любой конь перегонит... но эти сумасшедшие маги уверяют, что научат ездить быстрее. И перевозить такая машина будет больше, чем самый сильный конь.

На него было жалко смотреть: глаза умоляющие, губы трясутся, щеки побледнели. Он несколько раз открывал и закрывал рот, пока я говорил, но вот я замолчал, а он все не мог отыскать нужные слова.

— Это... — проговорил он наконец, — это... невысказанно. Наш хозяин прибыл с Юга. Но и у них там ничего подобного.

Острая игла пронзила мое сердце.

— Правда? — спросил я. — А может, ваш хозяин некоторые вещи скрывает?

Он сказал с тоской:

— Это-то зачем скрывать?

— Не знаю, — ответил я. — Если такие вещи есть на Севере, то Юг вроде бы продвинулся дальше?.. Ладно, ты не скажешь, что сделали с моим оружием и доспехами? Нет, можешь не говорить, где спрятали, я не прошу нарушать верность хозяину. Просто — не испортили? Дело в том, что мое оружие — именное...

Он кивнул:

— Кое-что сказать могу. Но только в обмен. Если скажете что-то, чего я не знаю. Нет, как зовут вашего коня, меня не интересует. Докажите, что в ваших землях в самом деле такое отношение к ученым.

Я сказал задумчиво:

— Ну, верховный лорд может и не знать, как работает телевизор, гм... но чему-то меня в детстве учили?.. Ладно, лови: пифагоровы штаны во все стороны равны, угол падения равен углу отражения...

Он опомнился не сразу, потребовал объяснений, я рассказал верхушки того, что вспомнил из школьных уроков по геометрии, физике, алгебре. Маг то вскакивал, то садился, но, едва бросился записывать, я сказал предостерегающе:

— Нет-нет, я свою часть договора выполнил!

Он вздохнул, с неохотой остановился.

— Да, все верно. Но потом продолжим, хорошо?.. Я знаю, что ваш молот, едва его сняли с вашего пояса, рухнул, едва не размозжив двоим ноги. Так на земле и остался. Сперва пытались поднять воины, потом рыцари, наконец сам барон Эстергазз. Увы, его пальцы тоже соскальзывали, будто пробовал поднять горный хребет.

— Именное, — напомнил я скромно.

— Да-да, уже поняли. Должен сказать, я тоже принимал участие. Увы, ничего сделать не удалось. Молот не сумели даже сдвинуть, над ним поставили палатку, привели пару быков. Две упряжки сумели его сдвинуть. Сейчас вроде бы тащат в сторону замка...

— А лук?

Он поморщился:

— С луком то же самое. Никто не смог натянуть тетиву — древко выглядит абсолютно негибким. Хозяин даже велел запрячь двух быков, колдун предостерегал, что могут сломать такое чудо, надо бы поискать ключ для такой магической вещи, однако хозяин был в ярости, велел погонять быков...

Он умолк, а я представил себе, как быки уперлись копытами, потянули, толстый ремень натянулся, зазвенел... Все ждут затаив дыхание, волы стонут, упряжь трещит, звенит, как туго натянутая струна, потом звонкий щелчок, быки разом на колени, мордами в землю, в воздухе лопнувшие ремни...

Маг сказал сухо:

— Мне удалось убедить господина, что вы не благодаря силе натягиваете лук...

— А благодаря чему?

Он скупой улыбнулся:

— Возможно, вы его вообще не натягиваете.

Я опешил:

— А зачем тогда...

— Возите с собой? А разве это не символ мощи?

Лицо его снова стало непроницаемым.

Прошло три дня, я оставался прикованным к стене. Для сна мне бросили охапку соломы. Короткая цепь мешает даже повернуться на бок, я спал либо сидя, либо вжавшись к углу между стеной и полом, одна рука оставалась задранной на цепи кверху.

Эстергазз, судя по всему, отбыл из замка. Миртус тоже отсутствовал, но на четвертый день скрипнула дверь, маг оглядел меня с порога, убедился, что цепь на месте, я не брошусь, аки лев рыкающий, какими себя любят изображать рыцари, живо сбежал по ступенькам.

— Привет, Миртус, — сказал я как можно беспечнее. — Здесь и маги ездят на поиски приключений?

Он покачал головой:

— Я был в лесу, собирал кое-какие ингредиенты.

— Не опасно? Здесь такие леса...

Он пожал плечами:

— Опасно. Но того стоит.

Я сказал с одобрением:

— Вот оно, настоящее мужество исследователя! Не показное рыцарское, где все на публику. Да кто это видит? Еще меньше тех, кто оценит.

Он сел за стол, долго перелистывал бумаги. Я поинтересовался:

— А как ты начал служить именно барону Францу Эстергазэ? Он же недавно в этих краях?

Миртус развел руками:

— Все маги скитаются от замка к замку в поисках покровителя. От иных приходится бежать: требуют философский камень, эликсир молодости, превращения свинца в золото, от других бежим, потому что начинают искать пути к дьяволу, надеясь, что тот даст вечную жизнь и богатство. Третьи гибнут или умирают, замки переходят в другие руки, а этим другим не до бедного мага... Вот так я и прибил к сэру Францу.

— А сэр Франц не требует лишнего?

Он кивнул:

— Он как раз тот господин, о котором можно мечтать. Понимает, что маг не всесилен, так как сам кое-что умеет, и требует только то, что могу...

Я подумал, спросил:

— А ты помнишь удивительную историю второго правления великого Журфинга?

Он подумал, кивнул, посмотрел на меня внимательно:

— Я понял вас, сэр. Вы хороший, благородный человек, но в вашем случае лучше подчиниться обстоя-

тельствам. Мир таков: побеждает сильнейший. А этот сильнейший всегда прав.

Я сказал тихо:

— А я понял тебя, Миртус. Бить лежащего некрасиво, зато безопасно. Один совет: не прогадай.

Еще неделю никто не показывался в моей темнице. Воздух душный, спертый, я чувствовал, что обливаюсь потом. Из всей вентиляции только длинный коридор, тянется со ступеньки на ступеньку все выше и выше, пока не выползает, высунув язык, наружу.

За все это время я видел только угрюмого тюремщика, что молча приносил миску с едой и кувшин воды, никогда не вступал в разговоры, никогда не отвечал.

Миртус пришел на восьмой день. Я так соскучился, что с удовольствием пересказал все, что знал о геометрии из школьного курса, это такое, что Миртус может сразу же проверить, познакомил его с началами алгебры. Больше всего он был поражен отрицательными числами, сам сокрушался, что все это, оказывается, так просто, но вот никто почему-то не додумался!

— Поразительно, — повторял он с вытаращенными глазами. — Поразительно! Все знают, что если у меня два экю, то у меня два экю. Если у меня их взять — будет ноль. А если я еще и займу два экю и тоже отдам, то у вас будет четыре экю, а у меня — минус два экю. Так просто!

— Все гениальное просто, — сказал я. — Маги в моих замках многое знают. И многое умеют. Если даже я знаю, то представь, что знают наши маги!

Он вздохнул, развел руками.

— Жаль, — сказал он с сожалением, — что я не попал в ваш замок. Я вижу, что ваши знания превосходят мои... даже не могу сказать, насколько превосходят...

Конечно же, я предпочел бы служить просвещенному господину, но... что поделать, я принес присягу.

— Но ты ведь не дворянин?

— Нет, — ответил он, — но умение хранить верность слову не осталось целиком за благородным сословием.

— Ты прав, — согласился я. — Благородство, как и знания, не является чьей-то собственностью.

Он смотрел на меня внимательно, и я видел в его черных, как маслины, глазах острое сожаление, что служит не мне.

Он исчез снова на неделю. Появился весь пропахший незнакомыми снадобьями, исхудавший, глаза блестят лихорадочно, руки дрожат. Тяжело рухнул за стол, сообщил раздраженно:

— Ничего не выходит.

— А что пробовал? — спросил я и тут же догадался: — А-а-а, что-то из того, что рассказывал я?.. Ну, ты еще не знаешь, что такое инфраструктура. Если честно, я знаю, как сделать большую повозку, на которой можно летать по воздуху из королевства в королевство... да толку?

Он вскочил, глаза вспыхнули.

— В самом деле знаете?

— В самом, — ответил я без колебаний. — Да только для этого недостаточно пальцами пошевелить. Нужны новые рудники, новые методы выплавки особо чистых металлов, точные инструменты, нужны мастеровые, у которых руки растут... откуда надо. И это только малая толика того, что нужно, чтобы сделать одну-единственную летательную тележку!

Он вздохнул, тяжело рухнул за столом. После паузы поинтересовался:

— А чтобы сделать вторую?

— Правильно мыслишь, — похвалил я. — Потом

уже можно делать их одну за другой. А ты не дурак, знаешь?

Он хмуро кивнул:

— Знаю. А вот что вы не дурак... у меня просто в голове не укладывается.

— Спасибо, — ответил я. — Но кому-то надо и меч держать в руке, не вкладывая в ножны. Чтобы другие могли наукой заниматься... Аморальный человек если добивается власти, то и власть у него аморальная. И держится только на страхе... Благородство уязвимо и вообще не жизнеспособно, верно? Но почему-то все еще живет... Сколько его ни топчут, сколько ни высмеивают, но... Скажи, вот к твоему господину придет маг посильнее и предложит услуги... что тот сделает?

Он ответил хмуро:

— Примет.

— Да, это понятно. А что с тобой?

— Ну...

Он умолк. Маги не терпят друг друга, справедливо видя соперников. Среди магов нет сотрудничества, каждый стремится подмять другого и завладеть его имуществом. Если придет сильнейший, Эстергазэ его возьмет и с легким сердцем позволит убить предыдущего. Или даже сам убьет, чтобы не пошел на службу к соседу и не рассказал, где ключи от комнаты, где деньги лежат.

Я видел в глазах Миркуса, что прекрасно понимает все, но такова жизнь, другой нет, надо жить по этим законам.

— Законы придумываем мы, — проговорил я. — Я в самом деле не с Юга... Как уже говорил, с Севера, самого-самого.

Он поморщился.

— Север... Это дикость, это варварство. Только на Юге развито все то, к чему я так стремлюсь.

— То не весь Север, — ответил я как можно серьез-

нее. — Настоящий Север дальше, дальше... Я с того, дальнего, где олени. Ну и где белые медведи на улицах... Не слышал? У нас там и наука развита, и магия, и все такое, но, конечно, под благословенной десницей церкви. И развита, скажу по секрету, намного сильнее.

Он скептически сжал губы:

— Простите, но весь мой опыт говорит...

— Ты не сталкивался с настоящими северянами, — заверил я. — С теми, кто на Крайнем Севере. Мы редко покидаем свои края. Я вот покинул...

Он всматривался в меня пытливо.

— Да, вся моя магия бессильна, — признался он. — Но это пока что. Просто у вашей магии какие-то иные основы. Я постараюсь разобраться.

Я покачал головой, хотя каждое движение после стольких дней пребывания на цепи дается с трудом.

— Сам?.. Никогда.

— Скажете, — обронил он. — Рано или поздно мой господин получит от вас все, что пожелает.

Я поморщился.

— По-моему, ты уже знаешь, что пытки в таких делах не помогают. Но на добровольной основе я мог бы тебя научить многому. Ты в самом деле стал бы сильнейшим из магов.

Он спросил с подозрением:

— Это на какой добровольной основе? Чтобы я предал своего господина?

— Клятвы держать нужно в отношении тех, — сказал я сухо, — кто сам их держит. Ты знаешь, что твой господин их не держит. Там, где правит рынок, клятвы ничего не стоят. Когда вассалы клянутся мне в верности, я в ответ даю клятву быть верным в отношении их самих. Я и одного из них, даже самого малого, не оставлю в беде. Вассальные отношения связывают обе стороны. А твой господин, прибыв с Юга, старается пользо-

ваться вашей верностью, ничего не давая взамен... Думаешь, это будет длиться и тогда, когда вассалы это поймут?

Он нахмурился, отступил к своему столу. Я наблюдал из-под приопущенных век, как он раскрыл книгу, но что-то слишком долго читает, а глазные яблоки перестали двигаться, посылая взгляд вдоль строк.

Я еще больше приблизил его лицо, обострил запаховое, на этот раз отчетливо чувствую неуверенность и растущее раздражение. На меня? На ситуацию?

Глава 9

Через два дня он зашел сразу после тюремщика, что принес еду, к столу не пошел, напротив, приблизился ко мне. Я видел сочувствие в глазах, наконец он обронил:

— Граф Колдуин и барон Спеос... это самые могущественные вассалы сэра Эстергазэ, требуют, чтобы вас предали смерти.

— Почему?

— Говорят, вас отпускать опасно. Никакой выкуп того не стоит, чтобы оставлять такого противника в живых.

Я спросил быстро:

— А что твой хозяин?

— Особо не спорил. Сказал, если граф Колдуин и барон Спеос внесут выкуп, то пусть убивают хоть прямо тут же, в подвале.

Он сам налил мне в миску из кувшина воды, я спросил жадно:

— А что те?

— Начали просить снизить сумму. Наш хозяин вроде бы пойдет им навстречу. Все-таки не для наживы вы-

купают! Для общего блага, значит, а у сэра Эстергазэ тоже совесть есть...

Я фыркнул:

— Совесть? У цивилизованных людей это называется иначе.

— Так или иначе, — сказал он, — все скоро решится.

— Да, — согласился я. — Но ты подумай.

— О чем?

— Я мог бы взять тебя на службу.

Он горько рассмеялся:

— Откуда мне знать, что это не обман? В вашем положении можно наобещать всего.

— Положение у меня хреновое, — согласился я. — Но если увидишь, что столкнулись равные по мощи быки, выбирай все-таки не самого подлого... хотя может показаться, что беспринципные идут дальше.

Он ответил сухо:

— Благодарю за совет.

Я смотрел на захлопнувшуюся дверь, в воздухе остался заметный запах тревоги, раздражения и острого недовольства. Я шарил взглядом по осточертевшим стенам, со дна души уже не тревога, а нарастающая паника. Сколько ни зову дефов, не появляются: то ли не слышат, то ли здесь их нет. Да и то верно, они стараются держаться поближе к магме, куда их не допускают злые... не помню, какая-то боковая ветвь вроде наших неандертальцев. Это в замке леди Беатриссы мы пересеклись благодаря удачным случайностям, к тому же там древний артефакт их прошлой мощи, они время от времени наведывались к нему, а здесь что им делать?

Больше позвать некого. Даже конь и Пес не услышат из подвала, да и слышали бы... Я здесь на такой глубине, что они, пытаясь добраться ко мне, неминуемо погибнут под градом арбалетных стрел.

Я висел на цепях, поникнув головой. Прикидывать-

ся почти не приходится, в самом деле измучен, в самом деле глухое равнодушие заползает в душу. Может быть, сказываются растворенные в воздухе снадобья, притупляющие волю.

Дверь хлопнула, я не поднимал голову. По звуку определил, что спустились двое, от обоих пахнет дешевой бражкой, рыгают, сопят и чешутся.

— Сомлел, — прогудел один голос. — Это что ж, тащить придется?

— Он и так живучий, — сказал второй. — Эх, продержался бы еще денек... Ну да ладно...

Мои руки больно дернуло, ударил молоток, полетели искры. Увальню понадобилось не меньше десяти ударов, пока сбил кольца с моих ног, причем трижды ударил по пальцам. Я едва не взвыл, с огромным трудом не залечил ссадины сразу, теплая кровь потекла на пол.

Потом сбивали с рук, а когда осталась одна рука, стражи разделились: один отошел с мечом в руке, второй хекая, как дровосек, бил молотком по металлу.

Наконец кольцо звякнуло, одновременно я, сосредоточившись, вызвал в памяти огонек, которым разжигал костер. Они уже снимали меня со стены, как вдруг один вскрикнул:

— Да что за... Бен!

Он лапнул себя за спину, а второй вскрикнул испуганно:

— Ух ты, у тебя спина горит!

Начали сбивать пламя, а я поспешно схватил с треножника чашу светильника, швырнул в обоих. Горячее масло обожгло, один взвыл, на другом одежда вспыхнула, как факел. Я прыгнул вперед, ухватил за кисть, там уже меч, вывернул, хороший удар в зубы, меч в моей руке. Второй страж, на ком пылает одежда, не теряя присутствия духа, начал тащить меч из ножен, но лезвие меча в моей руке вошло на ширину ладони ему под нижнюю челюсть.

Запах горящего мяса просто жуткий, меня шатнуло от слабости, ноги всхлипывали и со скрипом суставов несли освинцовевшее тело по ступенькам к двери.

Лестница вверх невыносимо длинная и крутая, я тащился и тащился, как на небеса, а когда сверху слышались голоса, почти обрадовался: можно остановиться.

Набежали двое, я прикинулся совсемдохлым, это помогло одного убить первым же ударом, а второй, слишком рыхлый для воина, но хорош для тюремщика, махал мечом почти вслепую, и я убил его милосердно, раскроив голову.

Сигнал тревоги так-то распространился: навстречу спускались еще и еще в кожаных латах, с копьями, мечами и топорами. Я рубил, топтал, рассекал тела, упорно поднимался по ступенькам, но наверху выстроилась целая толпа, а в стене слева я заметил проход, как раз в рост человека.

Ринулся туда, пусто, побежал, задыхаясь и обливаясь потом, хотя на самом деле налитые свинцом ноги с трудом одолевают ступеньку за ступенькой. Там впереди сдвигается при каждом шаге из стороны в сторону высокий свод, как будто я поднимаюсь не то на арену цирка, не то в церковь.

Последняя ступенька, я ошалело огляделся. Просторный зал, как в театре, три ряда бельэтажа, а я, выходит, на сцене... Нет, за спиной не сцена, а такая же стена с тремя рядами лож. Но вот на той стороне зала дверь...

Я сделал первый шаг, и тут сверху гулкий голос прокричал злорадно:

— Сэр Ричард... вот вы и попались!

Я огляделся, сперва ничего не увидел, потом разом по всем трем этажам бельэтажа поднялись лучники и арбалетчики. С боков тоже они, а когда огляделся, человек двадцать со всех сторон целятся мне в спину.

Я похолодел, уже чувствуя, как сотни стальных болтов рвут меня в клочья. Арбалетчики продолжали целиться, а голос сэра Франца сказал с издевкой:

— Ну что, страшно?

Болтает, мелькнуло в голове, значит, не все потерянно.

— Ничуть, — ответил я. — А тебе?

Он захохотал, вышел из-за колонны на втором этаже. Чуть наклонился, упершись обеими руками в каменный край барьера, всматривался вниз с жадным интересом.

— Здорово я тебя поймал?.. Когда я увидел этот зал, сразу подумал: а не приспособить ли как дополнительный заслон для особо опасных?.. Пока вы, сэр Ричард, доблестно пробивались наверх, истребляя простых воинов, арбалетчики заняли свои места.

— Это хорошо, — ответил я. — Чтобы я не бегал и не ловил их поодиночке.

— Еще и остришь? Неужели такой дурак?

— Как раз не дурак, — ответил я. — Но тебе что-то надо, не так ли?

Он покачал головой:

— Как раз ничего.

Сердце мое дрогнуло, неужели просто забавляется, растягивая удовольствие, я спросил с удивлением:

— Значит, надо кому-то повыше тебя? А я думал, ты сам чего-то стоишь...

Он поморщился:

— Меня этим не уешь. Я здесь суверенный правитель, не подчиняюсь даже королю. Но ты прав, я вынужден тебя на некоторое время пощадить... И даже, увы, отпустить на волю.

Я окаменел, в голове ураган мыслей, наконец спросил тревожно:

— И кто же на тебя так нажал, несчастный?

Он ухмыльнулся:

— Это ты несчастный. На меня нажать невозможно, но подкупить... Проще говоря, ты зря затянул с женитьбой. Что такое обручение? Ничего. Словом, явилась твоя невеста. Предложила себя в жены, дурак. Правда, с одним пустяковеньким условием, в чем мне просто трудно ей отказать...

Арктический холод обрушился на мои обнаженные плечи. Я спросил осевшим голосом:

— Что за условие?

— Она попросила... понимаешь, попросила, а не потребовала!.. Видишь разницу?

— Вижу, — ответил я.

Наслаждаясь каждой интонацией, на него смотрят десятки его людей, должны видеть воочию мощь своего господина, он сказал издевательски:

— Она попросила отпустить тебя. И тогда не только ляжет ко мне в постель, но и принесет в супружестве все то, что обещала принести тебе, дурак.

Не дожидаясь ответа, он сделал повелительный жест. Арбалетчики опустили оружие, лучники отступили и скрылись в темноте. Я стоял оглушенный, в душе бушует неистовство, мысленно я хватал его за ноги и с размаха бил головой об угол, а потом шлепал измочаленным телом по булыжной мостовой, однако сверху раздался повелительный окрик, и я машинально двинулся к выходу.

Свет ударил по глазам яркий, болезненный. Я прикрылся рукой, за мной со всех сторон наблюдают вооруженные люди. Куда бы я ни пошел, пойдут за мной. Это здесь меня нельзя убивать, сразу же станет известно леди Беатриссе, тогда она, возможно, захочет передумать насчет замужества... хотя, конечно, кто ей по-

зволит, однако Эстергазэ хочет, чтобы все выглядело так, словно она пришла к нему добровольно...

Я миновал главное здание, прошел широкий двор. Куда бы я ни сворачивал, вооруженные люди, не слишком и скрываясь, идут за мной. Более того, несколько человек всегда бросаются вперед, готовые встретить меня там, как только получают нужный приказ.

Я вышел за пределы замка, здесь множество домиков ремесленников, сыродельные и кожевенные цеха, но вон невысокая деревянная стена палисада, городские ворота...

Там, за ними, со мной в поле может случиться что-то, барон Эстергазэ не виноват...

Я свистнул, выждал чуть и свистнул снова. Мои стражники вроде бы насторожились, но ничего не происходит, и снова расслабились. Я миновал ворота, впереди простор, слева лес, справа небольшое озеро, а впереди широкая долина, по которой мне уже не пройти и трети...

На озере показалась темная точка, что очень быстро разрослась, рядом с нею еще одна. В грудь ударила тугая волна сжатого воздуха, как от пролетевшего мимо скоростного поезда. Зайчик остановился резко, упершись всеми четырьмя и откинувшись резко назад, почти севши крупом на землю. Копыта пропахали четыре дорожки, я увернулся от Пса и торопливо вспрыгнул на спину своего чудесного арбогаста.

Люди с оружием заорали и бросились к нам. У двух-трех за спиной луки, я крикнул:

— Бобик, не отставать!

Зайчик по моей неслышимой команде повернул к лесу, я прижался к его шее, выдержал ревущий ураган, а когда над головой замелькали ветви, закричал торопливо:

— Стоп-стоп!

Глава 10

Полдня я отчаянно метался мыслями внутри себя и по всей Армландии, а также по Вексену и даже Зорру. Барон Эстергазэ сейчас в укрепленном замке, целой армией его не достать, не вырвать из его рук леди Беатриссу.

Из оружия у меня плохонький меч, отнятый у тюремщика. Есть у меня странные мечи с неизвестными свойствами, что остались в моих замках в Амальфи и в прочих, но не факт, что те свойства помогут, а мне сейчас нужно наверняка...

Зайчик насторожился, уши встали торчком. Пес с готовностью вскочил, глухо зарычал. Я услышал далекий гул, проехал между деревьями к опушке.

Между синим небом и желтеющей травой по земле двигается темное пятно. Я старательно всматривался, но, как назло, солнце закрыла тучка. После томительного ожидания нехотя сползла, солнце брызнуло золотым огнем, а темная масса засверкала доспехами, щитами, конской сбруей. Голова закружилась, когда я до предела сузил зрение и ловил в центр лица едущих во главе рыцарей.

Один, красивый и надменный, со злым капризным лицом, показался знакомым. Порылся в памяти, нет, не видел, вот только глаза знакомы...

Как вспышка молнии мелькнуло воспоминание: всадник, стреляющий в меня из лука смертельно точно. Я навсегда запомнил эти глаза в прорези шлема, потому что стрела тяжело ранила леди Беатриссу.

За всадниками двумя колоннами движутся конные рыцари. Их не меньше пятисот человек, все закованы в тяжелые доспехи, это всепокрушающая сила, а следом копейшики, лучники, мечники...

Поколебавшись, я выехал навстречу, вскинул руку. Всадники на легких конях тут же пошли галопом, охва-

тывая меня с боков. Лучники начали вытаскивать стрелы, но головные всадники лишь смотрели на меня искоса, продолжали путь.

Я помахал рукой, наконец один резко повернул коня и направился ко мне. Я узнал стрелявшего в меня, если память не изменяет с кем-то, то это Маздэй, двоюродный брат леди Беатриссы.

— Сэр Ричард? — крикнул он с недоверием.

— К вашим услугам, — ответил я с невольной враждебностью. — Похоже, едете на свадьбу своей сестры?

Он помолчал, оглянулся на своих. Головная группа начала придерживать коней, но основная масса двигалась в том же темпе и в том же направлении.

— Это как сказать, — ответил он.

— Ваши слова туманны, — сказал я любезно.

— Потому что так и есть, — ответил он резко. — Мы еще не знаем в точности, что случилось.

— Потому и такое... такая свита?

— Потому, — ответил он еще резче. — Надо быть готовыми к неожиданностям.

— Например? — уточнил я. Мне самому показалось, что вот так допрашивать главу большого войска с моей стороны крайне неучтиво, я торопливо добавил: — Прошу простить, сэр, мою кажущуюся грубость, но слишком уж необычны обстоятельства...

Он смотрел враждебно и ответил не менее враждебно:

— Мы не знаем, чего ждать, сэр Ричард. Могу я задать со своей стороны вопрос?.. Почему вы здесь?

Я ответил с удивившей меня самой резкостью и с такой горечью, что у меня под ногами почернела и сжухлась трава:

— Леди Беатрисса согласилась выйти замуж за сэра Франца Эстергазэ. Но с условием, что счастливый жених не станет марать руки моей казнью.

— И что сэр Франц?

— Предложение принял.

Он смотрел зло, поинтересовался с ноткой недоверия:

— Сэр Франц прибыл с Юга, о чем он не раз с гордостью говорил. А там, как мы слышали, слово чести не очень в ходу.

— Верно, — согласился я. — Но мне удалось ускользнуть от тех, кто должен был прервать нить моей жалкой жизни... за стенами города.

Он кивнул, поверив, теперь он двигался и говорил медленнее, сбившись с накатанного пути допроса:

— Сэр Ричард... Я в затруднении... думаю, и мой брат мне подсказать не сумеет верное решение... Вообще-то сэр Франц, возможно, лучшая кандидатура, чем вы... для нашей сестры, я имею в виду...

Я молчал, ждал, Маздэй морщил лоб, искусство быстро принимать решения явно не входит в перечень его достоинств. Простучали копыта, подъехал среднего роста рыцарь в дорогих доспехах, лицо недовольное, уже только по капризно оттопыренной губе я узнал бы брата Люберта.

Он нехотя кивнул мне, я чуть-чуть наклонил голову, буквально на миллиметр. Пусть у них мощное войско, но у меня под седлом арбогаст, за которого Эстергазз готов был отдать душу, и Адский Пес, что следит за обоими всадниками не так уж и дружелюбно.

— Хорошо, — сказал я наконец, — давайте посмотрим, что у нас есть. Леди Беатрисса, одобряете вы ее поступок или нет, согласилась выйти замуж за сэра Эстергазз с условием, что он освободит меня из подземелья и даст мне свободу... Кстати сказать, я тоже не одобряю поступок вашей сестры. Хотя бы потому, что из подземелья освободился сам, прошел с мечом в руке до самого верха, а там мы уже встретились с сэром Эстергазз. Но меч мой, вот он, который я отнял у капитана тюремной стражи, остался при мне!

Люберт спросил живо:

— Вы беседовали с сэром Эстергазэ? И что...

— Это он сообщил мне, — ответил я с досадой, — что ваша сестра предложила такую сделку.

Он всмотрелся в меня.

— Понятно. Он вас уже убить не мог, а вы до него дотянуться не сумели. Так?

— Быстро соображаете, — похвалил я и покосился на старшего брата. Тот, ничуть не обиженный, смотрел на Люберта с любовью и гордостью. — И что предпримете теперь?

Маздэй посмотрел на Люберта с ожиданием, тот ответил, не задумываясь:

— Поспешим к замку Эстергазэ. Выясним, по доброй ли воле сестра идет замуж. Если по доброй, да будет так. Мы его не знаем, он может оказаться человеком куда лучше, чем вы, сэр Ричард, которому мы, честно говоря, не доверяем...

— ...и не любите, — договорил я. — Не обижаюсь. Как еще вы должны относиться к любимцу короля-тирана, которому подарены земли вашей сестры? Но сейчас у нас с вами цели совпадают. Я хочу рассчитаться с этим Эстергазэ... вернуть свои доспехи и оружие, а также, как и вы, убедиться, что ваша сестра идет за него по своей воле.

Маздэй посмотрел вслед войску. За время разговора мимо нас прошли не только конные, но вся пешая рать. Последними под охраной идут около сотни тяжело навьюченных коней.

— Тогда в путь, — сказал он нетерпеливо.

Войско движется, как лавина, земля дрожит от гула копыт, облако пыли поднимается до небес и достигает облаков. В деревнях закрывали дома и убегали в лес, но

мы двигались, почти не останавливаясь для ритуального разграбления и насилования пойманных женщин.

Когда замок показался в виду, наступила ночь, Маздэй распорядился разбить лагерь в лесу. Только полный глупец остановится в поле, где каждый может увидеть, пересчитав костры, сколько прибыло войска.

В палатке братьев собрались самые знатные и влиятельные рыцари. На меня посматривали больше с недоверием и неприязнью, чем с сочувствием, я на них не смотрел вовсе. Маздэй и Люберт держали совет, как утром окружить замок и отрезать все пути бегства, как не дать внезапно подойти на помощь осажденным.

Я поднялся, все взгляды невольно обратились в мою сторону.

— Я плох после подземелий, — сказал я извиняющимся голосом. — Голова кружится...

— Долго били, — сказал кто-то знающе. — У меня тоже так было. Да, надо посидеть на свежем воздухе.

Я вышел, почти сразу полог палатки отодвинулся, вышел Люберт. Кивнул без особой приветливости.

— Дальше Маздэй проведет совет. Он большой мастер по осадам. А вы что задумали?

Я удивился.

— По мне видно?

— Увы, да. Вам нужно научиться лучше скрывать мысли.

— Буду стараться, — буркнул я. — Если доживу. Просто подумал: пока войско отдыхает, не пройтись ли в замок? У меня там доспехи и оружие. Не бог весть какие, но я сентиментальный, быстро привязываюсь.

Он смотрел остро.

— Полагаете, что сумеете? Впрочем, вопрос снимаю. Вижу по лицу, что сумеете. На что-то серьезно рассчитываете. Ладно, но если вам это удастся?

Я развел руками:

— Как бы я ни хотел всех гадов перебить лично, но не дал Господь свинье рогов, а то бы всех перебодала. Постараюсь дать вам знак... следите за стенами, башнями.

— Самое умное, — перебил он, — если тайком спустите веревку. Если мы с Маздэем взберемся, то выдержим натиск десяти человек. Если драться в узком коридоре, мимо никто не прошмыгнет, а нас свалить непросто.

— Не обещаю, — сказал я, — но буду стараться. Я сам пока не знаю, что там меня ждет.

Он посмотрел серьезно:

— В вас кипит ярость. Говорят, месть — блюдо, которое следует подавать холодным.

— А вам такое удавалось?

— Нет, — признался он, — но я понимаю, что так лучше...

— И я понимаю, — прервал я. — Да что толку?

Он смотрел, как я исчезаю в темноте, ходить бесшумно не умею, ломлюсь, как пьяный лось весной, могу только догадываться, что Люберт подумает о таком лазутчике.

Холодный ночной ветер заставил поежиться, это в лесу увязает между стволами, а здесь, на просторе, сразу забирается под рубаху. Злобно сверкающие в темном звездном небе облака закрыли лунный диск, медленно двигаются, а испещренная темными пятнами луна смотрит через разрывы, похожая на огра, высматривающего добычу.

Я шел быстрым шагом, мир несколько странен: вижу все четко и ясно как днем, но исчезли все цвета, потому неестественны деревья, кусты, трава, а сам замок показался вырезанной из фанеры декорацией. На воротах жарко пылают факелы, такие же на башнях, слыш-

ком пышно... и тут я вспомнил, что готовится свадьба, барон женится на леди Беатриссе. Похоже, южанам плевать на условности, на обрядности и годичный траур по убитому супругу барона не остановит.

Скрипя зубами, я вошел в личину исчезника и бродил вдоль стены, высматривая место. Стражники обходят регулярно, но все-таки ни в одном замке не бывает их достаточно, замок Эстергазз не исключение.

Я выждал момент, веревка с крючком взметнулась, как черная змея, совершенно невидимая на фоне темного неба, однако звякнуло. Стражник услышал, я видел, как вертит головой. Наконец вернулся, сердце мое остановилось, однако он остановился, не доходя двух шагов, посмотрел вниз со стены, там все вычищено на случай внезапного нападения, и, успокоенный, пошел дальше.

Ладони мои горели, грубая веревка содрала кожу, когда я пару раз, не удержавшись, соскользнул, но успел вскарабкаться и даже вытащить веревку, пока страж там, вдали, развернулся и побрел обратно.

Во дворе полыхает смола в бочках, стены зданий подсвечены снизу багровым огнем костров дико и страшно. Народу шляется много, но это местная челядь и слуги приехавших на свадьбу. Пахнет жареным мясом, бараньей похлебкой, свежим дегтем и скоплением коней.

Мелькнула мысль смешаться с множеством гостей, можно даже без личины исчезника, Люберт позаботился, чтобы вместо лохмотьев я оделся пристойно, могу вместе с народом проскользнуть в главное здание...

Стражи на каждом углу, у каждой лестницы и двери. Я долго выждал, затаивался, проскальзывал вместе с гостями, стараясь держаться подальше от главного здания, там меня сразу засекут колдуны, наконец передо

мной дверь в подвал, ноздри уловили едкий запах аммиака, древесного угля и жженных птичьих перьев.

Миркус не услышал скрипа двери. Перед ним в огромной реторте кипит зеленая жидкость, в ней поворачивается нечто вроде крохотного человечка.

Я подошел неслышно, одной рукой зажал рот, другой приставил к его горлу лезвие ножа.

— Ну вот я и вернулся, Миркус.

Он дернулся и застыл, холодное лезвие надрезало кожу. Глаза полезли на лоб. Я сказал тихо:

— Я уберу пальцы, но лезвие ножа останется у твоей артерии. Понял?

Он чуть-чуть дернул головой, я медленно отнял пальцы. Он с облегчением вздохнул.

— Благодарю... У меня насморк. Либо задохнулся бы, либо ножом.

Я нож не убрал, сказал зловещим голосом:

— Куда спрятали мои доспехи? Мой меч, лук?

Он прошептал после паузы:

— Вы не сможете туда пройти...

— Смогу, — отрезал я.

— Не сможете, — ответил он. — Я сам ставил заклęcia. Но я вас проведу.

Я спросил с подозрением:

— Почему я тебе должен верить? Или решил перейти на службу ко мне?

Лезвие все еще оставалось у его горла, он ответил, едва шевеля кадыком:

— Я маленький человек, сэр, но и я чувствителен к несправедливости. Даже если она не ко мне. Хозяин не должен был угрожать той женщине... А он принуждал ее не только вступить с ним в брак, но и заставил подписать брачный контракт, по которому все ее земли переходят к нему, а сама она...

— Что? — прорычал я.

Он сказал совсем тихо:

— Он пообещал ей, что поизгаляется над ней недельку-другую, потом отдаст на потеху своим конюхам. А затем либо убьет, либо швырнет в монастырь. Я не одобряю таких действий лорда, которому служу.

Я медленно убрал нож от горла.

— Разумно, что уходишь.

Он сглотнул, покачал головой.

— Нет, разумно как раз остаться. При таком-то лорде! Он быстро богатеет и набирает мощь. Но это... нечестно.

Я не стал прятать нож, подтолкнул:

— Философию — потом. Веди.

Он не сдвинулся с места.

— Погодите. Вы не пройдете и трех шагов. То, что умеете уходить от взглядов простых людей, не значит, что уйдете и от более знающих.

— Это не новость, — сказал я нетерпеливо, — но что можешь предложить?

— Защиту, — ответил он скромно. — Второго порядка.

— Это как?

— Вас не увидят не только с амулетами, не только колдуны... для этого достаточно защиты первого уровня, но не заметят и маги, если маги простые, конечно.

— Ого, — сказал я, — ты, выходит, умеешь больше, чем я думал. Давай, делай!

Он поклонился:

— Раз уж я принял вашу сторону, то иду до конца.

Он сказал несколько слов, подвигал руками с растопыренными пальцами, я задержал дыхание и дал себя окурить неприятным зеленоватым дымом, наконец Миркус перевел дыхание.

— Надеюсь, — сказал он с некоторым сомнением, — не увидят.

- Точно?
- Это самое сильное, что я знаю, — ответил он.
- Но знаешь не все, — уличил я.
- Больше всех знает только сам дьявол, — отпарировал он.
- Я отрезал:
- Зато Господь знает все!

Глава II

Он вышел первым, я следом, во дворе народу как будто прибавилось. Я помахал перед лицом одного из челядинцев, другому поднес к лицу фигу. Не моргнули глазом, хотя у первого приподнялись брови, явно уловил движение воздуха от моей руки.

— Здорово, — шепнул я Миркусу с мрачным восторгом. — Это уже не исчезничество, а почти невидимость.

— Рано ликуете, — сказал он с тревогой. — Я еще не знаю, что за гости... Среди них могут быть очень разные.

— Да, — согласился я. — Где молот?

— Идите за мной.

Молот, рассказывал он по дороге, за это время тремя упряжками волов, постоянно меняя их для отдыха, сумели дотащить до замка. Сутки отдыхали, потом кое-как заволокли, взламывая им каменные плиты, во двор. Там молот и сейчас. Найти легко, над ним барон Эстергазэ поставил палатку.

— А меч, лук, доспехи?

— Все в личной сокровищнице хозяина, — сообщил он.

— Как он с ними?

— Не до них было. После свадьбы пообещал все приручить.

— Его самого скоро черти в аду приучат на раскаленной сковороде плясать, — сказал я зло.

— Все там будем, — вздохнул маг.

— Да, но я буду с вилами!

Палатка отыскалась вблизи ворот. Плиты уже уложили на место, хотя некоторая неровность и вздыбленность двора говорят, что совсем недавно здесь было не так гладко.

Мы вошли вместе, Миркус с изумлением смотрел, с какой легкостью я подхватил молот.

— Теперь вижу, — прошептал он, — что он ваш.

— Мой, — подтвердил я. — Хотя и нет товарного чека из лавки. Если честно, то и молот, и все-все мне подарили. Что за службу, а что просто за красивые глаза.

Он посмотрел на мои глаза с сомнением.

— Гм... главное, вещи вас слушаются. Что теперь?

— В оружейную. Мне нужны мои доспехи, мой меч, мой лук.

— А потом?

— Суп с котом. Где оружейная?

— Да близко, близко...

Через четверть часа, усыпив внимание часовых, мы проскользнули в святая святых любого замка. Не церковь, конечно, а комнату, где хранится лучшее и коллекционное оружие владельца, в том числе фамильные мечи, топоры именитых предков, разрубленные доспехи основателей рода и династии.

Миркус с почтением смотрел, как легко и быстро я надел доспехи, перебросил через плечо перевязь с мечом, ухватил лук.

— Где здесь церковь? — спросил я злобно. — Постараюсь испортить торжественный обряд! Не люблю само слово «бракосочетание».

Он вздрогнул, посмотрел расширенными глазами.

— Но разве... Ах да, откуда вам знать...

— Что? — встревожился я.

— Нет у нас больше церкви, — пролепетал он, — а церемонию бракосочетания... решили не отмечать так торжественно... Это была просьба леди Беатриссы... а лорд Эстергазэ милостиво пошел ей навстречу.

Я спросил страшным голосом:

— И что? Как? Где?

— В небольшой, наскоро построенной часовне, — ответил он поспешно, — это на другой стороне замка. В присутствии лишь свидетелей. Без гостей.

Я бросился к дверям.

— Бегу!

Он помчался следом, я слышал его удаляющийся голос:

— Но церемонию перенесли на два часа вперед...

Я неся по винтовой лестнице вверх с такой скоростью, что стена шипела от трения. Ноги быстро стали как чугунные тумбы, воздух в груди разогрелся так, что едва не вырывался длинным языком огня.

Когда высоко впереди показалась дверь, я уже хрипел и хватался за стены. Но дверь отворилась от толчка, я вывалился, намереваясь обогнуть главное здание и броситься к часовне...

Колени подогнулись: из часовни выходят рука об руку Франк Эстергазэ и леди Беатрисса. Ленты с ее фаты исчезли, знак, что из невест перешла в законные жены.

Я хрипел, пот заливает глаза, легкие лезут из горла, смертная тоска охватила душу. Я внезапно ощутил себя человеком этого мира, когда вот эта нелепая церемония значит так много: минуту тому это еще невеста, она свободна, но ты не успел — и вот уже принадлежит другому, не смей и соваться, кто опоздун — тот опоздол.

Я вас люблю, чего лукавить, но я другому отдана и буду век ему верна...

Тоска и чувство безнадежности охватили душу с такой силой, что хотелось опуститься под этой стеной, опустить голову на грудь и умереть.

Я не знал, сколько так просидел, но снизу зашеле-стели шаги, показался запыхавшийся Миркус.

— Вас могли заметить! — сказал он свистящим шепотом.

Я проговорил вяло:

— Не видно, войска ее братьев не подошли?

— Насчет войск, — прошептал он, — не слышу, но небольшие группки уже вблизи стен.

— Надо как-то впустить.

Он всмотрелся в мое лицо.

— Что с вами, сэр?.. Я знаю место, где можно попасть в замок не то чтобы легко, но... можно. Однако там всегда дежурит пять стражей. Они сразу поднимут тревогу...

Я заставил себя подняться.

— Показывай дорогу.

Замок расстраивался, перестраивался и достраивался многочисленными хозяевами, так что единая система обороны не то чтобы потеряна, она смята, раздроблена. Замок можно захватить даже без магии, если действовать очень грамотно.

Пятеро стражей в небольшом помещении, трое смотрят в окошки, двое играют в кости. Я прикидывал, как лучше ворваться и постараться сразить всех, не дав им поднять тревогу, но Миркус тронул меня за локоть.

— Не получится.

— Что?

— А то, что вы задумали.

— Ты и мысли читаешь?

— Они у вас написаны на лбу.

Я нахмурился:

— А что получится?

— Позвольте мне...

Он пошептал, сделал пассы, из сумки появился медный кувшинчик, а он, закрыв пальцами ноздри, осторожно вытащил пробку из дерева. Я на всякий случай задержал дыхание, а Миркус бросил кувшинчик на середину комнаты.

Все пятеро подпрыгнули на металлический звук, уставились на катящийся по полу неизвестно откуда появившийся предмет. Почти сразу трое, что были на ногах, медленно сползли по стенам на пол, а у сидящих головы упали на грудь.

— Здорово, — сказал я пораженно. — И долго они так?

— Около часа... Главное, потом никакой головной боли.

— Ну, главное не это, — проворчал я. — Слишком ты заботливый. Пацифист, наверное, латентный.

— Да, — ответил он смиренно, — не люблю резни.

— Я тоже, — сообщил я ему шепотом. — Предпочитаю вешать. Или, как наша святая церковь... без пролития крови.

Он содрогнулся, взгляд метнулся испуганный. Я пожалел о грубой шутке, добавил с улыбкой:

— Там, где будет моя власть, будут править законы. Никакого своеволия самодуров вроде меня!

Он слабо улыбнулся. Я начал тащить из-за пазухи веревку, но Миркус отворил дверцу в кладовку. В его руках появилась длинная лестница. Мы опустили ее в окно, я высунулся и помахал руками.

Через пару минут лестница задрожала, показалось бледное, но решительное лицо Маздэя.

— Слава богу, — выдохнул он. — Мы чего только не думали...

— Залезайте, — распорядился я. — И запускайте лучников. У вас они, похоже, даже лучше, чем у окрестных лордов. По крайней мере, луки композитные.

Он протиснулся в окно, тяжело рухнул на пол и еще оттуда оглядел меня удивленно.

— Так это и есть ваши знаменитые доспехи?.. Кстати, там к нам присоединились ваши рыцари. Оказывается, уже давно рыщут вокруг замка, выискивают, с какой стороны напасть.

— Как, — вырвалось у меня, — разве леди Беатрисса не велела всем оставаться в замке?

Он хмыкнул, посмотрел на меня с интересом.

— Велела. Но, наверное, в вас все-таки есть что-то стоящее...

— Откуда вдруг такие выводы?

— Даже часть ее вассалов после отъезда госпожи... передумала. И, наскоро собрав всех, кто был поблизости, двинулись сюда. А если так вам верны, то вы не самое мелкое, что есть на свете.

Я выпрямился во весь гигантский рост, посмотрел на него сверху вниз.

— Надеюсь.

Он высунулся в окно и прокричал трижды совой. В ответ донесся тоскливый волчий вой. Маздэй сказал быстро:

— Все в порядке. Вы уже разузнали, куда идти?

Я кивнул на молчащего Миркуса.

— Вот он проведет. А я пока пройду вперед. Ждите сигнала. Не здесь, конечно!

Я крался по коридору, стараясь не топтать, не шелестеть, ничего не задевать, именно по таким признакам и вылавливают невидимок. Челядь и немногочислен-

ные стражи даже не глядели в мою сторону, но я все равно прижимался к стенам и время от времени, избегая столкновений, втискивался за статуи.

Попался богато одетый вельможа с обрюзгшим лицом и длинными висящими усами, что-то его насторожило, я замер, задержал дыхание. Нога моя зависла в воздухе, он остановился, ощупывая многочисленные амулеты на груди, буркнул что-то под нос и двинулся дальше.

Первый колдун попался вниз у лестницы, я чуть было не столкнулся с ним, когда он неожиданно появился из-за поворота. Я с грацией балерины отпрыгнул на цыпочках, чтобы не наткнулся, тут невидимость не поможет. Был опасный момент, когда колыхнулся воздух, а колдуны читают запахи так же хорошо, как и гончие псы, но колдун слишком устал и запыхался, поднимаясь по ступенькам, так что прошел мимо, сопя и отдуваясь.

Второй застыл в неподвижности на фоне гобелена и наблюдает за гостями, почти такой же незримый, как и я. Я тоже присматривался именно к гостям, изображающим броуновские частицы, и потому едва не натолкнулся на него, как муравей натывается на засевшего в засаде муравьиного льва.

К счастью, я двигался все тем же лебединоозерным шагом, как Жизель какая, тут же пугливо замер, а колдун, высмотрев кого-то, пробормотал нечто и сделал два характерных движения руками, что есть пассы. Еще минуту понаблюдал, хмыкнул удовлетворенно, мол, сработало, неторопливо пошел вниз.

Я перевел дыхание и дальше пробирался, присматриваясь к каждой щели, тени, выступу, даже всматриваясь в цветные, шершавые и ячеистые запахи.

Третий колдун попался уже внизу, неторопливо шел навстречу. Я застыл, прижавшись к стене, а тот прошел

мимо, только в лице его я уловил некоторое беспокойство. Он даже оглянулся на то место, где я все еще не двигаюсь. То ли дрожание воздуха от биения моего сердца, то ли запах иной, однако крики гостей, шум и голоса отвлекли. Ушел, а я долго еще стоял, удерживая сильнейшее сердцебиение.

Наконец, собравшись с духом, я двинулся между гостями, слугами. Иногда на меня наталкивались, в другой раз я не успевал увернуться, но обошлось, я выбрался на верхнюю галерею и узнал тот самый амфитеатр, в котором меня тогда поймал Эстергазэ.

Глава 12

Шесть длинных столов составлены буквой «П», блестят накрахмаленные белоснежные скатерти, сверкают серебряные ложки и ножи, посуда вся из чистого серебра, а на головном столе, что чуть выше остальных, — золотые тарелки, золотые кубки и, конечно, золотые ложки и ножи.

Слуги заходят длинной цепочкой, расставляют блюда с холодными паштетами и мясными салатами. За ними неотрывно следят трое распорядителей — огромные и страшные. Похоже, следят не за порядком подачи блюд, а чтоб слуги не разворовали серебро и золото. Видимо, магия не всесильна.

Барон Эстергазэ вошел под звуки фанфар, остановился в дверях, давая возможность полюбоваться им и его женой, которую крепко держит под руку. Впервые отказавшись от упрощенной одежды, он сейчас в шелковом полукафтани, что вошел в моду всего пару лет тому, с оторочкой внизу и по краям, на груди вышиты золотыми нитями вздыбленные львы. Особенно красиво смотрятся брюки: одна штанина красная, другая — си-

няя, а верх вообще в клеточку, словно шахматная доска или конская попона.

Сапоги высокие, из прекрасно выделанной кожи, с двойной подошвой, с небольшими каблуками, на которых позвякивают рыцарские шпоры. Широкий пояс с блестящими бляхами — красный, как и сапоги, прекрасно гармонируют друг с другом, на поясе небольшой короткий меч в черных ножнах с золотыми накладками.

Но я скользнул по нему лишь коротким взглядом, мгновенно ухватив все мелочи, и жадно всматривался в бледное изнуренное лицо Беатриссы. Смотрит прямо перед собой, ничего не видя, даже не улыбается милостиво на поздравления и шутки гостей. Фиолетовые глаза потемнели, губы плотно сжаты, скулы заострились. Я приблизил ее лицо до предела и, преодолевая головокружение, жадно всматривался в бесконечно дорогие черты, мысленно целовал глаза, губы, щеки, шептал на ухо, что сейчас все кончится. Потерпи, любимая! Этот твой муж, кем нарек священник этого человека, не доживет до брачной ночи.

Они прошли к стульям с высокими спинками, грузный и богато одетый вельможа выждал, пока сядут, тут же поднялся, золотой кубок в руке заблистал драгоценными камнями. Приосанившись, вельможа окинул всех орлиным взглядом, свободной рукой взял нож и постучал по краю тарелки.

На него начали оглядываться, он сказал густым голосом:

— Давайте поднимем чаши за нашего гостеприимного хозяина, в доме которого мы собрались! Он появился в наших краях недавно, но сразу же сумел проявить себя как опытным воителем, так и рачительным хозяином!

За столом заговорили, слов я не слышал, но, судя по

интонациям, все выслушали с одобрением. Вельможа поклонился барону Эстергазэ, снова оглядел всех с выражением короля, осматривающего раболепных придворных.

— Хочу напомнить, что владения сэра Эстергазэ прирастают деревнями, лесами и пашнями каждый день. При этом ему почти не приходится обнажать меч! И крови пролилось совсем немного. Это ли не признак, по которому узнаем настоящего лорда?

Послышались одобрительные выкрики. Вельможа поклонился всем, отвесил поклон Эстергазэ, но только ему одному, избегая леди Беатриссу. Мне кольнуло в грудь, как длинной иглой, достигшей сердца: уже все знают, что ей недолго быть супругой барона и восседать за главным столом. Потому этот вельможа и старается не встречаться с нею взглядом. Хоть и сволочь, но бывают ситуации, когда даже сволочи стыдно.

— Покойник, — прошипел я. — Ты покойник, горворливая сволочь.

Вторым поднялся сухопарый барон, его слушали менее внимательно, но он отвесил поклон барону Эстергазэ, и голоса стали смолкать. Трусые, мелькнуло у меня. Уже боятся вызвать гнев этого выскочки. Куда мир катится, это же рыцари... Прав был Барбаросса. Когда культы теснят церковь, народ дичает. Вместо слова чести появляются договоры, составленные хитроумными адвокатами... А народец мельчает, мельчает...

Франц Эстергазэ наконец поднялся с чашей в руках для ответного тоста. Голоса мгновенно умолкли, все гости искательно повернулись в его сторону. По губам Эстергазэ пробежала довольная улыбка, но сразу же спрятал, заговорил спокойным приветливым голосом радушного хозяина:

— Я рад, что вы все пришли и поделили мою радость по поводу женитьбы на леди Беатриссе! Я в самом

деле рад. Леди Беатрисса — необыкновенная женщина... Вы видите только ее умопомрачительную красоту, но красивыми могут быть и простые скотницы. Я же ценю ее за необыкновенный ум, за ее жертвенность и ее силу воли.

Его слушали внимательно, хотя, как я заметил, с растущим недоумением. Он перевел дыхание, оглядел всех, улыбнулся.

— Я знаю, прошел слух, что я намерен вскоре после женитьбы как-то расправиться со своей женой. Это, конечно же, ложь. Да, будем смотреть правде в глаза, леди Беатрисса не по своей воле пошла со мной под венец. Но какая из женщин идет по своей воле? Всех выдают замуж родители. За тех, за кого считают нужным. В данном случае леди Беатрисса пошла по воле... ладно, это неважно, по чьей воле. Важно то, что я буду ее беречь и любить. Важно то, что постараюсь завоевать ее любовь и уважение. Важно то, что через некоторое время и здесь сможет распоряжаться с той же долей власти, как и в своем замке Сворве...

Его слушали со все возрастающим удивлением. Я то натягивал тетиву, готовый поразить его прямо сейчас, а там будь что будет, то снова опускал, неприятно пораженный его словами.

Эстергазз всмотрелся в лица гостей:

— Я вижу удивление на многих лицах. Но что слава и богатства, если нет женских ног, к которым все сложить? Я возжелал леди Беатриссу с первого же дня, как ее увидел. И потому не стал даже ждать, когда закончится формальный траур по ее мужу. Удивлены, граф Кентукский?

Вельможа за столом напротив пожал плечами:

— Это ваше решение, барон. Вы не первый раз демонстрируете...

Эстергазз спросил с интересом:

— Что?

— Неприятие, — ответил вельможа. — Непризнание... или лучше все-таки неприятие... заповедей и законов церкви.

На них смотрели выжидающе, Эстергазз кивнул:

— Вы правы, граф. У меня, как вы могли заметить, вообще в замке ни церкви, ни даже постоянной часовни. Зачем? Я сам хозяин в своих владениях. Церкви остались только в самых глухих деревнях, народ ведь туп и невежествен.

Вельможа сказал со смешком:

— Но все же ваш брак был заключен по всем церковным правилам?

— Да, — ответил Эстергазз легко. — Если это помогает моим целям, почему нет? Но вообще церковь обычно мне всегда мешает. Потому я и убрал ее, а священника выгнал... Правда, по дороге из замка его разорвали собаки... но это уже было где-то далеко, его смерть не на мне.

Все на тебе, прошептал я беззвучно. Ты мне ответишь за все, даже за этого священника, затравленного псами. И за разоренные церкви.

Послышались крадущиеся шаги. Сильно пригибаясь, чтобы не показываться над краем барьера, а то и вовсе передвигаясь на четвереньках, ко мне приближались Маздэй, Люберт, сэр Альбрехт и сэр Растер, а также, что меня удивило больше всего, даже поразило, — Саксон, второй раз решивший оставить порученный ему заботам замок. За ними крадучись пробирались лучники, арбалетчики.

Я жестом подозвал Саксона.

— Ты что же? А замок?

— Там присмотрят, — ответил он. — Если нет ни вас, ни леди Беатриссы... то зачем и замок?

— Спасибо, сэр Саксон, — ответил я. — Расставь

лучников по всему кольцу, а рыцари пусть идут вниз. Сейчас начнем... Ждите моего сигнала.

Внизу, в зале, с шумом и бестолковым гамом поднимались, вздымали чаши, требовательно тянулись к новобрачным. Барон Эстергазэ улыбался ослепительно, чаша в руке, повернулся к леди Беатриссе.

Я видел, как шевельнулись его губы, слов не слышно, но брови сдвинулись гневно, хотя продолжал улыбаться. Сердце мое застучало еще чаще. Мерзавец явно угрожает, видно по выражению лица, необязательно читать по губам...

Леди Беатрисса медленно поднялась. Кубок взяла обеими руками, на мгновение левая рука оказалась над кубком. Я тряхнул головой, что-то почудилось нехорошее, но леди Беатрисса тут же убрала левую, кубок в правой, держит на вытянутой руке.

К ней тянулись, я напряг слух до предела, начал различать голоса:

- Счастливого замужества!
- Счастья вам, леди Беатрисса!
- Побольше детей в браке!
- Урожаев!..
- Чтоб всегда коровы приносили по двое телят!
- Да минует ваши земли засуха...

Леди Беатрисса с застывшей улыбкой держала кубок в вытянутой руке, дивным огнем играют алмазы, к ее кубку тянутся десятки кубков и чаш, как к магниту притягиваемые железные опилки. Я слышал частый звон, мягкий и чистый, гости тут же осушали кубки, а леди Беатрисса все держала, смотрела на гостей...

...и вдруг я все понял в тот момент, когда она бледная как мел, но со строгим решительным лицом медленно и торжественно поднесла кубок к губам.

Я вскрикнул: опоздал и здесь, рывком натянул тетиву и быстро выпустил стрелу.

Край кубка коснулся ее губ, блеснуло, раздался чистый серебряный звон. Беатрисса со слабым вскриком отдернула руку. Чаша взметнулась почти к своду, вращаясь, как волчок. Стрела исчезла, а чаша наконец с тем же звоном ударилась о пол и покатилась под ноги гостям. Ярκο-красные капли веером усеивали сапоги гостей. Секундное замешательство сменилось криками, зазвенели выдергиваемые из ножен мечи. Люди оглядывались по сторонам, возле барона Эстергазз возникли два гиганта-телохранителя, огромные мечи уже обнажены, щитами прикрыли господина.

Я поднялся над барьером, прокричал страшным голосом:

— Всем сложить оружие!..

Эстергазз не верил своим глазам, но прежде, чем указал на меня, я заорал его телохранителям:

— Хозяина можете не укрывать! Он будет не убит, а повешен!..

Я сам чувствовал страшную уверенность в своем голосе. Многие из гостей в замешательстве опустили не только щиты, но и мечи. Эстергазз закричал еще громче, пытаясь перекрычать, переломить, но голос сорвался на визг:

— Быстро убейте его!.. Он один!

Я орал, перекрывая шум и гам:

— Я что, дурак? Со мной три тысячи только рыцарей!.. Камня на камне не оставим, если кто-то хоть пискнет!.. Эй, Маздэй, Люберт, Альбрехт, Митчелл!

Они появились внизу, перекрывая выходы из зала, как будто выскочили из коробки: закованные в прекрасные доспехи, хорошо известные лорды, умелые вожаки рыцарских дружин, военачальники.

Я указал на толпу.

— Уничтожить всех, у кого меч в руке, а не в ножнах! Пленных не брать. Сегодня узнают, как выглядит Бог...

Саксон скомандовал:

— Лучники!... Арбалеты!.. Пли!

На всех галереях поднялись десятки лучников и не меньше полусотни арбалетчиков. Оружие наготове, и не успели в зале понять, что же делать с обнаженными мечами, как засвистели стрелы. Зал наполнился криками, стонами, лязгом. Стальные болты пробивали металлические панцири, словно те из глины. Одни гости сгрудились в кучу, закрываясь стульями, пробовали организовать сопротивление, другие бросали мечи и падали ничком, надеясь, что потом не убьют.

Эстергазэ, ни секунды не колеблясь, в прыжке бросился в распахнутую дверь, откуда появился. Слуги шахрахнулись, а он упал, красиво перекатился через голову, избегая арбалетных стрел, тут же исчез за стеной.

Глава 13

В зал ворвался яростно ревущий Митчелл, за ним Альбрехт, Растер, Маздэй, Люберт, только Саксон самоотверженно остался наверху руководить лучниками, хотя и понимал, что кто-то может наемкнуть на его трусость.

Уцелевшие гости сомкнулись в круг и организовали оборону, но сверху прицельно бьют арбалеты, наши рыцари и рыцари братьев ломают и крушат противника, как солому, и вскоре гости побросали мечи, сдаваясь в плен.

Я сбежал вниз и ринулся по следу Эстергазэ. Бобик азартно понесся следом, обогнал, я прикрикнул, чтобы рядом, а то кто знает, какие ловушки могут ждать, эта сволочь очень уж не по-рыцарски расчетлива.

Коридор, где только что пронесся Эстергазэ, ошеломил скульптурами и барельефами. Ни единого свободного дюйма, даже на потолке нечеловеческие лица,

морды, оскаленные пасти, мускулистые руки сжимают рукояти мечей и топоров. Даже чудовища держат мечи и топоры.

Я мчался, прикрикивая на Бобика, чтобы не обгонял, подошвы скользят по слишком гладкому, как лед, полу. Здесь барельефы заменены мозаикой, в глазах рябит от ярких красок. Четкость рисунков такова, словно цветные плитки размером с маковое зерно.

Из стены выплыла фигура, призрачная, полупрозрачная, пугающая, с растопыренными руками. Я пронесся мимо, мог бы и сквозь нее, но не стал рисковать: береженого Бог бережет, услышал впереди стук удаляющихся шагов, надал, увидел спину убегающего Эстергазз, я двигаюсь быстрее...

На стене напротив выросла четкая уродливая тень. Сердце затрепетало, прошло долгое мгновение, прежде чем я сообразил, что это от моих ног протянулись угольно-черные дорожки, переломились у основания стены и поднялись там жутким силуэтом с невероятно расширенным телом и маленькой головой.

— Да пошла ты, — пробормотал я, дрожащие пальцы смахнули пот со лба, — к Шварцу, зараза...

Тень сдвинулась, повторяя мои движения, побежала по стене, я вздрогнул, услышав рядом рычание. Пес перебежал на другую сторону, встав между мной и стеной. Я пробежал стену, открылся второй коридор, и снова увидел спину удирающего, как заяц, несостоявшегося мужа... Сердце мое оборвалось: тень сошла со стены и зашагала, все так же повторяя мои движения.

Пес зарычал громче, шерсть вздыбилась. Я остановился, оцепенев, тень тоже остановилась. Я таращил на нее глаза, а тень, постояв мгновение, сама шагнула ко мне. Пес захрипел, давясь злобой. Тень протянула ко мне невероятно длинные руки, Пес прыгнул и вцепился, а холодные эластичные пальцы сомкнулись на моем горле.

Я задыхался, ухватился за холодные скользкие руки и пытался оторвать от себя, но пальцы сжимались сильнее. В глазах потемнело, заблестали огоньки. Я все боролся, в ушах гремит грохот, слышу рычание, потом вдруг стало легче, я ощутил, что на горле у меня только пальцы одной руки. Кое-как отогнул, вторую руку перекусил Пес и вцепился тени в ногу.

Рука отросла у тени моментально, но теперь она обхватила пальцами Пса. Я услышал тяжелые хрипы Бобика, сдавленный визг.

— Да чтоб ты сдохла, тварь...

В озарении, я создал огонек и бросил в тень, а затем еще и еще. Огоньки прожигали дыры, те так и остались дырами, лохмотья тени не могут сомкнуться, вытесняя яркий свет.

Холод сотрясал мое тело, я создал еще с десятков огоньков, и тень сдалась, ошметки уползли, укатились по земле, словно тяжелая черная ртуть. Пес стоял на широко расставленных лапах, весь дрожит, из пасти течет слюна, дыхание сиплое, с хрипами.

Я поспешно обхватил обеими руками, сильный холод пронзил все тело. Пес вздрогнул, начал вылизывать мое лицо, а я подумал со страхом, что тень едва не задавила моего четвероногого друга и телохранителя.

Коридор вывел ко входу в башню. Я понесся по каменной лестнице наверх с разбегу, прыгал через три ступеньки, через две, потом бежал, не пропуская ни одной... и вдруг ступеньки впереди исчезли. Я задрал голову, гигантская каменная труба башни все так же поднимается ввысь еще этажа на три.

Я заколебался, что-то здесь не то, хотя, конечно, ступеньки вполне могли рухнуть еще сто лет назад. Пальцы уперлись в стену, головокружение нахлынуло короткое, но мощное. Перед глазами замелькало, слов-

но кадры десяти фильмов, запущенных одновременно на один экран, я опустил взгляд...

...вот они, проклятые ступени! Чертов колдун сумел скрыть их заклятием, не видно даже в тепловом зрении, что и понятно, не видно в запаховом, что понятно тоже, но я их вижу, в и ж у!.. Вот они, все такие же полупрозрачные, словно из тумана, ступить страшно, но и те, на которой стою и которые за спиной, — тоже ключья зыбкого облачка...

Я стиснул челюсти, задавливая в себе страх, но все равно не ступил всем телом, а выдвинул ногу и пощупал ступеньку подошвой. И только ощутив сопротивление, решился встать на нее всем телом. Выдержала, разра, я ступил на другую, все еще обмирая в смертельном ужасе, но тоже прошло, и я медленно потащился дальше вверх и вверх.

Сердце колотится, смертельный холод прокатился вдоль спинного хребта и проморозил спинной мозг до боли. Что-то огромное и ужасное приближалось ко мне быстро и неотвратно, похожее на катящуюся с горы скалу. А я чувствовал себя привязанным у подножия, который не в состоянии даже сделать шаг в сторону.

Вся башня начала подрагивать, донесся зловещий гул. Ощущение непоправимой беды нарастало и нарастало, я уже сжался в ком, перестал дышать, а эта жуть все приближается, воздух стал плотнее, нагрелся. Я жадно хватал ртом, как рыба на берегу, но внутри оставалась ледяная глыба, и она становилась все тяжелее.

Пес завыл и попятился, шерсть вздыбилась, но я видел, что он дрожит всем телом. Я на бегу ухватился за выступы стены, чтобы не набежать на яркий свет впереди. Там появилась темная фигура в полтора моих роста, широкая и с толстыми ногами. Мои пальцы судорожно ухватились за рукоять молота, гигант шагнул в мою сторону, громадный и зловещий.

— Убей! — требовательно произнес я.

Молот вылетел с негромкими хлопками, удар, треск, молот описал дугу и влип рукоятью в ладонь с растопыренными пальцами.

Гигант отшатнулся, взмахнул обеими руками, стараясь удержаться на месте. Я швырнул молот снова, вкладывая в него всю мощь, прорычал зло:

— Убей!..

Молот ударил с силой бронебойного снаряда. Раздался сухой шелкающий треск, массивная грудь раскололась. Мелкие осколки брызнули в стороны, крупные начали рушиться на пол. На миг мне почудилось, что голова зависла в воздухе, затем и она рухнула на пол, упали руки, и только тогда качнулись и завалились ноги с нижней частью торса.

Отколовшиеся куски скреплены с остальными широкими липкими лентами, то ли силиконовыми нерввами, то ли жилами, а эти куски начинают сближаться, скрипя по полу острыми гранями. Я поспешно прыгнул вперед, лезвие меча засверкало, я торопливо рубил эти связи, расчленил, раздвигал куски, и наконец горящие бешеной злобой рубиновые глаза погасли.

Я перевел дыхание, но кисло-сладкая струя воздуха колыхнулась и начала истончаться под действием неведомого сквозняка. Я застонал и помчался по этой струе, держа нос по ветру, как гончий пес.

Узкий коридор, а на том конце дверь отъехала в сторону, крохотная фигурка барона проскочила в щель. Я надал, в груди раскаленный котел, горло горит, но успел в прыжке проскочить следом, показалось, что дверь закроется.

Барон у противоположной стены торопливо сорвал со стены и напяливал шлем, латы. Я остановился, хватая ртом воздух, а барон ухватил странного вида меч и с затравленно-ликующим видом развернулся ко мне.

Не понимаю этого вывиха, когда герои, отбросив пистолеты, сходятся в рукопашной, чтобы, дескать, выяснить, кто из них кто. Будь у меня пистолет в руке, я, не колеблясь, выпустил бы в мерзавца всю обойму, оставив один патрон для контрольного выстрела. Да и тот сделал бы с двух шагов, а то и с трех, но лук снять и наложить стрелу не успею, барон напрягся и следит за каждым движением. Закину руку за луком — тут же прыгнет, я окажусь в невыгодном положении.

— Ну что, мерзавец, — сказал я, тяжело дыша, — пришла пора и тебе, как твоим слугам...

— Не хвались, — сказал он быстро, — еще не знаешь, что тебя ждет.

За секунду до этого я уже прошупал помещение, ничего не обнаружил, но все равно жутко, однако ответил бодро:

— Врешь.

— Почему?

— Ты бил без предупреждения. Сейчас угрожаешь. Значит — патроны тю-тю.

Он покачал головой:

— Уверен? А как насчет самой сильной защиты на последнем рубеже?

Я постарался улыбнуться как можно высокомернее:

— И ты бы предупредил?

Он дышал так же тяжело, как и я, но быстро приходил в себя. Я все никак не мог решить, навязать схватку сейчас, пока он не отдышался, или же пусть оба придем в себя. На лице Эстергазэ, наблюдающего за мной так же пристально, увидел отражение своих мыслей.

Я оглянулся на распахнутую дверь, так и не закрылась, барон слишком торопился добежать и схватить оружие.

— Не думаю, — прошепел он с удивлением и нена-

вистью, — что стал бы предупреждать... И откуда ты такой...

— Сейчас узнаешь, — пообещал я.

— Дурак, — вырвалось у него с растущей ненавистью. — Тупой дурак! Но ты узнаешь... Юг...

Усталое сердце начало снова гнать кровь в мышцы, я ответил с такой же злобой:

— А ты узнаешь, что такое... Север... и олень бескрайний...

На его лице метнулась то ли неуверенность, то ли испуг, но он сам сделал шаг в мою сторону, я услышал щелчок пальцами, барон выкрикнул два слова и ткнул пальцем в мою сторону.

Каменные изваяния ожили, зашевелились, мертвые глаза загорелись красным огнем. Одно за другим расправили крылья, и не успело первое сорваться с места, как барон захохотал и бросился на меня.

Я принял удар меча на щит, раздался протяжный звон. На спину бросилось тяжелое, удержался с трудом, отступил, и тут по всей комнате завертелся бешеный черный клубок, словно десяток Адских Псов хватают каменных гарпий, ломают крылья, бьют о стены, с хрустом перекусывают шеи.

Барон бешено осыпал ударами, я отступал, но всякий, кто защищается, проиграет, я собрался с духом и, взвинтив скорость, начал встречать такими же быстрыми и резкими ударами.

Меч Арианта высекал искры о его меч, панцирь и щит барона звенели и сыпали короткими злыми огоньками от моих ударов.

В глазах барона я видел растущее удивление, однако он успел бросить со злым торжеством:

— Что, не работает?

— Еще как, — прохрипел я.

— Да ну?

— А посмотри...

Мой меч, что простые доспехи рассекает, словно те из мешковины, отскакивает с раздраженным звоном, но на блестящем металле доспехов остаются глубокие следы.

Барон не рисковал отвести от меня взгляда, я сам начал теснить, осыпая ударами со всех сторон. Лицо его побагровело, покрылось мелкими капельками пота.

— Ничья, — бросил он сквозь стиснутые зубы. — Равные доспехи... равное оружие...

— И вечный бой...

— Что?

— Нет мира с королями!

Он не понял, я усилил атаку, улыбка на моем лице росла, барон вроде бы начал отступать, и вдруг острая сокрушающая боль вспорола мои нервы. Сверкающее лезвие чужого меча ударило в щель между пластинами моего доспеха на правом плече.

Рука повисла, едва не выронив меч, ослабевшие пальцы разжимались на мокрой от пота рукояти. Барон с торжеством всматривался в мое искаженное мукой лицо.

— Что, дурак?.. Не то ожидал?

— Не то, — прохрипел я через обжигающую боль, плечо разрублено до кости. — Что у тебя за меч...

— Из той же кузницы, что и твой!

Он наслаждался болью в моих глазах, наконец сделал шаг и обрушил новый удар. Я вскинул навстречу щит, он с хохотом ударил несколько раз, небрежно и весело, я видел, как готовится нанести сокрушающий удар и сам оттягивает момент, наслаждаясь моими муками.

Наконец ударил, я отпрыгнул в сторону и, пока он не опомнился, сам начал осыпать его яростными ударами. Плечо зажило, я беспокоился за щель в доспехе, но

с великим изумлением, бросив взгляд, увидел, что на краях разрубленного доспеха нарастает металл, стремясь поскорее заполнить прореху.

Барон отступал, я наносил удар за ударом, его доспехи звенели и трескали, меч встретил доспехи, как сказал барон, из той же кузницы: слабые удары оставляют царапины, сильные — зарубки, а когда я изловчился и нанес очень сильный удар, барон вскрикнул от боли.

— Ну как? — осведомился я. — Власть поменялась?

Он с ужасом смотрел на лезвие моего меча, обогреного кровью.

— Ты... ранил меня!

— А потом убью, — пояснил я. — Вот ахнешь!

Он бросил быстрый взгляд по сторонам. Везде каменные обломки, а Пес, поскуливая от боли, зализывает раны. Горгульи, умирая, снова превращались в камень.

Ладони мокрые, я осторожно переложил меч, опустив щит, в левую руку, вытер пот об одежду, наблюдая не за движениями барона, а за глазами. Когда он бросился в атаку, я успел подхватить и меч, и щит. Левую руку тряхнуло, бьет барон мощно, хотя от жажды заставить меня врасплох удар получился не в полную силу.

— Слабо, — сказал я, — это все?

— Нет, — ответил он, — я только начал забаву...

— ...сказала мышка коту, — закончил я. — Барон, предлагаю встать на колени и склонить голову.

Он спросил удивленно:

— И что? Клятву верности?

Я видел по его лицу, что он готов прекратить схватку, торг уместен, мы же цивилизованные люди, а там можно и нарушить любой договор, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства.

— Нет, барон, — ответил я, — вы — с Юга!

— И что, так ненавидите южан?

— Когда вместо слова чести адвокаты...

— И что?... При чем тут... на колени?

— Проще смахнуть голову, — объяснил я, — чтоб вас, барон, не шибко утомлять маханием этой железкой.

Я выдержал град тяжелых ударов, рука иногда немеет на мгновение, я держу меч наготове, и барону никак не удастся провести тот удар, на который рассчитывает, вижу по глазам. Изнемогая от усталости, я все взвинчивал темп, сам задыхался без воздуха, но барон шатается под градом ударов, доспехи трещат, кровь проступила в трех местах.

Я заставил себя улыбнуться.

— Ну что... заканчиваем, жених?

Он прохрипел люто:

— Дурак... она уже моя жена... ты опоздал...

— Жена? — переспросил я. — Ты хотел сказать, вдова!

Удар в голову бросил его на колени. Шлем слетел и покатился, подпрыгивая, по каменному полу. Кровь залила левую сторону головы барона, там исчезло ухо, а в плече глубокая трещина заполнилась кровью, алые струйки побежали по груди.

Я увидел распахнутый в крике рот:

— Пощади!..

— Зачем? — спросил я.

— Отдам больше, — прошептал он, — чем найдешь...

— Я найду все.

— Не сумеешь...

— Сумею, — оборвал я и вскинул над головой меч. — Жаль, у тебя нет семьи... Ты бы услышал, что сейчас изнасилую жену, а детей выброшу из окна... увы, ты такая мразь, что тебя это не тронет, лишь бы сам уцелел.

— Да! — закричал он. — Да! Лишь бы уцелеть! Разве жизнь — не самое ценное?

— Только не твоя.

Лезвие рассекло ему голову до шеи. Труп рухнул мне под ноги, я вытер лезвие меча о пышную одежду, на красном почти не заметны кровавые полосы, со стуком бросил в ножны.

Загремели тяжелые шаги. В комнату ворвались, задыхаясь, сэр Растер, Митчелл, Саксон. Митчелл сразу оценил все коротким взглядом, остановился у стены, отсапываясь, Саксон наклонился почесать Пса, а Растер с сожалением посмотрел на труп барона.

— Сэр Ричард, — спросил он с надеждой, — а вы смогли бы вернуть ему жизнь?

Я буркнул:

— Такому мерзавцу? Ни за что!

— Эх, жаль-то как...

— А зачем?

— Я бы его тоже убил. А потом еще и еще. Эх, как же Господь одарил вас, паладинов! Надо же, я бы иных всю жизнь оживлял и убивал. Разве не рай?

Я пожал плечами. Митчелл пошел за мной и сообщил, что барон сделал еще одну ошибку. Недооценил местных. Не ошибся, почти не ошибся в оценке многих лордов, зато проглядел и мага в своем же замке и зря пренебрег мнением простолюдинов, что, не одобряя жестоких действий хозяина, открыли потайные двери и пропустили противника в замок.

Я сказал тупо:

— Да? А я думал, они все по той лестнице.

Спустились в зал, сэр Альбрехт стоит в окружении рыцарей и очень внимательно рассматривает красиво расписанную вензелями бумагу. При моем приближении поднял на меня задумчивый взгляд.

— Да, сэр Ричард... Надо попробовать бросить вас связанного в воду.

— Что случилось? — потребовал я.

— Да впервые вижу такого везунчика, — сказал он. — Я тоже молодец, вычислил вас, но такого везения даже я не ожидал. Леди Беатрисса, успев побывать женой барона Эстергазэ, унаследовала и его замки, города, деревни, леса, пашни, озера... гм... а земель-то сколько...

Митчелл буркнул:

— Рано поздравляете.

— А что не так?

— У леди Беатриссы привычка не меньше года проводить в трауре. Так что сэр Ричард пока может смотреть на эти владения издали и облизываться.

Я промолчал. Год — это вечность. За это время либо на Юге обоснуюсь накрепко, либо моей станет вся Армландия.

Но скорее всего — и то и другое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	56
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	81
Глава 10	94
Глава 11	107
Глава 12	117
Глава 13	126

ЧАСТЬ II

Глава 1	135
Глава 2	144
Глава 3	154
Глава 4	162
Глава 5	171
Глава 6	179
Глава 7	191
Глава 8	199
Глава 9	209
Глава 10	216
Глава 11	226

ЧАСТЬ III

Глава 1	231
Глава 2	239
Глава 3	248
Глава 4	257
Глава 5	267
Глава 6	273
Глава 7	282
Глава 8	291
Глава 9	299
Глава 10	309
Глава 11	318
Глава 12	327
Глава 13	338
Глава 14	350

ЧАСТЬ IV

Глава 1	360
Глава 2	373
Глава 3	384
Глава 4	390
Глава 5	400
Глава 6	408
Глава 7	416
Глава 8	422
Глава 9	434
Глава 10	441
Глава 11	450
Глава 12	457
Глава 13	464

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ПФАЛЬЦГРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагилова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *Е. Холявченко*

В оформлении переплета использован рисунок *П. Трофимова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanec@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanec-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 13.12.2006.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 55 100 экз. Заказ № 5955.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

И ЕГО НОВЫЙ РОМАН

«ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ»

Экипаж «солнечного крота» во главе с Кузьмой Ромашиным исчезает в петле времени. Теперь никто не знает, удастся ли отважным исследователям вернуться из путешествия в недра Солнца...

Василий Головачев входит в пятерку самых известных авторов отечественной фантастики.

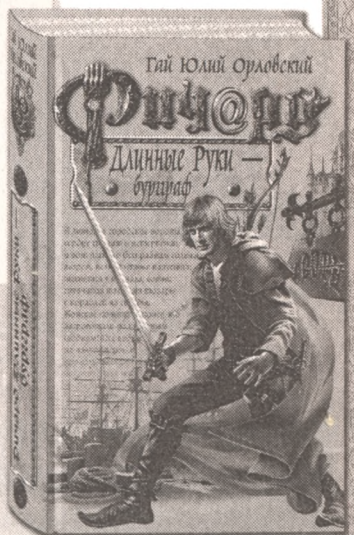
Гай Юлий Орловский

Кто он: **Гай Юлий Орловский**? Знаменитый писатель, политик, историк, скрывающийся под псевдонимом? Этого не знает никто — даже в издательстве никогда не видели его лица и не слышали его голоса. Достоверно известно только одно — книги Гая Юлия Орловского пользуются всё большей и большей популярностью, радуя читателей необыкновенными приключениями Ричарда...

www.eksmo.ru www.orlovsky.ru

А теперь
Бургграф!

Новая, долгожданная
книга о приключениях
Ричарда Длинные Руки
от самого
таинственного и
загадочного писателя.

ISBN 5-699-19952-7

9 785699 199525 >

Ричард

Длинные Руки —

пфальцграф

